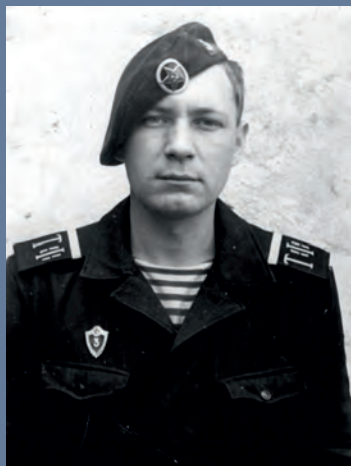

**БРАТЯ АРНАУТОВЫ:
ВИКТОР
И
ВЛАДИМИР**

**ПАРАЛЛЕЛИ
БРАТЯ АРНАУТОВЫ**

**ВИКТОР АРНАУТОВ
ВЛАДИМИР АРНАУТОВ**

ПАРАЛЛЕЛИ

Виктор Арнаут
Владимир Арнаут

ПАРАЛЛЕЛИ

ВОСПОМИНАНИЯ, ЭССЕ, РАССКАЗЫ

Кемерово, 2019
РПА «Ректаймс»

ББК 63.214(2Р=Рус)

А 84

Арнаутов Виктор Степанович, Арнаутов Владимир Степанович.

Параллели: Воспоминания, эссе, рассказы / Под редакцией В.С. Арнаутова. Кемерово: РПА «Ректаймс», 2019г. – 356 с.

Основываясь на вполне реальных биографических событиях, можно увидеть, насколько необычными и порой парадоксальными выглядят те или иные жизненные перипетии.

Авторами этой книги являются родные братья – Виктор и Владимир Арнаутовы. В неё вошли мемуарные материалы, а также философическое эссе «Мир тесен» и два рассказа Виктора, имеющие также биографическую основу.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

***Компьютерный набор и редактирование – Виктор Арнаутов
Обложка – Светлана Янченко***

Вместо предисловия

Уважаемый читатель!

В твоих руках не совсем обычная книга одного автора. Но это – и не соавторская работа. Её авторы – братья Виктор и Владимир Арнаутовы. И если я (Виктор) – уже достаточно опытный писатель (по крайней мере, являюсь членом Союза писателей России, и в моём арсенале более двадцати изданных книг и публикации в десятке толстых литературных журналах), то Владимир печатается впервые.

Я уже неоднократно обращался в своём творчестве к биографическим материалам. По сути – здесь продолжение темы, освещающей реальные биографические события. По моей инициативе был подготовлен и издан коллективный сборник мемуаров преподавателей и студентов первого набора Кемеровского института культуры «О тех, кто шёл в передовом ряду». В нём приняли участие 29 авторов, из которых шестеро являлись докторами наук (и даже два академика), порядка десятка – кандидатами наук и доцентами, одна – заслуженная артистка России, несколько заслуженных работников культуры РФ и два профессиональных писателя.

По моей же инициативе был подготовлен коллективный сборник семейных хроник и преданий «Перепутья судеб», изданный в 2015 году. В нём – воспоминания авторов – родственников, как с моей стороны (мама, дядя Саша), так и со стороны родственников моей жены Людмилы – Великосельских и Непомнящих. Видимо, моя поспешность с подготовкой и изданием этого сборника послужила основанием для немалых неточностей и досадных опечаток, вызвавших нарекания со стороны наших родственников и читателей.

Одним из самых пристрастных читателей всех моих изданных творений (в том числе и названных коллективных сборников) является мой младший брат Владимир. Порой я недоумеваю: ведь он помоложе меня и не должен бы помнить то или иное... Однако, его детская и юношеская память оказалась более цепкой, чем у меня. К тому же, некоторые факты из его биографии послужили основой для написания моих рассказов

(«Приходи на ёлку», рассказы о рыбалке), воспоминаний и эссе. Но и там я допускал свою вольную трактовку из его биографии. Я неоднократно предпринимал попытку привлечь брата к написанию своих воспоминаний, но это дело всё как-то откладывалось и затягивалось на неопределённое время...

И вот, наконец, я добился того, чтобы он засел за свои мемуары... Что из этого получилось – судите сами.

Поскольку у брата львиная доля мемуаров приходится на армейскую службу в войсках ВДВ, недалеко от тех мест, откуда были депортированы наша бабушка и отец, я принял решение включить в эту книгу и часть своих уже опубликованных автобиографических повествований из «Не поле перейти...», а также рассказ «На Кагуле, в степях Буджака», написанный уже достаточно давно, но подправленный и дописанный теперь. Здесь же и мой новый небольшой рассказ «К маме».

А эту нашу общую книгу я решил назвать кратко, но ёмко – «Параллели». Почему именно так? Да потому, что одни и те же описываемые события мы видим как бы параллельно, своими глазами, и воспроизводим их теперь уже с поправкой на свою индивидуальную память и жизненный опыт...

Книга эта, скорее всего, будет пользоваться спросом и интересом у весьма ограниченного круга читателей, и, прежде всего, у наших родных и друзей-знакомых. Почти уверены, что она должна пережить нас, её авторов, и приобрести особую ценность у наших ближних и дальних потомков.

Виктор Арнауттов. Кемерово, октябрь 2018 г.

Виктор Арнаут

МИР ТЕСЕН, или парадоксы совпадений (Эссе)

Меня давно уже мучает, не даёт покоя ... сослагательное наклонение. Что было бы, если бы не Господин Великий Случай? Как из хаоса и случайностей получается некая системная упорядоченность? Случайная закономерность или закономерная случайность? А ведь вся жизнь наша, да и практически всего сущего, подчинена этому.

С давних пор, можно сказать даже с детства или ранней юности, меня бередил вопрос: ну, как это два разных человека, мужчина и женщина, вдруг становятся мужем и женой? Как возникают между ними любовь и взаимосимпатии? Как они находят друг друга? Вдруг, ни с того и ни с сего? Или всё же...

Кто-то жил рядом, не обращая особого (или даже никакого) внимания, и вдруг – на тебе: слюбились, стали мужем и женой. А от этой любви родились дети, да не просто там абстрактные человечки, а конкретные: скажем, Витя, Вова, Таня, Рая... А если бы не встретились их родители, а нашли бы изначально себе совершенно иные пары? Где бы были эти конкретные Витя, Вова, Таня и Рая? Ведь их бы вообще не было на свете, а жили бы совершенно другие люди!

Вот это – да! И так ведь – со всем человечеством! Не сойдись на перепутье двое – и уже не было бы от них конкретных потомков. А у их потомков, допустим, того же Вити, не было бы детей Ярославы и Насти, внуков Николки и Алёны, а могли бы быть абсолютно другие дети и внуки, как и у Вовы не было бы Алёши и Лены, а от Лены – внуков Маши и Насти, от Алёши – Сонечки и Степашки...

Что и говорить – мир тесен!

И так ли уж всё это происходит спонтанно, или Кто-то всё же руководит этой упорядоченностью?

На нашей грешной планете в данное время проживает более шести миллиардов человек, совершенно разных индивидов.

А ведь не будь этого самого Господина Великого Случая, все эти шесть миллиардов конкретных людей, могли бы быть абсолютно иными! И всё у них могло бы быть совершенно другим...

И я осознаю, что вполне могло случиться так, что меня вообще бы не существовало. А если бы и существовал, то могло оказаться, что жизнь моя могла бы уже давно и неоднократно прерваться... Кто-то же меня хранит уже 67 лет! Кто-то ведёт по жизни! И сколько ещё длиться такому моему случайному (или всё же закономерному) земному бытию?

Парадоксы, парадоксы...

Как там у нашего классика Александра Сергеевича по этому поводу: «И гений – парадоксов друг?!»

Вот и попробую я нарисовать здесь и в дальнейшем несколько таких гениальных парадоксальных или закономерных случайностей.

Начну с родителей – мамы Евдокии и отца Степана.

Мама родилась в 1932 году в семье раскулаченных и сосланных в 1930 году из нынешней Новосибирской области в Нарымский край, под опеку Пудинской спецкомендатуры. Места эти были глухими, практически незаселёнными, отрезанными бездорожьем и непроходимыми просторами Васюганских болот. На территории Пудинской спецкомендатуры, размерами в четверть всего Кузбасса, как чёрт репу насеял, были разбросаны с десяток стойбищ из полуседлых охотников-аборигенов.

Сюда-то и решила Советская власть первоначально сослать на выживание неугодных ей трудяг-крестьян. Помимо Пудинской спецкомендатуры в печально-известный Нарымский округ входило ещё с пяток таких же комендатур.

Лет шесть назад мне довелось побывать в Томске в составе делегации писателей и бывших работников милиции, от Кузбасса, на дне памяти жертв политических репрессий. В центре Томска есть мемориальный комплекс жертвам этих самых репрессий: ухоженный сквер и музей «Следственная тюрьма НКВД». От тюрьмы впечатление жуткое! В одном из «залов» этого музея, прямо на полу, изображена карта Пудинской спецкомендатуры. Я не удержался и сфотографировал её на свой цифровик. А дома посчитал, сколько на ней было населённых пунктов, обрванных «на голой кочке» ссыльными. Оказалось, аж 63! Те-

перь из них осталось лишь 7, в том числе Пудино, Калининский, Останино, Лушниково... И заново отстроенный городок Кедровый. Тогда Пудинская спецкомендатура насчитывала порядка 15 тысяч сосланных правлишенцев, сначала из ближайших регионов Сибири, а потом уже и со всего СССР. Случай?! Ещё какой!

Прежде я не задумывался над этим, а когда стал постарше, то как-то подсчитал, что в моём родном Красном Яре (находился он в 12 километрах от Пудино), в середине 50-х годов было порядка 50 дворов ссыльных. И в них проживали люди аж десяти национальностей: русские, украинцы, белорусы, молдаване, болгары, поляки, евреи, греки, латыши, литовцы.

Как я отметил прежде, мама наша родилась уже в ссылке, в Калининске, в четырёх километрах от райцентра (и комендатуры) Пудино. Родилась двойней. Вскоре её родная мать (а моя бабушка Степанида) умерла от цинги. И её отец (а мой дед Абакум) решил отдать одну из малолетних девочек (Дусю) хорошим бездетным знакомым Ивановым (Якову Андреевичу и Анастасии Ивановне), тоже сосланным из их же местности. Так и прижилась наша мама в этой приёмной семье в Красном Яре, изредка видясь со старшим братом Сашей и сестрой-близняшкой Валею, живших в Калининске.

Мой отец (а будущий мамин муж) Степан родился в 1927 году в семье обрусевших болгар далеко от Сибири, в тёплой и солнечной Бессарабии, в селе Владичень Измаильской области. Через неширокий лиман Дуная, напротив, располагался небольшой городок Болград, где в двухэтажном кирпичном доме жил чиновник городской Управы Павел Манолов. Тогда эта часть Бессарабии относилась к Румынии.

Похоже, Степан никогда и не задумывался о том, что где-то, в холодной Сибири, уже создан «рай» для ссыльных – Нарымский. Да и его родители – отец, профессиональный отставной военный Фёдор Афанасьевич и мама Прасковья Павловна, урождённая Манолова, учительница гимназии – и представить себе не могли, как круто изменится вскоре их жизнь...

Это ли не случай?! Ещё какой!

В 1940 году (по пакту Молотова-Риббентропа) Бессарабия вернулась в состав СССР и административно относилась уже к Одесской области Украины. Отца Степана, Фёдора Афанасьевича, накануне большой войны, 12 июня 1941 года, арестовали,

припомнив ему службу у Деникина (а он бывал и в рядах красных), военные регулярные сборы офицеров-резервистов у румын, и даже принадлежность к либеральной партии (?)... Короче – весь набор антисоветчика. И тут же, скорым судом осудили по статье 58.4. А далее – сталинские лагеря, на северном Урале, в «Ивдельлаге» – том самом гиблом и мистическом месте, которое позднее получило название перевал Дятлова...

И всё бы ладно – как будто даже по заслугам: а как же – воевал против красных, потом был «мироедом», имея во Владичени, на берегу лимана два гектара виноградников и собственный саманный дом с касамарами.

Оказалось, для Советской власти вины одного Фёдора маловато. А жена-то его кто? Интеллигентка, бывшая учительница физики и математики в гимназии Болграда? А муж да жена – одна сатана! Туда же и её. Ну, пусть не в лагерь, так на бессрочное поселение, в Сибирь! Куда ж ещё?

Скорый суд Одесской опертройки состоялся уже 13 июня 1941 года. И уже все трое: сама Прасковья Павловна и двое её сыновей – шестнадцатилетний Анатолий и четырнадцатилетний Степан с клеймом социально-опасных элементов политической статьи, лишённые гражданских прав – на спецпоселение, безвыездно в Нарымский край.

На сборы, с минимумом одежды и утвари, всего несколько часов. И – никаких апелляций и обжалований.

Не парадокс ли? В чём была вина, скажем, 14-летнего Степана, ссылка которого затянулась аж на 17 лет (с июня 1941 года и по 1958 год)?

И вот уже Прасковья Павловна с двумя подростками-сыновьями к голодной зиме военного 1941 года оказывается в сибирской деревушке, названной Красным Яром. На зиму приютила их в бане по-чёрному семья Ивановых, с приёмной дочерью Дусей.

Пути Евдокии и Степана пересеклись в 1941 году в этом самом Красном Яре – заболотной деревушке Пудинской спецкомендатуры Нарымского округа. Но это ещё только начало... Между ними возрастная разница в пять лет. Смотрел ли Степан на сопливаю Дуську, как на будущую жену и мать их общих четверых детей? Да нет, конечно...

А, поди ж ты. Ведь слюбились, дело дошло до свадьбы. И в 19 лет у мамы появился первенец, то есть я. А следом за мною ещё трое, едва ли не погодками. Так что в 24 года у мамы было уже нас четверо! Как она потом неоднократно шутила: родила четверых за одну пятилетку!

И – понеслись цепи случайностей, сначала общие для всех четверых, а потом уже у каждого и по отдельности.

Впрочем... Если уж я упомянул в начале этого эссе сослагательное наклонение, то попробую его и в дальнейшем время от времени использовать, как театрально реквизитное ружьё, висящее на стене и готовое в нужное время выстрелить.

Гражданского союза-брака между мамой и отцом (а таковым и было их сожителство, пока не родилась Рая, и они не зарегистрировались официально) могло и не быть.

Дело в том, что маму нашу совсем девчонкой-подростком (кажется, году в 1947-м) ещё летом обязали сопровождать (гнать) гурт скотины (коров, телят, овец) впятером до самого Томска. А это – по бездорожью – километров восемьсот, не меньше. Попутно – ещё и пасти, чтобы был привес на сдаче. Не имея хорошей обуви и одежды, ночуя где придётся под открытым небом, она простудилась и практически обезножила, не могла уже идти самостоятельно.

Вот её и оставили поправить своё здоровье на попечение добрых людей в одной из попутных деревушек. Оклемалась с Божьей помощью да сердобольными людьми. И уже там, в той деревушке, ей предлагали остаться жить и работать, подыскав и жениха.

Однако мамой будто кто руководил. Она решила пойти вдогонку своих. Одна, по бездорожью, без спичек и нормальной еды. Ведь могла же и вообще остаться навеки где-нибудь в урмане, заболев повторно...

Был, был и у неё свой Ангел Хранитель. Может, всё та же святая Евдокия. Не дал сгинуть. Почти три месяца длилась эта борьба на выживание. Догнала своих уже едва ли не в Томске. А из Томска её дядя Кеша (младший брат родного отца), учившийся в то время в партшколе, отправил поездом в Новосибирск, к её брату Александру. Могла ведь она и в Новосибирске

остаться, получить паспорт, прописаться, устроиться на работу. Выйти замуж за кого угодно...

Могла мама расстаться со своей жизнью и на обратном пути, когда пришлось ранней весной возвращаться домой, в Красный Яр, сбившись с пути в заснеженном болоте и оставшись на ночь без огня и крова... Очень даже могла. Какой уж тут семейный союз со Степаном?!

И где бы тогда были все мы четверо? Да просто-напросто и на свет бы не появились. И никто бы о нас даже и не подозревал, не знал, как и мы друг друга...

Случайность ли, что отец наш, пойдя на Пасху, с напарником заготовливать дрова в лес, попал под рухнувшую на него берёзу? Напарник остался живым, а отца через два дня, на 1 мая 1965, года не стало...

Я всегда думаю о том, что останься отец в живых, и у всех нас могла сложиться совершенно иная судьба. Ну, к примеру, могла наша семья уже через год-другой уехать в Молдавию (бывшую Бессарабию), куда отец намеревался вернуться. Как это сделал его старший брат Анатолий, переехав с семьёй (матерью Прасковьей, женой Натальей и тремя детьми, родившимися в Сибири) из ссыльного Пудино ещё в 1961 году...

Увы и ах... А, может, всё и к лучшему...

А мама наша до сих пор жива, отметив в марте 2017 года своё 85-летие. И живёт на своей малой Родине: помотавшись по Сибири (Куйтун Иркутской области, Томск, Новокузнецк, Красноярск, Кемерово), вернулась в свой первородный Калининский...

Ещё парадокс и цепь случайностей. С **братом моим младшим Володей.**

Будучи моложе меня на полтора года и окончив Пудинскую среднюю школу двумя годами позднее меня, не без моей рекомендации он умудряется поступить (безо всякого протекже) на режиссёрское отделение того же института, где учился и я – Кемеровского института культуры. Ещё на полгода у нас с ним (осенью-зимой 1970-1971 годов) продлилась почти одна и та же путь-дорожка. Мы учимся в одном институте (правда, на разных факультетах) и даже живём в одной комнате студенческого общежития.

А далее – парадоксы судьбы. По крайней мере, для него.

Была в то время в институтах, подобно нашему, на творческих специальностях, не очень добрая практика: набирать студентов на специальности с запасом. То есть, для последующей «выбраковки», не справившихся, по мнению преподавателей, с учебной программой. И с позорной неофициальной формулировкой отчисления – «по профнепригодности».

Вот и попал мой брат к такому руководителю курса по специальности, который не усмотрел в нём задатков будущего режиссёра самодеятельного театра. Из 35 студентов их группы к концу учебного года этот «педагог» освободился от половины, оставив на курсе всего 17 человек. Только один семестр и проучился Володя в этом институте...

И почти всю жизнь брат потом «благодарил» того «педагога» за оценку его творческих способностей, считая, что смог бы и учиться, и окончить институт, а позднее вполне бы был пригоден для работы в каком-нибудь клубе или Дворце культуры. Увы, не сложилось с этой специальностью. Зато были потом и автодорожный техникум, и строительный институт в Томске, и работа на руководящих должностях дорожно-строительных организаций в Иркутской области...

А после отчисления из Кемеровского института культуры вернулся Володя домой, к маме. Засел за руль колёсного трактора «Беларусь», благо школа вместе с аттестатом зрелости выдавала ещё и профессиональное удостоверение «тракториста-машиниста 3-го класса широкого профиля», и проработал в совхозе «Пудинский» до весеннего призыва в армию.

А вот тут-то и тот самый парадоксальный случай!

Призвали Володю на службу в ряды СА из мест ссылки нашего отца, Пудино, да в десантные войска. И куда бы вы думали? Да в тот самый городок Болград – откуда были высланы наша бабушка Прасковья Павловна с сыновьями Анатолием и Степаном! Тысяч пять километров пролегли между Болградом и Пудино!

И смотрел наш Володя едва ли не из окон казармы и КПП своей части (воздушно-десантного полка) Свирской дивизии на ... двухэтажный кирпичный дом своего прадеда – Манолова Павла. А через лиман, во Владичени, всё ещё стоял дом деда Фёдора, сгинувшего в 1942 году в «Ивдельлаге» и реабилитированного впоследствии за отсутствием состава преступления...

И жил ещё во Владичени младший брат деда Фёдора – чичо (деда) Ваня со своей бабой Дорой и сыном Михаилом...

И ходил Володя по тем же самым улочкам городка Болград, как некогда хаживали наши прадед, дед с бабушкой, наш отец со своим братом... И любовался он в умилении на ту самую церковь, в которой венчались в 1923 году Фёдор Афанасьевич Арнаутов и Манолова Прасковья Павловна. И бегал в самоволку на богатейший болгарский рынок – «Привоз» (аналог Одесскому), покупая там дешёвые жерделы, жареные семечки, или пропуская втихушку стаканчик самодельного терпкого винца «Каберне»...

А бывая во Владичени, у гостеприимного чичо Вани, дегустировал в его подвалах вино, с фамильными секретами, хранящееся в восьми трёхсотпятидесяти литровых дубовых бочках...

Случалось, приезжал он и в краткосрочные увольнения к дяде Анатолию, что жил в своём уже доме в городке Вулконешты, что в восемнадцати километрах от Болграда...

Такие вот изгибы судьбы, совпадения и перекрестья...

И это – лишь одно из многочисленных доказательств, что мир тесен...

Теперь о себе, любимом...

Опустим цепь случайностей из детства и школьных лет, когда мог (да не случилось) и утонуть неоднократно, и разбиться с кедра, и быть застреленным из отцовского ружья...

Хотя на ружье, пожалуй, чутьчку и остановлюсь.

А было так. Мне уже исполнилось лет шесть. Мы переехали в Красном Яре в другой дом, о котором я ещё расскажу позднее. Отец наш очень любил охотиться, благо дичи, особенно птицы, в то время в наших местах водилось предостаточно. Обычно он охотился с «тозовкой» – мелкокалиберной винтовкой. А тут – откуда-то у него появилось гладкоствольное ружьё. Вот однажды он пришёл с охоты и забыл разрядить ружьё. А, собираясь в очередной раз поохотиться, он занёс это ружьё в избу почистить ствол. Я сидел в это время за столом на лавке, у окошка. Вот отец и решил прицелиться на свет окна, взведя курок ружья. Да случайно, видимо, и я попал в прицел. Ещё бы секунда – и меня уже никогда не было в живых. Но – видать, и впрямь есть у меня Ангел-хранитель! Он-то и отвёл ствол ружья в сторону, на 90 граду-

сов. Раздался оглушающий выстрел... в стену. Посыпалась штукатурка из вывороченной зарядом дыры размером в кулак... Как же перепугались все мы, находящиеся в это время в избе! А отец – в первую очередь. Сколько было потом брани в адрес отца со стороны мамы и бабушки... Да и у него самого, наверное, появились первые седые волосы на голове.

Ещё о ружье. В пору моего детства было у меня два дружка, постарше, правда, меня. Вот у одного из них и оказалась тозовка старшего брата-геолога, нелепо погибшего в экспедиции. Пошли эти мои дружки зимой на охоту. Уж как там у них дошло до того, что младший из них согласился встать под выстрел. Не в него самого, а в шапку, что была на его голове. А у старшего, хозяина винтовки, хватило ума и смелости выстрелить по этой шапке. В шапку-то он попал, да только пуля царапнула и кожу на голове «мишени». Случайность? Повезло обоим? Может и так... Да только стрелявший лет через восемь сам себе приговор привёл в исполнение: повесился. А «мишень» живёт до сих пор, хотя тоже – столько у него было ещё в жизни «возможностей» покинуть этот мир...

Помню, ещё и такое, в раннем детстве, когда мне было всего лет пять-шесть. В самом конце лета или начале осени. Был сильный урожай кедровых орехов. Вот отец и взял меня с собой за шишками. И недалеко совсем. Переплыли мы на обласке речку Чузик. Метрах в двухстах от реки стояла кедра (это дерево у нас называли исключительно в женском роде), усыпанная крупными созревшими уже шишками. Я шёл за отцом, продираясь к кедре по зарослям колючих кустарников и крапивы. Мало того, почему-то появилось полчище комарья. Меня нещадно кусали комары, и я хныкал. Тогда отец, перед тем, как залезть на дерево, решил посадить меня в мешок, который мы брали под шишки, наглухо завязав его сверху завязками, и поставил мешок со мной под кедром.

Уже потом он рассказывал мне, что сбивая шишки с нижних сучьев, он взобрался на самую верхушку, где плоды всегда бывают самыми крупными. Кедр, как известно, дерево крайне хрупкое. Вот и обломилась его верхушка под тяжестью отца. И того лишь чудо спасло: мог запросто упасть и разбиться на-

смерть... И что бы тогда случилось со мною, сидящим в завязанном мешке?

Или вот ещё случай. **Уже с отцом.**

Когда мне исполнилось 10 лет, родители переехали из Красного Яра поближе к Пудино, в Калининский. А бабушка всё ещё никак не хотела расставаться со своим обжитым местом и домом. И мы, ребята, обычно всё лето проводили у неё. Отец и особенно мама частенько навещали в Красный Яр. Однажды в конце лета отец посетил Красный Яр по делам работы: он тогда был бригадиром в Калининском отделении совхоза «Пудинский», куда входили и фермы с полями Красного Яра. Да припозднился.

Туда он приехал на своём велосипеде, у которого я, пока отец находился в избе бабушки и обедал, умудрился сломать раму. Ехать на нём обратно, естественно, отец не мог.

До Калининска от Красного Яра было 8 километров. Пешком идти далековато. Вот он и договорился с трактористами, что работали в Красном Яре на силосовании, что они после работы заберут его в кабину и отвезут домой. Кабина в колёсном тракторе «Беларусь» маленькая, не рассчитанная на пассажиров. Ну, двое – ещё куда ни шло, а троём – совсем тесно. Мало того, как на грех, подвернулась тем трактористам и ещё одна попутчица – молодая вдовушка. Вот те и оказали ей предпочтение. Пришлось отцу остаться ночевать в Красном Яре. К тому же начался сильный ливень.

А когда наутро отец всё же пешком подался обратно, то, не доходя километра до своей деревни, в омутке речки Первая Николка он увидел такое, что у него волосы поднялись дыбом...

Вверх колёсами в воде лежал трактор со сплющенной кабиной. И все трое, находившиеся в ней, были раздавлены, в кровище, а кое у кого даже мозги были видны, вывалившиеся наружу...

Трактор тот, потеряв управление, юзом скатился по расквашенной ливнем глинистой дороге с моста через речушку и перевернулся, погребя под собой всех троих. Насмерть...

А теперь, нагнав жути, перейду к более мажорному. Всё к той же нескончаемой цепи случайностей.

Уже в старших классах меня всюю стала занимать история. И к окончанию школы у меня не было сомнений и выбора: кем стать

и куда пойти учиться дальше. Конечно же, историком. Точные науки и техника меня совершенно не интересовали. В медицину мне идти было противопоказано, поскольку с детства всегда (да и теперь) я боялся крови и одного только вида открытых ран. Стать агрономом или иным работником сельского хозяйства меня не прельщало впитанное с ранних лет отцовское предостережение – «быкам хвосты крутить». О литературе и, тем более, литературном труде я помыслить себе не мог, считая, что это – удел небожителей.

Итак – история, или загадочная археология.

Вот и определил я для себя эту специальность на дальнюю перспективу, как мне тогда думалось, на всю оставшуюся жизнь... Эх, как говорится, кабы молодость знала... И если бы эта мечта осуществилась, вся дальнейшая судьба моя была бы совсем иной.

Поступать я намерился в Новосибирский педагогический институт, конечно же, на исторический факультет. Поскольку память у меня в то время была ещё весьма цепкая, а школьный предмет «история» был любимым, то моя самоуверенность исключала возможность какого-то бы ни было провала на вступительных экзаменах. Не позволяя себе расслабиться, я и в Новосибирске, живя у дяди в однокомнатной коммунальной квартире, весьма серьёзно готовился к вступительным экзаменам.

Первым был экзамен по истории. Экзаменаторы не требовали от абитуриентов знаний, выходящих за пределы школьной программы. И это первое испытание я прошёл с успехом и оценкой «отлично». Сочинение тоже написал неплохо, получив «четвёрку». А вот устный экзамен по литературе и русскому языку меня подвёл. Точнее подвела моя самоуверенность и расхлябанность. Экзаменационный вопрос по литературе меня нисколько не смутил, я знал, что могу на него ответить. А вот русский язык... Как сейчас, спустя пятьдесят лет, помню то четверостишие, в котором нужно было расставить знаки препинания и объяснить: где там главное предложение, где и особенно какие – второстепенные?

Вот это незабвенное четверостишие поэта Алексея Суркова:

*«Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь лежит к Финляндским скалам,*

*Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.»*

СТИШОК-ТО, по нынешним моим литературно-писательским меркам, совсем никудышный – и по содержанию, а особенно по идеологии. Но тогда – как же! Ведь в нём был намёк на гениального кормчего, самого Ленина!

И вот, этот самый «вокзал», точнее его определение, и оказались для меня роковыми. Я попал в ловушку. Знаки препинания я расставил верно. Правильно назвал и основное предложение. А вот с придаточными... Точнее, со вторым – «откуда путь лежит к Финляндским скалам» – лоханулся. Я сказал, что это – придаточное предложение обстоятельства места. А оказалось, что это – придаточное определительное, поскольку отвечает на вопрос «какой вокзал?» И вот из-за этой-то ловушки, в которую я так глупо вляпался, мне поставили «три» балла! Да-а-а... Прямо скажем, жёстко, если не сказать – жестоко. Ну, и кому нужны эти придаточные? Даже и теперь, пользуясь ими в своём писательском арсенале, я никогда и не задумываюсь над тем: а какие же они там на самом деле?

Последний экзамен по немецкому языку я сдал на «пятёрку», поскольку в школе у нас была очень хорошая учительница.

Но для зачисления в студенты мне не хватило всего одного балла. А на предложение декана при собеседовании: стать «кандидатом», я отказался, зная, что это означает в лучшем случае – целый семестр без стипендии и без общежития. А маме такая обуза была не под силу, и без меня ещё троих доучивать в школе надо было...

И что бы было со мной, поступи я тогда в тот вуз? Уж то, что я не оказался бы никоим образом в Кузбассе – почти сто процентов: Новосибирский пединститут был областного значения, а, стало быть, и распределяли его выпускников по школам области. Правда, была ещё одна возможность при отличной учёбе – остаться в том же институте в аспирантуре...

Возвращаясь домой, я тормознулся в Томске, навестив двоюродного брата мамы. Тот работал едва ли не главным инженером на каком-то заводе и преподавал в техникуме. Помню, узнав о моей неудаче, подвыпив, он потащил меня к какому-то вузовскому преподавателю (или даже декану) Томского пединститута, намекая

на то, что ему нужно будут дать взятку в случае моего зачисление. Я на всякий случай прихватил из Новосибирского пединститута выписку из экзаменационных ведомостей, и иногда по ним могли зачислить в студенты другого вуза, если там были вакантные места. Но уже одно то, что дядя откровенно намекал на взятку, меня повергло в явное нежелание куда-либо устраиваться таким способом. Я был в то время ярким противником того, что теперь называют коррупцией. Да таковым и остаюсь поныне.

А тогда рано утром следующего же дня, даже не попрощавшись с дядей, сбежал из его квартиры и улетел самолётом домой.

Вторая моя попытка стать историком оказалась не менее драматичной.

Почти год я проработал учителем начальных классов – сначала месяц в начальной школе своей деревни, потом – в восьмилетке соседнего села, находящегося в семидесяти километрах от Пудино. Я опять штудировал школьные учебники по всё тем же предметам – истории, литературе, русскому и немецкому языкам.

На сей раз надумал я поступать уже в Томский университет на историко-филологический факультет. И почти уверен был, что на сей-то раз меня так просто не поймать в какую-нибудь легковесную ловушку... Себя мнил я уже стреляным воробьём.

Томский университет оказался для абитуриентов посерьёзнее Новосибирского пединститута. Тут уже прощупывали будущих студентов на предмет знаний и за рамками школьных программ. Погорел я опять на устном экзамене по литературе (надо же – не парадокс ли для будущего писателя?).

Попался мне в билете вопрос: «Мой любимый писатель». Казалось бы, чего проще? Назови я Пушкина, Гоголя или Маяковского, к коим питал в ту пору слабость, и, пожалуй, отличной оценки мне не миновать. Нет же. Я находился под впечатлениями состояния влюблённости, к тому же, под влиянием откровенно-сентиментальных стихов Эдуарда Асадова. Вот и решился рассказать об этом поэте, читая наизусть и его стихи. Однако мне не повезло. Видимо, Асадов не был в чести у экзаменатора, считавшего и его стихи никчёмными, и самого поэта – недостойного быть любимым у абитуриента, поступающего в университет.

«Четыре» балла я всё же тогда заработал. Но их оказалось опять суммарно недостаточно, чтобы быть зачисленным в студенты...

А вот теперь и – опять тот самый Господин Великий Случай, круто и резко повлиявший на всю мою судьбу. По крайней мере, профессионально. Да и географически тоже. Не будь его, и вся семейная жизнь могла покатиться по другой дорожке...

Пройдя собеседование у декана, который даже и не предложил мне, как в Новосибирске, быть зачисленным кандидатом в студенты, я впал в уныние и отчаяние. Было это, кажется, 17-го или 18-го августа 1969 года. В рассеянности и удручённо я двигался от главного корпуса по затенённым аллеям университетской рощи.

И тут навстречу мне попала стайка ребят – как оказалось, таких же неудачников-абитуриентов. Я притормозился возле них. Они оживлённо о чём-то разговаривали, держа в руках небольшой клочок газетной вырезки. Вскоре эта вырезка оказалась и в моих руках. Было это фрагментом газеты «Кузбасс», о существовании которой я и не подозревал. А там, в небольшом квадрате жирным шрифтом было выделено объявление об открытии в городе Кемерово нового вуза – института культуры, и о наборе в него студентов по четырём специальностям. Три из них были творческими: режиссура, дирижирование хором и хореография. На эти специальности я явно не тянул, точнее не был готов, поскольку не знал нотной грамоты, к театру, кроме сельской самодеятельности, отношения не имел. А о хореографии вообще не имел ни малейшего представления, не зная даже и значения этого термина.

Оставалась ещё одна специальность – библиотекарь-библиограф. О профессии библиотекаря у меня и мыслей не водилось. И предложи её кто до этого мне, посчитал бы себя оскорблённым...

Однако прельщал меня здесь теперь более всего незнакомый термин «библиограф». А ещё – всё те же четыре вступительных экзамена, что и в университет, и в пединститут. К тому же, вступительные экзамены там начинались только с 20 августа, то есть через два дня. Но самое главное – всё же возможность стать студентом института! И уже в этом году!

И я принял решение. Как говаривали древние: жребий был брошен. Оставалось совсем «малое»: достойно пройти экзаменационные испытания, уже в третий раз.

Я быстренько рассчитался за общежитие, забрал в приёмной комиссии университета свои документы и на следующее утро был уже в Богашовском аэропорту города Томска. Самолёты в ту пору летали весьма исправно по всей территории необъятного Советского Союза, и билеты на них стоили, по нынешним меркам, едва ли не символически.

К окончанию приёма документов в новый вуз я едва не опоздал. Но всё обошлось, и уже на следующее утро я опять сдавал очередной экзамен. Не буду вдаваться в подробности и драматизм тех экзаменов. Но едва ли не в третий раз меня ожидала неудача. И опять по литературе, за сочинение.

И, тем не менее, я оказался в числе новоиспечённых студентов – студентов знаменательного Первого набора Кемеровского государственного института культуры. Замечу, кстати, что конкурс по избранной специальности тогда был не менее пяти человек на одно место.

Счастью моему тогда не было предела! Да и все мои домочадцы (а особенно мама) радовались и очень гордились за меня!

Да что – я!

Подобных «невезунчиков» было едва ли не половина!

В тот год новоиспечённый институт опоздал со вступительными экзаменами на три недели. Ломанулись сюда, как утопающие за спасительную соломинку, многие «провалившиеся» в других гуманитарных вузах. А среди таковых были абитуриенты Томского, Новосибирского и даже Московского университетов, Кемеровского пединститута, театральных институтов, консерваторий и прочих вузов. Кое-кого из них я успел запомнить ещё по Томскому университету. Они даже опоздали на вступительные, но оказались более предусмотрительными, чем я, взяв там справки о сданных экзаменах. На основании этих-то справок и собеседования, кое-кто из них и был зачислен в студенты!

Особенно мне запомнились тогда мои будущие сокурсники и даже друзья Юрий Ли, Галка Емельянова, Татьяна Храмова, Люба Кондюрина... Будущий первый Ленинский стипендиат Таня Ерёмкина приехала после Московского университета и была зачислена на наш БФ. Из Кемеровского пединститута попали без экзаменов к

нам Володя Грачёв и даже моя будущая жена – Людмила Великосельская, кто-то ещё. В том числе и Виктор Эрлих, правда, ему, как и мне, пришлось всё же сдавать здесь все экзамены повторно.

Попутно замечу, что Галка Емельянова (в замужестве Гордукалова), Владимир Грачёв и Виктор Эрлих стали впоследствии докторами наук. Кандидатские диссертации защитили Таня Ерёмкина (Мельникова), Юрий Ли, Светлана Котлярова (Попова). Звание вузовского доцента на последнюю пятилетку педагогической деятельности довелось носить и мне; Кроме меня – Володе Ерёмченко (с режиссёрского), Ларисе Двойнос и Наталье Михеевой (с дирижёрского). А с Юрой Ли и Грачёвым мне довелось позднее ещё и работать на одной кафедре. И не один год. Оставаясь на всю жизнь друзьями. Как и с Витей Эрлихом...

Мало того, из нашего, первого набора, стали членами Союза писателей России Володя Есенин, Володя Ерёмченко и я, грешный...

Вот такие получились закономерные случайности, или все же случайные закономерности...

Молодость, молодость...

Какая же может быть молодость, да без влюблённостей?!

Не обошло это красивое чувство и меня.

Проснулось оно впервые, кажется, лет в пять. Но к нему я попробую вернуться ниже, когда встретить пришлось уже и полностью забытый предмет моего детского обожания, считай, лет через шестьдесят...

А лет в одиннадцать мне сильно понравилась одна девушка (не девочка – старше меня лет на пять), приехавшая в наш Красный Яр, в семье чувашей-переселенцев. Но уже добровольцев, а не спецпереселенцев. Ну, просто заболел я ею. И начал сильно ревновать к старшим ребятам, которые дружили с нею. Красивая была девушка, что и говорить... Хотя влюблённость часто застит глаза. Может и лягушка показаться Василисой Прекрасной. На меня она особого внимания не обращала, но и не брезговала мною. Случалось, в вечерних играх (типа «ручечёк», «третий лишний» или фанты) я выбирал её в пару, беря за ручку... И сердце моё заходило в неопишуемой нежности и восторгах... Никаких дальнейших последствий эта первая

влюблённость не имела, да и иметь не могла. Тем более, что года через три-четыре её семья вновь вернулась к себе на родину. А вот память, поди ж ты, до сих пор хранит её образ...

Лет, наверное, с четырнадцати-пятнадцати, начинали мы, деревенские, «хороводиться», подыскивая себе парочку. Ни на что особо и не претендуя, перебирали мы своих деревенских ровесниц едва ли не каждый месяц. Бывало, правда, и на более долгое время закидывались на ком-то одной (одном). Не знаю, как где, но у нас в то время было просто негласное «табу»: до свадьбы – никакой физической (или как теперь говорят, сексуальной) близости!

Помню, в начале девятого года обучения в школе, наш класс пополнился новичками из соседней восьмилетки. И опять, едва ли не всех своих новеньких одноклассниц, я уже и на себя «примерял». Помимо них испытывал явные симпатии и к молоденькой учительнице-историчке – вчерашней выпускнице университета

А в последнем, десятом классе, похоже, я и впрямь влюбился – в девушку, учившуюся годом моложе. Влюбился платонически! Иначе и быть не могло. Может быть что-либо и могло возыметь, как закономерное продолжение к окончательному сближению, если бы не разметало нас после школы по разным городам и вузам.

В институт я поступил, когда мне было уже 18 лет, вполне совершеннолетним. И не куда-нибудь, а в настоящий «малинник»! На первый курс нашего факультета было зачислено порядка 90 студентов. Из них – всего восемь или девять ребят. Остальные – все молодые и, в основном, незамужние девушки. Это ли не раздолье?! Есть из кого выбирать! Да и на соседних факультетах тоже девиц было не менее половины... К тому же – город, не деревня, невест – как на ярмарке!

На первые занятия, помимо прочего, трое из зачисленных ребят не явились. Таки образом, парней осталось на нашем факультете всего шестеро – на такой женский «гаремчик».

Правда и то, что большинство из нас, ребят, так нелегко попавших в институт, основным занятием считали всё же учёбу. Остальное – потом. Большинство, да не все. Так, к примеру, Санька Казанцев – мой одноклассник, «отзвонивший» до этого пятерик за колючим забором, цвиркая рондолевой фиксой, в

ехидной ухмылочке, место нашей учёбы цинично называл *институтом культуры и отдыха*. Хватило его при таком отношении к учёбе всего на один курс, за время которого он перепробовал немало девиц, а одна даже родила от него ребёнка...

Чего греха таить, были и у меня объекты воздыхания. Если всех посчитать – десятка полтора, не меньше. До большего, правда, как и в деревне, и здесь не доходило.

А женился я рано, ещё и двадцати одного года не исполнилось. Женился на однокурснице, в конце третьего года обучения.

Вот ведь, опять парадокс.

Почти два года проучились вместе, вместе ходили на точные лекции. И жили-то в одной общежитии, а друг на друга внимания особого не обращали. Особого. По крайней мере я. Нравились она мне, но не более. К тому же, и у неё кавалеров было предостаточно. И не только кавалеров. Как потом уже выяснилось, она чуть ли не дважды была на пороге замужества. А досталась мне... Да так и живём уже вместе столько лет, приближаясь к «золотой свадьбе».

Случай?! Случайность? Или опять-таки – закономерность? А как же ещё считать?

А было всё так.

В конце второго курса обучения, на 1 Мая, куратор группы, где училась моя будущая избранница Людмила, предложила пойти в поход с ночевой, на Писаные скалы. А поскольку в группе у них парней почти не было (за исключением моего друга Юры Ли и Володи Есенина), то пригласили в поход и меня. Согласившись, я в шутку поинтересовался у друга: к кому приколоться? Вот Юра и посоветовал, опять же, едва ли не в шутку: «А к нашей старосте...». Людмила и впрямь была бессменной старостой второй группы до самого окончания института.

Ну вот, с этой-то шутки, по сути дела, всё и закрутилось. В походе мы как-то сблизились, стараясь быть всё время рядышком. Даже ночевали в турбазовском домике на полу, укрывшись одним одеялом. Похоже, впервые там дошло дело и до поцелуев.

После похода раза два сходили вместе в кино. И после одного из таких кинопросмотров она вдруг заявила мне: «Давай, закончим всё на этом?»

Я был обескуражен! Даже ошарашен: такой неожиданный «отлуп»! Вот уж чего никак не ожидал. К тому же, кажется, я и впрямь уже начал в неё влюбляться. И что мне оставалось делать? Согласиться...

... Где же там моё «реквизитное ружьё» – заряженное пулей Господина Великого Случая в сослагательном наклонении?

На той размолвке всё могло и закончиться. А стало быть, не было бы у нас ни Ярославы с Настей, ни Николки с Алёной... Правда, о последних – совсем иная история.

Однако, и у «ружей» бывают иногда осечки при готовящемся выстреле.

Числа 13 или 14 мая 1971 года вдруг неожиданно я получил от Людмилы приглашение на День её рождения, имеющий время быть 15 мая.

Очень удивился. Но дал согласие.

А вот далее-то, с того самого Дня рождения, и понеслось, запуржило, закружилось, заметелилось...

Кажется, мы уже влюбились оба друг в друга... Дошло дело и до моей первой в жизни интимной близости.

Поспособствовал нашему официальному оформлению отношений и ещё один случай. После второго курса, летом 1971 года, я уехал со своим другом Колей из Томского политеха в стройотряд, в Стрежевой. Письма слал оттуда своей любимой едва ли не каждый день, получая обнадеживающие ответы. Не мог дождаться и долгожданной встречи. А когда встретились в сентябре в институте, то оказалось, что наш курс на месяц отправляют на сельхозработы. В село Красные Орлы (станция Бериккульская) Мариинского района. Я, как стройотрядовец, мог и не ехать. Но так соскучился по своей любимой, что поехал, сколотив при этом из ребят строительный отряд, будучи уже сам за командира. И вот однажды Людмилу (и меня) пригласила к себе в гости родная тётя моей избранницы. Дело было вечером, в дождливую погоду. И назад в лагерь, на ночь глядя, она нас не отпустила, постелив в боковушке общую кровать... Ну, и как я должен был после этого поступить? Оставалось одно: сделать Людмиле предложение выйти за меня замуж.

Весной 1972 года, в конце третьего года обучения в институте мы расписались с ней в ЗАГСе. А на четвёртом курсе, после Нового, 1973 года, 12 января, у нас родилась первая дочь, которую мы нарекли Ярославой.

А нашей младшенькой и всеми любимой Настюши могло и не появиться на свет. К её рождению мы уже прожили девять лет. Дostatка особого не было. Правда, я уже работал в институте старшим преподавателем и заочно обучался в Ленинграде в аспирантуре. Работала и Людмила.

Ярослава училась в школе, занимаясь в спортивных секциях. И очень скучала в одиночестве – без сестрёнки или братика. Нередко она начинала канючить, чтобы мы обзавелись ещё одним ребёнком. Но мы всё продолжали свершать тяжчайшие грехи, освобождаясь преждевременно от детей.

И вот однажды, я поехал в Питер на предзащитную сессию. Получаю от жены письмо, в котором она намекнула о предстоящем для меня сюрпризе. Почему-то у меня сразу возникло подозрение, о каком-то «сюрпризе» она мне намекает. А по приезду домой я и узнал, о чём шла речь в загадке. Долго думали-размышляли: как быть? Чего греха таить, обсуждалась и худшая из версий. Однако, решились: рожать второго ребёнка ... И никогда позднее не пожалели об этом! Потом неоднократно я говорил, что Настюша у нас – **нежданный, но желанный ребёнок!**

Случайно или нет, но все четверо из маминых детей живём давно уже в разных местах. Я после окончания института обосновался в Кемерово. Володя, отслужив в армии и окончив Томский автодорожный техникум, распределился в Иркутскую область. Татьяна, окончив Томское фармучилище, была распределена в Киселёвск Кемеровской области. Там, найдя свою половинку и обзаведясь двойней прожила лет пять. И уже лет, пожалуй, тридцать, живёт в Красноярске.

Видимо, не последнюю роль сыграл тот факт, что Татьяна уже жила в Красноярске, сюда поступили на учёбу дети Володи – Лена и Алёша. А окончив свои вузы, здесь и осели, перевезя позднее сюда же и своего отца, оставшегося вдовцом. Так что теперь и он – житель Красноярска. На его жизненном пути пе-

рипетий и семейных трагедий было поболее, чем досталось всем нам остальным. Но об этом он обещался поведать сам.

Наша младшая сестра Раиса, более всех нас желавшая вырваться из деревни, по иронии судьбы почти всю жизнь там и прожила. Правда, училась и в Томске, и в Кемерове. Одно время даже и жила в Иркутской области, там же, куда распределился и брат. Но... Судьба! Живёт в захиревшем нашем Калининске. Правда, в отличном доме. Я бы даже назвал его особняком. Забудем – за своим одноклассником Михаилом Голевым. У них уже взрослая дочь Наталья. И двое внуков – Варя и Илюшка.

А через три дома от неё – и мама наша, в своей квартире двухквартирного брусового дома...

Так что у каждого – своя жизнь. У каждого своя судьба, сотканная из своих уникальных ниток, со своими неповторимыми узорами... Нравится она или нет, и такие ли уж мы хозяйева своих судеб – зависит не всегда только от нас самих.

Впрочем, как и **смерть**.

Смерть, хоть и является неизбежной закономерностью и финалом любой жизни, тем не менее, для многих людей она выглядит как нелепая и досадная случайность.

Я уже упоминал здесь о нелепой и трагической смерти нашего отца, значительно повлиявшей на судьбы его детей и жены. Всё могло бы быть иначе. Всё...

Ещё несколько таких трагических случайностей – из моего дружеского окружения.

Был в пору начальной педагогической карьеры у меня приятель, тоже преподаватель института, старше меня лет на десять, **Володя** – со смешной фамилией **Саранча**. Казалось, всё в его жизни шло легко и, как будто, даже не всегда серьёзно. За многое он брался. Многое умел. Но ещё большего не доводил до конца. Всю жизнь шутил. И как будто бы даже хотел перехитрить самого себя.

Едва ли не в шутку позволил жене с детьми уехать от него. Оставшись один, не гнушался девицами и дамами, не отличавшимися строгостью нравов и поведением своих избранников. В народе их нередко называют шалавами.

Однажды зимой он пришёл в гости к одной из таких шапочных знакомых шалав. Жила она неподалёку от его квартиры, в частном секторе. Пообщались с нею, похоже, немного выпили. И тут, как назло, завалил к ней один из её многочисленных бывших хахалей. Стал приставать к ней при Володе, изгаляться и требовать денег на очередную порцию возлияния. Володя, будучи в душе джентльменом и не растеряв ещё этих качеств до конца, вступился за женщину. Тот же, не долго думая, схватил подвернувшийся под руку железный механический утюг и несколько раз шандарахнул заступника по голове. Да так, что у того и глаза повывлетали, с мозгами вместе. Тут уже и никакая реанимация не потребовалась... Когда мне довелось забирать его тело из морга – даже смотреть на Володю не смог – настолько было изуродовано его лицо...

Один из самых дорогих и близких мне институтских друзей **Юра Ли** завершил свой жизненный путь не менее трагично. И мгновенно.

Юра Ли был корейцем, родом из Ташкента. Волей случая, как и я, оказался в Кемерове и в институте культуры. Межнациональных распрей между нами никогда не возникало: я с раннего детства жил в интернациональной среде.

За всё время нашей дружбы: четыре года обучения в институте, два стройотряда и более двадцати лет работы на одной кафедре, мы с ним ни разу не поссорились. Мы и уволились с кафедры и из института одновременно. Два друга, два доцента. Похоже даже, он – из-за солидарности со мною.

Я подался в охранники, Юра – в коммерсанты.

Вскоре у Юры уже было три коммерческих ларька. Приобрёл он легковую машину-пикап, на которой частенько сам привозил товар со станций Тайга, Мариинск, или Анжерская, куда поездом переправляли для него родичи из Уссурийска.

И вот однажды ему пришла телеграмма (или был звонок), что нужно срочно получить партию товара в Мариинске. Поезд с товаром должен был прийти ночью. Получив товар и загрузив его в машину, он решил вернуться домой, опять же в ночь. А по пути, уставший, заснул за рулём. Ну, и как обычно бывает в таких случаях – встречная машина. На сей раз Камаз-

большегруз... И Юры не стало... Не дожил Юра всего три месяца до своего 60-летия.

Пережди он ночь в том же Мариинске, или не засни в пути, может даже на какие-то секунды – и всё могло бы быть иначе. Могло бы. Увы...

У ещё одного моего институтского друга, а потом и коллеги, **Коли Смольского** – музыканта, великолепного знатока, популяризатора и исполнителя бардовской песни – финал жизненный оказался весьма банальным. В последние годы мы были не так близки, как в пору нашей студенческой молодости. Тогда мы с ним даже «жениться» хаживали в одну и ту же женскую комнату студенческого общежития. И жёны у нас с ним оказались всё из той же комнаты... Работая в институте одно время мы даже занимали одинаковые должности – заместителей деканов, правда разных факультетов.

Так вот, Коля всё больше и больше вовлекался в самостоятельную песню, точнее, в организацию всевозможных творческих встреч с приезжими бардами, всяких фестивалей. Я же постепенно стал отходить от этого песенно-гитарного увлечения. Виделись и встречались с ним мы всё реже. Короче, о том, что у Коли стали появляться какие-то проблемы со здоровьем, точнее с сердцем, я и не знал.

В самом начале нулевых годов нового тысячелетия у нас, в Сибирском регионе, набрал очень сильные и мощные обороты ежегодный фестиваль самодетельной песни «Юргинская осень» или «Бабье лето» – что-то в этом роде. Одним из организаторов этого хлопотного дела и был Коля Смольский. И вот, летом 2004 года, Коля собрался поехать в Юргу, по организационным делам этого самого фестиваля. Вышел из дома, отошёл шагов сорок от своего подъезда. И упал. Умер мгновенно. Отказало сердце... Судьба ему отмерила всего 54 года земного существования.

Володя Ерёмченко, ещё один мой очень хороший приятель со студенческих времён. Режиссёр, преподаватель, доцент. Поэт, сценарист, драматург.

Это ему я принёс свои рыбацкие рассказы, а он, прочитав их и восхитившись, свёл меня с поэтом Донбаем – руководите-

лем литературной студии «Притомье». Так что фактически получается, что именно Володя явился моим литературным крёстным. Хотя официально пришлось голосовать при приёме в Союз писателей мне – за него, а не наоборот.

Володя обладал многосторонними творческими дарованиями.

И уж кто его вывел на путь богоискательства – для меня весьма большая загадка. Со студенческих пор помню его бесшабашным, а порой даже и богохульным. Может, это и явилось той самой причиной метаморфозы – превращения Савла в Павла, или Фомы неверующего в истинного апостола?!

Но Володя, будучи сам уже едва ли не доцентом нашего института, вдруг поступает заочно студентом в Московский Свято-Тихоновский богословский институт. Заканчивает его. И начинает вести очень аскетический, и казалось бы, богоугодный образ жизни. Мало того, и его семья почти вся ступает на эту же тропу. Они не пропускают церковные праздники, посты, молебны... И, как поэт-драматург, он пишет, в основном, на эту же тему.

Казалось бы, Володя – сама святость.

Но ведь прекрасно известно всякому богослову, что там, где Бог, есть рядом и антихрист-искуситель.

И вот этот-то лукавый и стал искушать Володю. Да так, что я и не подозревал об этом до поры-до времени. А когда узнал, то никак не мог поверить в это. А искушал его лукавый – зелёным змием. Да так, что Володя уходил в многодневные запои. В один из таких запоев и не стало Володи. А ведь могло всё быть иначе.

Начался тот злополучный запой с, казалось бы, вполне благородного повода. За неделю до этого он с группой наших писателей решил навестить вдову поэта Евгения Буравлёва. Он и меня приглашал пойти туда вместе. Но я по какой-то причине туда не пошёл. Они взяли цветы. А Володя втихушку прихватил с собой ещё и бутылку коньяка. В гостях они и выпили из той бутылки. Да не всю. Остатки он допивал уже дома. С этого и понеслось...

Пил он дома, как всегда, в одиночку. Уже с неделю продолжался запой. А ночами нередко брался и за сочинительство. И вот в одну из таких ночей он встал, вышел из своей комнаты и подался на кухню, видимо, попить воды, а, может, и за добавкой... Споткнувшись, упал и ударился головой.

Дома были жена и сын. Но, встав утром и видя Володю лежащим в кухне на полу, посчитали его спящим пьяным. Он

ещё дышал. Решив, что тот проспится, как случилось не единожды, жена пошла на работу, а сын – в университет. А когда вернулись домой – уже было поздно, Володя ушёл в мир иной... Может быть так Бог распорядился с его жизнью? Как знать...

Случилось это за пять дней до его 66-летия.

Саня Дмитриев. В то, что его не стало, я не могу до конца поверить до сих пор. Мёртвым я его не видел, даже на похороны не смог вырваться из-за распутицы... И как же мне не хватает его теперь. Как и Юры Ли. Оба они были настоящими моими друзьями!

И опять – нелепейший и банальнейший случай.

И, зная Саню, не перестаю задавать себе риторический вопрос: ну, как же могло такое произойти? И не совсем верю в официальную (следственную) версию произошедшего. Да в этом сомневаются и многие его знакомые и родня. В том числе, и Санин бывший студент, а позднее наш общий собрат по рыбалкам, подполковник милиции (полиции) криминалист Игорь Долгов.

Наше знакомство с Саней Дмитриевым было случайным. Летом 1982 года мы оказались в одном строительно-шабашковом преподавательском отряде, в селе Чумай. Я – в составе рабочих. Саня – в помощниках у своей жены – поварихи отряда. К этому времени Саня успел окончить филфак Новокузнецкого пединститута, а буквально накануне получил ещё и диплом ВГИКа (института кинематографии) по специальности киноведа. Примерно в это же время он устроился на работу и к нам в институт, на кафедру кино-фотомастерства. А ещё совсем недавно ему сделали операцию, удалив едва ли не две трети желудка. Работать физически в это время после операции он не мог. А вот отдохнуть на природе летом, рядом с поварихой-женой и шестилетним сыном – почему бы и нет. Там-то мы и познакомились. А сдружили нас после того рыбалка и многоцветные сплавы по Томи на резиновых лодках. И прошли мы с ним на лодках в несколько приёмов Томь – от Салтымакова и почти до впадения её в Обь.

Последние лет десять Саня жил отдельно от семьи. Сначала в комнате общаги института. Потом – купил в рассрочку однокомнатную квартиру. Очень хорошо обставил её. Имел личную библиотеку и лучшую в городе, да, пожалуй, и в области фильмотеку – на видеокассетах.

Получив ваковского доцента, Саня преподавал иногда одновременно в трёх, а то и четырёх вузах Кемерово, ведя курсы киноведения, истории кино и культурологии. Как теоретик-культуролог, котировался он очень высоко. Не говоря уже про кино. Тут вообще не было ему равных по знаниям! Лекции по своим учебным курсам он читал виртуозно, импровизированно, никогда не заглядывая в конспекты, которых у него зачастую и не бывало вообще.

Денежки у Сани водились. И немалые. И не только в рублях, но и в валюте. Этого он ни от кого особо и не скрывал. Щедро помогал сыну и дочери, не обижал своих любовниц, коих было тоже предостаточно. И вот – как снег на голову...

Я в это время (март 2014) года гостил у мамы в Томской области. Звонит жена. И буквально ошарашивает известием: убили Саню Дмитриева...

По версии следствия, было всё так.

Саня находился дома. Как обычно, один. Вдруг в его дверь – звонок. Он, считая, что мой дом – моя крепость, бесшабашно открывает на звонок. В дверях – мужчина, лет тридцати пяти. Якобы, мужчина этот попросил напиться воды. Саня пошёл в кухню, набрал стакан воды, вернулся, подал тому. Тот, выпив воду, якобы, попросился войти в дом, да ещё и поесть. Саня возмутился, что-то ответив ему саркастически. Тогда тот, усмотрев, пока Саня ходил за водой, что в доме этом есть чем поживиться, схватил Саню за шею и стал душить. И задушил, сломав при этом несколько костей – шейного позвоночника и подъязычную. А, расправившись со своей жертвой, убийца затащил тело в туалетную комнату и сбросил в ванну. А сам обшмонал квартиру, забрав золотишко, наличные деньги, пластиковые карты сбербанковских банкоматов, вынул жёсткий диск компьютера, умыкнул хороший фотоаппарат и редкую икону.

Хватились Саню на работе, спустя уже дня три. Началось расследование. Дело это взял под контроль сам Губернатор Аман Тулеев. И, якобы, зацепили убийцу Сани на сданной иконе, аж в Новосибирске. Раскрутили, размотали, провели дознание и следственный эксперимент. Дали официальную версию случившегося – ведь того требовал сам Тулеев. А, может, версию эту просто навязали убийце следственные органы? Да и убийце ли на самом деле?

Тот, якобы, за несколько месяцев до преступления, был уволен из ментов. Где-то мотался без работы. Каким-то образом оказался в Мариинске. Где-то у поста ГАИ (сам – из бывших ментов), будто бы с помощью гибедешников словил попутную в Кемерово машину. По пути в Кемерово расправился с водителем. В Кемерове, якобы, случайно попал в дом, где жил Саня. (А там были кодовые замки на входных дверях – дом-то едва ли не элитный). Случайно и позвонил в двери квартиры, где жил Дмитриев... Случайно расправился и с её хозяином – в целях ограбления... За два убийства получил тот мерзавец и нелюдь аж 22 года колонии...

И всё же, кое-что не срастается в этой официальной версии. Ну, прежде всего – не был Саня хилияком, чтобы вот так взять и дать себя задушить. Спротивление бы оказал непременно. Вряд ли тут с ним смог справиться один человек, пусть и владеющий ментовскими приёмами. Скорее всего действовал убийца не один, а был сообщник.

Далее, с малой степенью вероятности можно считать случайное попадание в квартиру Сани. Логичнее предположить, что тут не обошлось без наводки и предварительного сговора. В пользу этой версии говорит и тот факт, что убийца, оказывается, некогда учился заочно в том же сельхозинституте, что оканчивала и последняя пассия Дмитриева. Вполне возможно, что они знали друг друга. И сговорились, по её наводке. Саня, кроме нашего института, в то время работал ещё и в сельхозе.

И ещё. Коль убийца был бывшим студентом сельхозинститута, пусть и заочником, то Саня мог его просто знать в лицо. А, узнав, он и впустил того безбоязненно в свою квартиру, не предполагая таких жестоких и трагических последствий... Версии, версии, версии... Цепи случайных стечений обстоятельств? А человека – нет...

Как же мы беднеем, нет, даже нищаем, с утратой дорогих нам людей. Будто отщипываем или отрезаем частицу самих себя...

Не секрет, что с годами и с возрастом всё труднее находим мы себе друзей и приятелей. И, тем не менее, случается и такое. Случается.

Время от времени даже и **родственники** отыскиваются, да так, что и представить уже трудно: а как же жили без них столько лет?

Взять, к примеру, моего троюродного брата **Сергея Некрасова** и его жену **Галину**. Моложе меня оба на десять лет. А ведь сдружились уже с ними и семьями...

Моя мама и мама Сергея – двоюродные сёстры, одногодки. А стало быть, у нас с Сергеем был общий прадед – **Василий Михеевич Шадрин**, которого мы оба не видели и не знали.

Лет до тридцати я и не подозревал о существовании Сергея с Галей, впрочем, похоже, как и они обо мне. Они – коренные томичи-горожане. Я же лишь пару раз встречался с бабушкой и дедом Сергея. Да и встречи те теперь уже поблекли, поистончились в памяти. Как ни странно, самого Сергея, я не видел, да практически и не знал ничего о нём. К тому же – изначальная весьма приличная разница в возрасте...

Сергей, окончив школу, поступил в Томское высшее военное училище связи. К его окончанию женился на своей однокласснице. Редкий случай, но факт: проучились вместе в одном классе все десять лет. К моменту их свадьбы Галина уже заканчивала Томский политехнический институт.

По окончании военного училища молодой лейтенант получает назначение на службу в Германию. По тем временам (семидесятые-восьмидесятые годы) попасть служить за границу считалось едва ли не подарком судьбы. Там у них родился и сын. Служба военного офицера, как известно, мало зависела от его желаний: куда направят, там и приходилось тянуть военную лямку. Там и семья мыкалась, следуя как ниточка за иглолкой.

Многие из нас должны ещё помнить, как разваливался наш Союз и военный блок, так называемого, стран Варшавского договора. Попали и Сергей с Галей под вывод наших войск из Германии. Далее его судьба забросила в Сибирь, в старинный Минусинск. А из него, через некоторое время, в начале 90-х годов капитан Некрасов с женой и двумя уже сыновьями оказывается в Кемерове, офицером военного училища связи.

Ага, стало быть, кружок замкнулся. В начале девяностых на моём «гражданском мундире» красовались уже «погоны» доцента института культуры.

Мама моя и её старший брат Александр Шадрин пытались всячески поддерживать связи со своими родственниками. А узнав,

что их двоюродный племянник Сергей попал служить в Кемерово, где жил и я с семьёй, стали инициировать и нашу с ним встречу.

И встреча такая состоялась. Однажды летом Сергей с Галей и младшим сыном Владиком появились у нас в гостях, в нашей квартире. Галя потом неоднократно признавалась, что побаивалась идти в гости к незнакомым людям, да ещё и к *доценту*. А ничего. Перезнакомились. Выпили за знакомство и встречу, как это водится. Расслабились. Да и сдружились.

И вот уже более четверти века вместе. Выросли наши дети. Стали пенсионерами все мы. При этом, первым из нашей четвёрки вышел на пенсию подполковник Сергей Некрасов. А буд-то всё ещё остаёмся молодыми: про домашние взаимные визиты можно и не говорить. Нередко бываем друг у друга на летних дачах-огородах, выезжаем на рыбалки, на природу. А лет шесть уже подряд – в обязательном порядке ежегодно сплавляемся на надувных лодках по Томи, с двумя ночевками, купанием, загоранием, рыбалкой, ночными посиделками и песнями у костра...

А позапрошлым летом уговорил я Сергея попытаться отыскать могилу нашего общего прадеда Василия, который умер ещё в 1957 году и похоронен на кладбище села Первомайское (бывшее Пышкино-Троицкое), что на Чулыме, в сотне километрах от Томска и невдалеке от городка Асино.

Поехали мы вчетвером, с жёнами, на машине Сергея. И надо же, в макушку лета подгадали под самую дождливую погоду. Тем не менее, добрались и до кладбища, шастали под дождём по нему вчетвером часа два. Да так и не сыскали... Видать, за давностью и без присмотра памятник на могиле нашего прадеда снесли, а могилка сравнялась с землёй, а то и вовсе кто-то другой захоронен на его месте... Поклонились, однако, хотя бы месту, и помянули там, на кладбище, у ворот...

От Сергея ниточка потянулась и к его отцу – **Анатолию Михайловичу**. Как оказалось, поэту. (Ещё бы не быть поэтом – с такой-то фамилией – **Некрасов!**) И неплохому поэту. Стихотворчеством он начал заниматься намного раньше меня. Да только писал всё, что называется, в стол. Правда, печатался он иногда в коллективных сборниках самодельных авторов. А вот тут я и предложил: подготовить и издать полноценный сборник стихов Анатолия Некрасова к его юбилею. Сказано – сделано! Благо, опыт у меня

кое-какой уже был по составлению, редактированию и изданию книг. А следом за книжкой «Покуда сердце не устало...» – и другой сборник получился – «Для чего нам жизнь дана...». И, наконец, третий сборник стихов – «Я над судьбой своей жалкую...».

Через Анатолия Михайловича, в Томске, на его 80-летию и презентации первой книги стихов, познакомился я с томским поэтом Вениамином Колыхаловым, почти земляком-парабелем, о котором давно знал, но встречаться не доводилось...

Да разве только эти знакомства потянулись цепочкой от брата Сергея с его женой Галей? А его бывшие сослуживцы – семьи подполковников Слабченко, Фроленковых, Силовых? Сколько приятных часов, складывающихся уже в дни, если не месяцы, провели мы вместе и с ними?!

Не без содействия Гали с Сергеем поступил в Кемеровское училище связи и окончил его – родной племянник моей жены Людмилы – Артём Кириенко, ныне майор. А родители Артёма – Надя с Виктором – уже с тех пор (момента поступления Артёма в училище) приятельствуют и с Некрасовыми... А ведь всего этого могло и не быть, не познакомься я с Сергеем, по настоянию нашей мамы и дяди Саши...

Ещё случай семейной дружбы. Теперь уже из нашей, писательской среды – «детей лейтенанта Шмидта».

К нашему писательскому сообществу я начал приобщаться, с подачи Володи Ерёмко, через литературную студию «Притомье» и её руководителя поэта Сергея Донбая. Началось это, кажется, с осени 1998 года. Считаю, двадцать лет тому назад. Занятия в студии проводились два раза в месяц, по четвергам. Их посещение не было строго обязательным, если того не требовало какое-либо плановое мероприятие, типа обсуждения и разбора конкретных работ студийцев.

К тому времени студию посещало человек тридцать молодых и начинающих писателей. В основном, поэтов. Но попадались среди них и прозаики. Среди таковых оказался и **Сергей Павлов**. Я уже знал о нём, читал несколько опубликованных его рассказов и юморесок. А вот встретиться никак не получалось, как в той поговорке: «Ванька дома – Маньки нет, Манька дома – Ваньки нет!» Выходило, что на занятия мы появлялись поочерёдно, через раз.

И однажды, уже в самом конце занятия, увидев незнакомого мне человека, я вдруг услышал краем уха и его фамилию – Павлов. Я – к нему: «Так это Вы – тот самый Сергей Павлов – автор «Окурков», «Мухи» и «Комплекса подмастерья»?». Да в обнимку! Тот, похоже, опешил вначале, но ответил взаимностью. С той поры и задрружились.

Сергей Павлов к тому времени уже завершал свою профессиональную карьеру – следователя прокуратуры, в звании подполковника. И начал пробовать себя в прозе, попервости – малой, потом дело дошло и до романа-эпопеи – «Кузбасская сага», над которым он работает уже десяток лет.

Несколько позднее мы выяснили, что у нас с ним очень много общих совпадений, но со сдвигом ровно в один год: я старше его на год. Стало быть, и школу мы окончили со сдвигом в один год, и с поступлением в институты получилась задержка у каждого по году; после окончания институтов (он филфак пединститута закончил в 1974 году, я – в 1973) – оба служили в армии по одному году рядовыми. Он получил второе высшее образование, окончив юридический институт, а я – обучаясь в аспирантуре. И дети у нас рождались со сдвигом ровно по году, только у меня – обе дочери, а у него – два сына. Даже со вступлением в Союз писателей России я опередил его ровно на один год (2002 и 2003)... Такие вот совпадения...

Не знали – не ведали мы с Павловым ни о каком **Александре Ярошке**. До поры до времени. Пока этот высокий и тучноватый, лысеющий и громогласный, хотя и несколько смущающийся, человек не стал появляться среди писателей в нашем ДЛК, принося с собой на посиделки домашние заготовки – соленья, варенья, а к ним – и соответствующий «сугрев». Раз, другой, третий появился этот, как оказалось, общительный мужик, – с уймой забавных случаев из своей жизни, становясь едва ли не центром внимания и душой компании. Ко всему оказалось, что он ещё и пишет рассказы и юморески. Относилась к нему вся наша братия уважительно, называя по имени-отчеству Александром Михайловичем. А как же иначе? Не хухры-мухры: совсем недавно он занимал пост Председателя Областного профсоюза работников химической промышленности. А до того – начальника одного из цехов преогромнейшего «Азота». К тому

же и был он постарше нас с Павловым (и многих наших пишущих сотоварищей) – лет, этак на семь-восемь.

Как рассказывал неоднократно он сам потом, путь в литературу, точнее к литераторам, был у него едва ли не курьёзным и смешным. Работая в Обкоме профсоюзов и начав пописывать уже рассказы, он решил показать их кое-кому из сотрудников. И среди таковых оказалась Ольга Владимировна Голованова – занимавшая должность Председателя Обкома профсоюза работников культуры. А эта самая Ольга лет пять-шесть назад была преподавателем нашего института и являлась неосвобождённым председателем профкома преподавателей и сотрудников. Когда ей предложили должность в Обкоме, то институтский профком она «передала» мне. Работая в Обкоме, время от времени она встречалась со мной и знала, что я стал писать прозу и меня даже приняли уже в Союз писателей России. Вот Ольга и присоветовала Ярощуку: дескать, ты не стесняйся, возьми пару литров водки, закуски – и к писателям! Глядишь, и тебя там признают: ведь Арнаутова же приняли в Союз! А ты – чем хуже?!

Шутка-шуткой, но доля истины в том есть.

Александр Михайлович как-то быстро вошёл в наш круг. А немало тому поспособствовал тогда ещё и Валентин Махалов (писатель, прямо скажем, уровня и авторитета немалого), с которым они сблизились.

Ярощука стал печатать наш журнал «Огни Кузбасса». В «Приложении» к этому журналу в 2005 году вышла первая его книга рассказов «Эх, жизнь наша» – с напутственным предисловием Валентина Махалова. Уже в следующем (2006-м) году были изданы ещё две его книги: «Смешно и не очень» и «Дневник с того света». Его «Дневник» я изрядно покритиковал, зато к книге «Панов, я и другие» (2010 год) уже сам написал доброжелательное предисловие. То же было и с книгой рассказов «Джокер вступает в игру», вышедшей в 2013 году. Кстати, помимо меня, книга эта собрала доброжелательные отзывы Валентина Махалова, Владимира Переводчикова, Василия Попка, Юрия Юдина, других писателей и журналистов.

Не замедлил Александр Михайлович Ярощук и со вступлением в Союз писателей России. Приняли его в СПР в 2009 году.

Будучи на ответственных должностях, Ярошук научился публичным выступлениям. Говорил всегда смело, ясно, чётко, толково и предметно. Если критиковал, то всегда за дело. И не просто, абы покритиковать – но с конкретными позитивными предложениями. Нередко эта критика касалась и наших руководителей – Бурмистрова и Донбая.

А чуть ранее, едва попав в Союз, и глядя ещё со своих недавних «колоколен» на то, что происходит в нашем Союзе писателей Кузбасса, на общих собраниях выступали с критикой и мы с Павловым. Нет, вовсе не с целями смены власти, как о том подумали многие наши собраты по перу. С позитивными предложениями, искренне и наивно веря в то, что многое можно у нас повернуть к лучшему.

За то и попали в бузотёры и оппозиционеры. И как-то постепенно к нам присоединился ещё и Ярошук. А троём – это уже не поодиночке, это уже сила! Нас начали побаиваться, видя в нас потенциальных приемников на руководящих постах. А мы и сами стали интуитивно держаться вместе. И даже в застольях тоже оказывались обычно рядом. Как-то на одной из пирушек-межсобойчиков в нашем ДЛК (тогда это было ещё в порядке вещей) напротив нас троих оказался подзапоздавший Донбай. Усаживаясь за стол, он как бы в шутку обронил: «Опять я оказался напротив этих *детей лейтенанта Шмидта!*» Над шуткой посмеялись. Да только с той поры к нам и прилипли – «Дети лейтенанта Шмидта». Да мы и сами меж собой иногда безобидно подтруниваем: старший («умный был детина»), средний («был – и так и сяк»), младший... (попробуй-ка продолжить, назвав этак прокурора-подполковника).

Наши взаимосимпатии (слава Богу, мы никак не пересекаемся творчески), переросли в настоящую дружбу! Да не просто нашей троицы – дружим семьями, отмечая вместе дни рождения, многие праздники дома, на дачах. Уже традицией стали «рыбные дни» – у нас дома, банные – у Ярошуков и Павловых – на дачах. Слушаем очередную порцию павловской «Саги» в авторском исполнении, делая замечания. Ярошук – со схемами и указкой – отработывает на нас (репетируя) своё публичное выступление в учёной среде – по своим открытиям из области египетских пирамид.

Поём под мою гитару песни...

Ну, и в нашем ДЛК – тоже стараемся по-прежнему держаться вместе, оставаясь «детьми лейтенанта Шмидта» – с поправкой бывшего следака-прокурора Павлова: «Гусей мы не крали и конвенций нарушать не собираемся». Вот так нередко и становятся друзьями совершенно разные люди, да ещё и в возрасте.

Ещё пример из моей писательской практики и окружения, а их я мог привести тут целую уйму.

Ещё лет шесть-семь назад я обратил внимание на шепутного мужичка-живчика, сначала ненароком забредя на «Притомье», а потом и на поэтическом фестивале «Юго-Александровский родник». Им оказался **Сергей Чернопятов**, как выяснилось, самодеятельный поэт. Гармонист и гитарист-песенник. И тоже самоучка. Впрочем, перефразируя классика, «вышли мы все из самодеятельности». Имею ввиду поэтов и прозаиков. По крайней мере, провинциальных. Ну, кто из нас учился профессионально писать, какие литературные институты мы оканчивали? Сами приобщались к творчеству. В меру дара Божьего, проснувшегося рано или поздно. Иногда такие азы осваивались в студиях, устраивавших ликбезы и рихтующих самодеятельную шероховатость прозаиков и стихотворцев. Однако, далеко не все, даже прошедшие и посещавшие такие литературные студии и кружки, становились на профессиональный путь писателя. Я имею ввиду тут прежде всего членство в Союзе писателей России. Хотя у нас в России до сих пор труд писателя не узаконен и считается едва ли не самодеятельным. Тем не менее, приём в члены СПР – это уже качественный показатель пишущего, признание его как писателя авторитетными коллегами.

После поэта Сергея Донбая Кемеровской студией «Притомье» уже более десятка лет руководит поэт Дмитрий Мурзин. Поэт он и в самом деле неплохой. К тому же, заочно (один из немногих) окончил ещё и Литературный институт. Но, если студийцы Донбая через два-три года, как правило, становились членами СПР, то Мурзин не торопился с выводом своих питомцев-«притомцев» на широкую дорогу. А люди там в настоящее время – вполне повзрослевшие, многим в районе 60 лет, в отцы годятся своему шефу. Некоторые из них посещают занятия студии уже лет по десять. Таких молодёжь уже назвать и язык не поворачивается. О результативности работы студии я неоднократно пенял и Мурзину, и говорил на наших собраниях. Однако это мало на

что влияло. Я, да и не только, видели творческий рост студийцев, печатая их подборки стихов и рассказы в нашем журнале, переводя из рубрики «Литературная студия» в основные – «Поэзия» и «Проза». Раза три туда попадал уже и Сергей Чернопятков.

В начале прошлого, 2017 года, как-то оказался он на нашем межсубойчике. Пообщались с ним. Он почитал свои стихи, которые уже давненько я оценил для себя, как зрелые. Вот, в состоянии подпития, я и предложил ему, не дожидаясь очереди в «Притомье», издать сборничек стихов самостоятельно. А фактически – самиздатовски. Сказал и то, что издание книжечки малым тиражом обойдётся ему в каких-нибудь 10-15 тысяч. Тому моя идея понравилась.

Тропу частного издания таких книг я уже изрядно проторил и натоптал для себя через частную издательскую фирму «Ректаймс». Там я издал уже шесть или семь своих книжек прозы и путевых заметок. Кстати, качество издания и оформления книг в ней на весьма высоком уровне!

Договорились о встрече с Сергеем, на которую он принесёт мне подборку стихов для книги. Я, будучи человеком обязательным и верным данному слову, пришёл на встречу в назначенное время. Серёги там не оказалось. Ну, как говорится, «Баба с вазу – кобыле легче», или «Овёс за брюхом коня не ходит». Однако примерно через неделю – звонок. Сергея. Я попенял ему на необязательность, он начал извиняться и попросил встречу. Смирив гордыню, я дал ему ещё один шанс.

А когда он передал мне кучу стихов на разнокалиберных листках, и я дома почитал их, понял, что стихи-то и впрямь стоящие. Мои сомнения развеяла ещё и жена Людмила, которой тоже понравились стихи Чернопяткова.

Я рассортировал их по тематике, наметил разделы будущей книги и принялся за редактирование, компьютерный набор и предварительную вёрстку. Набралось на книжку в сотню страниц. Оговорили название первого сборника – «Словно родом был из Рая». Это – была одна из строк его стихов. Я написал к этому сборнику вступительную статью, прочитав которую автор стихов сказал, что лучше о нём пока никто ещё не отзывался.

В издательство мы подались с ним оба. Быстренько подобрали дизайн обложки и оговорили условия и сроки печати. Примерно через месяц книжка была готова и восторженно (и не

без зависти) принята прежде всего среди «притомцев». Её малый тираж (100 экземпляров) разошёлся мгновенно, покидая уже и пределы Кемерово, Кузбасса и даже Сибири. Пришлось допечатывать ещё столько же.

Радости и гордости за себя у автора этой книжки не было границ. Ну, и благодарностей, разумеется в мой адрес. Не долго думая, Сергей уже сам предложил мне поработать над второй книгой стихов. И летом того же года, уже по накатанному пути вышел второй сборник – «Тишина нужна стихам», предисловие к которому мы уговорили написать Мурзина.

Неугомонному пенсионеру Сергею Чернопятову (моложе меня на пятилетку) показалось и этого мало. Чтобы издавать свои книги, он даже устроился ночным сторожем в детском садике.

И у меня оказалась ещё партия черновиков и рукописных листков с его стихами. Кроме них было уже и с пяток прозаических заготовок. И к этому сборнику я приложил свои силы и умение редактора-составителя, написав вступительную статью. Третий сборник Сергея Чернопятова «Падение исключено» вышел в середине декабря 2017 года, буквально накануне нашего общего собрания. Четвёртая книжка стихов «Оставьте мне злобу дня!» выходит осенью 2018 года.

А ещё сразу после выхода первой книжки я посоветовал Сергею написать заявление о приёме его в Союз писателей России, пообещав ему и свою рекомендацию. Что он и сделал, отдав заявление Бурмистрову.

Накануне собрания Правление нашей организации рассматривало кандидатуры писателей на приём (точнее рекомендацию их) в Союз писателей России. Желających попасть туда у нас предостаточно. Очередь из кандидатов – человек в пятнадцать. А принимаем (рекомендуем на приём) всего двух-трёх человек в год. Кандидатуру Сергея Чернопятова Правление предложило рассмотреть на следующий уже год. И это было – отличной перспективой!

Однако в день собрания, 21 декабря 2017 года, всё повернулось совершенно иначе. Перед его началом одна из кандидатур была снята по причине отсутствия нужного количества рекомендаций (необходимо для приёма три рекомендации). И на это место совершенно неожиданно – и для меня, и для самого Сергея, который случайно пришёл на собрание, возникла его фамилия. Я

даже опешил от такого поворота. А помимо меня свои рекомендации ему дали Сергей Донбай и Дмитрий Мурзин. И большинством голосов (кажется при трёх против) Чернопятова рекомендовали в Союз писателей России! Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын! Вот так, всего за один год! А, не пообещай я тогда по пьяной лавочке помочь ему в издании книги, сколько бы ему ещё довелось хаживать в вечных подмастерьях?

Такого поворота и прецедента на моей памяти в нашем Союзе я не припомню! И ведь – сплошная цепь счастливых случайностей и стечения обстоятельств...

Признаться, литературных «крестников» за время пребывания меня в Союзе писателей России перевалило уже, пожалуй, и за десяток. И среди таковых – Игорь Петров, Александр Хохлов, Михаил Кривошеин, Виктор Коняев, Владимир Неунывахин, Сергей Чернопятов. Это – из тех, кого приняли. А кроме того – не меньше и тех, кто пока ещё дожидается своей очереди, и прежде всего – замечательный прозаик, тонко чувствующий и знающий природу, и не менее талантливо пишущий об этом – юргинец Кирчик Леонид Васильевич. Увы, будь он поближе к Кемерову и помобильнее – не миновала бы давно и его участь члена Союза писателей России.

Или **Андрей Геннадьевич Калугин** – что родом из Белова – совсем молодой доктор философии, профессор одного из Хиросимских университетов; разрозненные этюды и зарисовки из будущей его книги «Год под сакурой», попали мне на чтение и отзывы... Я дал на них обстоятельный и развёрнутый доброжелательный отзыв. Этот отзыв попал Андрею. Завязалась переписка с ним. А вскоре – познакомились и лично. Да и не только с ним – с его родителями, живущими в городе Белово. Был я у него и на презентации уже второй книги «Дороги домой». **Путевые зарисовки из этой книги, признаюсь, послужили толчком и для моих «дневниковых заметок кемеровского туриста»** – о Таиланде, индийской земле Гоа, китайском острове Хайнань, Вьетнаме. Издано уже шесть таких книжечек, с моими фотографиями. Да и в журнале публикуются эти «заметки», хотя и в изрядном сокращении, и с запозданием.

Пожалуй, обижу, если не напишу здесь хотя бы немного ещё об одном писателе, ставшем другом – **Владимире Василь-**

евиче Иванове – почти моём ровеснике. Его поэзию довольно рано оценили наши корифеи. В частности, ещё сам Василий Фёдоров выдал карт-бланш начинающему поэту. И приняли его в Союз писателей СССР очень рано – тогда он был самым молодым членом СП за Уралом.

Фамилия его для меня возникла случайно.

Где-то ещё в начале 90-х годов в одном из газетных киосков Кемерова я заметил книгу в красном переплёте с названием «Голос». Автором её был некто Владимир Есенин. Фамилия эта для меня была очень даже знакома – поэтическая. Но тот-то был Сергеем. А здесь – Владимир. Каково же было моё удивление, когда автор этой книги оказался моим сокурсником, с которым мы жили даже год в одной комнате студенческой общаги! Это – был первый сборник рассказов и повестей нашего Вовки Есенина.

Открываю предисловие к книге, которое называлось «Причудливые формы в русле традиций». А в его конце – Владимир Иванов. Мы с другом Юрой Ли тогда ещё посмеялись: дескать это сам Володя Есенин написал и поставил своё псевдонимное авторство.

Оказалось, вовсе нет. Автором предисловия и впрямь был поэт и прозаик Владимир Васильевич Иванов, подружившийся с Володей Есениным ещё до выхода этой книги в 1992 году. В отличие от многих из нас, пишущих, Владимир Иванов имел весьма приличное филологическое образование: журфак Свердловского университета и даже неоконченный Литературный институт.

Теперь уже точно и не припомню нашей очной первой встречи с Володей Ивановым. Знал я о нём не очень много. И прежде всего то, что вырос он в селе Банново Крапивинского района, куда я с друзьями ездил на рыбалку.

А сблизилась мы с ним, когда он поехал работать в «Кем-Вод», готовя и издавая газету «Вода и люди». Там и меня он печатал несколько раз. Почти при первой с ним встрече у него в кабинете обменялись мы с ним книгами. Я подарил ему свои две первые книжки, а он – сборник стихов «На Родину еду» и книгу прозы «Вот такая история». И стихи, и проза его мне понравились. Я, даже на ночь глядя, под спокойное засыпание, читал его рассказы и повести. И вовсе не потому, что они были скучными, нет: они умиротворённо расслабляли меня, вызывая приятные воспоминания из своей жизни.

Володя же явился инициатором и скорого принятия меня в Союз писателей России. Он давал мне и одну из необходимых рекомендаций.

Ближе других из иногородних писателей я сошелся с прозаиком и удивительным человеком – новокузнецчанином **Владимиром Максимовичем Неунывахиным**. Из-за разницы в возрасте и большого уважения к этому писателю язык не поворачивается назвать этого моего друга просто по имени. Я и в быту называю его либо по имени-отчеству, либо только по отчеству. То же касается и его – в отношении меня. Во всех своих книгах, подаренных мне, он с уважением пишет: *«Моему литературному учителю и наставнику...»*. Лестно, конечно, но, как мне думается, изрядно завышено и комплиментарно.

Знакомство моё с ним началось заочно. Примерно в одно и то же время, что и с Кирчиком. Где-то году в 2005-м Борис Бурмистров передал мне на чтение и оценку парочку книжек совершенно неизвестного мне автора Владимира Неунывахина – «Под глухариную песню» и, кажется, «Забыть я не в силах». Это были сборники рассказов, многие из которых посвящены очень близкой и любимой мною теме – рыбалке, охоте и природе. Почитав их, я тут же проникся уважением и симпатиями к их автору. И набросал свои обширные отзывы, сделав при этом и немало критических замечаний.

Мои отзывы дошли до автора. Многие из авторов, коих покритиковали, начинают сторониться и косо поглядывать на своего оппонента. Но с Максимычем – совсем иной случай! А ведь мог бы (и не без основания) и обидеться на меня: дескать, яйца курицу не учат! Писательского опыта у Владимира Максимовича – не в пример моему! Правда, в основном, в качестве профессионального журналиста.

Тут будет уместным немного остановиться на его биографическом и послужном списке. Родился он в пригороде Новокузнецка (тогдашнего Сталинска) – в Абагуре аж в довоенном 1938 году. Стало быть, он старше меня на целых 13 лет. С детства ему пришлось испытать лиха безотцовщины, при живом-то отце. Его родители разошлись, когда мальчику было лет пять-шесть, разделив при этом и детей: младшего Гену забрал отец, а Володя остался с матерью. (Замечу, кстати, что о младшем брате

Владимира Максимовича – Геннадии у меня в задумках ещё написать в разделе о курьёзных и случайных встречах).

Военное лихолетье и послевоенные годы вынуждали людей терпеть нужду и лишения. Учиться особо было некогда. Не окончив среднюю школу, подавались в ФЗО, где кормили и одевали бесплатно. Потом – рабочая профессия. И лишь немногие доучивались дальше. Работая фрезеровщиком на заводе, Володя стал пописывать статейки в заводскую многотиражку. Стал появляться и в молодёжной литературной студии. Тогда же познакомился и с будущими знаменитостями – писателями Геннадием Емельяновым и Гаррием Немченко.

Потом было заочное обучение на филфаке Новокузнецкого пединститута, работа журналистом в многотиражках. А далее – поворот: от журналистской практики – да в политработники и воспитатели в исправительных системах на Севере. И дослужился к выходу на пенсию Владимир Максимович от младшего лейтенанта аж до подполковника! И что меня больше всего подкупило в нём, как в *человеке*: ведь не утратил он *человеческие* качества, работая (или служа) среди правонарушителей. А это очень хорошо видно по его же рассказам, в которых и те, что находились по другую сторону колючего забора, имели *человеческие* обличия...

Богатейший жизненный опыт, любовь к родному краю и природе, неудержимая страсть в рыбалке и охоте – вот та первооснова всего его творчества! А его педантичность – делать пометки в записных книжках об интересном – своеобразный сырой материал и заготовки для будущих полноценных рассказов и зарисовок. Плюс изрядные навыки писателя и Божий Дар! Нет, всё же никак нельзя не сказать, если даже не поставить на первое место – его удивительные качества благодарности! В этом он превзошёл всех моих литературных «крестников» и друзей. А ещё – отзывчивость, ответственность и неприменная обязательность! Вот – таков он, мой друг – писатель Владимир Максимович Неунывахин.

Ну, и я, по чистой и бескорыстной дружбе, написал немало отзывов и предисловий к его книгам, в том числе и к двум томам из его четырёхтомника. А всего Максимыч за эти пятнадцать лет, со времени выхода своей первой книжки, уже издал порядка двух десятков полновесных многостраничных книг. Да чаще всего – за свой же счёт! А сколько у него публикаций в толстых журналах и газетах?! Редкий номер журнала «Охотни-

чьи просторы» или газеты-толстушки «Охотник и рыболов Сибири» выходит без его рассказов.

20 августа 2018 года он отметил своё 80-летие.

А через пару недель прислал мне бандероль с последней книгой «Житейские истории» – в 670 страниц и письмо, не очень утешительное. Приведу его здесь полностью.

Добрый день, Виктор Степанович!

Высылаю в подарок последнюю книгу, т.к. лично вручить не смогу: с ногами худо. Обезножил. Сказываются многолетние походы с рюкзаком за плечами по таёжным тропкам. Видимо, смазка кончилась.

Юбилей прошёл неплохо, звонили-поздравляли со всех концов России друзья-однополчане и соратники по творчеству. Не поздравили, правда, работники культуры из областного департамента и городского управления культуры, за исключением зама главы района (приходил с шампанским и цветами).

Юбилейный день закончился, а ночью сообщили трагическую весть – ушёл из жизни мой брат Анатолий (в прошлом – хирург и рентгенолог), о нём вы читали в моих рассказах «Воспоминания хирурга», заядлый рыбак, как и вы. Онкология. Мой юбилейный день перемог, не стал омрачать его, ночью ушёл, когда я уснул умиротворённый... Ему 8 августа исполнилось 69 лет. Месяца полтора назад я проходил обследование: диагноз – та же онкология. Но я нисколько не расстроился. Я счастлив, что прожил насыщенную жизнь, добился всего, о чём мечтал. Восемьдесят лет! Не каждый нынче мужик доживает до этой даты, а я её разменял и этим горжусь. Всего хватало: и голода, и холода, были и счастливые моменты. Жизнь и состоит из таких моментов, чем-то напоминающая шкуру зебры... Что-то понесло меня не в ту страну. Расфилософствовался...

Огромный привет вам, Виктор Степанович от Гария Немченко (вчера разговаривал с ним по телефону, рассказывал ему о нашем с вами знакомстве). Он даже позавидовал нашим взаимоотношениям и очень сожалел, как он «старый воробей» купился на мякину прохиндея Ничика, которого презирает сегодня всеми фибрами. В общем, привет от Гария – искренний привет и самые добрые пожелания.

На этом разрешите поставить точку. Огромный привет Людмиле Михайловне и Володе Иванову.

До встречи!

Ваш – (подпись) Новокузнецк. 02.09.2018 г.

Через него же, Владимира Максимовича, я узнал и о его младшем брате (на два года моложе) – **Геннадии Максимовиче Неунывахине** – скромном внешне, но тоже очень одарённом и талантливым писателе. Нет, всё же скорее – филологе-исследователе. Как я уже отмечал, ещё в раннем детстве их разделили между отцом и матерью. Но не между собой. И младший брат, почти как и старший, выбрал себе профессию филолога, а точнее – учителя литературы, окончив Новокузнецкий пединститут. Довелось ему поработать не только простым учителем, но и директором школы. Но не этим оставил свой главный след Геннадий Максимович, а как исследователь творчества А.С. Пушкина. Да на таком уровне, что его современники-пушкинисты зауважали – за смелые и оригинальные находки и версии из жизни и творчества самого «нашего всё»! Да откуда же этот пушкиновед? А из заштатного кузбасско-сибирского городка Мыски, что в Горной Шории.

Бывают же совпадения...

Примерно года за полтора до преждевременного ухода в мир иной Геннадия Максимовича (умер 30 октября 2007 года), его брат Владимир Максимович Неунывахин передал мне парочку книг Геннадия – «Я Вас любил» и «Божественная лира» – о Пушкине. Книги эти я прочитал увлечённо, немало подивившись широте и глубине знания автором предмета своего исследования. А вскоре увидел воочию и их автора – скромного и, казалось даже, застенчивого, худощавого человека в очках, немного похожего на своего старшего брата. Познакомились мы с ним в нашем Доме литераторов. А в редакцию нашего журнала поступили несколько глав из его третьей книги, которые я прочитал и дал «добро» на их печать в «Огнях Кузбасса».

Почти тогда же попала мне на отзыв и официальное заключение на издание и третья книга Геннадия Неунывахина «И жизнь, и слёзы, и любовь...». Всё из той же «пушкинианы». И

на неё я сначала дал положительный отзыв, а потом и написал предисловие к ней. С этим предисловием она и вышла, но только самому автору этой книги увидеть уже не довелось.

А до этого была ещё одна заочная встреча-знакомство с Геннадием, опять же через книгу Владимира Максимовича, в которой была напечатана небольшая ностальгически-покаянная биографическая повесть – «Шерстяные перчатки» и продолжение её «Я вернулся, мама» – уже самого Геннадия... Кстати, сама книга так и называлась – «Я вернулся, мама».

И вот, проходит какое-то время. Владимир Максимович, словно боясь не успеть, готовит к изданию и издаёт одну книгу за книгой.

А среди них, к десятилетию со дня смерти брата, в конце 2016 года выходит отлично изданная книга Геннадия Неунывахины «Душа в заветной лире», объёмом в 690 страниц, в которой, можно сказать, собрано всё основное, написанное им. С хорошим предисловием Владимира Максимовича и отзывами писателей на книги и творчество брата. В том числе и с моими.

Не мог Владимир Максимович обойти этой книгой и меня, сделав очень тёплую и дружескую надпись-автограф.

Раза три я принимался бессистемно читать и перечитывать – и то, что я уже читал по предыдущим книгам, и новое. Читал и откладывал. Но не потому, что было неинтересно.

Пока не захворал, и болезнь не оторвала меня едва ли не на месяц от любимого занятия – зимней рыбалки. Вот тут-то и дошла очередь до книги «Душа в заветной лире». Читал с самого начала, уже всё подряд, не пропуская.

А когда дошёл до 6-го раздела этой книги «Избранное», то обнаружил и приятно удивился подразделам – «Проза», «Стихи» и «Публицистика».

О двух последних разделах говорить здесь не буду, не место. Зато на «Прозе» следует непременно остановиться. Уже сама по себе она интересна, познавательна и ценна с художественной точки зрения. Хотя в основе её и лежат какие-то биографические эпизоды.

Меня зацепило в этой прозе несколько иное. Как раз подпадающее под тематику моего эссе. А именно – случайные совпадения и встречи...

Лет семнадцать назад я впервые попал на рыбалку к своему школьному другу **Анатолию Ивановичу Устюгову** на Обь. Жил он в то время (да живёт и поныне, слава Богу) в большом селе Мельниково Томской области, что находится на левом берегу Оби.

Там случайно познакомился с интересным рыбаком **Александром Петровичем Севастьяновым** – каламбуристом и прикольщиком. Чуть-чуть помоложе нас с другом. Но рыбаком – знатным. Точнее было бы называть его неисправимым профессиональным обским браконьером. Поскольку рыбачил он исключительно сетями или неводом, заводимом с моторной лодки.

Работал Петрович (так мы все называли и обращались к нему) шофёром у моего друга – начальника АТП. Впрочем, бывал Петрович и в главных механиках этого АТП. А тут – кризисные года начала нулевых. Зарплату вовремя не выплачивают, жить как-то надо. Вот и промышляли многие рыбалкой-браконьерством на Оби.

Неоднократно приходилось и мне с кемеровским напарником Володей Черновым пользоваться услугами Петровича, чтобы вернуться домой с рыбой. Однажды даже довелось мне тянуть один береговой ручник невода – вместе со старшим больным братом Петровича (кажется, Иваном)... Получал я и немало скверных бранных слов от Петровича в свой адрес, если делал что-то не то во время тони. Рыбалка – дело серьёзное, если хочешь добыть рыбы.

Не один раз сживали мы с ним и у рыбацкого костра, слушая его нескончаемые каламбуры и приколы. Дело дошло до того, что я не мог не взять за основу (прообраз) этого колоритного человека для своего рассказа. И написал рассказ, назвав его «Каламбурист Шестивольтовый». Конечно, в целях художественности, кое-что там пришлось изменить, сгустить и приукрасить, изменив даже и имя моего героя.

Рассказ этот напечатали, книжка попала к Анатолию Ивановичу, а от него и к Петровичу. Не всё ему там понравилось. И однажды, когда мы в очередной раз собрались со съехавшимися друзьями юности у Анатолия в Мельниково дома, туда же пришёл и Петрович. Изрядно приняв на грудь, дело дошло у нас и до песен. К слову сказать, Петрович был хорошим гармонистом и обла-

дателем зычного песенного голоса. Вот тут-то он мне и отомстил за «Шестивольтового»: «А поёшь то ты лучше, чем пишешь...»

Широта души Петровича позволяла даже затариваться рыбой и моему свояку Виктору Кириенко, который стал частенько наведываться из Кемеровской области и без меня в Мельниково.

Между делом, по эпизодикам выясняется, что Петрович – родом из Горной Шории, как он сам говаривал – из Базанчи. И родительская семья его была многодетной, едва ли не в десять человек, и что в ней он был не самый старший...

И вот, читаю у Геннадия Неунывахина в блоке «Портреты моих земляков» рассказ, стоящий едва ли не самым первым, – «**Пётр Севостьянов**»: «Красивый мужик, выше среднего роста, слегка смуглый, с прямым носом и внимательным, изучающим взглядом чуть прищуренных карих глаз. В меру скуласт, быстр в движениях, но не суетлив... Охота и рыбалка благотворно сказывались на физическом состоянии Петра – был сухопар и вынослив, мог сутками шагать по тайге, а зимой на лыжах, и не валился от изнеможения. Под стать себе и будущую супружницу сосватал – деревенскую красавицу Варю, кстати, мою двоюродную тётку... Зажили в любви и согласии... Варя нарожала Петру аж десять наследников, и все выжили... Со старшими сыновьями Петра я учился в начальных классах и любил ходить к ним в гости... Пацаны радостно встречали меня, как члена семьи, и обязательно угощали рыбой или дичью. Этого добра у них всегда было в избытке: налимы, щуки, хариусы, зайчатина, рябчики, глухари и даже медвежатина... Старшие сыновья часто сопровождали батю на Кондому, помогали ставить сети, перемёты, жерлицы, бегали на охоту за утками, косачами и зайцами...»

Уже только сама фамилия главного героя этого рассказа меня почему-то насторожила. Хотя – не такая уж она и редкая. Припоминаю, что даже в нашей деревне Пудино и её окрестностях Севастьяновых было парочка семей. В том числе и у бабушки нашей Анастасии двоюродный брат мужа носил фамилию Севастьянов. Буква *a* или *o*, стоящая четвёртой, особой роли не играла. Даже сами носители этой фамилии не знали в точности правильного правописания.

И тут же почему-то припомнился мне мой Шестивольтовый. А ведь и у него отчество – Петрович. И похож он был чем-

то на описываемого здесь Петра. А увлечённость охотой и рыбалкой, не оттуда ли пошли? Совпадение?! Да мало ли?

К тому же, этот самый Пётр Севостьянов, оказывается, был женат на двоюродной тётке братьев Максимычей – Варваре. И в семье этой было аж десять детей. И жили они в посёлке Бурановск, что находился недалеко от Базанчи. Вспомнил-таки я и название той самой Базанчи, о существовании которой и не слыхивал до упоминания Петровичем.

Не слишком ли много получается совпадений?

Перед самым новым 2018-м годом звоню другу – Анатолию Ивановичу, поздравляю с наступающим. А уже в повторном дозвоне поинтересовался Петровичем, как он там? А ещё: «Спроси у Петровича: знает ли он посёлок Бурановск? И как звали его мать, не Варварой, случайно?!»

Примерно через час звонит мне друг. И передаёт приветы и поздравления от Петровича. Но, что самое удивительное – так это то, что подтвердились мои догадки. Всё сходится. И жила их семья в Бурановске, и маму звали Варварой. Мало того, её девичья фамилия была Неунывахина!

Вот это сюрприз! Оказывается, Александр Петрович Севостьянов доводится троюродным братом моим писателям Максимычам!

Тут уже и я в волнении звоню Владимиру Максимычу и сообщаю ему о своём случайном открытии. Вздвонован и тот. Обещает подписать парочку книг Александру Петровичу, чтобы я при встрече передал ему этот неожиданный подарок... Так-то вот... Не зря ведь говорят в народе, что **мир тесен!**

Совпадений, связанных впрямую или косвенно, на литературной почве, у меня предостаточно.

Приведу тут ещё несколько.

Осенью 2006 года довелось мне впервые побывать на ежегодной конференции Ассоциации писателей Урала и Западной Сибири (АСПУР), которая проходила в Челябинске. Знаменательна та конференция для меня личными знакомствами со многими писателями Урала и Сибири. И прежде всего, с удивительным человеком – Координатором Ассоциации **Керданом Александром Борисовичем**.

Уже сам по себе – он весьма колоритен, очень недурён собой внешне. И душой – на распашку! В контакт входит с поразительной быстротой, да так, что уже через час-два – словно знакомы были с ним всю жизнь. Моложе меня он лет на пяток. А между тем – он из военных – настоящий полковник! И учёный мир его знает – доктор культурологии. Не говорю уже про то, какой он поэт и прозаик. Всё-то в нём – щедро-гармонично!

После этой встречи общались с ним заочно и даже встречались у нас, в Кемерово.

И вот, году в 2009, в июле отдыхали мы с женой на Алтае. Точнее в Горном Алтае, на «Бирюзовой Катунь». А там – недалеко и Сростки – родина Василия Макаровича Шукшина. Я ещё работал в службе безопасности и нужно было срочно уехать на дежурства. Жена осталась, намереваясь побывать в Сростках на ежегодных Шукшинских чтениях, которые к тому же выпадали едва ли не на очередной юбилей (80 лет) писателя. Съехались туда немало писателей, знаменитых артистов и прочего люда. Туда же приехала на своей машине и наша старшая дочь Ярослава.

И вот, попадают они в Сростках на мероприятие, где выступают со своими стихами поэты. Заходят, немного припозднившись. И в это время подходит очередь выступать со стихами Александру Кердану. Он решается прочитать одно из своих стихотворений, в котором идёт речь о двух женщинах – матери и дочери – похожих и одинаково красивых. И тут же обращает внимание на вошедших, приводя их в качестве примера!

Жена моя лишь слышала от меня о Кердане. Он же – вообще их не знал.

Приезжает Людмила домой и рассказывает мне об этом случае, восторженно отзываясь и о стихах, и об их авторе.

А дня через три, возвращаясь из Сросток, Кердан появляется и у нас, в Кемеровском ДЛК. Я у него и спрашиваю: «Борисыч, ты помнишь, читая в Сростках, обратил внимание на двух вошедших женщин?» – «Конечно, помню. Красивые обе. Как раз в тему моего стихотворения!» – «А знаешь, кто они?» – «Нет, конечно...» – «Это – моя жена и дочь!» – «...?!»...

Будучи членом редколлегии журнала «Огни Кузбасса» (уже четырнадцать лет), мне частенько приходится лопатить

присылаемые в журнал рукописи с прозой и публицистикой. Чего только за это время не перечитал я...

И вот, как-то, лет семь-восемь назад редактор журнала Сергей Донбай выдаёт мне на чтение очередную порцию. Да прямо с конвертом, объёмным и пухлым.

Читаю обратный адрес: Кемеровская область, посёлок Верх-Калтан. **Казанцев Михаил**. Уже сами адрес и фамилия показались мне знакомыми. Интуиция, что ли...

Раскрыл конверт. Там была отпечатанная на пишущей машинке повесть с названием «Пока горит свеча». Взял с собою на дежурство. Читаю её пристрастно. Чувствую, что что-то в ней есть. Многое в ней вызывает во мне ностальгические ассоциации из детства и юности. Отмечаю наличие уже какого-то литературного слога, хотя пока ещё и не стилия. И тема – актуальная: военная. Правда, заявка в начале повести о том, что в ней будет поведана «другая правда о войне» не оправдалась. Хотя основа повести, её фактография, – явно не «высосана из пальца», а подробное воспроизведение рассказа какого-то ветерана.

И понимаю, что в таком сыром виде в журнал она никак не пойдёт. Нужна доработка, правка. Делаю для себя пометки, намереваясь направить автору письмом свои подробные замечания. Аргументирую эти замечания в каждом конкретном случае.

В общем, разбор этой повести, как мне показалось получился профессиональный, честный и весьма доброжелательный.

А ещё, по ходу чтения повести, во мне всё сильнее и сильнее укреплялось моё подозрение, что автор этот мне знаком. И если не лично, то опосредованно. Уж слишком много совпадений с тем человеком, о котором едва ли не целый год нам рассказывал наш однокурсник Санька Казанцев (Казанчик). И автор этот, выходило, ни кто иной, как его старший брат – Мишаня, учившийся в то время в Томском университете на историческом факультете.

Вот я и сделал приписку в конце своего обширного письма, высказав свои подозрения. Письмо то у меня сохранилось в памяти компьютера. Приведу полностью ту приписку.

Теперь несколько об ином. Для Вас, должно быть, не совсем обычном и неожиданным. У меня есть подозрение, что с Вами я уже очень давно знаком, правда, опосредованно. Хотелось бы

получить подтверждение или опровержение моих догадок.

И вот – вопрос "на засыпку": нет ли у Вас младшего брата 1947 года рождения – Александра Казанцева? Если – да, то получается, что я с Вашим братом учился в институте культуры на библиотечном факультете в 1969-70 годах. Мало того, мы даже жили в одной комнате общаги, на Парковой, 15, кв. 46. И учились в одной группе. Припоминаю, что он приехал учиться из Калтана (Вы ведь сейчас тоже проживаете в тех местах?); очень часто и много говорил о своём старшем брате Мишане, который учился в ТГУ на историческом факультете, а потом, якобы, работал в системе ГУИН. Так ли это? Если он и впрямь – Ваш родной брат, то мне довольно многое известно о его институтском периоде и доинститутской пятилетке. Вы должны понять, о чём я... Жаль, что он так и не доучился – задатки-то у него были природные неплохие: отличная память (он практически никогда не писал конспекты и не готовился к экзаменам – сдавал по памяти, мобилируя те знания, которые получал на лекциях). Помнится, он даже писал стихи. Отдельные строчки его стихов я помню до сих пор. Однако тот пятилетний доинститутский опыт всё же сыграл не очень хорошую службу. Лет через восемь-десять после того, как он оставил институт, мы случайно встретились с ним в Кемеровском аэропорту: я летел в Питер, на сессию аспирантуры, а он – на какую-то точку нашей области. Выпили по соточке коньяка в портовском буфете, повспоминали студенческие годы, сокурсников и – разлетелись в разные стороны. Интересно, жив ли он теперь? С его характером вполне мог где-нибудь сложить свою буйную головушку... Кстати, мною написаны и опубликованы в последней книге и частично – в альманахе "Красная Горка" (номера 7, 9 и 10) свои обширные мемуары "Профессия – Студент!" – о студенческой жизни. В них ему (Сашке Казанчику – так мы его звали) отводится немало места... Правда, если тот А. Казанцев – и в самом деле Ваш брат.

Не опускайте руки, пишите. С моими замечаниями можете и не соглашаться. Буду рад получить ответ и всячески способствовать продвижению написанного Вами.

С уважением Виктор Арнаутов. Кемерово, 23.01.2010

Вскоре я получил ответ от Михаила Казанцева. Мои подозрения подтвердились. Это был и в самом деле тот самый Миша-

ня. Он писал мне, что перечитали это моё письмо со своей сестрой не на один раз. И наплакались, вспоминая своего непутёвого брата, который сгинул-таки в лагерях, на четвёртой ходке.

А рассказы и повести Михаила Казанцева (писать он стал гораздо лучше и профессиональнее) мы потом печатали неоднократно в нашем журнале. Хотя лично с ним до сих пор так и не встретились.

Совершенно удивительными оказались совпадения и встречи ещё с одним писателем. **Геннадием Кругляковым**. О нём я даже написал большой очерк, который был напечатан в нашем журнале под названием «Слышавший реки и травы, и даже недра земные». Пожалуй, не буду я тут мудрствовать и приведу наиболее значимые его фрагменты. Тут столько совпадений и случайностей...

«Его имя и фамилия в моей сознательной жизни возникли тогда, когда я только-только начал приобщаться к писательской среде.

Выпустив в 1999 году в Новосибирске свою первую книжечку рассказов «Вариации на тему «Вокруг рыбалки», ранней весной следующего года я оказался в Томской области, на своей малой родине Пудино, на 60-летнем юбилее нашей средней школы.

Я с гордостью раздавал свои первые автографы, даря и подписывая книжечку своим родичам, друзьям, учителям и однокашникам. Среди однокашников оказался и Миня Синицын – местный самородок-Кулибин, первым запустивший в наш, Богом забытый, болотный край центральное телевидение.

Принимая в дар мою тоненькую книжечку в синей обложке, Миня, стеснительно улыбаясь, спросил:

– А ты не знаком, случаем, с писателем Геннадием Кругляковым?

Я напряг свою память и не обнаружил в ней такового.

– Н-нет, – запинаясь, виновато произнёс в ответ. – А кто он?

– Да... материн родственник. Племянник её, двоюродный.

Выходит, он нам с Шуриком троюродным братом доводится...
Тоже книжки пишет...

– Да-а? А где он сейчас? – поинтересовался я, скорее из вежливости.

– Жил где-то в Алма-Ате, а теперь, кажется, куда-то под Москву перебрался...

– Ну, Миня! Ты бы ещё про кого из забугорных спросил... Я и своих-то, кузбасских писателей, знаю: раз-два – и обчёлся.

– Так он же наш, пудинский. А жил и в Ляшкино, и в Красном Яре. После нашей школы Томский политех заканчивал...

– Даже так? А возраст у него какой?

– Да постарше нас с тобой лет на десяток, чуть более...

– Нет, Миня, не припомню. С таким не встречался... И зацепиться даже не за что...

На том наш разговор с Михаилом Синециным тогда и закончился. И, похоже, никогда в жизни я о нём бы и не припомнил. Если бы не один случай...

Издав очередью две своих следующих книжки рассказов, я был в писательской среде Кузбасса уже довольно известным «молодым» автором. Со многими поэтами и прозаиками я успел сблизиться. Из общения со мной, а особенно после книги «Где Чузик мой коричнево змеится...», они уже знали и о Пудино, и о речке детства моего – Чузике.

Я стал частенько наведываться в Дом литераторов Кузбасса. А однажды, было это в ноябре 2004 года, среди завсегдатаев сего пристанища поэтов и прозаиков, я застал в нём и Валентина Махалова. Дядя Валя (так мы, «молодые», называли его) держал в руках книгу, заинтересованно и внимательно вчитываясь в неё.

Увидев меня и поздоровавшись, он, возбуждённо, тут же выдал:

– Ты знаком с таким поэтом, Геннадием Кругляковым?

– Я знал одного Круглякова, но его звали Анатолий Иванович. Да и поэт-то он был, сам знаешь какой... Прозаик всё-таки...

– Нет, этот другой, Геннадий. Тоже, между прочим, пишет про твой Чузик. И поэт – хороший!

– Интересно... К сожалению, не знаю такого...

На этом разговор наш окончился, дядя Валя спешил и был озабочен предстоящей творческой встречей с почитателями его таланта.

Зайдя к Анатолию Павловичу Иленко, заместителю Председателя Союза писателей Кузбасса, увидел у него на столе книгу «Слушая реки и травы» – того самого автора, о котором только что говорил мне Махалов. Я с любопытством раскрыл её и почти на первых же страницах обнаружил до боли родные и знакомые топонимы: Ляшкино, Красный Яр, Пудино, Чузик... А чуть далее и фамилии: Захаровы, Кругляковы, Пуртовы, Гиеш, Антиповы... Вот это сюрприз! Оказывается Геннадий Кругляков – мой полнейший земляк, родившийся, как и я, в местах спецпоселений, в соседней деревеньке Ляшкино (у меня в повести – Ляхово), в шести километрах от моего Красного Яра.

Придя домой, читал взахлёб его *мемуары* до полуночи, и до того расчувствовался, что не мог уснуть потом ещё часа три... Особенно зацепило меня описание его сиротского детства.

А когда дело дошло до того места, где он жил в Красном Яру, в деревянном рубленом доме, что стоял как раз напротив нашей начальной школы, у меня и вовсе возникло жгучее ностальгическое чувство. И подозрение: уж не тот ли самый это дом, в котором вырос и я? Только с Геннадием это происходило десятью годами ранее.

На следующий день я с нетерпением позвонил маме, что жила в Пудино. Стал спрашивать про Геннадия, Захаровых, Кругляковых. И, между прочим, поинтересовался:

– Мама, а у кого вы купили дом в Красном Яру, что напротив школы?

– У Бекаревых, – услышал я в ответ, и был разочарован.

И всё же ещё теплилась у меня надежда:

– А что, они всегда там жили?

– Нет. Они покупали его у Кругляковых...

Вот оно! Точно! Всё-таки моя интуиция и вычисления не подвели меня!

...Читая книгу «Слушая реки и травы», я дошел до его публицистики. Очень даже неплохо пишет. Зрело. Возникла мысль: а не написать ли ему письмо? Познакомиться и выслать последние две своих книжки о наших с ним общих родных местах. Авось, да и напишет что о них.

Из всё той же книги я узнал и о нелёгкой судьбе моего земляка. А судьба уготовала ему и весьма замысловатую биографию.

Родился он в предвоенном 1938 году. Его мама, урождённая Захарова Прасковья Ивановна, вместе с раскулаченными родителями была выселена из деревни Карачи, что в районе озера Чаны, в Нарымскую ссылку – «за болото». Как говаривали ссыльные спецпереселенцы, высадили их «на голую кочку» в рямной тайге, на берегу речки Чузик. Там, в восемнадцати километрах от районного центра Пудино наспех выстроились бараки и домишки деревушки, названной Ляшкино. А по соседству, шестью километрами ближе к райцентру, на высоком берегу Чузика разбежались и домики Красного Яра. Красный Яр – раза в три побольше Ляшкина, в нём была уже и начальная четырёх-классная школа с двумя учительницами.

Тайна рождения Геннадия открылась не сразу, уже в сиротстве, лет в десять. Роясь в бельевом шкафу у своей тётки, он вдруг случайно обнаружил свидетельство о рождении. В нём были имя и дата рождения его, но самое страшное – там стояли другая фамилия и другое отчество – Браницкий Геннадий Теодорович...

Несколько позднее из рассказов родной тётки Геннадия выяснилось следующее: его мама в 1937 году была направлена на курсы бухгалтеров за двести вёрст от Пудина – в Парабель, центр соседнего района. Там у них преподавал ссыльный поляк Теодор (Фёдор) Браницкий. Возникли взаимные чувства, перешедшие в интимные отношения. А вот соединиться любящим ссыльным людям, находящимся на поселениях в разных местах, власти не позволили. В следующем году появился на свет Гена, уже в деревушке Ляшкино Пудинского района, куда из Парабеля вернулась его мать.

Родился Геннадий и вырос безотцовщиной. Уже много позднее, интересуясь своей родовой по отцовской линии, ниточка разысканий привела его к известным польским семьям Браницких, ведущих свои корни от Александры Васильевны Браницкой, урождённой Энгельгардт, племянницы князя Потёмкина – жены коронного гетмана Франциска Ксаверия Браницкого и их дочери – Елизаветы Ксаверьевны Браницкой-Воронцовой. Да-да, той самой графини Елизаветы Воронцовой, с которой был роман во времена южной ссылки у самого Александра Сергеевича Пушкина! Не слабо... Может, отсюда и генетические истоки таланта писателя Геннадия Круглякова?! Как знать...

А с отчеством у него вышло так, что для поступления в Пудинскую среднюю школу в 1950 году, потребовался документ. Тут-то и выдали его приёмным родителям, как свидетельство-дубликат, с указанием фамилии и отчества приёмного отца. Так стал Геннадий Фёдорович Браницкий (Захаров) Геннадием Владимировичем Кругляковым.

Геннадий рано лишился и матери – умерла, унеся с собой и многие семейные тайны. Скончались и её родные родители. Маленький Гена вынужден был мыкаться по родственникам, чаще всего живя в многодетной семье своего двоюродного деда Потапа Захарова (родного деда моих друзей детства и однокашников – Мины и Шурика Синицыных и Толика с Володей Захаровых).

Как-то его, беспризорного Генку, заметил председатель артели пихтового заводика Владимир Кругляков, живший в Красном Яре, в шести километрах от Ляшкино. Он и уговорил деда Потапа отдать ему мальчонку. Так и оказался Геннадий в семье Кругляковых, усыновивших его и давших ему свою фамилию и отчество. Вот и жили они (правда недолго) в том самом доме напротив школы, в котором и мне потом довелось жить почти десяток годков, спустя некоторое время – сначала вместе с моими родителями, а позднее – навещать туда и к бабушке.

После окончания начальной школы смышлёного и способного к учёбе мальчишку отправили приёмные родители учиться в Пудино. Все шесть лет учёбы мыкался он по квартирам, каждую субботу пешком преодолевая восемнадцать километров до дома в Ляшкино, куда переехали Кругляковы из Красного Яра. А под вечер в воскресенье – этот же путь обратно, с котомкой провизии на неделю за плечами...

Окончили мы с ним одни и те же школы: сначала начальную в Красном Яре, а затем и среднюю Пудинскую, с разницей в одиннадцать лет. Застал я ещё и некоторых общих наших учителей, так что получается: мы с Геннадием Кругляковым – дважды одношкольники.

Возможность вырваться из колхозной крепостной кабалы у молодёжи тех мест была практически одна – поступить учиться в институт или техникум. Способности к учёбе у Геннадия сочетались с рано проснувшимся исследовательским любопытством. Так, на каникулах после окончания седьмого класса, он собрал

образцы слабжелезистых руд, выступавших по обнажениям берегов нашего Чузика, и радужные разводья болотинок, свидетельствующие о наличии там нефти, и отослал всё это с сопроводительным письмом в Томск, в краеведческий музей. Было это ещё до открытия в наших краях месторождений нефти и газа.

После окончания средней школы Геннадий без особых усилий поступает в Томский политехнический институт на геолого-разведочный факультет, по специальности «Геофизика». Приобретая специальность, Геннадий пробует себя здесь уже и как поэт. Из-под его пера выходят многие стихи, не всегда ещё зрелые, но откровенные, исходящие от души, а не по заказу. В редакции институтской газеты «За кадры» раз в неделю собирается творческая молодёжь литературного объединения «Молодые голоса».

Здесь, в Томске, он посещает литературную студию, знакомится с другими начинающими поэтами, и не только своего института, но и университета. Его стихи начинают появляться в вузовских «многотиражах» и даже, временами, в Томской областной газете «Красное знамя».

Незабываемые впечатления оставила у студента Геннадия Круглякова первая полевая геологическая практика – на Горном Алтае! Чуйский тракт, бирюзовая красавица Катунь, Чемал, величайшая гора Алтай Белуха...

В начале лета 1960 года отчисленный с четвёртого курса студент оказался в Кузнецком Алатау – принятым на работу сначала младшим техником-геофизиком, а немного позднее – техником – в Северо-Алатауской геофизической экспедиции Западно-Сибирского геологического управления. Экспедиция базировалась в Кемеровской области, недалеко от станции Тяжин. Почти два года он проработал, ведя магнитометрическую съёмку нового месторождения скарнового золота в районе деревни Натальевка.

Написанные в полевых условиях стихи Геннадий отправляет в газеты, его печатает «Комсомолец Кузбасса». За них ему шлют переводы – по три пять рублей за публикацию.

В 1961 году Кругляков возвращается в Томск, восстановившись на заочное отделение своего института...

Потом было окончание института, распределение. Работа и скитание по экспедиционным геологоразведочным горам Саян и Алатау. Была и Молдавия. И опять судьба занесла его в середи-

не шестидесятих годов в Кузбасс. На сей раз в Горную Шорию – в эти замечательные и уникальные природные места. Не без его участия в районе Таштагола проводились геофизические исследования запасов магнетита – месторождений местных железных руд. Тут он однажды столкнулся и с чудом природы – реликтовым Кузедеевским липовым островом.

Чутко вслушиваясь в дыхание природы, шелест трав и разговоры перекатных речных струй, он восклицает: «Теперь во всём я вижу красоту!» Геннадий продолжает писать стихи, отсылая их время от времени в газеты «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Его печатают, он знакомится с кузбасскими журналистами и писателями. Сближается с поэтами Валентином Махаловым и Игорем Киселёвым. Игорь Киселёв становится и редактором его первой поэтической книжки «Взмах крыла», выпущенной Кемеровским книжным издательством в 1967 году.

Потом романтика геолога и лирика поманила его в Казахстан. На долгие двадцать зрелых лет его пристанищем становится столица Казахстана Алма-Ата. И здесь он попадает в круг замечательных поэтов и прозаиков, среди которых находит особое взаимопонимание с удивительным поэтом Олжасом Сулейменовым.

Как геолога, его не могли не интересовать предшественники, внесшие свой вклад в исследование и изучение Сибири, её богатств и недр. Среди таковых Н.М. Пржевальский и П.П. Семёнов-Тяншанский, А.П. Окладников и В. А. Обручев, И. В. Мушкетов и М. А. Усов. Биография и труды великого путешественника, геолога и исследователя Сибири и труднодоступных районов Средней Азии Ивана Васильевича Мушкетова послужили основой для написания Геннадием Кругляковым о нём книги «Пегие горы», которая вышла в Алма-Ате в 1986 году.

Однако, вернёмся к тому времени, когда лично я узнал о существовании моего земляка – поэта Геннадия Круглякова.

Сразу же после моего заочного знакомства с Геннадием через его книгу, появилось желание познакомиться с ним лично, или для начала хотя бы написать письмо. Сделал я это едва ли не на следующий день. Написал очень тёплое и ностальгическое письмо, сообщив ему о нашем многом общем. Однако, как было отправить это письмо адресату, ведь в нашем Доме литераторов

его адреса никто не знал. Не могли мне толком никто сказать – и каким образом оказалась его книга в ДЛК? Кто её туда принёс?

С большим трудом, окольными путями, сначала через маму, потом через Миню Синицына, его младшую сестру Екатерину, живущую в Томске, я наконец-то добрался и до распространителя книги Геннадия Круглякова – жены его двоюродного дяди Павла Захарова (родного дяди Мини и Шурика Синицыных), живущую в Томске. От неё (Людмилы) я выяснил, что Геннадий Владимирович живёт теперь в подмосковном городе Электросталь, узнал его почтовый и домашний адрес. Моё письмо ушло в надежде на скорый ответ. Увы, такового не последовало.

Вскоре, в марте 2005 года, я побывал на очередном школьном юбилее в Пудино, где в числе именитых учеников и выпускников Пудинской средней школы числились Владимир Крюков и мы с Кругляковым – как писатели России. Я надеялся на встречу и знакомство с ним. Тогда этого не случилось: Геннадий не смог приехать на встречу, послав туда лишь поздравительную телеграмму и парочку экземпляров своей последней книги.

А к этому времени у меня вышла новая книга «На рифах памяти». И опять – про наши с ним родные места и ностальгические времена. На вечере встречи выпускников школы я делал видеозаписи и даже специально сфотографировался с моими земляками – троюродными братьями и сестрой Геннадия Круглякова, с прицелом – выслать ему всё это с очередным письмом.

Кроме прочего, у меня была и ещё одна подспудная цель: а не напишет ли он свой авторитетный и компетентный отзыв о моей последней книге?

Наконец, вместо письма в моей городской кемеровской квартире раздался телефонный звонок, по межгороду. Слегка запинаящийся и путающийся волнительный голос представил: Гена Кругляков.

Он благодарил меня за письма, фотографии с вечера встречи и мои книги. Поскольку у книг речь шла весьма сдержанно и даже как бы окольно, я понял, что до них у него пока дело не дошло и времени не хватило... Жаль... От такого разговора с ним по телефону настроение моё было несколько подавленным,

и представление о Геннадии Круглякове, как человеке, – не самое приятное.

А через некоторое время, в самом начале осени 2005 года, опять же по телефону, Геннадий сообщил мне, что собирается в Томск, и планирует навеститься в Кемерово. Я обрадовался такой появившейся возможности.

Рано утром, 28 сентября, опять позвонил он. И попросил, чтобы я встретил его на Кемеровском автовокзале. В этот день почти вся наша пишущая братия провожала в последний путь большого друга писателей – народного художника России Виктора Сергеевича Зевакина. Поэтому в ДЛК никого не было, и я решил привезти его к себе домой. Вот что осталось в моих дневниковых записях о той встрече с Геннадием Кругляковым.

30 сентября 2005 г.

Позавчера состоялась ещё одна интересная встреча. Точнее, визуальное знакомство с Геннадием Кругляковым. Приехал он поездом из Москвы, через Томск. Я его встретил на вокзале, привёз к себе домой. Взяли бутылку сухого красного вина и полторашку пива. На скорую руку сготовил пожевать и закусить. Включил видеозаписи с Пудинских школьных встреч... Помянули недавно погибшего моего друга, а его троюродного брата – Михаила Синицына, который меня-то и вывел ещё лет пять назад на поэта Круглякова.

Много говорили о поэзии и поэтах. Кстати, сам Кругляков – человек весьма своеобразный. За кажущейся простотой и демократичностью, чувствуется уже некоторый латентный снобизм и высокомерие по отношению к провинциалам... Категоричен в суждениях, непримирим к графоманам.

Из тех моих книжечек, что я ему выслал, он, похоже, прочитал не более двух-трёх рассказов. Хотя меня называет писателем (особенно в разговорах по телефону со своими знакомыми). Я же подписал и две своих книжки его томскому приятелю-земляку профессору ТПИ Гуртякову А.М. (Я о нём слышал, но не знаком). Покоробило меня, как профессионального библиотекаря, его отношение к дарственным книгам вообще. Сказал, что и хранить многое не стоит и выбрасывать не очень хорошо... Что уж говорить про то, что их он внимательно читает... Так, разве что перелистнёт иногда, засунув в какую-нибудь темнушку.

Показал ему наш журнал «Огни Кузбасса». Он его даже толком и не посмотрел. Много рассказывал о знакомствах с Леонидом Мартыновым, Виктором Боковым, Олжасом Сулейменовым, Валентином Распутиным, Юрием Кузнецовым, Анатолием Парпарой, Станиславом Куняевым... Честно признаюсь, ожидал от подобной встречи большей теплоты и взаимопонимания... Вроде, всё и не так уж плохо, но какая-то трещина и даже расширяющаяся дистанционность обозначилась. А накануне, буквально за день, я в «ударе нежных чувств» к малой родине и друзьям, особенно к так нелепо погибшему Мине Синицыну, просматривал видеозаписи. И даже наметил для себя: сделать видеодубль именно для Круглякова и отослать кассету в Москву. На ней – его троюродные братья – со стороны Захаровых и Синицыных... Теперь убедился: ему это не очень-то и нужно...

Однако, книжку свою, которую я заполучил в нашем ЦДЛК ещё год назад, он подписал мне довольно тепло: «Дорогому Виктору Арнаутову – земляку, более чем земляку, близкому человеку по восприятию этого грустного мира... Искренне – Геннадий Кругляков». Ну, и на том спасибо...

Как ни странно, но после этой встречи, отношения наши стали налаживаться в лучшую сторону. Особенно после того, как он прочитал мои книги. Частенько стал он позванивать мне по телефону из Электростали. Обычно, уже в состоянии лёгкой прострации от принятого веселящего. Вот ещё одна запись моего дневника:

14 января 2006 г.

Позавчера позвонил из Москвы Г.В. Кругляков, поздравил с Рождеством и Новым Годом, сообщил, что родилась у него очередная внучка. Хвалил опять мою прозу. Только лучше бы он написал что-нибудь о ней критического – было бы нечто материальное, а не устно-хвалебное.

Я сделал фотографии для своего писательского фотоальбома. Пополнил фотками, где я – с Геннадием Кругляковым и с другом, новокузнецким писателем Владимиром Максимовичем Неунывахиным. Поразительное внешнее сходство между ними! Они и возрастом одинаковы. Просто – почти одно и то же лицо! Бывают же такие вот сюрпризы и загадки Природы!

В Томске со временем образовалось своеобразное землячество бывших пудинцев, которые ежегодно, на День физкультур-

ника, в середине августа собираются человек по тридцать на пригородной даче мастера спорта и бывшего чемпиона России по мотогонкам – нашего земляка Владимира Махно. Среди участников этого «форума» встречаются доктора и кандидаты наук, профессора и доценты вузов, учителя и врачи, военные и инженеры, спортсмены и директора предприятий, культработники и телевизионщики, поэты и прозаики. И не только одни нынешние томичи, но и новосибирцы, алтайцы, кемеровчане.

На одну из таких встреч пригласили и меня, соблазнив тем, что на неё обещается приехать из Москвы и Геннадий Кругляков. Я связался с ним по телефону. Он подтвердил это. Мало того, он сообщил, что намерен после встречи съездить и в наше Пудино, побывать и поклониться Красному Яру и Ляшкино... А, поскольку не стало Мини Синицына, его троюродного брата и моего однокашника, я даже посоветовал ему остановиться там у моей мамы.

Встреча пудинцев состоялась, как и намечалось, в августе 2008 года, в Тимирязево – пригороде Томска, на даче у Володи Махно. Приехал туда и я из Кемерова, со своими школьными друзьями – томичом Николаем Ковшаровым и шегарцем Анатолием Устюговым. Только на ней не было Геннадия Круглякова.

Его уже вообще не было в живых...

Но остались его книги и стихи. Много стихов. Среди которых и вот это:

*Слушая реки и травы,
Ранние голоса,
Думаешь: Господи правый,
Так ли прозрачна роса?
Так ли бездонны озёра
С чистой божьей водой?
Колокол звёздного хора
Грозно гудит над тобой.
Выдержать с нами соседство
Больше не в силах леса.
Есть лишь последнее средство –
Грозные небеса.
Небо огнём разразится,
В недрах послышится рык,*

*Чтобы освободиться
От неразумных владык...
Слушая реки и травы,
Милую детскую речь,
Думаешь: Господи правый,
Как их навек уберечь?*

Да-а, великоват, пожалуй, получился тут материал о Геннадии Круглякове. Только уж очень колоритной фигурой он мне показался.

Школьные годы и годы юности – как быстро и далеко они отодвигаются. И лишь там остаются и учителя, и многие одноклассники, которых уже нет в живых. Да только память о них жива. А, порой, напомнит о них какая-нибудь преинтереснейшая встреча или случай.

Моим ровесникам, родившимся и выросшим уже после большой войны и великой Победы, казалось бесспорным, что на том все войны уже и закончатся. А уж нам-то никогда не придётся ни с кем воевать. Служить в армии – да, но не воевать... Увы. Снегом на голову среди ясного неба оказались для многих из нас военные конфликты с китайцами на восточной границе, на острове Даманский, в марте 1969 года. Я тогда работал учителем начальных классов восьмилетней школы села Львовка.

А тут: сообщение по радио голосом знаменитого Левитана о событиях на Даманском. Тогда же мы узнали и о погибших на нём наших пограничников. И среди них оказались два моих одноклассника-пудинца – **Иван Ветрич** и **Саша Ионин**. Что и говорить: теми сообщениями мы были просто шокированы. А когда я попал вскоре служить на Дальний восток, в морскую пехоту, то нас готовили к военным действиям против китайцев. Повсюду были развешены плакаты – с фотографиями изуродованных хунвейбинами тел наших пограничников: израненными штыками и ножами лицами, выколотыми глазами, отрезанными носами и ушами... Как говорится, зрелище сие не для слабонервных. Но, видимо, нас этим самым готовили психологически – к войне с жестоким и оголтелым противником...

А теперь – об одной удивительной и случайной встрече, которую я немного позднее описал. Как и в случае с Геннадием Кругляковым, я прибегну к тому же приёму – приведу здесь очерк, в саморедакторской правке.

Летом 1974 года я попал в студенческий путинный отряд, аж на самую крайнюю точку нашей территории – остров Шикотан, находящийся в Тихом океане, совсем недалеко от японского острова Хоккайдо.

Работали на консервном заводе, изготавливали «сайру бланшированную в масле». Работа, прямо скажем, не из лёгких. Приходилось по 12 часов стоять у бланшировальных печей, загружая и разгружая их противнями с банками сайры. Иную смену от пота меняли по два-три комплекта халатов: хоть выжимай, как стираное бельё.

Однако, сколь ни была бы тяжкой и нудной работа, но и к ней начинаешь привыкать, навыки вырабатываются, профессионализм какой-никакой. Август подкрался незаметно, ничем пока не отличаясь от июля. По паре пересменков уже сделали, опять вышли в ночную смену. Работалось без сбоев, азартно, рыба валом шла на конвейеры. Стало быть, и денежки капали в наши карманы.

Как-то часов в семь утра, миновав самую кризисную дремоту, я вышел на пирс бухты перекурить и невольно залюбовался живописным видом. В самой бухте ещё стоял туман, а на вершинах соседних сопок золотистыми лучами уже ласкалось шикотанское солнце. С сопок мой взгляд скользнул ниже, по пограничной заставе и почти совсем скрытым в тумане арестованным японским шхунам-кавасаки.

Потом свой взор я перевёл на стоящие у пирса сейнера, которые уже сдавали сайру, вернувшись с ночного лова. Сейнера слегка покачивались на прибойной волне. Мне стало любопытно: все они, как нарочно, назывались с одной буквы – «Ома», «Одарённый», «Осведомлённый», «Опрятный»...

И вдруг... Словно электрический ток прошёл по всему моему телу – **«Пограничник Ветрич»!** Сначала я не поверил своим глазам, но вскоре убедился, что не ошибся.

По-озорному растолкав сейнера, стоял рыболовецкий траулер с белой надписью на носу «Пограничник Ветрич».

Я растерялся, и было от чего. Разве мог я предположить, что здесь, на краю земли, в Тихом океане, снова повстречаюсь со своим одноклассником Ванькой Ветричем?! Нет, конечно же, не самого Ваньку я встретил здесь...

Мысленно меня унесло в безвозвратное детство и школьную юность, в нашу небольшую деревню Пудино. Я чётко представил рыжеватые вихры, веснушчатое лицо и острые смеющиеся глаза Ивана...

Тогда, лет восемь-десять назад, никто и не думал из нас, его ровесников, как недолог Ванькин жизненный век; что его фамилию будет носить улица в нашей деревне, сводный студенческий районный отряд томичей и, уж тем более, – какое-то рыболовецкое судно, с припиской в порту Корсаков на Сахалине. Да и сам Ванька никогда не помышлял о таком: не война, какие могут быть подвиги в мирное время?

В ту пору Иван Ветрич был таким же, как и многие из нас, послевоенных детей. Разве что рос более задиристым, ершистым, с постоянными синяками и ссадинами, с проделками и рассказами об охоте и рыбалке. Доводилось и мне неоднократно с ним вместе стрелять непуганые выводки рябчиков или всю охоту прогоняться за табуном косачей, так и не сделав по ним ни одного выстрела.

Азартным был Ванька в охоте-рыбалке. Учёба, правда, давалась ему похуже. А с чего ей было даваться?! На уроках его темперамент не позволял ему внимательно слушать и запоминать. Придёт домой – сумку школьную с глаз подальше! Какие могут быть домашние задания. Ружьё в руки, удочку – и айда! Зимой на лыжах круги нарезали, ставя на зайцев петли. Носились с горок на лыжах и прыгали с самодельных трамплинов, чтобы дух захватывало. Толкались стенка на стенку, занимая высотки... Да и по дому – не бездельничали, как нынешние – помогали родителям.

Старше меня был Иван на два года.

Из класса в класс, тем не менее, его переводили. Правда, в одном классе всё же он тормознулся на два года. Да и то, вроде бы по болезни. Догнали его мы в пятом и проучились вместе до восьмого. Потом мы в девятый подались, доучиваться до аттестата, а Иван – в ПТУ, на тракториста. А весенним набором и в

армию угодил, на границу с Китаем, который отделяла свое-
нравная река Уссури. А на реке той – остров, наш тогда ещё
остров – Даманский...

Год и прослужил всего Иван на границе.

2 марта 1969 года с командиром заставы, старшим лейте-
нантом, вышли на лёд Уссури пограничники вшестером к озве-
ревшим науськанным хунвейбинам, вооружённым поголовно
нашими же «калашами», а не только цитатниками Мао.

Всех шестерых расстреляли едва ли не в упор. Был ли ещё
какой подвиг у Ивана, кроме этого, нам не сообщали. Это уже
потом я видел любительскую фотографию всех шестерых, вы-
шедших на лёд... Да неузнаваемые изуродованные тела и лица,
уже на плакатах... А ещё – родителей тех пограничников, ры-
дающих у гробов своих сыновей... Фуражка зелёная, с вытрав-
ленными хлоркой на подкладке номером и фамилией, висела
рядом с увеличенной фотографией Ивана на стене в деревен-
ской избе – как икона на почётном и видном месте...

... В две затяжки дотянул я свою сигарету, отстрельнув
обжигающий пальцы охнарик в воду. За другую хватился – пус-
то в пачке. Будто мощным магнитом потянуло меня теперь к
Ваньке-траулеру. Подошёл по пирсу к судну. На палубе стояли
двое рыбаков-бородачей.

Я спросил разрешения подняться на борт судна. Те, удив-
лённо переглянувшись, разрешили: заходи. Поздоровались. И я
в волнении и сбивчиво поведал им о своей причине посещения
их траулера.

Мне дали закурить. Я расспрашивал их и рассказывал сам
о том, чьё имя носит их судно. Подошли ещё человека три-
четыре. Не менее удивлёнными и взволнованными оказались и
они. Как выяснилось, рыбаки совсем мало что знали об Иване.
Даже фотографии его и той у них не было...

– Вот ходишь уже сколько лет на этом траулере по морям
и океанам, заходишь, бывает, и в иностранные порты и не зна-
ешь: что это был за человек, – с сожалением рассуждал один из
моряков. – Даже фотографии его нет. Слышали только, что был
такой пограничник, погибший на Даманском...

– А сколько ж ему было тогда? – поинтересовался другой.

– Неполных двадцать, – ответил я, пообещав рыбакам рассказать об этой встрече родителям Ивана и даже выслать им его фотографию.

Извинившись и сославшись на то, что надо срочно бежать к своим бланшировальным печам, я покинул траулер. Не удержавшись, поведал о такой необычной встрече своим напарникам.

Всю оставшуюся смену в голове моей роились мысли и воспоминания о своём детстве, школе, учителях и, конечно же, о Ваньке Ветриче. А по мозгам, словно молотком, стучала фраза, оброненная одним из рыбаков: «А было б лучше, если б был он живой...»

Ах, опять это сослагательное наклонение...

Через неделю после этой встречи подались мы с ребятами в местный клуб на какой-то фильм. А перед началом фильма, как обычно в те времена, крутили киножурнал. И надо же! В кадре документального кино застыли в почётном карауле два пограничника перед обелиском. А на гранитном обелиске, третьей сверху, была высечена строка: **Ветрич Иван Романович...**

Через пару месяцев после этой встречи я и сам попал служить на Дальний восток. И оттуда написал в школу письмо, приложив к нему и свой очерк о той необычной встрече, полагая, что его поместят в школьную стенгазету.

Этот очерк учителя мои решили отправить в нашу районку, где он и был напечатан. Чуть позднее его перепечатала областная газета «Красное знамя». Вот с этого, пожалуй, и следует считать начало моего пути в литературу.

Много лет спустя на одном из школьных юбилеев ко мне подошла симпатичная женщина, помоложе меня года на четыре, сказала, что она – младшая сестра Ивана Ветрича. А ещё она поведала мне, что её мать до самой смерти хранила у себя под подушкой газетную вырезку – тот самый очерк о погибшем сыне...

И ещё: факт гибели на Даманском наших пограничников, и в частности Ивана, послужил основой для финальной главы и сцены моей повести «Приоткрылись родимые дали...»

Служба в армии. Общая на всех казарма. Один боевой расчёт на учениях и тренировках... Волей-неволей, а приходится, чтобы выживать, заводить дружбу с сослуживцами. Дружба эта либо перерастает потом в «гражданку», либо затухает и исчезает вовсе, если общения прекращаются.

Вот и у меня так было. Сдружился за время службы со многими. Прежде всего, как и я, годками – попавшими в армию рядовыми после институтов всего на один год. Почти со всеми из них после дембеля отношения прервались после двух-трёх писем и праздничных поздравлений. Дольше всех держались дружеские связи с недоучившимся студентом из Томского мед-института Санькой Былиным, который позднее переехал в Москву. Встречались после окончания службы с ним – и в его Томске, и у нас – в Кемерове. А потом – и в самой Москве. Но, уже более двадцати лет, как говорится, о нём – ни слуха, ни духа.

Часть, в которой нам довелось служить, находилась в большом селе Раздольное, что распростёрлось практически одной улицей, длиной в 13 километров, между сопками – с одной стороны и рекой Суйфун – с другой. От Раздольного по железке было порядка 100 километров до Владивостока и около 50 – до Уссурийска.

К тому времени была очень напряженной обстановка с Китаем. И базировалось в Раздольном аж 17 частей различных родов войск, в том числе и наша – отдельный морской инженерно-десантный батальон морской пехоты, обозначившийся для почтовой переписки, как в/ч 40159. Было в ней всего четыре роты, свой штаб, знамя и всё прочее, что полагалось иметь самостоятельному войсковому соединению. А служило в нём одновременно всего порядка 450 военных, вместе со всеми офицерами, мичманами и прапорщиками. На случай военных действий в течение двух часов мы разворачивались в полк. Этому нас тренировали едва ли не каждые два месяца по тревоге «Огонёк». А два раза нам пришлось и в самом деле разворачиваться в полк, принимая ещё столько же запасников – рядовых, сержантов и офицеров.

От Кузбасса и родной Томской области, таким образом, наша часть находилась на весьма приличном расстоянии. И попадали служить в неё люди – едва ли не со всего Советского Союза – России, Узбекистана, Казахстана, Грузии, Молдовы, Украины, Эстонии, Латвии... Поэтому и разъезжались мы после увольнения в запас по своим родным местам. А поскольку часть

наша была малочисленной, то и встречи с сослуживцами бывали крайне редко. Встретить такого сослуживца – всё равно, что с давно не видавшейся роднёй – и волнительно, и ностальгично.

О двух таких случайных встречах я и хочу здесь поведать.

Лет двадцать назад, с небольшим лишком, приехал я в Красноярск, на 40-летие своей сестры Татьяны. Застолье собралось приличное, человек под тридцать. Многих из них я не знал и видел впервые.

Рядом со мною оказался мрачноватый человек, помоложе меня лет на шесть. Обличья нерусского, неславянского. Скорее – татарин. С густой и чёрной, аккуратно подстриженной бородой. Молчаливый, неразговорчивый, сдержанный. Вот и молчали, до той поры, пока языки не развязало выпитое спиртное.

О чём могут говорить незнакомые между собой мужчины, если не о работе да о женщинах? Ну, ещё о службе в армии по-интересуются.

Как выяснилось вскоре, этот мужчина, оказался милицейским майором, под началом которого находился весь правопорядок недавно открывшегося нового красноярского аэропорта Емельяново. А попал он за это застолье благодаря своей жене – подруги нашей Татьяны.

Слово за слово, дошло дело и до службы в армии. Оказалось, оба служили на Дальнем Востоке. Уже – почти родня. И оба – на флоте: уже интересно. А где, на каких кораблях? Да, сухопутные оба, морские пехотинцы!

Вот это совпадение! Потеплел мой визави. Глаза чёрные, смоляные заискрились.

– А где часть базировалась? – интересуюсь.

– В Раздольном! – отвечает бородач.

– В/ч 40159?

– Да-а, – отвечает сосед. – А откуда вам это известно?

– Так и я ведь служил в этой же самой части! Ещё матросом. Потом – сержанта присвоили.

– Вот это номер! А когда служили?

Говорю ему, что служил всего один год, после института, с осени 1974 по середину ноября 1975 года.

– А я – призывался весной 1977 года...

– Стало быть, разминулись на полтора года...

И пошли оживлённые вопросы: в какой роте? Кто был командиром части, замполитом, командирами рот и взводов?...

Выяснилось даже, что командиром их взвода был сослуживец из моей роты, подавшийся на сверхсрочную и окончивший школу прапорщиков...

А после окончания службы моего нового застольного соседа Геннадия Сангаджиева занесло на милицейскую дорогу, в Красноярск. Побывал я у него и дома, смотрели фотки из его дембельского альбома, на которых я узнавал кое-кого из общих наших знакомых. Как водится, пили с ним водку – за нашу часть, морскую пехоту, за отцов-командиров, сослуживцев...

Встречались несколько раз с ним и ещё. Мой «однополчанин» уже хаживал в погонах полковника милиции...

Другой случай встречи с однополчанином оказался не менее неожиданным.

Летом 2004 года в составе делегации писателей Кузбасса я побывал на юбилейных торжествах В.М. Шукшина на Алтае, в Сростках. В тот раз открывали знаменитый теперь памятник Шукшину на горе Пикет. Народу съехалось – просто море. Там мне посчастливилось познакомиться и пообщаться со многими писателями, в том числе и с Валентином Распутиным. Всё это мероприятие длилось три дня. И везде было просто замечательно! Мы хаживали, как сейчас принято назвать, в ВИП-персонах.

Даже во время большого концерта на горе Пикет мы сидели на трибунах, совсем рядом с Распутиным, артистами – Валерием Золотухиным, Александром Михайловым и многими другими писателями и артистами.

Финалом праздника явился банкет – на прекрасной поляне прямо на берегу Катуня. Там установили две шатровых палатки, по-деревенски поставили несколько длинных сколоченных из плах столов, такие же длинные лавки-скамейки, накрытые домо-ткаными половиками. Ну, и на столах – изобилие. Тогда же, в застолье, мне довелось воочию увидеть и Михаила Евдокимова – Губернатора Алтая; его друзей – барда Олега Митяева, артистов Александра Панкратова-Черного, Никоненко, Людмилу Зайцеву, Ольгу Остроумову; сына, внука и правнука Михаила Шолохова, депутата Госдумы Харитонova и многих других знаменитостей.

И вот, после тостов Губернатора и прочих официальных лиц (а между тостами – концертных номеров), изрядно расслабившись, произносили тосты и пили уже и по отдельности, группами, точнее – столами. А за каждым столом, едва ли не по-армейски, сидело по десять-двенадцать человек. Осмелев, предложил тост и я – за День Военно-морского флота! Было это как раз на день ВМФ, 27 июля. А мотивировал это тем, что и Василий Макарович срочную службу проходил на флоте. Выпили, заговорили на эту тему. Я, как тостующий, сказал, что и мне пришлось служить на флоте, только сухопутным моряком.

Гляжу, сидевший за столом напротив мужчина поднимается с бокалом, и тоже сообщает о своей причастности к МВФ. И тоже, как оказалось, к сухопутным морякам.

– А где служили? – интересуюсь.

– На Тихоокеанском краснознаменном – отвечает.

– И я – там же, в морской пехоте.

– И я – в морской пехоте, в Раздольном...

– Так и я в Раздольном! 186 отдельный морской инженерный батальон...

– Морской инженерной службы КТОФ! – возбуждённо подхватывает мужчина.

– Так точно, – по-военному дополняю его, – в\ч 40159!

Всё, контакт найден! Тем застольным соседом оказался Михаил Переверзев – артист театра драмы города Барнаул. Однополчанин, получается. Мы пересели за столом поближе друг к другу. Служил он пятью годами ранее меня. Как раз во времена конфликтов на границе с Китаем. А по возрасту – мой ровесник. Вспоминали Раздольное, нашу часть, казармы, построенные из красного кирпича ещё со времён Будённого, каменный просторный клуб, сопки, созревающий в конце лета дикий виноград, реку Суйфун с двойным дном... А вот командиры у нас оказались почти все разными, кроме майора Копытина и его жены – библиотекаря Надежды Васильевны... Приглашал меня Михаил в гости в Барнаул, в театр...

После той встречи попасть в Барнаул в ближайшее время не удалось. На том наше общение с однополчанином и закончилось...

И сколько таких вот неожиданных встреч и совпадений пересекали мой жизненный путь? Пожалуй, всех и не сосчитать, да и не упомнить. Были они, наверняка, и у каждого любого человека.

Пожалуй, опишу тут ещё одну встречу, произошедшую совсем недавно.

За почти четверть века работы в институте довелось мне общаться со многими студентами. Кого-то запоминал, а многие забывались сразу же. Да так, что через какое-то время я уже и не мог бы вспомнить о них. А вот они – почему-то помнили меня. При встречах здоровались, а порой и напоминали мне, что я у них читал курсы лекций, принимал зачёты и экзамены... Я конфузился, извинялся и ссылался на свою плохую зрительную память.

Случалось, наши пути сходились позднее уже и на ином поприще – литературном. Наиболее яркими в этом отношении являются Миша Стрельцов – ныне руководитель писателей Красноярска и Юлия Лавряшина, живущая уже более десяти лет в подмосковном Королёве. Неплохо пишет стихи и прозу нынешняя жена Миши Кривошеина – моя бывшая студентка Елена Воробьёва.

А года два назад подарила мне свою книжечку житейско-юмористических рассказов «С улыбкой» – с автографом Надежда Дубровская. Тоже оказалась моей бывшей студенткой, к тому же ещё и знакомой Сергея и Гали Некрасовых (по училищу связи).

Так вот, эта Надежда при наших мимолётных встречах на мероприятиях уже неоднократно говорила мне, что у них в литературном кружке есть моя землячка, тоже родом из Пудино. И что она непременно хотела бы со мною встретиться. Как-то этому я не придавал особого значения. Мало ли теперь разбросанных моих земляков по необъятным просторам России, да и зарубежья?

И вот, на 90-летию со дня рождения поэта М.А. Небогатова, проводимом в Кемеровской областной научной библиотеке, в перерыве, на мимолётном фуршетном перекусе с чаем и кофе, ко мне подошли две женщины. Одна из них была уже знакомая мне Надежда.

Другая – дама моих лет – но ещё вполне привлекательной внешности, представилась: **Вера Семёновна**. Сказала мне, что родом – тоже из Пудино. Я поинтересовался фамилией. Назвала фамилию Петровой. Я сказал, что знал Петровых: и в Лушниково, и в Красном Яре.

– Так я и сама из Красного Яра...
– Вот даже как!
– Что-то я Вас никак не припоминаю.
– Так мы уехали оттуда, когда мне было всего лет пять...
– Ну, тогда, конечно... – с сожалением ответил я.
– У меня сейчас много родственников в Новосибирске. Завтра и я туда поеду. Нет ли у Вас при себе какой-нибудь книги? Вот было бы здорово: показать им там...

Книга при мне оказалась. Кажется, что-то из моих последних записок путешественника. Я пообещал ей при следующей встрече подарить что-либо из воспоминаний или касающегося нашей общей малой родины.

– А как подписать? – спросил я.
– Напишите: Решетниковой Вере Семёновне.

Я подписал ей книгу, та радостно взяла её, поблагодарив за подарок.

На этом мы и расстались, с надеждой на очередную встречу и более длительный и обстоятельный разговор. Нужно было идти на продолжение мероприятия. А после мероприятия я уже не нашёл её, разминулись.

Придя домой, я позвонил маме. Рассказал ей о необычной встрече. Спрашиваю:

– Мама, ты не помнишь, был в Красном Яре Петров Семён?

– Нет, – после небольшой паузы ответила мама, – Семёна Петрова я не припоминаю.

– Ну, как же, ведь Вера назвалась Семёновной. И фамилия Петрова...

– Петрова? Вера Семёновна? Нет...

– Теперь она, кажется, Решетникова...

– Говоришь, твоего возраста? Постой, постой! Да уж не Верка ли это Аксюткина? Только Аксютка родила её от Вяткина Семёна... Вера Семёновна, значит?! А-а-а... Вот, значит, как ... – мама совсем оживилась. – А ты разве не помнишь, ведь вы же в детстве и играли вместе. Не разлей-вода были. Жили мы недалеко друг от друга. Вот и приносили – то её к нам, то тебя к ним отводили... Вас даже женихом и невестой называли... Ещё и Аксютка, бывало, смеётся всякий раз над тобой: зятёк – хоть и

кривоногенький, а всё ж-таки свой... Вот тебе – и Вера Семёновна... Значит, говоришь, в Кемерове тебя нашла? Ну – и чудеса же бывают...

И тут я и впрямь начинаю что-то припоминать. Ведь и точно, где-то там, в закутках памяти осталось то, как я плакал и рыдал, узнав, что моя «невеста» уехала навсегда из нашей деревни. Только куда – не вспомню. А потом на наш адрес приходило от её матери несколько писем. А в одном из них была даже Веркина фотография, размером 9 на 12. Я вспомнил и ту фотокарточку, где Верка была сфотографирована улыбающейся, в какой-то шляпке, с родимым пятнышком на щеке...

Кажется, тогда это было и впрямь проявлением какого-то инстинктивного фрейдовского влечения, возникавшего в позднее время, как любовь. Помните, в начале этого эссе я писал о своей первой детской влюблённости? Моей первой неосознанной избранницей и была Верка – нынешняя Вера Семёновна Решетникова. Такие вот бывают совпадения... И что смогло бы из этого произойти дальше, не разминись в детстве наши пути-дорожки?!

Короче, занятая всё же штука – это сослагательное наклонение.

Только после той последней встречи в библиотеке я её больше не видел. И мои догадки остаются лишь догадками. Но уж слишком много совпадений. И – моя интуиция, а это – великая помощница и союзница по всей жизни...

Кемерово, январь-октябрь 2018 г.

Владимир Арнаут

ПО ЖИЗНЕННЫМ СТУПЕНЯМ

(Воспоминания)

Память детства всегда дорога...

Время, время... Оно неумолимо движется вперёд, приближая нас к старости. Выросли дети. Народились внуки. А память наша снова и снова возвращает в далёкие теперь уже времена детства. Моё раннее детство неразрывно связано с деревушкой Красный Яр, которая появилась в зимнюю пору 1930 года, совершенно в нежилом месте, куда сослали, как раскулаченных, наших недалёких предков. И среди самых первых её жителей была наша бабушка Анастасия Ивановна Иванова со своим мужем Яковом Андреевичем.

Красный Яр относился к Пудинской спецкомендатуре, печально известного Нарымского округа. Как говаривали первые раскулаченные спецпереселенцы, ссылали их из-за болота, со стороны нынешней Новосибирской области. Ширина болота (Васюганского) в тех местах достигала 60 и более километров. Селились спецпереселенцы Пудинской комендатуры в основном по речке Чузик и его притокам.

Вот и Красный Яр тоже расположился на песчаном взгорье по левому берегу Чузика в 12 километрах от Пудина.

Красный Яр... Теперь это – уже пустынный и неузнаваемый уголок, оставшийся лишь в памяти тех, кто жил в нём, или бывал там в пору его существования. Теперь там почти не осталось ни одного знакомого места, которое сохранилось бы в том первоначальном виде. Ещё пятьдесят лет назад там были улицы, стояли дома с огородами, постройками, заборами, изгородями. Были магазин, контора, клуб, медпункт, фермы, конюшня, зерносушилка, склады. Была и школа, где я проучился самый первый год, в первом классе. Были и люди – односельчане, которые в то время проживали в этой деревне, работая в колхозе с утра и до вечера. Но уже начинали по-маленьку разъезжаться назад после упразднения комендатуры и надзора.

По сути, все четверо (я, старший брат Виктор, сёстры Татьяна и Раиса) и родились-то здесь, по крайней мере, были привезены сюда сразу же, как только маму нашу выписывали из Пудинского роддома. Так что Красный Яр – это истинная наша малая Родина!

Бабушка Анастасия

Чаще бывало так, что наши родители в силу занятости на колхозных работах, имели мало возможностей принимать участие в нашем воспитании. А было бы точнее сказать, в детовождении. Декретных отпусков по уходу за ребёнком, как теперь, тогда не полагалось. Эти заботы перекладывались на плечи нашей бабушки – Анастасии Ивановны, которую мы все называли просто бабой. К тому времени она уже почти не работала в колхозе, особенно после сложнейшей операции с аппендицитом (был перитонит, и она едва осталась в живых).

И была она нам неродной бабушкой, поскольку мама наша являлась у неё приёмной дочерью с трёхлетнего возраста. Когда её родная мать умерла от цинги, наш родной дед Абакум Васильевич Шадрин решил отдать её на воспитание дальним родственникам, если вообще не бывшим односельчанам (ещё до ссылки) Ивановым. У мамы и фамилия-то была Иванова, пока не зарегистрировалась она с нашим отцом, став Арнаутовой.

По малолетству мы и не знали, что наша баба – нам неродная, но воспринимали её (впрочем, как и она нас) как родную. Характер у нашей бабы был строгий, а нрав – строптивый. Попробуй только послушаться её, или не выполнить её любое указание! Баба всем нам, особенно во время летних каникул, как колхозный бригадир, выдавала ежедневное задание.

Так, мы с братом занимались прополкой и окучиванием картошки, которой сажали в иные годы до 40-60 соток. В наши обязанности было натаскать из-под горы, с озёрка, воды на поливку грядки; напилить двуручной пилой дров из сухих жердей, которые мы натаскивали с разбивавшихся изгородей уезжавших сельчан, помогали бабушке пасти (в очереди) овец и телят... За выполненную работу бабушка выдавала нам обычно по две конфетки-карамельки. А за помощь в пастушестве, за целый день, иногда давала даже по рублю деньгами (ещё дореформенными – 61 года). Летом же, когда поспевали ягоды, вводила нас баба в лес, на сбо-

ры ягод и прочих дикоросов. И у каждого из нас была своя норма – корзиночка – в зависимости от возраста. Такие корзиночки нам плёл отец (у него это очень хорошо получалось). Бывало, что к нашей обязательной работе подключались и наши малолетние друзья, которым баба тоже выдавала, как и нам, по две карамельки, иных конфет в те времена мы не видели и не знали.

Немного позднее баба научила нас с братом и косить траву на сено корове. Косили вручную, сначала на болоте, в двух километрах от деревни, на Второй стлани. Высохшую траву смётывали на шаромчики с поддувалом...

Первая поездка к родной бабушке

Была у нас и ещё одна бабушка, родная – мама отца, которую мы называли **баба Паша**. Жила она с семьёй старшего сына Анатолия в деревне Кулики, что находилась в 25-ти километрах от Красного Яра, вверх по Чузику. Дорога туда была аховая, летом – по сплошным непросыхаемым сограм и рямам. Ездили, в основном, на лошадях: летом – запряжённых в телегу или ходок, зимой – в сани или кошеву.

Припоминаю одну из таких поездок в Кулики.

Было это зимой, мне – лет пять. Взял меня как-то с собой отец в гости к своей матери и брату Анатолию. Зимний день в наших северных широтах короткий. И как мы туда ехали, я уже и не припомню. Похоже, приехали мы к ним уже ночью, и в дороге я заснул. Ездили мы на санях-розвальнях. Дом, где жил дядя Толя с семьёй, находился с правой стороны по ходу дороги в Шерстобитово. И стоял он почти на самом краю деревни. Домик у них был совсем небольшим, всего в одну комнату. И вокруг него почему-то было совсем мало подворных построек.

Нашему приезду были все рады. Двоюродные мои сёстры Тамара и Рая, а также брат Гена всё время старались меня чем-то удивить, что-то рассказать и показать. И я с удовольствием играл с ними в нехитрые детские игры. Увы, продолжалось это недолго – день был коротким, а нам предстояло ещё ехать обратно. В качестве гостинцев баба Паша дала мне и моему брату с сёстрами кулёк конфет. Это были не привычные для нас карамельки, а коричневые ириски – кубиками.

Обратный путь запомнился мне больше. После долгой езды в неудобных санях и не очень укрытый от холода, я стал за-

мерзать. Сказал об этом отцу. Он остановил лошадь, вытащил меня из-под тулупа и заставил бежать следом за санями. Сколько я бежал таким образом – не помню, кажется, долго и уже стал уставать, запыхавшись.

– Всё. Больше не могу, – проговорил я. – Папа, останови...

Отец остановил лошадь, посадил меня обратно, укутав теплее тулупом. А через некоторое время от монотонной езды и покачивания меня стало подташнивать. Я жалуюсь отцу:

– Папа, мне плохо...

Он понял, в чём дело, достал кулёк с конфетами и дал мне парочку кубиков ирисок. Я пожевал их, и тошнота стала проходить. Как мы вернулись в Красный Яр, уже не помню, но, видимо, снова уже потемну.

О плавании

Как ни странно, но, живя у речки и озерушек, я в детстве так и не научился нормально плавать. С приходом летних тёплых и солнечных дней вода в ближних озерах начинала прогреваться. И нам, ребятам, не терпелось поскорее искупаться. Сразу за школой, под горкой, были два небольших озера, в которые в половодные годы заходила вода из Чузика, а вместе с нею – и речная рыба, особенно щуки, которые в этих озёрках охотно нерестились, оставляя после себя неисчислимое потомство шурят-шурогаек.

На берегу озера, чаще «Большого», под Шаманской горой, мы разводили костерок. Накупавшись до синевы, сбивались вокруг костерка и грелись, дрожа и покрываясь гусиными пупырышками. После одного-двух таких купаний у меня, как правило, начинали вскакивать чирьи, рассыпаясь произвольно по всему телу и даже по рукам. После этого баба Настасья начинала лечить меня. Обычно, ни у брата, ни у друзей такой напасти не было. Баба, сорвав листья подорожника, прикладывала их к чирьям, густо смазанным сметаной, замотав поверх бинтовой повязкой. Так и ходил я с этими повязками, пока чирьи не назревали и не прорывались, исходя жёлто-зелёным гноем. И так повторялось почему-то из лета в лето. Все мои сверстники купались, хорошо плавая, а мне приходилось отсиживаться на берегу, смотря на купающихся, и поддерживать костерок. И лишь к пятнадцати го-

дам я всё-таки умудрился самостоятельно переплыть наш Чузик, да и то в узком месте, где ширина была всего метров пятнадцать-двадцать. Чаще всего, купаясь в речке, я заходил метров на десять вверх по течению и оттуда уже возвращался назад вплавь, молотя воду руками и ногами, надув свои щёки.

Припоминаю, что дважды в детстве пришлось мне и тонуть. Было это в восьми-девятилетнем возрасте. Однажды, на том же озёрке за школой я решил поплавать на чурке, расколотой пополам. Заплыв едва не на середину озёрка, решил было развернуться и плыть назад. А в это время чурка подо мной – возьми, да и перевернись. Я не успел даже схватиться за её скользкие края, и, булькнув, пошёл ко дну. И тут я сообразил, что лучше всё же мне выбираться не обратно, а напрямую, к берегу, где была трава-осока с высокими кочками. Вынырнув, глотнул воздуха и, определив направление, я стал ногами передвигаться по илистому вязкому дну. К удивлению многих купающихся и наблюдавших за мной, вскоре моя голова оказалась над водой. И я выбрался самостоятельно.

Второй случай был уже на Чузике. На той стороне Чузика, под Конюшенной горой, была старица, из которой в речку вытекал ручей. Напротив выхода из старицы был мелкий брод, и мы без особого труда переходили в том месте Чузик. Воды там всего по пояс, хотя течение там было значительно сильнее. И вот мы решились пройтись вниз по течению по песчаной отмели – в сторону старого и заброшенного пихтового заводика на той стороне. Метров через пятьдесят я вдруг перестал чувствовать под своими ногами дно, и меня резко скрыло с головой под водой. Там оказалась ямка, вымытая течением – для моего роста весьма глубокая. Я оказался на дне этой ямки, и выбраться самостоятельно уже никак не мог. А в это время рядом со мной шёл Лёнька Ковецкий – самый задиристый и драчливый из всех пацанов деревни, бывший по возрасту старше меня лет на пять. Вот он-то и оказался первым, кто смекнул, в чём дело. Недолго думая, он нырнул следом за мной, нащупал меня под водой и вытащил. За это, конечно же, ему я очень благодарен и по сей день...

Раненые и травмированные

Между детскими шалостями и забавами мы приобщались и к полезным занятиям. С раннего детства многие из нас пристра-

стились к рыбалке. Благо, в то время за рыбой далеко и ходить не надо было. В озёрках мы ловили на удочку гольянов и карасей-пятачков, в Чузике рыба была уже посолиднее, попадались чебаки, окуни, подъяски и даже щуки. Весной нередко ходили к Воробьёву мостику, где одно время тоже стоял пихтовый заводик, за сочной колбой, а когда поспевали шишки – взбирались за ними на лазовые кедёрки.

Не всегда лазанье за шишками оказывалось безобидным делом, случалось, кое-кто и срывался с кедёрок под обломившимися хрупкими ветками или взобравшись на самую верхушку.

А вот на моей памяти и вообще серьёзные травмы.

Один из случаев произошёл с моим братом Виктором. Учился он уже тогда в первом или во втором классе, а я ещё и не ходил в школу. Школа в Красном Яре стояла совсем рядом с нашим домом, через дорогу. В честь Октября в школе намечался праздник, вечером, уже потемну. Снега на улице было ещё совсем мало, зато морозы уже изрядно прихватывали осеннюю грязь, превращая её на разбитых дорогах в крепкие комья.

Помню, как все мы наряжали брата в новую праздничную одежду. К тому же, надели на него совершенно новые, ещё неразношенные и твёрдые, валенки. Радостный, опередив всех нас, он помчался в школу, чтобы покрасоваться своим нарядом. Не успели мы и из избы выйти, как он с рёвом ворвался в двери. Всё лицо его было залито кровью. Оказывается, переходя через дорогу, он запнулся твёрдыми и грубоватыми новыми валенками о мёрзлые комья, и упал прямо на них, развалив, как бритвой, кожу на лбу. Как могли, мы все помогали ему остановить кровь и успокоить... Кажется, даже пришлось вызывать медичку и зашивать ему рану. С перевязанной головой, как раненый красноармеец, он всё же отправился в школу на праздник...

В ту пору была у нас, мальчишек, забава: заскочить на спину поросёнка или телёнка и покататься на нём верхом. Както, возвращаясь с озёрка, попались нам на пути телята, бродившие без присмотра по деревне. Вот мой старший брат и подсказал мне: «Прокатись на телёнке!». Один из телят лежал на земле. Я, не долго думая, взобрался ему на спину. А тот, резко вскочив, помчался, подстёгиваемый братом. Меня со спины телёнка, как ветром, сдуло. И я упал навзничь, подставив сзади руки. Особенно досталось при этом правой руке. Было очень

больно, и боль в локтевом суставе руки не проходила, даже когда мы пришли домой. Вскоре об этом стало известно нашему отцу, и он в ходке повёз меня в Пудинскую больницу. Там, особо не разобравшись в причине, посчитали, что у меня трещина, и загипсовали руку. Оказалось же, что у меня был вывих в локтевом суставе, да так, что и осталось это на всю жизнь. Рука вросла в новом месте, образовав сустав. Я до сих пор удивляюсь, как меня призвали позднее в армию с такой травмой, да ещё и в десантные войска?!

Другой случай был более трагичным и серьёзным, уже с нашей младшей сестрой Раей. Жили мы ещё всё там же, в Красном Яре. Рае было лет пять. Наступили первые зимние холода, и выпало много снега. Мы, ребятня, пропадали на горках, катаясь с них на санках и лыжах. Но в тот раз я почему-то был дома. Смотрю, отец наш, возбуждённый, чуть ли не влетает в избу, неся на руках сильно кричащую от боли и плачущую Раю...

А вышло всё, казалось бы, из совершенно безобидного катания с горки. Она, вдвоём с девочкой, старше её года на четыре, Зоей Каревой (дочкой моей первой учительницы) пошла покататься на санках со Школьной (Шаманской) горки. Села она впереди своей напарницы, и покатались. В самом низу горы, когда скорость санок была ещё приличной, санки резко упёрлись во что-то. И сидящая позади сестрёнки девочка своей массой (а была она весьма упитанной) надавила сзади. Да так, что упёршиеся спереди ножки сестры, оказалось, выскочили из своих тазобедренных суставов.

Уж как они выбрались из-под горы, не знаю, может, кто помог. Сама Рая идти не могла, не могла даже встать на ножки. Сообщили об этом отцу, который управлялся дома по хозяйству. Вот он и принёс её сначала домой на руках, а потом – срочно повёз в кошеве в Пудинскую больницу, за 12 километров. В больнице пьяный хирург-врач, не сделав рентгена наложил на обе ноги в бёдрах гипс. Естественно, в суставы ноги не были вправлены.

Один раз мне удалось навестить сестру в больнице. Помню, она лежала неподвижно в гипсе. Правда, под постоянным присмотром бабы или мамы. А когда сняли гипс, оказалось, что она не может ходить, и боли не прекращаются. На этот раз, протрезвевший хирург, сделал рентгеновский снимок и был шокирован: ноги стали уже вращать в новые суставные образования. При-

шлось снова, под общим наркозом, буквально вырывать бёдра и вставлять на нужное место. Но и этим вся трагедия ещё не закончилась. Когда ей вторично сняли гипс и она попробовала встать на ноги, одна нога, в бедре, опять выскочила и ушла в пазуху нового образования... Опять операция, снова наркоз, гипс...

В конечном итоге сестра всё же встала на ноги и по молодости с этим особых проблем, казалось не было... Но сколько же боли и страдания пришлось пережить ей тогда, пятилетней девочке! Да и родителям нашим, глядя на мучения дочери, тоже приходилось не сладко...

С той поры минуло почти шестьдесят лет, а травмы те начали давать о себе знать, да так, что сестра, и ныне, преодолевая боли в суставах, стала уже и передвигаться с трудом, боясь и не решаясь на новые операции в этом возрасте...

В Калининске и Красном Яре

Весной 1961 года наша семья, точнее, мама с отцом, переехали в Калининск (точнее – в посёлок Калининский), поближе к Пудину. Отец устроился там работать заведующим складами в Первом отделении совхоза «Пудинский». Баба наотрез отказалась тогда переезжать с обжитого места. И все мы, её внуки, на протяжении четырёх лет уезжали к ней на лето в Красный Яр. Да и, учась уже в Пудино, приходили к ней на выходные – пешком или попутками. Мама с отцом тоже часто навещали её, помогая чем можно.

Как-то, будучи у бабы зимой, я ждал, когда приедет отец и заберёт меня домой, в Калининск. Его почему-то долго не было. Уже стемнело, и баба уложила меня спать. Раздался стук в двери. Вошёл отец. Он приехал за мной на мотоцикле «Ковровец», который купил в Томске с полгода назад. Говорит мне: «Собирайся. Поедешь в кошеве, а я буду тебя сопровождать». Оказывается, одна из калининских, тунеядка Клавка, ещё днём уехала без разрешения бригадира и управляющего на лошади в Красный Яр, да и загуляла. Вот отец и разыскал её тут и отобрал у неё лошадь. Укутав меня получше, посадил в кошеву, дав вожжи, и мы отправились в путь.

Отец на мотоцикле ехал впереди. Лошадь бежала вяло, отец то и дело останавливался, дожидаясь меня. А я в пути по-

стоянно пересаживался с места на место, что-то мешало мне сидеть. Оказалось, это была бутылка, ещё нераспечатанная, водки. Эту водку отец конфисковал, и на другой день, похмельная Клавка, сколько ни уговаривала отца вернуть ей спиртное, так и не получила её. Так отец наказал её за самоуправство. Времена тогда были строгие, и к прогулам на работе и самоуправству относились серьёзно. Хотя отец никогда не был жестокосердным, скорее, наоборот. Думаю, что и водку ту он всё же вернул ей, сам бы он пить её не стал – не его, чужое. А к чужому он всегда относился законопослушно.

Во времена нашего детства в округах деревень водилось много дичи – рябчиков, глухарей, косачей. Косачи-тетерева к зиме сбивались, как вороньё, в огромные стаи, штук по сто, а то и двести. Однажды зимой на подъезде к Красному Яру, в сторону Поповой заимки, за кузницей отец увидел рассевшихся на деревьях косачей. Тозовка, с которой отец обычно охотился, была спрятана у бабы в кладовке. Зайдя в избу, отец оживлённо сказал, чтобы я быстро одевался. Дескать, за кузницей – целый табун косачей, поедем, постреляем.

Я быстренько оделся, и мы поехали. Однако в том месте, где отец видел птиц, косачей уже не оказалось. Они перелетели недалеко, рассевшись на скирде соломы, выискивая и склёвывая оставшееся там зерно. На кошеве мы подъехали с другой стороны скирды. Отец выстрелил, после второго выстрела косач подранком ушёл в рям. Остальные перелетели, рассевшись на берёзах с края поля. Мы подались за подранком, но так и не нашли его. Вернулись к лошади, переехали ближе к стае. Почему-то, в отличие от людей, косачи практически не боялись лошадей, даже запряжённых в сани или кошеву. Они спокойно наблюдали, как после выстрелов падают с деревьев их собратья. Упали косач и тетёрка. Остальные снова, спорхнув, перелетели метров на триста, рассаживаясь по деревьям. Упавшего косача мы нашли сразу, а тетёрка забилась под колодину поваленного дерева. Но и её нам всё же удалось добыть.

Вообще отец очень любил охотиться, особенно на боровую дичь. Тогда не было проблем с охотничьими билетами, сроками охоты и путёвками-лицензиями. Оружие было почти у каждого мужчины, да и у пацанов тоже. Построже было с мелкокалибер-

ными винтовками-тозовками. Но и эти мелкашки тоже имелись у многих, хотя и полулегально. Патрончики к ним были в свободной продаже и стоили сушие копейки. Отец редко возвращался с охоты без добычи. Приносил тяжёлых чёрных здоровых краснобровых глухарей и пёстрых копалух. Как-то рассказывал, что однажды один глухарь-подранок даже напал на отца, и он едва отбился, прикончив глухаря дубинкой.

Красный Яр, пожалуй, и впрямь можно было так назвать. В отличие от Калининска или Лушниково, он явно выделялся в лучшую сторону. Грунт там был в основном песчаным, грязи почти никогда не бывало. Можно было даже сразу после дождя копать картошку в огороде, и была она, как мытая.

Я и сейчас, по прошествии пятидесяти с лишним лет отчётливо припоминаю его расположение, улицы, дома, постройки, скотные дворы и фермы.

Разъезжаться из него начали, как я уже отметил, ещё во второй половине пятидесятых сразу после того, как со спецпереселенцев сняли клеймо ссыльных. Правда, на это время пришлась и им замена: из отдалённых таёжных деревень стали переселяться сюда многодетные семьи Ковецких, Лавровых...

Во второй половине 60-х годов в Красном Яре стали разбирать многие дома уехавших и перевозить их – то в Калининск, то в Лушниково, поближе к Пудино. Вот и наш дом был разобран и перевезён в Лушниково. Правда, к тому времени мы уже прочно обосновались в Калининске.

Как-то, лет десять-двенадцать назад, посетив нашу малую родину, мы с братом и мужем сестры Раи Михаилом Голевым подались порыбачить в Красный Яр. Он был уже совершенно пустынным. Изменилось там всё до неузнаваемости. Там не было уже ни улиц, ни домов, ни клуба со школой. Мы не могли даже точно определить место нашего дома. И лишь на косогоре Шаманской горы, где вымахали разлапистые высоченные ели, через которые перепрыгивали в детстве, мы обнаружили две ямы-углубления, как послевоенные окопы. То были незаживающие раны нашей памяти – следы от наших землянок, которые мы, пацанами, строили для наших игр и забав...

Отец и техника

Сколько помню себя, почему-то отец у меня всегда ассоциируется с техникой. Так, у него одного из первых ещё в Красном Яре появился мужской велосипед марки «ХВЗ». Первым из калининских (если даже и не пудинских) он купил себе мотоцикл «Ковровец». Раньше многих деревенских у него появилась бензопила «Дружба». Он и нам с братом, ещё совсем юным, купил первый среди деревенских сверстников фотоаппарат «Смена» и все принадлежности к нему.

Да и в колхозе его нередко привлекали к помощи в ремонте техники, вышедших из строя узлов и механизмов различных сельхозагрегатов. Ремонтировал он и косилки конные, веялки, сеялки, зерносушилки и прочее.

К середине пятидесятых годов в колхоз Красного Яра наконец-то выделили новенькую бортовую автомашину – «ГАЗ-51». Её водителем определили молдаванина Ивана Штырбу. Когда эта машина появилась в деревне, все деревенские прибежали смотреть на неё, как на диковинку. Откуда-то нашёлся среди них (может, пудинский?) даже фотограф. И вот, облепив машину со всех сторон, уместившись даже на капоте с крыльями, этот момент и зафиксировал зрачок фотоаппарата. У меня есть в архивах эта фотография... На ней и отец оказался с малолетним сыном Витей, сидя на капоте.

После выхода Указа нашего правительства в 1957 году о реабилитации политически репрессированных и снятия их со спецучётов, особенно контингента «новой волны» (депортированных в 1941 году), многие из сельчан – молдаване, болгары, литовцы, латыши, поляки, евреи и прочие – стали покидать наши деревни, возвращаясь к себе на родину.

Собралась уезжать и семья Ивана Штырбу. А заменить единственного шофёра грузовика было некем. Вот и встал перед руководством района вопрос о подготовке водительских кадров (шоферов). А дело в том, что как раз в это время на Пудинский район было выделено несколько таких грузовиков, как красноярский. И было решено от каждого колхоза набрать на курсы шоферов кандидатов на водителей автомашин. От Красного Яра попал на эти курсы наш отец. И он с удовольствием принял такое предложение. Учился в самом Томске в 1957 году. Тогда-то

отец впервые за долгие годы и покинул место ссылки. Полгода он проучился там на курсах, живя на квартире у маминых родственников. Благополучно сдав экзамены, он вернулся в Красный Яр с водительскими правами.

Через некоторое время на колхоз Красного Яра была выделена ещё одна машина, работавшая на газогенераторном топливе (древесных чурочках). На ней шоферил Николай Тимофеев (мой крёстный). Отцу же досталась машина уехавшего в Молдавию Ивана Штырбу. Однако проработать долго на ней у него не получилось. Возникли проблемы со здоровьем после того, как отец изрядно простудился, ремонтируя машину и лёжа на холодной земле. Когда отец прошёл медицинское обследование, то подозрение пало на туберкулёз. Его поставили на учёт и запретили работать шофёром. Такому повороту событий отец очень огорчился, ведь он так любил технику. И свой ГАЗ-51 ему пришлось передать Николаю Тимофееву, который накануне избавился от своего автомобиля-мучителя.

Будучи моим крёстным, Тимофеев относился ко мне своеобразно: сколько я ни просил его прокатить меня в кабине или даже в кузове, всегда получал от него отказ. За это я на него очень обижался. Сам Тимофеев был плохим механиком, машина стала у него часто ломаться и простаивать в ремонте. И тут уже отец подключался к ремонту. Обычно её притаскивали на буксире и оставляли напротив нашего дома, через дорогу. Отец подолгу возился с ней, разбирая и перебирая узлы и вышедшие из строя механизмы. После ремонта, во время обкатки он разрешал всем деревенским ребятишкам, какие крутились постоянно возле машины, забраться в кузов, и катал их из одного края деревни в другой. Обкатав машину после ремонта, отец вновь отгонял её к дому Тимофеева и оставлял её там. Гаражей тогда в деревне не было, и машину обычно ставили либо возле конторы, либо у дома шофёра. Со слезами на глазах, я не понимал, почему отец опять отдавал эту машину, отремонтированную им.

Вскоре уехали из Красного Яра и Тимофеевы. И в их дом, что стоял недалеко от нашего и школы, въехала семья учителей Крушельницких – Таисия Ильинична и Николай Фастович. Было это, кажется, году в 1958, когда брат Виктор пошёл в первый класс школы, и Таисия Ильинична была у него первой учитель-

ницей. Николай Фастович тоже прежде учительствовал, где-то на Васюгане, но после укуса энцефалитного клеща, он сделался немощным, и с учительством пришлось расстаться. Да и возраст у него уже был пенсионный.

Роковой год

С возрастом многое забывается, уходит из памяти, но одно роковое событие меня не перестаёт волновать до сих пор, и к нему я возвращаюсь вновь и вновь.

Я долго думал, как подать его так, чтобы и читателю всё это было интересно, а после прочитанного отыскать и в себе резонирующие струнки и те черты реального.

Мои воспоминания опять уводят меня в то далёкое теперь уже прошлое, когда был я фактически ещё ребёнком, в середину шестидесятых прошлого столетия, а точнее, в весну 1965 года. В том году жизнь в нашей семье резко изменилась, прошла контрастной полосой, разделив её на «до» и «после».

1 мая умер наш отец Арнаутов Степан Фёдорович. Этот факт был уже неоднократно описан в разных рассказах и воспоминаниях братом Виктором. А вот как вспоминается это мне...

В то утро, 28 апреля 1965 года, я был разбужен от звука электромоторчика, на котором отец затачивал цепь от бензопилы «Дружба». А жили мы уже в Калининске, за исключением бабушки Анастасии, которая всё ещё оставалась в Красном Яре. Я ходил в пятый класс в Пудинскую школу – каждый день по четыре километра, туда и обратно.

Этой весной отец одним из первых в деревне приобрёл бензопилу, облегчая тем самым ежегодные заготовки дров на зиму. До этого приходилось валить и распиливать лесины на чурки простой двуручной пилой. Это был очень нелёгкий труд. Мне самому ранее частенько доводилось принимать участие в этом с отцом или братом.

В то утро, проснувшись, как обычно, мне не хотелось рано вставать и готовиться идти в школу. Брата Виктора отец разбудил ещё раньше для того, чтобы он делал зарядку под аккомпанемент радио и лучше развивался физически. Я же рос более здоровым и спортивно развитым подростком, и отец освободил меня от утренней зарядки.

Тот день пришёлся на пасхальную неделю, и считалось грехом заниматься физическим трудом, коим являлась и заготовка дров. Зная это, мама сказала отцу: «Не вздумай сегодня идти в лес, грех ведь...» На это отец пообещал ей, что сегодня никуда не пойдёт, так как надо отправляться на основную работу, а работал он тогда бригадиром в отделении совхоза, и там дел всегда хватало с избытком...

Выходит, отец нарушил тогда обещание, данное маме, и после обеда поехал с соседом Томиловым Осипом в лес. То, что там произошло, брат описывал в своих ранних рассказах и воспоминаниях. Напомню: при валке осин и берёз произошёл завис, и чтобы сбить его, надо было перейти к другому дереву и свалить то дерево на завис. Однако от порыва ветра произошло обрушение зависа, и отца прибило одной из падающих лесин, лишь стеганув сучьями напарника...

Отучившись в школе в утреннюю смену, мы с другом Колей Панфиловым катались по деревне на велосипедах. Находясь возле конторы Калининского отделения совхоза, мы заметили, что со стороны клуба, от Красного Яра, как-то уж очень медленно движется грузовая автомашина. Нас это заинтересовало. Когда же машина поравнялась с нами, я заметил, что в кузове сидит дядя Осип Томилов и, глядя на меня, плачет. Как сейчас помню, что по его щеке сползала слеза... Я сначала даже удивился этому, но это же меня и насторожило. Машина миновала нас, а мы, провожая её взглядами, двигались за ней на великах.

Наш дом находился в самом краю деревни, со стороны Пудино. И, поравнявшись с ним, машина остановилась. Через некоторое время из дома выскочила мама, с неистовым рёвом подбежала к машине и мигом оказалась в её кузове.

Побросав велосипеды, я по ходу машины, через задний борт забрался в кузов и увидел, что там наш отец лежит на спине и тяжело стонет. Его руки были все в крови, на шее тоже была запекшаяся кровь от порезов. Оказывается, при ударе лесинной, бензопила находилась в руках отца в рабочем состоянии, и цепью поцарапала ему горло и шею...

Увиденное повергло меня в шоковое состояние. Для двенадцатилетнего подростка видеть такую картину было ужасно страшно. Машине нужно было продолжать свой путь, чтобы

скорее добраться до Пудинской больницы. Мама сказала мне, чтобы я покинул машину. Я спрыгнул на ходу, а мама осталась в кузове сопровождать отца.

О том, что отец может умереть, ни у кого из нас, конечно же, не было и мыслей. Мы все надеялись, что отец останется в живых и выздоровеет.

На другой день брат Виктор с сестрой Татьяной всё же побывали в больнице. Их пустили в палату, где лежал отец, а возле него находилась и мама. Видел ли он их и осознавал ли – трудно сказать. От обезболивающих уколов и лекарств он постоянно находился в сонном или полусонном бредовом состоянии.

О медицинской «принципиальности»

А на следующий день после школы, уже я с другой сестрой Раей пришёл навестить отца. Но, просидев немалое время в приёмной проходной, нас к отцу в палату так и не пустили – пусть даже спящего, но всё ещё пока живого. И меня до сих пор возмущает этот факт: медицинской принципиальности или же, наоборот, преступной медицинской беспринципности... Представляю, каким жалким и раздосадованным тогда выглядел я со стороны, покидая больницу, так и не повидав умирающего отца...

Попутно хотелось бы рассказать ещё об одном случае проявления медицинской «принципиальности» всё в той же Пудинской больнице.

Летом, а дело было в августе, 1964 года мы с хулиганистой калининской шпаной залезли на чердак крайней фермы. Строе-ние фермы было длинным и достаточно высоким. Одна из доя-рок, а это была тётя Шура Панфилова – мама моего друга, заметив нас, стала ругаться и кричать, чтобы мы убирались с крыши. Как те воробьи, мы бросились врассыпную, бежали вдоль фер-мы в другой конец крыши и стали поочерёдно прыгать вниз че-рез чердачное окно фронтона крыши. Как и все, я тоже сиганул с высоты, а было там не менее пяти метров. А приземлился я неудачно, было ощущение, что от удара о землю у меня внутри что-то оборвалось. Бегу я и реву, согнувшись от боли. Прибежал домой. Боль не стихает даже и тогда, когда я уже лежал на кро-вати. На следующий день отец отвёз меня на лошади, запряжён-ной в ходок, в ту самую больницу. Помню, как переодев меня в

больничное обмундирование – полосатую пижаму – привели в палату и посадили на табурет возле заправленной кровати, не разрешив лечь. И просидел я на табуретке до вечера, согнувшись от боли, глядя на аккуратно заправленную койку. Лечь на кровать можно было только перед сном. Вот такая была там тогда больничная дисциплина!

Об этом случае я позднее не один раз рассказывал маме, с присущим мне возмущением. Ну, почему?! Как так можно было не разрешать больному ребёнку даже лечь днём на кровать?! Не понятно... И что более всего меня удивляет и даже возмущает: почему же взрослые больные, находящиеся в этой же палате, не заметили моих болевых мучений и не сообщили об этом врачам, не догадавшись сами уложить меня в постель?!

И вновь о невосполнимой утрате и намерениях отца

Возвращаясь к теме утраты отца, отмечу, что очень долго и тяжело переживал это горе. Помню: даже уже после похорон отца я ещё долго не мог петь на уроках пения. А на вопрос учителя, почему я не пою, за меня отвечали мои одноклассники: «А у него папа умер...»

Чтобы как-то забыться и отвлечься от печальных мыслей, ходил в кино, в Калининский клуб. Помню, сижу я в клубе, вроде, смотрю на экран, а сам только и думаю об отце, о том, что его уже больше нет в живых... После окончания фильма спроси меня: о чём был фильм? Я ничего не мог даже вспомнить... Вот такое было для меня моральное и психологическое потрясение. Да и не только у меня одного, но и у всех нас: мамы, брата, сестёр. Даже бабушка Анастасия – до той поры отказывавшаяся переезжать в Калининск, вынуждена была покинуть свой Красный Яр и перебраться к нам. Отца нам всем в дальнейшем всегда не хватало...

И ведь всё могло пойти в нашей жизни, останься отец в живых и выздоровев, по-иному. Помню, он не один раз говаривал о своём намерении переехать в Молдавию, на свою бессарабскую родину. И даже речь шла о ближайшем 1966 году. Отец мечтал об этом и завидовал своему старшему брату Анатолию, который уже четыре года, как вернулся из Сибири и проживал с семьёй в Вулканештах. Правда, жить в том месте, откуда они с матерью были

высланы, ему не разрешили. Но всё же, Вулканешты находились всего в каких-то двадцати километрах от Владичени и Болграда, а не за пять тысяч – в Нарымской холодной Сибири...

Брат Анатолий уже каждый год присылал оттуда по несколько посылок: с сухофруктами, свежими яблоками, грецкими орехами, молотым болгарским перцем... Получая эти посылки из Молдавии, мы все безумно радовались, особенно свежим яблокам, от которых исходил густой незабываемый аромат!

После смерти отца о переезде в Молдавию не могло быть и речи. К тому же, ещё при его жизни переезду в Молдавию всячески противилась баба Настасья.

Шли годы. И то горе, которое произошло в нашей семье, постепенно стало сглаживаться. Надо было жить дальше, заниматься хозяйством: помогать маме с сенокосом, заготовкой дров, управляться со скотиной, которую мы держали на своём подворье.

Преждевременное взросление

Взрослеть с братом мы стали рано. В 14-15 лет мы были уже довольно самостоятельными. Помогали не только по домашнему хозяйству, но и подрабатывали летом в совхозе, зарабатывая тем самым хотя и небольшие, но деньги, которых маме всегда не хватало. А по осени 1966 года мы на заработанные деньги сумели даже купить новенький велосипед и фотоаппарат «Зоркий-6».

Увлекались рыбалкой. Ездили с мужиками на машине на Стариково, привозя оттуда по ведру свежей рыбы. Ходили пешком на рыбалку аж на Мирное через рямы и болото, что в пятидесяти километрах от нашего Пудино с Калининским. Об этих походах брат поведал в небольшой повести «В ожидании праздника». Начиная с конца лета, ходили на охоту, с ружьями – на боровую птицу. Весной и осенью частенько охотились на перелётную утку.

Особенно я любил стрелять из ружья больших шук, стоявших в солнечную погоду в заводях Чузика. А один раз даже удалось оглушить из ружья и добыть крупного двухкилограммового язя.

Предвоенная комиссия

1969 год стал для меня предопределяющим. В то время все ребята, достигшие шестнадцатилетнего возраста, проходили медицинскую комиссию от военкомата – на пригодность действитель-

ной службы в рядах советской армии. Подошёл черёд и моему возрасту. Из Парабельского райвоенкомата в середине апреля приехала комиссия. Мы, ребята-девятиклассники, проходили её в здании Пудинской амбулатории, что находилось на улице Ленина. Все допризывники оказались здоровыми, были весёлыми и жизнерадостными. Из двух параллельных классов нас было порядка двадцати парней. Побывал и я во всех кабинетах у врачей, зафиксировали мои параметры: рост, вес и прочее. После этого стали нас предварительно распределять – кому и где предстоит служить, в каких войсках по достижении восемнадцати лет. Учитывалось при этом, прежде всего, здоровье и физическое состояние каждого допризывника. Ну, и, разумеется, желание самого будущего воина. Те ребята, что были посмелее, заходили первыми. Так, Валеру Синицына и его двоюродного брата Сашу записали в ВМФ. Васю Шейкина, Васю Жоржевского и Юру Гурзо – в ракетные войска. Колю Бейдерова, Диму Власова и Лёню Ошлыкова – в пограничники. Учитывалось и то, что после окончания школы, вместе с аттестатом зрелости мы получали ещё и удостоверение тракториста-машиниста третьего класса широкого профиля. Так что многим из нас была открыта перспектива служить в танковых или автомобильных войсках. Особенно это касалось тех, кто перед армией ещё и оканчивал курсы шоферов при ДОСААФе или от райвоенкоматов. Таковым, к примеру, из наших ребят оказался Саша Сербушко.

Передо мной в кабинет, где заседала комиссия, вошёл Саша Фтёмов. И через некоторое время он вышел с улыбкой на лице, сообщив своим товарищам, что его записали в воздушно-десантные войска!

– Давай, и ты в ВДВ просись, – напутствовал он меня, перед тем, как подошла и моя очередь. Войдя в кабинет, я смущённо принял стойку «Смирно!» И отрапортовал:

– Допризывник Арнаутов Владимир.

Старший в комиссии, майор-военком спросил меня:

– Ну, как, Володя, твоё здоровье? Не болеешь? Ни на что не жалуешься?

– Нет, со здоровьем у меня вроде бы всё нормально.

– Ну, а в каких войсках ты хотел бы служить?

Я тут же вспомнил напутствие Саши Фтёмова и говорю:

– Если можно, я хотел бы служить в десантных войсках.

– В десантных, говоришь? А высоты не боишься? Ведь там надо будет прыгать с парашютом с самолёта... А, ну, как?

– Нет, не боюсь, – ответил я и тут же припомнил, как без страха сиганул на землю с пятиметровой высоты фронтона крыши коровника.

– Ну, что ж, учтём твоё пожелание. Запишем тебя в ВДВ, как и того паренька, что заходил перед тобой. Как его фамилия, Фтёмов, кажется. Вдвоём будет вам веселее служить.

Выйдя из кабинета, я ещё не осознавал того, что этот мой выбор во многом повлияет на мою судьбу. После всех процедур и собеседований у военкома мы ещё более часа ждали, когда нам выдадут приписные свидетельства. Наконец нас стали снова вызывать по одному и в спешном порядке вручать приписные с напутственными словами, чтобы через два года мы отслужили честно и добросовестно.

А на другой день, придя в классы и в привычную школьную обстановку, мы почти все позабыли, чем были озабочены ещё вчера.

Игра в футбол

В том же апреле, уже в конце месяца, на уроке физкультуры наш физрук Геннадий Серафимович Маркатун предложил сыграть в футбол. На школьном футбольном поле местами ещё лежал снег, а кое-где уже наметились и весенние проталины. Вообще-то в футбол мы играть любили, и у нас в Калининске, на окраине, было даже неплохое самодельное футбольное поле.

Разбились на две команды и принялись гоняться за мячом по полю. Нередко поскользываясь, при пасах и передачах мяча партнёрам, мы стали творить разные финты. Случалось, и падали. Я играл в то время в защите. И вот, при приёме в очередной раз мяча, тот подпрыгнул и проскользнул мимо моей ноги. Мяч покатился влево от ворот, в сторону здания интерната. А там, на краю поля, был свален вразброс брус, довольно большая куча – видимо, для пристройки к интернату. Догнав мяч, я хотел с разворотом, пнуть его назад. Но, поскользнувшись, упал навзничь и сильно ударился головой о торец бруса.

Моя шапка слетела с головы, удар получился настолько сильным, что я на какое-то мгновение даже вырубился. Это

примерно так же, как в боксе, когда один боксёр отправляет другого в нокаун.

Очнувшись, я приподнялся, моя рука машинально потянулась к ушибу. И тут я почувствовал, что она становится мокрой и липкой от крови. Кое-как я поднялся, нахлобучил на себя упавшую шапку и медленно подался к центру поля. Ко мне подбежали ребята во главе с физруком. Тот, поняв, что со мной случилось, тут же отправил меня в амбулаторию, выделив сопровождающим Сашу Жаркова. В амбулатории мне тут же остригли волосы вокруг раны, наложив швы специальными нитками. После этого в школу я ходил ещё недели две с забинтованной головой, как кинематографический Щорс.

Почему я тут вспомнил об этом случае? Да потому, что в дальнейшем, при прохождении призывной военно-медицинской комиссии перед самой армией я боялся, что это станет главной причиной и меня могут, как говорится, забраковать. О своей вывихнутой в детстве руке, почему-то даже не думал. И на вопрос хирурга: «Были ли у вас какие-либо травмы?», я всегда отвечал, что нет, не было...

Первая поездка в Новосибирск и Томск

После окончания девятого класса, а перед этим, 6 июня 1969 года, умерла наша баба Настя, мы с мамой надумали съездить в гости в Новосибирск, к её брату Александру Аввакумовичу Шадрину, или, как мы все называли его, дяде Саше. Летали самолётами, через Томск.

Так впервые в жизни, в шестнадцатилетнем возрасте, я увидел настоящий город – с его высокими многоэтажными кирпично-каменными домами, широкими просторными улицами, по которым по встречным направлениям двигались впервые увиденные мною большие автобусы, троллейбусы и трамваи. И что удивляло меня там более всего, так это то, что в вечернее время в городских дворах не было совершенно никакого гнуса! Ни комаров, ни паутов, ни мошки со слепнями – которые у себя дома нас доставали капитально, где бы мы ни находились. Иногда даже приходилось натягивать над кроватями марлевые пологи. А во дворах разводить дымокуры.

Погостив в Новосибирске дней десять, мы на самолёте перелетели в Томск к её двоюродному брату Михееву Александру

Филипповичу. Но и там мы долго не задержались: дома оставались хозяйственные работы (скотина, огород) и приближающаяся пора сенокоса.

Вернувшись домой, мне, маме и брату пришлось заниматься заготовкой сена. И нужно было спешить, поскольку брат уже в середине июля поехал поступать в Томский университет.

Предвоенные сборы

В начале августа меня через сельсовет и райвоенкомат снова призвали на сборы допризывников – для прохождения начальной военной подготовки – в Парабель, специально заказав для этих целей аж два самолёта АН-2.

Прибыв в Парабель, нас размесили на призывном пункте при райвоенкомате. В этот же день туда прибыло ещё много таких же допризывников – из деревень района.

На следующий день нас всех отправили на речной причал, а оттуда на катере перевезли на другой берег Оби, где находился военно-спортивный летний лагерь с дощатыми постройками-блоками.

Уже на месте нас разбили на 4 взвода и по отделениям. И разместили по два отделения в дощатые блоки, расположенные в строгом ряду. Дней десять мы там занимались: построениями по ранжиру, учились ходить строем «в ногу» и прочими делами.

Как-то раз в очередной приезд к маме в Калининск, я зашёл в гости к младшей сестре Раисе Голевой. Её муж Михаил зашёл по интернету на сайт «Одноклассники». Перебирая множество фотографий о Пудинской средней школе, он открыл фотографию, точнее, даже две, на которых были изображены именно мы на тех самых сборах. В строю взвода узнаваемы совсем ещё молодые Саша Фтёмов, Вася Шейкин, Юра Гурзо. На другой – Валера Синицын, Саша Синицын, Лёша Ошлыков и другие ребята. Меня же, к сожалению, почему-то ни на одной из них не оказалось, или не было видно. Возможно, я находился где-то на заднем плане...

В конце августа этого года мы с братом вернулись домой почти одновременно: я – со сборов, а он – счастливый и весёлый – студентом-первокурсником, зачисленным в Кемеровский институт культуры. Для поступления его в Томский университет ему в тот раз не хватило одного балла. Зато он почти случайно оказался в Кемерово, первым набором нового института – куль-

туры. Забегая немного вперёд, отмечу, что и для меня этот институт сыграл немаловажную роль в жизни. На следующий год я стал уже студентом этого ВУЗа по специальности «Режиссёр самодеятельных театров».

Сельско-школьная самодеятельность

А начиналось всё с самодеятельности. Как и многие школьники того времени, во время учёбы я частенько принимал в ней участие: то в Калининском клубе, то в Пудинской школе играя в небольших сценках, пел в составе хора разные патриотические песни, реже – читал стихи.

Когда я уже учился в выпускном, десятом, классе, где-то весной 1970 года наша учительница математики Станислава Николаевна Сухорукова решила отрежиссировать небольшой фрагмент из романа М.А. Шолохова «Поднятая целина» (видимо, как раз к 65-летию писателя). В этой инсценировке было задействовано много школьников из наших двух классов. Была там даже массовая сцена колхозного собрания. В ней мне досталась роль хитрого иуды Якова Лукича Островного. Не знаю, насколько это выглядело убедительно и реалистично со стороны, но мне самому казалось, что эта роль удалась. Я тут же написал об этом в письме брату. И он в ответ посоветовал мне всерьёз заняться выразительным чтением для того, чтобы попытаться поступить к ним в институт на факультет культурно-просветительской работы (КПР), на режиссёрско-театральное отделение.

Предложением брата я загорелся всерьёз. Тому способствовало и ещё одно обстоятельство. Парабельский районный отдел народного образования обязал все школы района принять участие в конкурсе художественной самодеятельности. Для этого учительница литературы Дейнеко Татьяна Павловна предложила мне прочитать стихи Маяковского «О советском паспорте». И я согласился, выучив это стихотворение. А вскоре мы уже были снова в Парабели, выступая там в Доме культуры.

До сих пор помню, как вышел я тогда на сцену, встал в позу, полубоком к залу, под Маяковского, и чётко продекламировал это стихотворение, за что был отобран на заключительные этап конкурса – уже в виде концерта. И на концерте выступил я тогда с успехом!

На пути в студенчество

Выбора: куда мне податься после получения аттестата зрелости – уже не существовало. Только в Кемерово, в КГИК, и только на театральное отделение!

На последних годах обучения в школе нас нередко объединяли (оба класса) на уроке по какому-либо предмету. Помню, на одном из таких объединённых уроков по математике Станислава Николаевна делает мне замечание:

– Арнаутов, вникай в суть решения примеров со степенями, ведь пригодится там, куда будешь поступать.

– Нет, Станислава Николаевна, туда, куда я буду поступать, мне ваша математика не пригодится...

И ведь в самом деле. Из двух выпускных классов я поехал лишь один в неизвестный мне город Кемерово. И поступил в тот самый избранный мною институт на ту самую специальность!

К этому времени брат Виктор уже отучился год в этом ВУЗе и успешно сдал экзамены, перейдя на второй курс. Летние каникулы он проводил уже дома, в Калининске.

Каково же было его удивление, радость и гордость за меня, когда я в конце августа вернулся домой уже студентом, зачисленным на первый курс института! Радовались за меня не только брат, но и наша мама, и младшие сёстры.

Только позднее я начал осознавать: как же было нелегко нашей маме, оставшись с двумя девчонками, лишиться двух помощников почти разом. Да и на нашу учёбу, хотя и получали мы оба стипендии, ей надо было выкраивать средства из её скудного заработка.

Студенческий семестр

На учёбу в институт на сей раз мы отправились вместе с братом, вылетев из Пудино самолётом почему-то не через Томск, а через Барабинск. Из Барабинска до Кемерово добирались поездом.

По приезде в Кемерово возник вопрос: где и как нам дальше здесь проживать? Вместе или в разных общежитиях, поскольку к тому времени разделили проживание студентов разных факультетов по разным местам. Студенты специализаций

факультета КПП остались на прежнем месте, по улице Парковая, 15. А библиотечный факультет расселили в основном на пятом этаже учебного корпуса, по ул. Спортивная, 91. Брат проявил инициативу в своём деканате и договорился с деканом, чтобы меня поселили в одной комнате вместе с ним и его ребятами-сокурсниками: Владимиром Грачёвым, Юрой Ли, Володей Есениным. Попал в эту же комнату с нами непонятно по какой причине и ещё один студент-первокурсник с дирижёрско-хоровой специальности – Анатолий Кудряшов.

Стоит ли описывать учёбу в институте по моей специальности РТ, на которой, похоже, была уже заранее установка: в течение первого года обучения отсеять малоперспективных студентов с формулировкой «за профнепригодность». Следует сказать, что наш педагог, руководитель курса *Фомин Г.А.*, успешно «справился» с этой установкой...

Им была поставлена перед нами задача: уже за первый семестр обучения показать себя в том, на что мы способны, а он, в свою очередь, должен увидеть в нас то, что *мы бездарны* в плане будущего актёрского мастерства и режиссуры.

И уже почти с самых первых занятий по специальности каждый «старался», выставляя себя перед этим педагогом, и идя по головам своих же сокурсников, невзирая даже на завязавшиеся дружеские отношения и уважение друг к другу.

В итоге, к концу первого семестра из 37 человек, зачисленных на специальность, осталось уже 32. Поводы для отчисления находили всякие, если тот или иной студент не приглянулся преподавателю. Так, Милушкин был отчислен за дебош. Готовцева и Рахвалова отчислили за недостойное поведение в милиции, двух девушек отчислили вообще по непонятным причинам.

Всем остальным была предоставлена возможность отличиться на экзаменах по специальности – актёрскому мастерству и режиссуре. Нетрудно догадаться, что всего за один семестр даже талантливому педагогу вряд ли удастся подготовить такого рода профессионалов.

По режиссуре я подготовил и выставил свою работу (этюд «Обыск»), в которой, как актёры, были задействованы трое студентов. Как актёр, я сыграл в приглашённом этюде роль офицера СС немецкого концлагеря. Для этой роли специально из Ке-

меровского драмтеатра была взята форма, в ней я и щеголял по аудитории и даже по общаге. Поднявшись на наш пятый этаж, я и сфотографировался в ней.

Помимо этой роли играл я и ещё в одном этюде, но уже советского солдата, и в красноармейской форме – в грубой шинели и пилотке. В этом этюде, дело происходило на железнодорожном вокзале, и я должен был сыграть роль солдата, которого провожала любимая девушка. Девушку эту играла одноклассница Лариса Гапонова. На репетициях Фомин с каким-то мазохистским сарказмом делал мне наставления: «Ну, ты же любишь её! Поцелуй её на прощание...» А вот этого сделать я как раз никак и не осмеливался... Только потом, много позже, до меня стало доходить: а не это ли именно послужило причиной столь низкой оценки по актёрской игре на экзамене?

После просмотра всех этюдов Фомин собрал нас всех вместе и стал зачитывать результаты экзамена по специальности. За всю мою работу он поставил мне 2,5 балла. Нет, не «удовлетворительно» или «неудовлетворительно», как того требовали институтские отметки... Нашу работу он оценивал по-своему, в баллах. Может быть, позднее он и перевёл все наши баллы в отметки, как того требовали ведомости и зачётки. Только тогда он выставил для себя ниже трёх баллов не мне одному, а ещё десятерым моим сокурсникам, охарактеризовав нас с отрицательной стороны в финале своей речи. И предложил всем нам, получившим у него ниже трёх баллов на экзамене по специальности, поискать себя в другой сфере занятости...

Под «раздачу» нашего «педагога» попал и я, с формулировкой, как клеймом, «отчислен из института за профнепригодность»...

Расстроен был не только я, но и брат Виктор, когда я сообщил ему о результатах экзамена, придя в нашу комнату-общагу. Мне и самому было до крайности досадно и обидно – за столь скорое окончание моей учёбы в этом институте, поступлению в который совсем недавно мы все так радовались. А с другой стороны, я будто бы скинул с себя какой-то тяжёлый морально-психологический груз, к которому, видимо, я был не совсем готов. Изо дня в день, после четырёх пар занятий по общеобразовательным предметам, с 6 часов вечера у нас начинались ещё и репетиции, которые продолжались порой до 11 вечера.

Такой режим учёбы выматывал не одного меня, семнадцатилетнего деревенского паренька. Иной раз, придя в комнату после таких репетиций, бывал не прочь пропустить стаканчик портвешка, чтобы снять усталость и напряжение организма.

Возвращаясь к тому пресловутому экзамену, я порой думаю, что мог сыграть злополучную роль ещё и такой факт. Накануне экзаменов мы готовили монтаж для смены этюдов – это: когда заканчивается показ очередного этюда, и сцена закрывается от зрителей ширмами. И в это время за ширмами, как за кулисами, происходит смена бутафории и декораций для следующего этюда. В этом бывают задействованы многие студенты: одни выносят, другие заносят и расставляют бутафорские реквизиты.

Во время тренировки по смене реквизитов и монтажа образовалась какая-то заминка или перерыв. А в это время студенты Вичканов и Тищенко успели сбегать до гастронома и взять вина. Быстренько выпили и явились на монтаж уже поддатými, навеселе. Вино подействовало на координацию их движений. При смене бутафории они стали греметь и устанавливать всё с излишним шумом. Фомин глядел, глядел на это, пока не понял причины и ему это не надоело, и как заорёт:

– Всё! Хватит. Мне на это надоело смотреть! Монтаж прекращаю. 5-го января придёте все с готовым монтажом...

Мне думается, что этот случай смог оказать какое-то влияние на вынесение отметок на экзамене. Правда, ни на Тищенко, ни на Вичканове это не отразилось, и они успешно окончили институт.

После зимней сессии в нашей группе осталось всего 22 студента, а к окончанию первого курса, их было уже только 17 человек... Такую вот безжалостную селекцию произвёл наш руководитель курса, поломав многим жизнь и убив веру в свои творческие способности.

Я же, сдав в учебной части свой студенческий билет и зачётную книжку, получив назад аттестат о среднем образовании, покидал Кемерово, прихватив свои немудрящие шмотки, поместившиеся в одном портфеле. Вернулся домой, в Калининск, где всё ещё проживали мама с нашими сёстрами Таней и Раей.

Конечно, мне было очень обидно за то, что всё так закончилось, за то, что ещё вчера о чём-то мечтал: как закончу учёбу и буду работать по специальности каким-нибудь режиссёром

или руководителем самодеятельности в каком-нибудь ДК небольшого городишки. И вот – всё рухнуло.

Правда, проведённые в институте дни учёбы не прошли даром. Кое-что было приобретено в плане стиля и манер поведения. Я стал более раскрепощённым и смелее. Больше всего мне нравилось заниматься пантомимой. У нас в группе был студент Меньшиков, который обладал определёнными навыками пантомимы. Он и нам показывал различные виды ходьбы на месте, обращения с воображаемыми предметами, с зонтиком, верёвкой. И мы даже отработывали на занятиях эти движения и приёмы. И у меня это вполне неплохо получалось. В дальнейшем мне неоднократно доводилось показывать это – и в клубе, и даже в армии. В то время я был худым и очень подвижным, делал это с лёгкостью и даже с каким мастерством...

Снова дома. Переезд в Пудино

Вернувшись домой, недели две я просто отдыхал. Мама и сёстры были немало огорчены моим приездом и таким скорым окончанием моей учёбы в институте.

Середина января 1971 года у нас выдалась очень холодной, стояли морозы за минус сорок градусов. Помню, как бежал я из Пудинского аэропорта через Лушниково в лёгких ботиночках и в демисезонном пальтишке. На голове была папаха (мода тогда была на них). Замерз, продрог до косточек, пока добежал до калининского дома.

Сёстры в это время учились ещё в школе: Татьяна в десятом классе, а Раиса – в восьмом. В Пудинскую школу, как и мы, ходили пешком по заснеженной дороге даже и в эти лютые морозы. Помню, мама жалела их, промёрзших, после возвращения со школы – за 4 километра каждый день, туда и обратно.

Вот тогда-то мы и надумали перебраться в Пудино. По чьим-то рекомендациям и советам мама присмотрела там совсем небольшой домишко по улице Октябрьская. И в конце января мы переехали туда, перевезя свои нехитрые пожитки на больших тракторных санях.

На разных работах и в свободное время

После того, как мы немного обжились в Пудино, встал вопрос о моём трудоустройстве. Весной подходил срок службы в

армии, и до неё мне надо было где-то поработать. К тому же, сидеть у мамы на шее мы не привыкли. Она и без того на нас четверых тянулась, как могла. А много ли в то время в совхозе женщина могла заработать? Правда, до нашего совершеннолетия она получала на нас небольшое пособие за потерю кормильца – 40 рублей ежемесячно на четверых. Даже по той довольно высокой покупательной способности денег, их было недостаточно.

К тому же, настало время активного вымирания и разрушения деревни. Из деревень уезжали семьями: кто поближе к цивилизации, к Томску, кто – на свои бывшие малые родины – в Новосибирской и Омской областях. А кто и подальше, в места, откуда были депортированы недавние сосланные спецпереселенцы – в Молдавию, на Украину, в Прибалтику...

Уезжал под Томск, в Дзержинское, и наш управляющий Калининским отделением совхоза Леонид Сергеевич Беспятов со своей семьёй. И мне, как бывшему соседу, он предложил поработать на тракторе МТЗ-50 («Беларусь»). Посоветовавшись с мамой, я согласился. Этот трактор был на полугусеничном ходу и достался он мне от бывшего друга Стёпки Крестьянова, который, женившись, переехал из Калининска в Пудино. Из-за неудобства выходов на работу и добираться до неё и обратно, на этом тракторе я проработал недолго.

А в это время у нас в Пудинском совхозе работали бригады строителей, в основном, приезжих из Закарпатья. Но были и свои. Вот мама и посоветовала мне перейти в бригаду строителей, которые работали в соседнем селе Останино. Я устроился в бригаду плотников, где бригадиром был некто Иванов – очень принципиальный и вредный мужичок невысокого роста с вечно кислой физиономией.

Бесшменным прорабом совхоза работал Сидоренко Иван Михайлович – наш бывший земляк из Красного Яра, которого мама знала очень хорошо. Она и попросила его за меня. В этой бригаде уже работал и мой недавний одноклассник Вася Жоржевский. Кроме нас в бригаде были ещё четверо, троих из которых я и не припомню уже, а вот четвёртый – бывший фронтовик Павел Часовских, был весёлым балагуром и чудаком. Строили мы в Останино двухквартирный дом из бруса. Скажу прямо: для меня, восемнадцатилетнего паренька, та работа была не из лёг-

ких. Таскать на себе шестиметровый полусырой брус сечения 18 на 18 сантиметров не под силу даже и иному мужику.

В первую получку за свою работу в бригаде я получил меньше всех, даже меньше, чем Вася, хотя делал наравне всё то же, что и остальные её члены. Было обидно. Бригадир объяснил мне: «Ты получил, как ученик, по второму разряду, а они – по четвёртому и даже пятому разрядам».

В свободное от работы время, как и вся молодёжь того времени, ходил я по вечерам в клуб, в кино, а после кино в клубе устраивались ещё и танцы. Вот тут-то я и повыпендривался среди танцующих, показывая свои навыки пантомимы, полученные в институте. Смотреть на мои танцевальные выкрутасы многим нравилось, особенно девчонкам. Меня неоднократно просили, чтобы я повторил или показал ещё раз то или иное пантомимное движение. Пластика движения у меня получалась неплохо, я это чувствовал и знал о себе.

А ещё я угодил в школьный струнный ансамбль народных инструментов, в котором стал играть на бас-балалайке. Учитель пения и музыки Неретин Иван Петрович предложил мне попробовать сыграть на освободившемся инструменте в ансамбле. В нём уже играли на таких инструментах, как балалайки, домры, гитары, баяны. Исполняли, в основном, русские народные мелодии и песни: «Коробейники», «Калинка» и прочие наигрыши. Не знаю, как со стороны, но мне нравилось играть, и как будто даже что-то стало получаться. Музыкальной грамоты я не знал, играл по слуху, чаще просто импровизируя и подбирая по интуиции.

После репетиций мы выступали неоднократно в Пудинском клубе, играли на танцах. А один раз даже выезжали с концертом в Тавангу. Всем было очень весело. Особенно запомнилось наше возвращение из Таванги, после концерта, в открытом кузове грузовика – с песнями и под баян...

Опять на сборах. Подготовка к прыжкам

В начале первых чисел марта 1971 года, когда ещё кругом лежали огромные толщи снега, но уже температура воздуха была несколько выше, чем в зимние месяцы, получил я повестку из Пудинского сельсовета – стола по воинскому учёту. В ней было

указано, что мне предстоит явиться в Парабельский райвоенкомат – уже как призывнику, имеющему на руках приписное свидетельство. И не выполнить это предписание я уже не имел никакого права. На другой день, наскоро собравшись, я вылетел самолётом Ан-2 в Парабель. К моему удивлению, никто из моих сверстников, с которыми я проходил допризывную комиссию, вызван туда ещё не был. Даже Фтёмова Саши, как ни странно, это не коснулось.

В Парабели я остановился у наших родственников – двоюродной сестры отца по материнской линии – Виктории Ивановны Димитровой, которая проживала там как бывшая спецпереселенка с мужем Георгием, его матерью и дочерью Тамарой. (Кстати, их дочь Тамара немного позднее вышла замуж за весёлого и общительного парня Фёдора (фамилию забыл). После окончания Томского медучилища она распределилась в Черемхово Иркутской области, и с 1973 года связь с ними нашей семьёй утеряна).

Явившись в райвоенкомат с повесткой на руках, а таких как я было ещё человек десять, нас отправили самолётом в Томск. В Томске разместили нас на сборно-призывном пункте Кировского РВК по улице Фрунзе. Сюда же прибыли и многие призывники из других районов области.

Нас построили и объявили о целях сбора: за неделю нам предстояло изучить материальную часть и устройство парашюта Д1-8п (где п означало принудительное раскрытие парашюта) и сделать по три прыжка с самолёта Ан-2.

После этого отвели строем в столовую, затем разместили в каком-то не очень приспособленном помещении, где не было даже коек, а спали мы на матрасах прямо на полу. Мы стали знакомиться друг с другом. Настроение было у всех весёлое и беззаботное. До сих пор помню двух друзей из Каргаска – Володю Зыкова и Валеру Щепина, которые всё время шутили. Один из них повторял прибаутку, нарочно не выговаривая или коверкая согласные: «Аха-а-а, сапе-е-кали, сапры-ы-кали, ати-и-ин упа-а-а-ал...» Были среди нас и любители выпить. Один такой пил строго одеколон, при этом, лишь одной марки. И от него постоянно разило одеколоном. Тогда я сдружился с одним парнем из Чаинского района, а вот деревню запомнил.

На следующий день после завтрака повезли нас на автобусе в здание ДОСААФ, расположенное по проезду Ключесвской. Забегая вперёд сообщу, что мне пришлось через два года, уже после службы в армии, жить в общежитии автодорожного техникума на этой же улице. Здесь два дня нас натаскивали теоретически, после чего – день по наземной подготовке, в которую входил инструктаж: как надо действовать при отделении от самолёта; нестандартные ситуации в воздухе и, наконец, само приземление.

Первый прыжок

Из всех тех дней, проведённых в Томске на сборах, мне запомнились особенно три из них, когда мы совершали первые в жизни прыжки с самолёта АН-2 с парашютом, а это – 28, 29 и 30 марта 1971 года.

И, разумеется, более всего памятен самый первый прыжок. Уложив заранее свой парашют, согласно инструкции по укладке в восемь этапов, на следующий день нас отвезли автобусом на аэродром ДОСААФ, на поле которого находились три самолёта АН-2. При этом всё поле, куда нас должны были десантировать, было заснежено полуметровой рыхлой толщиной.

В группе было порядка сорока человек, а самолёт за один раз забирал лишь десяток, поэтому соблюдалась очерёдность. Я оказался в самой первой группе. Одев парашют и пройдя проверку инструктора, я оказался в самолёте. Честно признаться, чувство страха и боязни я испытывал, как, впрочем, и все другие новички. Рассадив по местам, выпускающий пристегнул карабины к тросику каждого.

Поурчав, самолёт покатился по взлётке, оторвался от земли и стал набирать высоту. Набрав нужную высоту, около 800 метров, он сделал разворот и взял курс на поле, куда должны были приземлиться мы. Я отчётливо помню, как открыл боковую дверцу самолёта выпускающий. И почти тут же последовала команда: «Приготовиться!»

Все встали друг за другом, прижав руки на запасных парашютах. «Пошёл!» – прозвучала команда. И мы стали поочередно вываливаться в пустоту через открытую дверцу. После отделения от самолёта, секунд через пять, я и сообразить ничего не успел, как купол моего парашюта вышел из чехла, затем мгновенно вы-

скочили стропы из своих сот-ячеек... Рывок – и парашют раскрылся! И вот ты уже висишь в пространстве, оглядывая купол парашюта: не перехлестнула ли его какая-либо из строп.

К счастью, всё оказалось нормально. Я начал, как мне показалось, медленно спускаться вниз. Глядя вокруг, стал замечать, что меня сносит от площадки приземления в сторону, ближе к лесу. Это сейчас на современных парашютах, типа Д-6, есть стропы управления, а на тех тренировочных парашютах ничего и в помине не было, потому и приходилось спускаться туда, куда тебя сносит ветром.

Меня несло на деревья, прямо на сосну, стоявшую подо мной. Сам я чудом проскользнул мимо деревьев, оказавшись в глубоком, по пояс, снегу. А вот купол парашюта снесло на одну из сосен. Поднявшись на ноги, я стал дёргать за стропы, чтобы стащить с дерева купол парашюта. С трудом мне удалось это сделать. Собрав кое-как парашют в специальную сумку, я с трудом выбрался на полосу приземления. В общем, для меня всё обошлось тогда в целом благополучно.

Но бывает всякое. Так, в нашей группе первого прыжка оказался парень из Томска. При отделении от самолёта, он попал под восходящий воздушный поток. И такое случается нередко. Тот парень долго висел в воздухе, не снижаясь, как все остальные, которые давно уже были на земле. И лишь спустя какое-то время, сместившись в сторону, он стал медленно спускаться вниз и «встретил» землю самым последним из группы парашютистов.

Эмоций у каждого новичка-парашютиста было море! Мы с восторгом, наперебой, делились своими впечатлениями.

Два следующих прыжка сейчас мне вспоминаются почему-то меньше всего. Зато после третьего прыжка всем нам выдали значки парашютиста и справки о свершении трёх прыжков при ДОСААФе. В скором времени всё это пригодилось мне уже в армии.

Доармейские будни

Всё это время мама была немало обеспокоена столь долгим моим отсутствием и неведением обо мне. Когда я появился дома, она с облегчением произнесла:

– Ну, наконец-то вернулся... Вроде, живой-целёхонький. Я уже не знала, что и думать... Куда, думаю, моего сыночка забрали? И почему его так долго нету? Я-то считала, что ты в Парабели всё это время... Ну, день-два, и отпустят. А тут – больше недели тебя нет... Я стала в сельсовете уже справляться о тебе. Сказали, что тебя в Томск направили, на какие-то сборы... Ну, ладно... Слава Богу, что всё обошлось...

Я рассказал ей обо всём: где жили, как нас там кормили, затем – об учёбе на парашютиста и тех самых трёх прыжках с парашютом.

– Поди, страшно было, – спрашивает меня мама, – не боялся прыгать-то с такой высоты?

– Мама, а куда деваться было? – отвечаю. – Прыгал, как все...

После сборов в Томске я опять приступил к работе в бригаде. Ездили на болото, вырубали топорами мёрзлый мох, грузили на телегу большими тяжёлыми кусками. И возили к стройке. Тогда мох при строительстве домов использовался для прокладки между рядами брусьев – и как уплотнитель, и как утеплитель. Комки мёрзлого мха закладывали в большой чугунный котёл, разводили под ним костёр, отогревали, чтобы можно было его без труда укладывать между рядами пилёного бруса. В повседневной работе незаметно для меня пролетел апрель. Улетучились зимние морозы. Наступила оттепель. По дорогам побежали весенние ручейки. Стали оголяться пригорки...

О своём недавнем пребывании на сборах в Томске стало как-то даже забываться. Стали стужёвываться яркие эмоции от прыжков с парашютом. Наступали майские праздники. Первомай. Увы, этот день никак не мог оставаться неомрачённым. Никак не хотела ещё заживать рана от потери отца в этот день шесть лет назад. Ещё долго этот день будет для нас всех не красным, а чёрным. Ещё долго он будет омрачаться в наших душах горечью невосполнимой утраты. Ещё долго он будет оставаться для нас днём семейного траура... И почти всегда я буду находить повод устраниваться в этот день от праздничных мероприятий и весёлых компаний...

Миновал Первомай. Подоспел День Победы. В честь этого праздника во всех клубах наших деревень проходили концерты, показывали художественные фильмы на военную тему...

Проводы на службу в армию

И уже 2 мая получил я повестку на призыв служить в армии. Вроде бы к этому меня уже готовили чуть ли не два года. А тут – словно снег на голову! Ни мама, ни я к этому оказались морально не готовы. Это теперь, чуть ли не за неделю до отправки начинают устраивать проводы новобранцев на службу.

А тогда проходило всё это как-то тихо, спокойно, без помпы, без гулянок, без громких застолий. Ну, забрали – и забрали... Ну, проводили по-тихому – и проводили... И всё. Служи, Вася, или Петя, или Вова...

Правда, к тому времени у нас работали ещё и гуцулы из Закарпатья, бригадиром у которых был мамин избранник Степан Александрович Реш, ставший нам отчимом. К этому времени он уже жил вместе с нами в Пудино. Утром 13 мая пришли проводить меня и его двоюродные братья – Иван и Степан Илавские – почти мои ровесники. Мама наспех собрала на стол – то, чем можно было позавтракать и закусить.

Сидим мы за столом, не торопимся на аэропорт. Мы-то думали, что самолёт из Парабеля прилетит, как обычно, к 10 часам утра. Выпили по рюмке с напутствием на мою службу. Засобирались на аэропорт. Мама, естественно, расстроенная, опечаленная разлукой со мной. Всё-таки не в институт отправляла, как летом, а на службу в армию. А там... Мало ли что... В памяти ещё очень свежи были совсем недавние события на границе с Китаем, на острове Даманский, когда погибли там два наших пудинца...

Собрались. Едва мы отошли от дома, смотрим: со стороны Парабеля уже летит самолёт. Выходит, он прилетел на целый час раньше обычного. Я со Степаном Илавским побежал вперёд остальных. Забегаем в здание Дома быта, там был телефон. Дозвонились до аэропорта и просим, чтобы диспетчер задержал самолёт с вылетом – из-за призывника, которому, край как надо, сегодня явиться на призывной пункт. Ответили, что подождут, но недолго.

Мы со Степаном выскочили из Дома быта. Наспех я попрощался с мамой, поцеловав её. Та ещё успела мне дать денег на самолёт. И мы – бегом до аэропорта. На аэропорту самолёт уже недовольно урчал мотором и разгонял воздух пропеллером. Проводница-кассир Галина Колбина уже выписала на меня билет, сунула его мне в руки на бегу. Я передал ей деньги за билет.

Заскочил в самолёт. Захлопнули дверцу. Самолёт тут же, с разворотом, взлетел и стал набирать высоту.

Я сидел на боковом откидном сиденье и смотрел в иллюминатор, и мне было видно, как по дороге к аэропорту всё ещё шли мама, отчим, сёстры и Иван Илавский. Они махали мне, вслед улетающему самолёту и увозящему меня в неизвестное...

В Парабели

В Парабельском аэропорту слетавшихся из района призывников уже поджидал специальный автобус, который и отвозил нас к райвоенкомату. В ограде райвоенкомата кучками толпились призывники – в простеньких телогрейках и с вещмешками за спиной. Среди кучковавшихся я узнал своего друга по томским сборам Витю Филиппи. Подошёл к нему, поздоровались по ручке.

Через некоторое время офицер военкомата провёл нас в здание, где заседала врачебно-распределительная комиссия. На своё здоровье я не жаловался, но больше всего опасался заключения хирурга – из-за травмы головы, полученной пару лет назад при игре в футбол на уроке физкультуры. И на вопрос хирурга: «Были ли у меня ранее какие-либо травмы?», как и прежде, я ответил отрицательно. Вердикт врачебно-призывной комиссии был окончателен, и в мою пользу: «Годен для службы в рядах Советской армии».

В заключение, примерно через час после прохождения всеми комиссии, нас собрали вместе и торжественно вручили воинские билеты – с красными корочками и гербом СССР посередине. А на странице 2, («Отношения к военной службе») – стояла печать и значилось: «Призван на действительную военную службу 13 мая 1971 года».

Как ни странно, но после этого нас распустили «по домам» и велели явиться на следующий день для отправки в Томск. Я подался опять к своим родственникам Димитровым. В это время там были Тамара со своим мужем Фёдором. И мне было приятно и даже как-то неловко наблюдать со стороны их нежные отношения между собой.

На другой день перед тем, как мне отправиться в военкомат, тётя Виктория поинтересовалась: есть ли у меня деньги на

дорогу и непредвиденные расходы? Я ответил, что нет. На что она возмущённо удивилась: дескать, а как же это Дуся тебя отравила без денег? Ей было и невдомёк, что лишних денег у нас просто не водилось, а те, что я заработал в бригаде, получить просто не успел... Тётка достала кошелёк и извлекла из него - благодарен ей и по сей день.

Я и сейчас помню эту красивую, полноватую женщину средних лет – как и наш отец, болгарку-спецпереселенку, с коротко стриженными густыми чёрными с проседью волосами. Её муж Георгий был худощавым, высоким, лысым. Припоминаю и его мать – невысокую худенькую, страшноватую на лицо, но добродушную старушку, говорящую не на чисто русском языке, а с болгарским акцентом. Порой мне даже были непонятны её слова. Тамара тоже учила болгарский язык и неплохо говорила на нём, иногда даже демонстративно, как будто для меня, – с бабушкой, матерью или с отцом... В нашем семейном архиве сохранилась лишь одна единственная фотография, хранящаяся у сестры Татьяны, на которой запечатлены тётя Виктория, Тамара с мужем Фёдором и ещё одна женщина – видимо, их знакомая или соседка.

В Томске

На следующий день нас отвезли в аэропорт, и мы самолётом вылетели в Томск. В Томске встретили представители Кировского РВК и доставили на пункт сбора призывников. И тут-то начались мытарства в ожидании отправки. Призывников на сборном пункте собралось много, со всей области. Нас вызывали на общие построения, распределяя по командам. Я попал в команду под номером 7. После распределения по командам, местным разрешили даже побывать дома или у родственников. Не исключением был и я, надумав навеститься к дяде Саше Михееву. Отпускали нас без опаски, что кто-нибудь не явится на следующий день и сбежит, поскольку все документы и личные дела были уже в военкомате.

Вечером 14 мая я заявился к дяде Саше Михееву домой. В то время он проживал ещё с семьёй по улице Котовского, где мы с мамой были два года назад. Дома оказались и все его сыновья: Саша, Коля и Миша. Саша был моим одногодком, а Миша только на днях вернулся на побывку со службы на атомной подводной

лодке в ВМФ (после крупнейшей аварии на ней и получения ранения). Его подводная лодка даже затонула, а ему и 11 морякам из всего экипажа удалось всё же выбраться из неё, и их спасли иностранцы. О той трагедии с подводной лодкой в то время не говорили, всё было засекречено. По рассказам Миши, спасшийся командир лодки не смог пережить этой трагедии и застрелился. Остальные подводники проходили курсы оздоровительной реабилитации, после окончания которой им были предоставлены отпуска домой. Дослуживать ему пришлось уже на надводном корабле. С братом Мишей я общался менее всего. Всякий раз вечером, приходил домой он навеселе, изрядно подвыпивший в сопровождении двух девиц. Таким образом мои ежевечерние похождения к родственникам продолжались ровно неделю. И я чувствовал, что за это время своим родственникам я уже изрядно поднадоел. А нашу команду под номером 7 при построениях в военкомате всё ещё никак не выводили из общего строя.

Из томской преармейской «эпопеи» запомнился ещё один не очень приятный эпизод. В один из выдавшихся тёплых майских дней нам разрешили прогуляться по городу, точнее купить в киоске, находящимся неподалёку, по мороженому.

Отправилось нас человек шесть, все уже мои новые знакомые из нашей команды. Был тут и мой дружок Витя Филиппи. На улице Ленина мы подошли к киоску и по очереди стали покупать мороженое. Я немного замешкался, покупая, и мои товарищи уже стали отходить от киоска, лакомясь прохладной сладостью.

Ко мне подошли двое парней в необычных чёрных костюмах и предложили завернуть за киоск. Не подозревая в том ничего дурного, я подался вслед за ними. Мои друзья к этому времени отделились уже на приличное расстояние. И обо мне будто бы забыли.

Отведя меня в закуток, один из парней, что помоложе, на жаргоне стал требовать у меня клифт (пиджак): дескать, я призывник и в армии мне он всё равно не потребуется. Я, не ожидая такого нахальства и наглости, опешил. Такой речи, на какой пытались общаться со мной те урки, мне ещё слышать не приходилось.

– Да ты знаешь, кто мы такие? – напирал молодой, угрожая. – Мы – химики из Новосибирской тюрьги. Не снимешь добровольно клифт, я тебя замочу...

Я заозирался по сторонам, ища помощи. Но поблизости не было никого даже из прохожих, а мои друзья уже скрылись из виду. И кричать было уже бесполезно, взывая к помощи. Накал наглости того, что помоложе, был на пределе. Похоже, он и впрямь собирался меня, если не замочить, то избить.

– Ладно, хрен с ним, – остановил молодого второй, что был постарше, и, похоже, авторитетнее своей «шестёрки». – Пусть живёт. Видишь, как он перетрухал...

Поняв, что очень легко отделался, я сделал «ноги в руки» и пустился бежать, догоняя своих напарников. Догнав их, рассказал о случившемся, попеняв за то, что они бросили меня одного. Они же даже не оценили степень той опасности, которой подвергся я, и непорядочность своего поведения. А я ещё долгое время никак не мог прийти в себя...

«Покупатели». Отправка из Томска

Наконец-то, 20 мая, появились наши «покупатели» – так называли тех, кто приезжал из частей и забирал в военкомате предназначенную для них команду призывников. Наши «покупатели» прибыли в голубых беретах. На гимнастёрках и кителях у них ярко поблёскивали комплекты значков, среди которых завидно выделялись «гвардия» и значки парашютистов с подвесками из цифр, означающих количество совершённых прыжков.

Вечером нас вывели из общего строя, рассадили по автобусом и отвезли на железнодорожный вокзал Томск-1. Как ни странно, провожающих было много, не протолкнуться. Туда заранее уже понаехали из города родственники, с гармошками, песняками и горячительным. Касалось это прежде всего горожан. Мы же, периферийцы, кучковались в сторонке, наблюдая за происходящим.

Долгих проводов не получилось. Последовала команда: «Строиться!» После переключки нас разместили по общим вагонам, и мы, наконец-то, двинулись в путь.

Но и в начале пути из-за подвыпивших призывников-горожан практически до Новосибирска мало кому удалось хотя бы на часок вздремнуть. В Новосибирске предстояла пересадка на другой поезд. В зале ожидания от нас было преизрядно шумно и не очень комфортно остальным гражданским пассажирам.

А ждать своего поезда нам пришлось довольно долго. Дело в том, что именно в Новосибирске формировался целый эшелон с призывниками из Восточной и Западной Сибири: Читы, Иркутска, Томска, Новосибирска, Кемерово, Барнаула.

На Запад, к месту службы

За время ожидания в вокзале Новосибирска, многие из нас успели протрезветь и проголодаться. Небольшими группками нас стали отпускать до привокзальных киосков, чтобы мы смогли там что-либо купить и перекусить. Ближе к вечеру, того же 21 мая, призывников на вокзале Новосибирска становилось всё больше и больше. Поступила команда на выход, на перрон. Там, на рельсовом пути, уже стоял длинный состав, как оказалось, аж из 20-ти вагонов. Нас распределили по вагонам, которые оказались плацкартными и даже с матрасами на полках. Но зато в каждой секции на 6 человек размещалось аж по девять призывников, то есть занимались и третьи, багажные полки. Мне на сей раз повезло, я занял среднюю полку секции, хотя и боковую. А на самых престижных полках (средних) основного купе нашей секции разместились все те же друганы – Володя Зыков и Щепин.

Поезд тронулся, и мы все прилипли к вагонным окнам, рассматривая мелькавшие мимо нас какие-то постройки, дома, здания, домишки и сараи пригорода; потом пошли начинавшие зеленеть луга, перелески с распускающимися почками деревьев...

Часа через два нашего пути сопровождавший нас старшина-десантник объявил о выделении нами трёх человек с нашего вагона – для получения пищи из вагона-ресторана, в котором располагался котлопункт. Наши раздатчики вернулись минут через пятнадцать-двадцать, принеся кашу, которую мы, оголодавшие, уплетали за милую душу. После приёма пищи мы разлеглись по своим полкам и почти сразу же все задремали – как никак, сказывались почти полуторасуточное бодрствование и мытарства в залах ожидания.

Дальнейший наш путь ничем особо не запомнился. Правда, осталась в памяти стоявшая довольно холодная и ветреная погода, а одеты мы были, в основном, в простенькие и лёгкие пиджачишки и телогрейки, на ногах – изрядно поношенные и стоптанные сапоги. Мы все знали, что в частях, на местах, всё

равно нам заменят гражданскую одежду на военную форму, поэтому, уезжая из дома, в новое никто особо не рядился.

Ближе к Уралу всё больше и насыщеннее становилось зелёного цвета на деревьях и кустарниках. И солнце всё сильнее стало прогревать воздух. Челябинск проехали ночью, и города, как такового, я не разглядел. Зато наутро мне хорошо запомнился город Миасс, который располагался как в котловине. А мы объезжали его по кольцу, будто бы поверху.

Далее была Уфа, где на здании вокзала красовались крупные буквы названия города-станции – на русском и на башкирском языках. Мне запомнилось, что на перроне Уфы было большое количество цыган, которые буквально облепили все выходы из вагонов нашего состава, выпрашивая у нас гражданские вещи. Сердобольные и весёлые, мы без особого сожаления расставались с шапками, телогрейками и прочими тёплыми вещами. Кое-кто из призывников соседних вагонов умудрялся даже сбегать до киосков и купить там дешёвого вина. После этого наши сопровождающие десантники ходили по вагонам, устраивая шмон и пытаясь отобрать пронесённое в вагоны вино. Однако, не все призывники были шиты лыком, умудрялись спрятать и утаить это вино, а потом и выпить его...

Следующим оказался город Куйбышев (Самара). И после него я стал замечать, что в дворовых садиках уже белоснежно цветут яблони. Мне, сибиряку, тогда это было в диковинку. И я подолгу любовался этим цветением!

Запомнилось ещё, как мы долго приближались к какой-то очень широкой реке – как оказалось, к Волге. И железнодорожный мост через неё был не менее километра. Мне прежде доводилось несколько раз пролетать на АН-2 над нашей Обью, в районе Томска и Новосибирска, но такой широкой реки, как Волга, видеть ещё не приходилось.

Переехав Волгу, мы оказались на чувашской станции Сызрань. Это был старинный городок, со своей необычной архитектурой и даже зданием вокзала. Кто-то из соседнего купе прихватил с собой географическую карту СССР, на которой мы отмечали путь нашего следования.

Состав наш тянулся медленно, часто останавливаясь даже где-нибудь в поле, не говоря уже про крупные и узловые стан-

ции-города. Однажды мы остановились возле города Георгиу-Деж. Буквально рядом находились лесопосадки. Через открытые форточки окон вагона стали отчётливо различаться громкие и резкие птичьи голоса. Пели соловьи, которых я никогда раньше не слышал! Как они пели! Как пели! Мы все, сибиряки, были буквально поражены и заморожены их необычным пением. Высовывали свои головы через форточки, пытаюсь разглядеть и самих птиц. Нам даже казалось, что машинист поезда специально притормозил и приостановил состав, чтобы мы смогли насладиться пением соловьёв. Когда же поезд тронулся, мы, возбуждённые, ещё никак долго не могли перестать делиться своим впечатлением от пения птиц...

По Украине и Молдавии

После Сызрани мы проехали станции-города Пенза, Ртищево, Поверино, Георгиу-Деж... Мы приближались к Харькову. Заканчивалась Россия и начиналась уже Украина. И эта «хохлацкая» территория уже весьма заметно отличалась от российской. Для нас непривычно было видеть деревенские избы (хаты) с белёными стенами и соломенными крышами. А вокруг них обычно зеленели цветущие сады.

В Харькове наш состав загнали в тупик, в котором мы стояли не менее, чем полдня. Харьковская железнодорожная станция очень огромна, с множеством разветвлённых путей в разные стороны.

От Харькова наш путь лежал на Одессу – через Полтаву, Кременчуг, Кировоград. Интересно было наблюдать за меняющейся природой и пейзажами. В лесопосадках мелькали строгие ряды разных деревьев, доселе мне неизвестных. Теперь уже не встречались привычные берёзы, осины или сосны с елями. Как оказалось, росли тут такие деревья, как бук, граб, дубы, ясень. Особенно привлекал внимание бук – своим гладким стволом, почти как у нашей пихты, только с круглыми тёмно-зелёными листьями. Все фруктовые деревья здесь уже стояли отцветшими, с наливающимися ещё зелёными плодами и ягодами.

Первыми из нашего состава покинули вагоны призывники на станции Раздельная, направляясь в Кишинёв, в 300-й (трёхсотый) полк нашей дивизии.

Глубокой ночью с 28 на 29 мая мы прибыли на неизвестную мне станцию, с названием Табаки (с ударением на вторую букву а). Последовала команда: «Покинуть вагоны и построиться!»

Около полутора тысяч новобранцев высыпались из своих вагонов и не очень ровно выстроились вдоль опустевшего состава. После повагонной переклички последовала команда «Направо!», и многочисленной колонной мы двинулись в расположение части.

В Болграде

Припоминаю, что я довольно быстро устал, поскольку мышцы ног успели ослабнуть и отвыкнуть от ходьбы – за время езды в поезде, поскольку всю дорогу приходилось лежать или сидеть на полке. До города Болград было всего четыре километра пути, которые мне показались значительно большим расстоянием. Пока шли до него, как такового, города из-за темноты я и не заметил. Он почти ничем не отличался от той станции Табаки, на которую высадили наших призывников. Обратил лишь внимание на то, что силуэты домов, мимо которых мы проходили, были весьма добротными, хотя внешне, как будто даже и похожими. Дома эти почти все были обнесены сплошными гипсобетонными заборами с металлическими воротами и калитками. Как выяснилось позднее, почти все дома там строились из природного строительного материала, называемого «кателец». Его специальными машинами с большой фрезой нарезали в каменных карьерах – сначала пластами, потом эти пласты резали на подручные блоки, размером 25 x 25 x 60 сантиметров.

Поскольку с Болградом в наших семейных преданиях связано очень многое, считаю полезным кое-что сказать об его ***истории, взятой из Интернета.***

Город Болград в настоящее время находится в составе Украины Одесской области, расположен в 5 километрах от границы с Молдавией. Расстояние до Одессы – порядка 270 километров.

История земель, прилегающих к современному Болграду, уходит аж в далёкие 2-3-тысячелетие до нашей эры, относящиеся к эпохам меди и бронзы.

А уже в 8-10 веках прошлого тысячелетия близ нынешнего Болграда существовало селище Балкано-Дунайской культуры,

входящее в состав Первого Болгарского царства. Немного позднее земли эти отошли к Киевской Руси, а с 13 века ими владели орды татаро-монголов.

В 14 веке земли отошли под влияние молдавских князей, а с начала 16 века – к Османской империи. Наводили тут свой порядок чуть позднее правители Венгрии, Польши и Турции.

После русско-турецкой войны (1806-1812 годы), согласно Бухарестскому мирному договору, земли Буджакских степей, к коим относились и описываемые территории, отошли к Российской империи. Их наместником стал генерал Инзов, герой Отечественной войны 12 года, которого очень любило и уважало местное население. Вновьсозданное образование в составе России получило название Бессарабии.

Уже в 1820 году сюда стали интенсивно прибывать задунайские болгары. По инициативе генерала Инзова, в **1820** году, *на берегу озера Ялуг* (лимана) был заложен новый населённый пункт, ставший административным и культурным центром болгарских колоний в Бессарабии, получивший на следующий, 1821 год, статус города с наименованием **Болград**. (Кстати, генерал Инзов после смерти и похоронен в Болграде, в именном мавзолее).

Большое значение в истории и жизни города получило открытие в нём в 1838 году после пятилетнего строительства, прекрасного трёхпрестольного храма «Свето Преображение Господне». День освящения этого православного храма (29 октября 1838 года) стал отмечаться, как День бессарабских болгар.

Ещё большую ценность и значение городу придало открытие в нём первой Болградской гимназии в 1858 году. *(Кстати, эту гимназию в своё время оканчивала и наша бабушка по отцу – Прасковья Павловна Манолова, с последующим правом преподавания физики и математики).*

При поражении России в Крымской войне (1856 г.), земли Южной Бессарабии отошли сначала к Молдавии, а уже в 1859 году – вошли в состав королевской Румынии. В это время на этнической почве между болгарами и румынами вспыхивают неоднократные стычки – из-за того, что румыны наложили на болгар рекрутскую повинность.

После Второй русско-турецкой войны, в 1878 году, Румыния вернула Южную Бессарабию (вместе с Болградом) в состав России, которая получает название «Новая Болгария». И уже в

1880 году Болград становится городом Измаильского уезда Бессарабской губернии Российской империи с числом жителей более, чем 10 тысяч.

К началу нового столетия в нём проживает уже около 15 тысяч человек, среди которых около 9 тысяч приходится на болгар; остальное население составляют русские, украинцы, евреи, молдаване, гагаузы и прочие национальности.

Очередной виток государственной принадлежности Болграда приходится на 1918 год, когда Россия вынуждена была передать Бессарабию в состав Румынии. *(Именно на это время и приходится создание семьи Арнаутовых (Прасковьи Маноловой и Фёдора Арнаутова), рождение, учёба в гимназии (лицее) и отрочество там нашего отца Степана и его старшего брата Анатолия).*

В 1940 году Бессарабия снова возвращается, теперь уже в состав СССР. Но ненадолго. В это время, как и во многих присоединённых республиках к СССР (Прибалтика, западные области Украины и Белоруссии, Молдавия) органами ОГПУ проводится депортация зажиточного местного населения в Сибирь, на Алтай, в Северный Казахстан.

Именно тогда, в июне 1941 года в Нарымскую ссылку попали бабушка Прасковья Павловна (учительница гимназии) со своими сыновьями. Её муж, Фёдор Афанасьевич, как бывший кадровый офицер, получил срок по политической статье 58.4 и был отправлен на Северный Урал в «Ивдельлаг», где и умер в 1942 году.

Под влиянием оккупации Бессарабии немецкими и румынскими войсками оказался Болград с 1941 по 1944 год. И лишь после окончания Второй мировой войны территория Бессарабии (в том числе, и Болград) перешли под юрисдикцию СССР, войдя в состав Одесской области Украинской ССР.

С 1969 года в Болграде дислоцируется 98-я гвардейская Свирская дивизия воздушно-десантных войск (ВДВ). В 2010 году, в центре Болграда был открыт мемориальный комплекс «Боевое братство» – как памятник воинам ВДВ.

К 1990 году в Болграде проживало порядка 20 тысяч человек интернационального состава, при этом порядка 50 процентов составляли потомки болгар.

В воинской части (в\ч 52432)

Через некоторое время наша колонна новобранцев дошла до сплошного забора по обеим сторонам улицы. Это были заборы воинских частей. Слева находилось расположение 217-го полка, справа – нашего, 299-го полка 98-й Гвардейской дивизии.

Чуть ранее от нашей общей колонны отсоединилась значительная часть новобранцев и направилась в расположение соседнего полка. Мы же, пройдя дальше, оказались перед воротами КПП нашего полка. Попав на территорию части, нас разместили поначалу в здании старого полкового клуба – довольно больших размеров. От усталости хотелось хотя бы где-нибудь притулиться, но сделать этого никак не удавалось: кругом были галдёж и суета.

А вскорее, ещё до рассвета, к нам пожаловали какие-то старослужащие и предложили человекуам четырёх-пяти (среди которых оказался и я) пройти куда-то вместе с ними. Оказывается, они углядели у нас ещё довольно сносные и непотрёпанные сапоги. Завели нас в какое-то помещение, с тяжёлым зловонным спёртым казарменным запахом. Нам всем вынесли по паре очень истоптанных и рваных сапог и предложили переобуться. Деваться было некуда. Переобулся и я. Подошва правого сапога была заметно отслоена – так что выглядывали мои босые пальцы ног. Посмеявшись над собой за такую «обновку», мы вернулись в здание клуба. Увидев нас в такой обувке, знакомые по купе парни катались со смеху. Я же, ко всему прочему, продемонстрировал перед ними пантомимную ходьбу. Эффект был потрясающим, с бурным хохотом.

Незаметно рассвело. Последовала команда на выход и построение. Предстояла солдатская баня, после которой нас должны были переобмундировать в солдатское одеяние. А ещё до того, по пути следования, мы, ради хохмы и зная, что гражданская одёжка нам в ближайшее время не потребуется, стали кромсать и полосовать на ленты свои пиджаки и рубахи, отрывая рукава. То, что оставалось ещё целым, изремкивалось теперь, перед баней.

После помывки нам всем выдали новые х\б, тельняшки, пилотки, сапоги. После переодевания в армейское обмундиро-

вание и стрижки «под Котовского», мы были все, как инкубаторские, и не узнавали друг друга.

Уже переодетыми, нас построили. И вышел к нам сам командир полка – подполковник Мурычев. После своей приветственной речи он спросил, учился ли кто до этого в институтах? Таковых оказалось немного, человек пять-семь. Я тоже подал голос из строя. Он спросил меня: «Где ты, сынок, учился?» Я ответил, что в институте культуры, на режиссёрском отделении. Подумав, он сказал мне: «Нет, такие специалисты нам не нужны...»

В «карантине»

После общения с командиром полка, нас отправили в столовую на завтрак. Предложенную кашу с пайками хлеба и сахара мы уплели за милую душу, выйдя из-за столов полуголодными.

Начинались занятия «Курса молодого бойца», или попростонародному – «карантин» – до принятия присяги. После очередного общего построения нас разбили по ротам, взводам и даже отделениям. Я оказался во второй роте третьего взвода. Командиром отделения нам был назначен ефрейтор Потапов, заместителем командира взвода – ефрейтор Бут.

На что я обратил своё внимание, так это на то, что командовали нами в «карантине» ефрейторы. Почти все командиры отделений имели звания ефрейтор, даже не младший сержант. Оказывается, призваны они все были полугодом ранее нас и прошли за это время сержантскую «учебку», что находилась при 7-й Гвардейской дивизии ВДВ, дислоцирующейся в Литве. Знания по боевой и политической подготовке, а также полученные навыки наших наставников на выпускных экзаменах в школе сержантов никак не тянули на сержантские звания. И многие из них получили лишь «ефрейтора». После обучения нас «курсу молодого бойца» все они должны были перейти в свои подразделения – роты. А в ротах ефрейторы большим уважением ни у кого не пользовались, зачастую за глаза их называли «испорченными» солдатами. Зато здесь, в учебном карантине, у них над нами была, по сути, безграничная власть. Поизгаляться над молодыми для них было в порядке вещей. Нас муштровали в строевой, изводя командами: «Налево!», «Направо!», «Кругом!», «Шагом марш!» и прочим примитивом, до въедания в печёнки...

Во время «карантина» были помимо строевой и занятия по «Уставам», моральной и политическое подготовке. И на них, кроме наших наставников, все мы были на равных.

Находясь на территории полка, все мы, сибиряки, сразу же обратили внимание на фруктовые деревья, что росли в расположении части. Это были черешни, дикие абрикосы (жерделы). Многие из нас срывали ещё зелёные и недозрелые плоды и грызли их, сплёвывая потом терпко-кисловатую мякоть. Почти никто из нас до этого не бывал в южных краях и не видел даже как растут яблоки, не говоря уже о грушах, черешнях, вишнях, винограде, абрикосах или персиках... Здесь же всего этого было в изобилии, и везде. На территории части росли даже грецкие орехи и бурая шелковица. Немало было и деревьев с кустарниками: клёны, белая акация, небольшие дубки. Особенно выделялись стройные прогонистые пирамидальные тополя с прижатыми к стволам сучьями и ветками. Издали они чем-то смахивали на кипарисы.

Погода была уже в конце мая-июне очень жаркая. Всякий раз, после команды «Разойдись!», мы все врассыпную бежали к летним умывальникам – длинной трубе-сотке с просверленными в ней отверстиями и краниками. Припав к ним, мы никак не могли утолить жажду. Вода в таких умывальниках была почти тёплой, нагревшаяся на солнце. Напившись и освежившись, облегчение наступало ненадолго, а вскоре выпитая вода выходила из нас потом.

Десантные полосатые майки-тельники были мокрыми от пота, как и гимнастёрки х\б. Они неприятно прилипали к телу. До этого, живя в Сибири, я не замечал такой жары и жажды, как здесь.

Примерно через неделю, после ежедневной изнуряющей муштры, нас привели к складам ПДИ (парашютно-десантного имущества). Каждому выдали по сумке с парашютом и по «столу» (длинное брезентовое полотно, шириной в метр и длиной 15 метров – для укладки парашюта на земле).

Началась уже иная подготовка: укладка парашюта, прыжки с предварительной наземной подготовкой...

Неожиданное открытие

Однажды, в один из жарких и солнечных дней, мы двигались строем к складам ПДИ – для укладки парашютов к очередному прыжку с самолётов АН-2. Мимо нас проезжает гражданский междугородний автобус «ЛАЗ». А наверху кабины – указа-

ние маршрута: «Болград – Вулканешты». Увидев это, я сначала не поверил своим глазам. Меня как будто токомшибануло и бросило в жар. И до меня дошло: «Так, значит, Вулканешты – это где-то недалеко!» А в Вулканештах-то – живёт наш родной дядя Анатолий Арнаут, который ещё в 1961 году уехал из Сибири со своей семьёй! Моё озарение проявилось до какой-то небывалой детской восторженности! Пожалуй, и теперь одними словами этого мне никак не удастся описать – насколько я обрадовался! Меня тут же посетила мысль и надежда: «Раз Вулканешты где-то рядом, значит, мы сможем увидеться с дядей и его семьёй!»

Об этом радостном событии я тут же написал маме, порадовав и её. И попросил прислать мне адрес дяди Толи. А у местных молдаван я стал выспрашивать про Вулканешты. И выяснил, что от Болграда до Вулканешт – всего-то 18 километров пути по автодороге.

И о самом Болграде я стал расспрашивать местных, побольше стараясь узнать о нём. Ведь вот как получилось: выходит, я попал служить туда, откуда были высланы моя бабушка Прасковья с нашим отцом и его братом. Оказывается, даже двухэтажный каменный дом, в котором жила наша бабушка Прасковья с родителями до замужества, ещё стоял на своём прежнем месте. Правда, её отец, Павел, заранее предвидя возможную конфискацию пришедшими сюда Советами, завещал его церкви.

В то время Болград относился к Измаильской области. А сам город Измаил (некогда турецкая крепость, которую брали ещё сам Суворов с Кутузовым) находится всего в 40 километрах от Болграда. Забегая немного вперёд, замечу, что теперь, спустя тридцать лет после депортации бабушки с сыновьями из Бессарабии, и мне довелось побывать в Измаиле, будучи инструктором по устройству и укладке парашютов Д-5.

Из детских воспоминаний в моей памяти всплыло название ещё одного села – Владичень. Как выяснилось теперь, и это село находится совсем рядом – по другую сторону от Болграда, через лиман (озеро Ялпуг), а по дороге, в объезд – в 13 километрах от Болграда. Оказывается, именно во Владичени и родился мой отец Арнаут Степан Фёдорович, как и его старший брат Анатолий.

Я жаждал скорой встречи с моими близкими родственниками, оказавшимися по воле моей судьбы так близко от моего ны-

нешнего местонахождения! К этому времени мои двоюродные сёстры, которых я помнил ещё детьми, уже выросли. Младшая сестра Раиса уже училась в институте в Москве, а Тамара закончила педучилище в Кагуле, частенько бывая у родителей.

Меня никак не покидали мысли о жизненном парадоксе. И как могло такое случиться?! В июне 1941 года решением Одесской опертройки мою бабушку Прасковью, отца и его брата осудили по статье 58 и выслали отсюда в Сибирь. А я, из той самой Сибири, где пришлось жить им, и где родился я сам, оказался за пять тысяч километров в том самом месте, откуда они были депортированы тридцать лет назад...

По чьей же прихоти всё это случилось?! Уж не Божья ли воля в этом? Может, сам Бог смилостивился надо мной – за все мытарства и бедствия бабушки и отца? Да и за наши тоже?! А ведь всего этого могло и не случиться, останься я учиться в Кермерово... Или, скажем, изъяви я свои пожелания приписной комиссии ещё в 1969 году служить не в ВДВ, а в любых других войсках? А попади я даже в ВДВ, мог оказаться в других городах СССР, где в то время дислоцировались дивизии этих войск. К тому времени таковых насчитывалось аж 7 дивизий: Каунасская, Витебская, Псковская, Тульская, Кировобадская, Ферганская и наша, 98-я Гвардейская Свирская дивизия ВДВ.

Да и уже совсем недавно, пока нас везли эшелонам, мог я и не доехать до Болграда, а высадили бы меня, как многих, на станции Раздельная и направили в Кишинёв, в трёхсотый полк нашей же дивизии... Однако, попал же я именно в Болград!

Так и оказался я солдатом (рядовым) 299-го ПДП, сапёрного батальона, батальона связи, дивизиона САУ – 98-й дивизии ВДВ.

Нечто похожее, точнее цепи случайных событий, мне позднее приходилось смотреть в кино. Но ведь там – кино, искусственно-созданные сюжеты и сценарии в угоду задуманного и надуманного, а тут – сама жизнь! А жизнь нередко преподносит совсем не кинематографические случайности...

«Кирзуха» и «бациллы»

Помимо обычных занятий приходилось уже едва ли не с самых первых дней «карантина» приобщаться и к несению внутренней службы. И прежде всего – в качестве дневального по роте. Подошла и моя очередь стоять у тумбочки. Вся рота

новобранцев сходила в столовую на завтрак. Мой напарник-дневальный сменил меня у тумбочки. Я побежал в столовую.

Следует сказать, что в первые дни службы всем новобранцам не хватает той порции еды, которой вполне обходятся уже даже «фазаны» с «дустами», не говоря уже про «дембелей». Чувство постоянного голода испытывал на первых порах и я. И уже через час-другой после посещения столовой снова хотелось есть.

По утрам, на завтрак, обычно была каша: гречневая, ячневая, овсяная, пшённая, перловая с пайкой белого хлеба, кусочком масла и чаем с одним гранёным кусочком сахара. Перловую кашу многие называли «шрапнелью», но чаще всё же «кирзухой». Сливочное масло я не любил с детства, хотя мы всё время держали корову, и его у нас дома было всегда предостаточно.

Забежав в столовую, я подошёл к столам, где питалась наша рота новобранцев, и где была оставлена для меня моя пайка. Каши, что оставили мне сослуживцы, было явно маловато. Я умял её и, не насытившись, решил разжиться добавкой. Среди старослужащих я неоднократно слышал, как они просили добавить в свои порции «бациллы». Что это такое – я тогда ещё не знал, полагая, что просто так они называют обычную добавку. Кто и когда ввёл у нас такой термин в обиход, до конца службы я так и не выяснил.

Поозиравшись по сторонам, я заприметил двух десантников, по виду – явно старослужащих, не спеша принимавших пищу. Осмелев, я подошёл к ним и говорю:

– Ребята, дайте мне немного «бациллы», я не наелся...

Парни переглянулись между собой:

– Что-о-о!? Молодому салаге «бациллы» захотелось?! Вы посмотрите на него! Борзой какой! – завозмущались они.

Я, ничего не поняв, продолжаю в ответ:

– Ну, в вашем же бачке ещё много каши остаётся. Что, вам жалко её?

– Ну, так бы и сказал, что «кирзухи» хочешь... – смирились, засмеявшись они. – А то – «бациллы» ему подавай... Бери, подкладывай, сколько хочешь...

Обрадовавшись такому исходу, я наложил из их бачка «разводягой» «кирзухи» в свою тарелку, сколько вошло. И уплёл всю за милую душу. Наелся, что говорится, в тот раз я до отвала. А «разводягой» называли у нас поварёшку или половник. У моряков её почему-то звали «чумичкой»...

Ну, а «бациллами», как я вскоре выяснил, на нашем армейско-десантском жаргоне называли у нас куски мяса, которое обычно подавали в обед ко второму блюду. Иногда оно попадало и в утреннюю кашу, или на ужин...

Тренировочные прыжки и парашюты

А между тем, приходилось уже по-настоящему впрягаться в армейскую лямку воина-десантника. Мы уже проходили тренировочные прыжки с парашютом. Свои четвёртый и пятый прыжки я снова совершал с самолёта Ан-2. Зато шестой прыжок – уже был совершенно иным, серьёзным, что ли. Нас десантировали уже с четырёхмоторного самолёта Ан-12, который брал на борт одновременно до 60 парашютистов.

И наземная подготовка уже существенно отличалась от предыдущих. Особенно – отделение от макета-самолёта Ан-12. Меж собой этот самолёт мы называли «крокодиллом». Мы поднимались на его борт-макет вверх по металлической лесенке друг за дружкой, рассаживались по местам, имея за плечами макеты парашютов, присоединялись карабинами за траверсы транспортёра, который медленно начинал двигаться. Отделяясь от макета-самолёта, мы зависали в трёх метрах над землёй, двигаясь транспортёром в 3-4-х метрах друг от друга. Метров через 15, нас резко бросало вниз. За считанные секунды предстояло резко сгруппироваться, прижав ступни и колени вместе и встретить землю. Приземлившись, нужно было сделать кувырок, желательно, через левое плечо.

В этой связи припоминается один смешной и курьёзный случай. Однажды при тренировке после приземления у меня на брюках х\б разошёлся шов, оголив ногу. Я показал свою беду ефрейтору, тот отправил меня в казарму – зашить разорвавшиеся брюки. Я побежал в казарму. А когда зашёл в здание, ничего не мог понять: там всё было по-иному, чем у нас. Тут до меня дошло, что я попал не туда, куда надо: не в свою казарму, а в штаб полка, поскольку здания были очень похожи и находились совсем рядом. Ошалевшим, я выскочил из штаба и побежал уже к себе в казарму...

До шестого, тренировочного прыжка, мы прыгали на парашютах Д1-8 – почти на таких же, что и при самых первых прыжках, только без принудительного раскрытия парашютов.

Нынешние десантники и не представляют себе, что это за парашют, устройство которого существенно отличается от Д-5.

Помимо того, что на сложенный парашют натягивается ещё и чехол, на котором находились соты под стропы, здесь был ещё и стабилизирующий парашютик в 1,5 квадратных метра. Да ещё и «медуза», с пружиной внутри. На всю эту вереницу, при раскрытии основного парашюта, по нормативам отводилось всего 5 секунд. И фиксировалось это на приборе КАП-3 (контрольный автоматический прибор), при взводе которого необходимо было приложить усилие в 16 кг. И зафиксировать гибкой шпилькой-фалой.

Расплескалась синева, расплескалась...

В начале лета командование готовило всем нам сюрприз – **войсковые учения «Юг».**

О планируемых учениях, нам, разумеется, ничего известно не было. Тем более, новобранцам, ещё не прошедшим полный курс молодого бойца. До поры до времени. И вот тут началась настоящая муштра – подготовка к учениям с использованием при десантировании новых видов парашютов. Таковыми к тому времени оказались парашюты Д-5, которыми были оснащены пока не все ещё дивизии ВДВ, а только лишь одна наша, Свирская. На каждом куполе такого нового парашюта Д-5 находилось клеймо времени изготовления, а именно – май 1971 года.

Уложив предварительно поэтапно, как того требовала инструкция, парашюты, на следующий день нас отправили из расположения части колонной на грузовиках «ГАЗ-66» на аэродром города Арциз, где дислоцировался полк АН-12 Тираспольской дивизии ВВС. Уложенные парашюты доставлялись отдельными машинами.

Попад на аэродром, часа через четыре нам выдали уложенные накануне наши парашюты. Облачились, прошли контрольную проверку (где визуально проверяют всё на правильность укладки, контрольки прибора КАП-3 и всего парашюта). И лишь после этого дают «добро» на дальнейшее следование – к сходням задней части самолёта Ан-12.

Было не совсем привычно и даже страшновато: ведь в самолёт погрузились одновременно 60 десантников, а не по 10, как это делалось прежде. Рассадив по сиденьям, спиной друг к

другу в два ряда, выпускающий офицер пристегнул каждого карабином к тросику, находящемуся сверху, над головами вдоль всего салона самолёта.

Хвостовая часть ramпы закрылась, и при оглушительном рёве пропеллеров моторов самолёт вырулил на взлётку. За нами таким же образом следовали ещё пять таких же десантных самолётов А-12. И эти тренировочные прыжки были организованы только для нас, «карантинщиков»-новичков.

От Арциза до Болграда наш самолёт преодолел расстояние всего минут за 15. Последовала команда: «Приготовиться!» В хвостовой части самолёта зажёгся жёлтый свет с сигналом. Мы убрали под собой сиденья, выстроились в очередь, в затылок друг другу, поправили оперенья со стабилизирующими камерами и приготовились к прыжку.

Стала открываться ramпа – сначала боковые её части, потом верхняя. В салон ворвался сильный завихряющийся воздух, заставляющий даже прищуривать глаза. Загорелся зелёный свет, означавший команду «Пошёл!» Друг за дружкой, спешно, мы двинулись в хвостовую часть самолёта. Ещё мгновения – и мы посыпались, как горох. За одну секунду успевали отделиться от самолёта до четырёх десантников. При скорости самолёта в 300 километров в час, расстояние между десанниками в воздухе уже составляло до 25 метров.

Вывалившись из чрева самолёта, на стабилизации, болтало нас в воздухе, как пушинки: мелькали – то вверх, то вниз – голова, ноги... Дух перехватывало. А длилось всё это всего-то каких-то три секунды, пока не сработывал прибор КАП-3. Кое-кто, не надеясь на прибор, отсчитывал: пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три – и дёргал кольцо...

После этого происходит «провал»: из сот выходят стропы, а далее – стабилизирующий парашютик вытаскивает основной из камеры. И всё это происходит почти мгновенно...

И вот, уже я «сел» на систему: ножные обхваты, грудная перемычка, само седло. Смотрю вверх, на купол: всё в порядке, перехлёстов строп нет. А над куполом, и выше, и по сторонам расплескалась небесная синева, по которой пестрели белые облака... Чувство страха стало улетучиваться, и ему на смену по-

являлось чувство восторга и какой-то даже гордости за себя, преодолевшего этот страх...

Однако, впереди было ещё и приземление. Медленно спускаясь, я смотрел не только на небо и по сторонам, но и на землю. Невдалеке от Болграда, на площадке приземления, находилась дежурная команда приземления. Сверху мне была хорошо видна стрелка, указывающая направление ветра. Как нас учили, необходимо было при приземлении развернуться влево или вправо, в меньший угол разворота и приготовиться встречать землю, строго лицом по ветру, тесно сжав полусогнутые ноги в коленях и ступнях.

Приземление прошло отлично, как и учили. Встретив землю, я кувыркнулся через левое плечо, затем, ухватившись за стропы, погасил купол. Собрав купол в сумку, я двинулся к пункту сбора. Но и это было ещё не всё.

После сдачи сумок с парашютами нас построили, последовала команда: «Бегом, марш!» И мы побежали в сторону Болграда. Пробежав километра три, я изрядно подустал. А команды «шагом» всё не поступало. И только перед самым городом мы перешли на шаг. Основательно уставшие, но всё ещё под впечатлениями, мы прибыли в расположение части. Наши тельняшки и хэбэ были – хоть выжимай, в сапогах едва ли не хлюпало, портянки провоняли от пота и сырости. Их мы сушили, обмотав вокруг голениц сапог. И на такой жаре, минут через пять-десять, они оказывались уже сухими.

При укладке парашютов нам разрешалось снимать хэбэ и майки, оставаясь лишь в сапогах да в пилотках. Нетрудно догадаться, что мы, сибиряки-новички, вскоре все пообгорели на палящем южном солнце. А при надевании системы парашюта, плечевые лямки через хэбэ прилипали к телу так, что тоненькая шкурка кожи тела сдиралась и обнажала открытые раны. От такой процедуры было невыносимо больно. По этой причине кое-кто попадал даже в ПМП (полковой медицинский пункт).

На комплексных учениях «Юг»

Вскоре после того памятного прыжка, уложив в очередной раз свои парашюты, на следующий день оправили нас всех в лет-

ние лагеря, за город. А перед этим нам наконец-то выдали вместо армейских пилюлек настоящую гордость каждого десантника – голубые береты, а к ним – ещё и десантные комбинезоны.

Весь наш полк был размещён в палатках, находясь среди лесонасаждений из белой акации, клёнов и невысоких дубков. К середине июня стала уже созреть и первая ягода – шелковица. И мы, сибиряки, до этого не вкушавшие сию ягоду, накинулись на близстоявшие деревья, срывая с них буровато-терпкую ягоду, чем-то по форме напоминающую нашу малину.

Увидев, как мы уплетаем эту шелковицу, кто-то из молдаван сказал нам: «А чего это вы накинулись на бурую, белая-то ягода намного вкуснее и слаще.» И указал нам место, метрах в ста, где росли деревья шелковицы с белыми ягодами. И выглядели мы, поедавшие эти ягоды, наверное, в глазах местных явными дикарями. А послужив тут год и далее, к такой шелковице мы уже никакого интереса не проявляли.

14 июня вечером к палаточному городку подошла большая колонна машин – из крытых брезентом «ГАЗ-66» и «Уралов». Наспех свернув палатки, погрузили их и прочую утварь в спецмашины, а сами расселись по бортовым машинам.

По слухам, на следующий день утром мы должны были прибыть в Тирасполь на военный аэродром. От Болграда до Тирасполя расстояние порядка 180 километров. По пути следования нам попадались многие молдавские поселения. Так, проезжая город Камрат, ребята бросали записки девушкам, махавшим нам вслед – с указанным адресом и желанием познакомиться таким образом и вести переписку. Девушки подбирали эти записки с земли и продолжали, улыбаясь, махать нам руками и цветами.

Рано утром следующего дня мы прибыли на аэродром Тирасполя, где стояли многочисленными рядами Ан-двенадцатые с приспущенными размахистыми крыльями. Туда же прибыли и машины с нашими уложенными парашютами. Все сумки были пронумерованы, и при получении парашютов каждый называл свой номер.

Получив парашюты, снарядились в них, построились в шеренги по 30 человек в каждой. При этом, каждый десантник занимал место в шеренге не как попало, а строго по порядку. Или, как любили у нас шутить: «По росту, ранжиру, весу и жиру, становись!» Делалось это для того, чтобы при отделении от са-

молёта более тяжёлый десантник не смог догнать в воздухе при свободном падении другого и влететь в стропы его парашюта. Поэтому, вначале десантировались всегда самые тяжёлые...

Пока мы ждали своей загрузки, метрах в ста он нас, с взлётных полос то и дело взлетали истребители «МИГи». Своими реактивными двигателями они глушили нас основательно, зато наблюдать за ними было одно удовольствие. Взлетали они разом, по два-три самолёта и летели обычно в сторону румынской границы, до которой от Болграда, к примеру, было всего километров сорок.

На взлётном поле аэродрома творилось что-то невообразимое. Такого количества самолётов и десантников в специальных комбинезонах и голубых беретах мне видеть ещё не приходилось.

При этом выстроены самолёты были тройками, друг за другом (один самолёт впереди, два других – по краям). В нашем самолёте я оказался на сей раз предпоследним, в первом потоке. Как выяснилось позднее, в воздух тогда была поднята одновременно вся наша 98-я дивизия ВДВ, личный состав которой составлял порядка 15 тысяч человек! Через боковое иллюминатор мне было хорошо видно, как всего метрах в двухстах летел ещё один самолёт из «нашей» тройки. Наш курс лежал на Крымский полуостров, в его северную часть, в район города Джанкой, где и проводились учения «Юг». На этих учениях в тот раз были задействованы все рода войск: МВФ, ВВС, танкисты, артиллерия, мотострелки. И каждый род войск выполнял свои, поставленные командованием задачи.

И, как выяснилось позднее, за этими учениями, в том числе и нашим десантированием, наблюдал сам Министр обороны СССР маршал Гречко.

Десантирование

Площадка десантирования, куда мы должны были высадиться, находилась почти на самом берегу Азовского моря. Когда мы подлетели к месту выброски, при раскрытии хвостовой ramпы самолёта была видна морская вода. Среди нас возникли страх и некая паника. Падать в воду никому не хотелось. У нас не было никаких плавсредств, с помощью которых мы смогли бы держаться на воде.

После команды «Пошёл!» четверо первых ребят нашего первого потока покинули самолёт. Пятый же десантник вцепился намертво в поручни «калитки», отказываясь прыгать. Следуя друг за другом, как положено, мы, последующие, столпились в хвостовой части самолёта, не понимая, что там впереди и почему произошла заминка. Не на шутку испугался и выпускающий нас офицер в звании капитана. Своим криком он заставил нас оттянуться назад, поправляя за собой карабины по тросику. Выпускающий офицер переориентировался, выпустив вперёд всех тридцать десантников второго потока. И лишь после этого стал выпроваживать из самолёта замешкавшихся.

Моё отделение от самолёта произошло также успешно, как и при предыдущем тренировочном прыжке. Когда же дошла очередь до осмотра выхода парашюта и строп купола, мне показалось, что как-то уж очень быстро стала приближаться подо мною земля. Как выяснилось позднее, наш самолёт из-за заминки с десантированием пролетел положенную площадку приземления, которая была с ровной поверхностью. И на нашу долю досталась сопка. И расстояние до земли сократилось с 600 метров до 400-350. Ко всему, в нашем потоке я был предпоследним, кто должен был покидать самолёт. Деваться было некуда, и я стал готовиться «встречать землю».

В это время с моря дул сильный ветер, который после приземления подхватил купол моего парашюта, и меня потащило по сухой и твёрдой земле, с густо растущими по ней колючими кустарниками. С трудом уцепившись за нижние стропы, мне всё же удалось погасить купол парашюта, поцарапав колючками все руки и даже лицо. Я собирал купол в сумку, с усилием отрывая стропы от колючек. Спрятав шлемофон в РД (ранец десантника), я вынул из него голубой берет, и, надев его, побежал искать своих товарищей, оставив сумку с парашютом на месте приземления. Замечу, что обычно все сумки после десантирования собирает специальная дежурная бригада, которая отвечает и за их доставку в часть.

При подведении итогов, нам сообщили, что вся наша дивизия десантировалась всего за 23 минуты, что соответствовало результатам с оценкой «отлично». Это отметил даже наблюдавший учения Министр обороны, наградив многих наших офицеров медалями.

Голубые береты

Особой гордостью всех десантников наравне с тельняшками с голубыми и белыми полосками являются голубые береты. Их мы надевали на свои головы сразу же после приземления, сбросив шлемофоны. Это – своего рода визитка или опознавательные знаки ВДВ, так же, как у морских пехотинцев – береты чёрного цвета.

С десантированием наши учения не закончились. «Воевать» пришлось ещё трое суток, набегавшись до устали по сопкам. И спать пришлось впервые под открытым звёздным небом, тесно прижавшись друг к другу, согреваясь. Даже не спать – коротать ночи из-за ветров с моря, ночи в этом месте очень прохладные.

После всех мытарств учения мы, наконец, прибыли на небольшую железнодорожную станцию, севернее Джанкоя. Там нас погрузили в непригодные «телячьи» вагоны, в которых мы и ехали до станции Табаки. Выгрузившись из вагонов, построили нас вдоль состава.

Перед строем вышел командир полка подполковник Мурычев. Прозвучала команда: «Равняйся! Смирно! Вольно... Полк, делай, как я!» После этих слов он расстегнул верхние пуговицы своего комбинезона и засучил рукава по локоть, оголив руки. Взял АКМС наперевес. Вслед за ним, по его команде, повторил эти действия и весь полк. И после команды «Шагом марш» многочисленная колонна в голубых беретах с автоматами в руках стройно двинулась через станцию Табаки в Болград, приводя в испуг и удивление местное население, в большинстве своём состоящее из гагаузов, боязливо и молча выглядывавших из-за своих глиняно-саманных заборов. Уставшие, но гордые от выполненных задач, мы дружно двигались в расположение своей части...

Ещё немного из истории нашей дивизии

У меня до сих пор сохранилась вырезка из газеты «Красная звезда», в которой были освещены результаты учения «Юг», где рассказывалось и о нашей дивизии. И о том, почему она носит имя *Свирской*.

Это имя ей присвоили ещё в 1944 году – за успешное форсирование реки Свирь – между Ладожским и Онежским озёрами, несколько южнее города Петрозаводск. 12 гвардейцев этой дивизии получили звания «Герой Советского Союза». Было на-

писано и о генерал-лейтенанте Лисове Иване Ивановиче, служившем и воевавшим в прославленном соединении.

В газете же отмечалось, что на войсковых учениях «Юг» 98-я Свирская гвардейская дивизия ВДВ успешно десантировалась «в тылу противника», действуя быстро и решительно. Учения явились серьёзным экзаменом для «свирицев», который они выдержали на «отлично». Их действия высоко оценил Министр обороны, наблюдавший за десантированием крылатой пехоты.

Вернусь к генералу Лисову. После войны он получил звание генерал-полковника и успешно командовал в 60-е годы Дальневосточным военным округом. А когда произошёл инцидент на советско-китайской границе (2 и 15 марта 1969 года) на острове Даманский, он самостоятельно принял решение, не дожидаясь разрешения Москвы – дать военный отпор нарушителям границы, взяв всю ответственность исключительно на себя. Ни Генсек Брежнев, ни Министр обороны Гречко такого указания ему тогда не давали, всё тянули и «решали» за своими московскими столами...

Я до сих пор храню газетные вырезки об этом смелом и отважном генерале и его рассказы о событиях тех дней...

Первые дембеля

...После прибытия в полк нам дали пару дней на передышку, снова переодев в хэбэ. А за прыжок, как и прежде, опять выдали каждому по три рубля. Почти все, особенно новобранцы, получив деньги, тут же ломанулись в солдатскую чайную, купив на эти деньги сладостей.

С первых дней службы в армии я стал замечать, что у меня появилась какая-то тяга к сладкому: конфетам, печенью, пряникам, сгущёнке, к которым «на гражданке» не было особого рвения. Ладно бы, один я был такой, точно такая же тяга к сладкому была и у других сослуживцев и особенно у новичков.

А в течение этих двух дней в полку происходило ещё одно важное событие: отправка старослужащих в запас, или как принято говорить на армейском жаргоне – на дембель.

Демобилизовывались те ребята, которые отслужили по два года. Им не совсем повезло с дембелем: прошедшие учения «Юг» почти на месяц задержали их увольнение в запас. А каж-

дый день, переслуженный в армии, является для ожидающих дембель, очень тягостным и томительным.

Демобилизовавшихся выстроили на плацу перед всем полком, и они, счастливые, в новых, чисто отутюженных п/ш (полусерстяная одежда), с полными комплектами значков, прошли в последний раз строевым шагом мимо нас. Играла музыка «Прощание славянки», которую мы называли дембельским маршем. Их посадили в бортовые армейские машины ГАЗ-66 и повезли на вокзал станции Табаки. Они на прощание махали нам руками и что-то кричали, пока не скрылись за воротами КПП.

Это были те самые ребята, которые летом 1969 года, будучи ещё только призванными, являлись участниками и свидетелями передислокации нашей 98-й дивизии с Востока, из Белогорска, находящегося в 110 километрах от Благовещенска в сторону Владивостока. Скрытно перебросить в то время целую дивизию в 15 тысяч человек личного состава через весь Советский Союз было практически невозможно.

Не осталось это незамеченным и среди западных средств массовой информации. По рассказам офицеров и тех же дембелей, «Голос Америки» всюду трубил о переброске большого количества военной техники и личного состава с востока на запад и о пресловутой угрозе со стороны Советского Союза. Это было весьма тревожное время. Во-первых, совсем недавно (в марте 1969 года) были инциденты на советско-китайской границе, на острове Даманский. А на западе, в странах-членах Варшавского договора тоже начинались волнения и недовольства. Так было в Венгрии (1956 год) в Чехословакии (1968 год), социально-политические брожения были и в Польше.

Видимо, дав как следует по зубам оголтелым китайским хунвэйбинам во главе с самим Мао, советское руководство считало нецелесообразным держать ещё одну мобильную дивизию на Востоке – на забродившем Западе она была нужнее. К тому же, совсем под боком была ещё и агрессивная непредсказуемая Турция, входящая в состав НАТО...

Самому мне с теми ребятами-дембелями, к сожалению, пообщаться и поговорить не довелось. Однако, я был доволен уже тем, что будучи ещё совсем молодым военнослужащим, видел их и даже принимал участие вместе с ними при высадке десанта на учениях «Юг»...

Присяга

Как видно из предыдущего, нас, вчерашних призывников, стали активно приобщать к боевым задачам ещё до присяги. Мало кто может похвалиться тем, что ещё до принятия присяги он уже участвовал наравне со всеми в крупных учениях или операциях.

И нас стали интенсивно готовить к этой важной военной церемонии: мы учили наизусть текст присяги, сам порядок присягания на верность Отчизне и народу. Только после принятия присяги призванный на службу человек становился полноправным солдатом со всей моральной и юридической ответственностью.

Наконец настал и день принятия присяги. Было это 4 июля 1971 года. Церемония принятия присяги почти во всех войсках одинаковая – торжественно-парадная. Каждый воин персонально зачитывает её текст пред строем и знаменем и расписывается в специальной ведомости.

После принятия присяги нам тут же выдали знаки «Гвардия». Я был очень доволен тем, что рядом со значком «Парашютист», который мы получили ещё после первого прыжка уже в армии с подвеской и цифрой 1 (хотя с тремя гражданскими прыжками у меня это был уже четвёртый прыжок), теперь сиял глазурью и красовался знак «Гвардия».

Только после принятия присяги нас, пока всё ещё «карантинщиков», распределили по подразделениям – ротам (батареям) и взводам. До сих пор не пойму, по каким критериям и соображениям меня определили служить в полковую артиллерию – батарею ПТУРС? Сюда попали всего 6 человек со средним образованием, что в дальнейшем было немаловажным при обучении и подготовке на тренажёрах – в должности оператора.

Армейские будни

Ну, а пока, мы продолжали заниматься строевой и физической подготовкой, что тоже было нелегко. Мне без особого труда давались физические упражнения на перекладине и на брусьях. А вот пресс у меня был развит слабо. Упражнение «Подъём с переворотом» на перекладине я мог делать только один раз, на большее у меня сил не хватало. Поэтому наш командир отделения заставлял меня и мне подобных качать пресс.

От той поры у меня сохранилась всего одна фотография – времён «карантина» в полковой артиллерии. В неё входили: батарея 120-миллиметровых миномётов, батарея АСУ-57 (артиллерийских самоходных установок), зенитный взвод ЗУ-23 и наша батарея – батарея ПТУРС (противотанковых управляемых реактивных снарядов).

На вооружении ещё оставались и устаревшие ныне снаряды «Малютка». Переносились они в специальных «чемоданах» – по два снаряда в каждом. На учениях и тренировках мы бегали с этими «чемоданами», за что нас сослуживцы из других рот и батарей называли «жуликами», а помимо этого прозвища нас называли ещё и «интеллигенцией» – за то, что мы, единственные в полку, ездили не на обычных бортовых грузовиках «ГАЗ-66», а на машинах «ГАЗ-69».

В каждом таком «газике» находилось по два расчёта (или одно отделение). В расчёт входили: старший расчёта (сержант или ефрейтор) и по два оператора (рядовые).

Согласно инструкциям, при поступлении команды «К бою!» – батарея, взвод или отделение с расчётами, разбегаясь по фронту вправо и влево, занимали позиции. Операторы, установив «Малютки-снаряды» на крышки этих же «чемоданов» подключались через штекеры катушки с кабелем к пульту управления. Старший оператор через пульт управления делал наводку на макет танка (в боевых условиях – на реальный танк или самоходку). Пуск снаряда осуществлялся нажатием специальной пусковой кнопки. По ходу службы мне не раз приходилось участвовать в таких учебных пусках (стрельбах).

Неожиданная встреча

Вскоре после принятия присяги я получил из дома очередное письмо от мамы, в котором она сообщила мне адрес дяди Толи: село Вулканешты, улица Танкистов, 14.

Долгожданная встреча с родным дядей Анатолием оказалась для меня несколько неожиданной. Как сейчас помню: была суббота. На календаре числилось 10 июля, прошла всего-то неделя, как мы приняли присягу и нас распределили по подразделениям и казармам. Стоял солнечный и жаркий день. После утренней зарядки и посещения столовой нам предоставили некоторое время на отдых. Занимался кто чем...

И тут я слышу окрик дежурного по батарее: мою фамилию и приказ явиться в канцелярию – кабинет офицеров батареи. Я опешил, не ведая, по какому поводу вдруг понадобился в это время в канцелярии. Однако, послушаться не посмел и быстро направился по указанному адресу. Постучавшись и спросив разрешения войти, вошёл в кабинет. За столом сидел командир взвода лейтенант Баранов, который с нескрываемой улыбкой сообщил мне, что ко мне приехал дядя и что он ждёт меня на КПП полка.

Я безумно обрадовался этой вести и, получив разрешение от офицера на встречу, побежал, что было духу через всю территорию части. А пробежав здание штаба полка, я вдруг неожиданно увидел и самого дядю Толю, идущего мне навстречу! Приглядевшись, я узнал его, хотя мы не виделись с ним ровно десять лет – с 1961 года, когда они всей семьёй покинули Сибирь, уехав на родину. Радостный, я подбежал к нему, обнялись. Узнал и он меня. Поцеловались. Он ещё несколько раз крепко прижимал меня к себе.

Тут я сделаю небольшое отступление. В том же году, когда они переехали в Молдавию, в конце лета умер их девятилетний сын Гена, получив воспаление лёгких после купания в лимане. Горе родителей не имело границ. А после того, как погиб наш отец, дядя Толя неоднократно делал предложение маме – отдать меня в его семью. На что мама категорически всегда отказывалась. Теперь же я оказался совсем рядом с дядей Толей...

Последовали кучи вопросов, как с его, так и с моей стороны. И всё те же удивления: как могло такое случиться, чтобы из той глухомани Сибири, куда были они сосланы и прожили там двадцать лет, я оказался именно здесь?! Мы говорили и не могли наговориться с ним.

Получив от мамы известие о том, что я служу в Болграде, дядя в тот же день примчался сюда на своём мотоцикле – новенькой «Яве». Он с маниакальной настойчивостью искал возможность выдернуть меня отсюда к себе, в Вулканешты, хотя бы на один-другой денёк. По своей натуре дядя был очень настойчивым и пробивным. Вот и сейчас он решил, что без меня отсюда не уедет!

И мы направились с ним напрямиком в штаб полка. Дядя шёл первым, я – за ним. Отыскав взглядом дверь кабинета дежурного по части, он собирался было уже войти туда. Но в это

время со второго этажа спускался старший офицер – подполковник Белоусов, которого, дядя Толя каким-то образом знал ранее. Оказалось, что этот подполковник не так давно был в Вулканештах, и дядя Толя помог ему решить служебные вопросы. Они поздоровались. Дядя Толя объяснил ему то, по какой причине он оказался здесь и намекнул на то, что, дескать, пришла очередь и подполковнику помочь ему...

– Хорошо, Анатолий Фёдорович, – чётким командирским голосом официально ответил подполковник, – я постараюсь вам помочь. Сейчас я дам кое-кому распоряжение – насчёт увольнения на имя вашего племянника.

Через некоторое время он вышел из кабинета дежурного и сказал, чтобы я шёл в казарму и переодевался – для увольнения.

Первое увольнение. Встреча с роднёй

Радостные и довольные решением вопроса с моей увольнительной, мы с дядей подались в нашу казарму. Тут возникла ещё одна проблема: во что меня обмундировать? Дело в том, что до сих пор недавним новобранцам не была выдана парадная форма, и мы всё ещё ходили в повседневной хэбэшке и носили сапоги. С этим вопросом мы обратились к дежурному офицеру батарее ПТУРС лейтенанту Баранову. Он пообещал помочь. Мы попали в каптёрку батареи, где строгими ровными рядами висели парадно-выходные шинели и «парадки».

Ефрейтор-каптёрщик по указанию лейтенанта помог подобрать «парадку» по моим габаритам. Ею оказалась форма рядового Миши Мурыгина, прослужившего уже год, и на армейском жаргоне считавшегося уже «фазаном». Предложенное сидело на мне отлично, будто на меня специально сшитое.

На благодарности дядя был щедрый, отблагодарив и офицера, и каптёрщика. В штабе полка уже была готова моя увольнительная. Прибыв в штаб, я доложил, взяв под козырёк. Дежурный капитан вручил мне увольнительную с напутствием, чтобы всё было без происшествий, и чтобы я вовремя, то есть через день, 11 июля, вернулся в часть к 18.00.

Выйдя из КПП, я обратил внимание на новенький мотоцикл «Ява», сверкавший красной краской. Технику свою дядя Толя любил, холил и ухаживал за нею, как за молодой женщиной. Мотоцикл завёлся с полубороты. Мы доехали до

развилки: налево дорога вела в Виноградное, Владичень, направо – на Кишинёв, через Вулканешты. Метров через четыреста после развилки я заметил военный патруль (ВАИ). Они тоже заприметили позади мотоциклиста сидящего солдата. Нас остановили, проверили документы и мою увольнительную. Отпустили, пожелав хорошего отдыха.

Ездил дядя Толя всегда аккуратно, с особой осторожностью, не превышая скорость в 60 километров, хотя на его быстроходной «Яве» по асфальтовой трассе можно было мчаться куда быстрее. Дорога была ровной. Я вертел головой, выглядывая из-за спины дяди. Мимо нас мелькали ровными длинными рядами лесопосадки, состоявшие в основном из деревьев дикого абрикоса (жердел), плоды которого к тому времени уже начинали окрашиваться желтизной. Забегая вперёд отмечу, что к 20-м числам июля абрикосы (и дикие, и садовые) уже полностью поспевали. Помимо абрикосовых вдольдорожных и межполевых лесопосадок, по обеим сторонам дороги убегали необозримые поля с ровными белыми бетонными столбиками и проволочными шпалерами, на которых зеленели лозы винограда. Позднее, в качестве помощи армейцев виноградарям, мне довелось устанавливать на полях такие столбики. И они оказались не такими уж и лёгкими (каждый весил порядка 70 килограммов). И ямки под них копали мы глубиной в 70 сантиметров.

Расстояние в 18 километров для меня оказались почти незамеченными. Наконец мы спустились к самому населённому пункту, находящемуся в какой-то низине. Загадочное и недостижимое до этого времени, ещё с детских времён, название села Вулканешты, стало вдруг реальностью! Радость моя была неопишима! Мне просто не верилось в то, что я в и самом деле уже в Молдавии!

Попетляв по улочкам села Вулканешты (которое вскоре получит статус города), мы наконец подъехали к дому дяди. Нас уже с нетерпением ожидали сестра Тамара и тётя Наташа. Едва покончили мы с церемонией встречи – с обниманием и поцелуями, дядя Толя повёл меня показывать своё хозяйство. Здесь для меня всё было в диковинку и сильно отличалось от нашего подворья. Усадьба дяди вместе с домом была обнесена забором. Незанятая застройками и насаждениями площадь ограды была забетонирована – с полукруглым навесом – каркасом из толстой

проволами сверху. По проволочному каркасу вился виноград. Его гроздья заманчиво свисали повсюду, но были ещё, наливаясь и набирая силу, зелёными. Такой навес хорошо сохранял прохладу, образуя тенёк от палящего солнца.

В ограде на бетонный пол поставили стол, на который тётя Наташа с Тamarой стали быстро собирать угощения. Дядя Толя выставил на него графин с тёмно-красным, до бордового, вином. После повторного стакана (а наливали именно в гранёные стаканы и едва ли не по-полному) и традиционного болгарского тоста «На Боже здраве», я быстро захмелел. А к вечеру, после всего «принятого на грудь», ноги мои сделались совершенно ватными. И я уже начал не на шутку опасаться этого состояния при возвращении в расположение части из увольнения. К тому же, десантская муштра для нас не заканчивалась с окончанием «карантина» и принятием присяги. Мышцы ног болели, особенно после хождения «гуськом»...

Выпитое вино развязало языки. Мои родственники интересовались нашей жизнью в Сибири, и я много рассказывал им. Рассказывал об учёбе в институте, о брате с сёстрами, о маме. О том, как я попал служить в десантные войска и именно сюда... Видя, что я подустал с непривычки от выпитого, меня отвели в дом и уложили на кровать отдохнуть.

А вечером всё повторилось. Только ко всему, дядя Толя извлёк из футляра свой голосистый баян, на котором он неплохо играл, и мы все вместе распевали песни под его аккомпанемент. И на протяжении всего увольнения, да и потом, дядя Толя всячески уговаривал меня не возвращаться после демобилизации в Сибирь, а остаться жить у них. Видимо, я чудился ему за сына Гену, которого они потеряли уже здесь, в первый же год, как переехали. (Повторюсь, он и маму неоднократно уговаривал отдать меня им на воспитание – и до того, и теперь. На что мама отвечала категорическим «нет!»)

И снова армейские будни

На следующий день дядя отвёз меня на своём мотоцикле на автостанцию, так как везти обратно в часть на том же мотоцикле он не решился – сказывалось всё же выпитое накануне. Автобусом я вернулся в часть вовремя, доложив о возвращении, как положено...

В конце июля, ко дню ВДВ (2 августа) нас уже окончательно перевели в казарменное расположение батарей и рот. И там нас уже всюю с нетерпением поджидали «дусты» – солдаты, отслужившие уже полгода и призванные ранее нас. В нашей батарее их было почти в два раза больше (11 человек), чем наше пополнение. Всю чёрную работу они теперь взвалили на нас. И доставалось нам от этого призыва капитально. Особенно злобствовали два кавказца – Гадзиев Магомед и Дзыбов Феликс – оба крепкого телосложения. Даже старослужащие на хотели связываться с ними, боясь получить отпор. Зато с благодарностью вспоминаются некоторые ноябрьские дембеля (1971 года). Это – рядовой Кочергин – спокойный и добродушный; тихий и безобидный Шихов, юморной весельчак, водитель автомобиля «Газ-69» Танин, сержант Чухлебов. Они при возможности старались заступиться, жалели нас. Особенно я благодарен Кочергину...

С уходом на дембель наших заступников и покровителей нам стало служить ещё труднее... И мне всё чаще стало грезиться новое увольнение к дяде Толе хотя бы на какое-то время получить передышку от отупляющих и изнуряющих казарменных будней.

В начале сентября, в выходной день, он опять приехал к нам в часть на своём мотоцикле – навестить меня. С утра мы сдавали на подтверждение нормативы ВСК (военно-спортивного комплекса) 1, 2 и 3 разрядов. И с обеда были предоставлены уже сами себе, занимаясь кто чем.

Узнав о приезде дяди, я обрадовался. Со своим другом Витей Филиппи, с которым мы были вместе ещё по томским сборам и который попал служить в батарею АСУ-57, уединились в посадках белой акации на территории полка. Дядя привёз целую сумку различных фруктов и сладостей, которые наготовила тётя Наташа. Было тут и вино, от которого мы отказались, дабы избежать неприятностей от начальства. Правда, то вино мы припрятали, чтобы потом угостить им дембелей нашей батареи – наших покровителей.

Вкусными лакомствами мы с другом остались очень довольны. При встрече дядя пообещал мне, что в конце сентября, когда будут собирать виноград на вино, он снова приедет сюда и попросит начальство отпустить меня помочь ему в сборе винограда. А, провозжая его, я обратил внимание на то, что мы под-

ходили уже не к привычной для меня «Яве», а к трёхколёсному мотоциклу «Иж Юпитер 3» – с коляской.

– А где «Ява»? – поинтересовался я у дяди.

– Я его продал, – ответил он.

Как оказалось, этот мотоцикл получил он по лотерейному билету ДОСААФ, который переслала ему из Москвы дочь Раиса. В это время она училась в Московском институте культуры (как и мой брат Виктор, в Кемерове) на библиотечном факультете. Купив билет, которые навязывали со стипендии, оказалась в выигрыше: на него выпал мотоцикл «Иж»!

На пути ко второму увольнению.

Я уже знал, что своих слов дядя не привык бросать на ветер, и своего добивается. После его отъезда я стал с нетерпением дожидаться того времени, когда он вновь придет за мною, и я получу увольнительную. При этом, он пообещал письмом сообщить мне, когда намерен приехать за мною. Я с нетерпением ожидал письма от него. И оно пришло. В нём он сообщал мне дату, и это выпадало на субботу, утром.

А в пятницу утром к нам в казарму пришёл из штаба полка посыльный и вручил заместителю командира батареи лейтенанту Кукшинову разнарядку – на заступление в суточный наряд вечером этого же дня – в гарнизонный караул. Кукшинов дал распоряжение сержанту Чухлебову подобрать караул из личного состава батареи. В список попала и моя фамилия. Я – с просьбой к сержанту: нельзя ли меня заменить кем-нибудь другим, поскольку завтра ко мне должен приехать дядя... Сержант посоветовал обратиться с этой просьбой к командиру батареи Топорову, когда тот появится в расположении казармы.

Зная строгий нрав нашего командира батареи, мои надежды на положительный исход просьбы устремились к нулю. Дождавшись его, я всё же робко постучался в двери канцелярии. Услышав разрешение, вошёл и, отдав честь, как положено, обратился к нему со своей просьбой.

– Что-о-о! – заорал лейтенант, выслушав мою просьбу. – Куда? К дяде?! Собрать виноград?! Да ты куда приехал?! Ты служить приехал, или по дядькам ездить?! Вы только посмотрите на него: каков наглец! Не успел и пару месяцев в батарее про-

служить, а уже и увольнительную ему подавай! Всё. Разговор окончен. Свободен. Кругом! Шагом марш!

Взмокший от пота, пробравшего меня, и не помня себя, я выскочил из кабинета командира батареи. Все мои надежды, которые я так лелеял, рушились в одночасье. Честно признаться, я и предположить не мог, что всё может так мгновенно рухнуть. Просто я тогда ещё совсем плохо знал своего командира.

Карьера лейтенанта Топорова

В требовательности дисциплины и порядка наш командир батареи лейтенант Владимир Топоров был строг ко всем без исключения. Наша батарея считалась в полку одной из самых лучших подразделений. Результаты проверок боевой и политической подготовки батареи всегда оценивались на «отлично». Соперниками нашими было всего лишь ещё одно подразделение – рота связи, которая тоже всё сдавала на «отлично». С ними мы на протяжении всего времени службы делили первое место.

*Получив старшего лейтенанта уже к ноябрьским торжествам, своей муштрой добившись первого места батареи в полку, с отличной характеристикой командира полка подполковника Мурычева, **Топоров** получил направление для поступления в Военную академию им. М. В. Фрунзе. И весной следующего, 1972 года, он, успешно сдав вступительные экзамены, поступил туда на учёбу, перебравшись из Болграда вместе с семьёй в Москву.*

Сам же командир полка подполковник Мурычев, пытаясь несколько раз поступить в академию, увы, так и не смог этого сделать, оставаясь в звании подполковника до выхода в отставку.

А вот карьера старшего лейтенанта Топорова, командира нашей батареи, оказалась куда как успешной. Окончив академию им. Фрунзе и получив очередное воинское звание, он попадает в поле зрения высшего военного начальства. И уже через десять лет после окончания ещё и Академии Генерального штаба, в которой обучался уже в звании полковника, остаётся служить в Москве. И там сделал он, можно сказать, головокружительную карьеру. Уже через двадцать лет, в 1991 году, он – в звании генерал-полковника, являлся при Павле Грачёве – заместителем Министра обороны!

В карауле – вместо увольнения

Ну а я вместо увольнения оказался в карауле.

Выскочил от командира батареи, на мне не было лица. Сержант Чухлебов подошёл ко мне, спросив:

– Ну, что отпустил тебя комбат?

– Нет, – ответил я раздосадовано и понуро пошёл готовиться к суточному наряду в гарнизонном карауле.

Вечером после построения и развода на плацу нам выдали АКМС и по два магазина патронов к ним. Мы выехали в расположение гарнизонного караула, находящегося на окраине Болграда. Огорчениям моим не было конца и края, даже при несении караульной службы.

А дядя Толя, как и положено, приезжал за мной в часть. Он даже не поверил сначала словам дежурного по батарее, что меня назначили в это время для несения курульной службы в гарнизоне... Уехал назад, как говорится, несолоно хлебавши...

Цемент и вино

Ещё один забавный случай из бытности Топорова комбатом и его суровом отношении к служащим.

Глубокой осенью 1971 года после отправки в запас наших ноябрьских дембелей – таковыми автоматически стали служащие майского призыва 1970 года – недавние бывшие «фазаны». В то время строился пятиэтажный жилой дом в три подъезда – для наших офицеров. И вот на станцию Вулканешты приходит вагон с цементом. Начальник полковой артиллерии подполковник Зозуля распорядился выделить для разгрузки десять бойцов из нашей батареи. Кроме нас, молодых, отправили с нами и двух майских дембелей – Гришина и Коняшина – чтобы они, как старослужащие, руководили этой разгрузкой.

Прибыв на железнодорожную станцию, мы приступили к разгрузке рассыпного цемента из вагона в грузовые машины. Видя, что работа идёт полным ходом, дембеля решили прошвырнуться вдоль железнодорожных путей. Авось, да и найдётся что-либо интересненькое. Этим интересненьким оказалась цистерна, стоявшая в тупике, которую загружали разливным вином. К цистерне подъезжали автомашины с вином, типа молоковозов. Из больших шлангов переливали вино в цистерну, а в конце слива

остатки сцеживали в ведро. Наших старослужащих это весьма заинтересовало. Приняв по кружке, они вернулись к нам навеселе и проболтались о возможности выпить на халяву.

К обеду подъехал взводный офицер Баранов, привезя нам поесть, и поинтересовался: как у нас идёт разгрузка. Разгрузка шла с успехом, без проволочек и задержек. Убедившись в этом, Баранов уехал, а наши старшие вновь подались к халявному винному источнику. После завершения разгрузки направились к той цистерне и мы. И пред нами предстаёт «картина маслом»: у топящейся печки-буржуйки сидит Коняшин, прижавшись лбом к раскалённой трубе, и спит. Козырёк его солдатской шапки-ушанки выгорел. И как только он сам ещё не погорел и не обжётся? Рядом с ним стоит недопитое ведро с вином, а у ведра, что-то мыча и лыбясь, пытается добавить ещё второй старослужащий. Нам, же молодым, вино пить было не положено, хотя в ведре было его ещё не менее половины. Зная о том, что скоро должна прийти за нами машина, мы под руки отвели их к разгруженному вагону.

В части нас ожидал уже комбат Топоров. Построив, полюбовался на нас, перемазанных цементом – от макушек и до самых пят. Не осталось при этом незамеченным и то, что Гришин с Коняшиным едва стоят на ногах. Ни слова не говоря в их адрес, он тут же дал распоряжение подогнать одну из наших машин «ГАЗ-69», и самолично отвёз пьяниц на гарнизонную гауптвахту, определив обоим по десять суток ареста.

В десанте служим мы крылатом...

За два года моей службы в «крылатой пехоте», или, как певали мы в строю: «В десанте служим мы крылатом, а там нельзя не быть орлом!» – помимо обычной и повседневной работы было немало смешных и курьёзных случаев. Да и орлами тоже были не всегда и далеко не все.

В один из зимних дней 1972 года у нас проводились очередные тренировочные прыжки. На этот раз наша батарея была дежурной на площадке приземления, в обязанности которой входила и помощь в погашении купола парашюта после приземления тем горе-десантникам, которые не справлялись с этим самостоятельно. Обычно, согласно инструкции, при приземлении

нужно было выкинуть любую руку вперёд, захватить ею любую из нижних строп и потянуть на себя, чтобы в итоге купол сложился на поверхности. После этого следовало подняться и собрать (бесформенно) парашют в специальную сумку.

Дежурным по площадке приземления выдавались рупоры-громкоговорители. При подлёте к земле некоторые солдаты встречали её – то не развернувшись по ветру, то растопырив ноги. Видя это, в рупоры подавали команды: «Ноги! Ноги!». Растерявшись и не поняв, что от них требуют с земли, нерадивые наоборот поднимали ноги почти параллельно земле, в результате чего приземлялись на «пятую точку». Да так, что иной раз таких десантников вообще «вырубало» от боли. К тому же, непогашенный купол тащил их по земле до тех пор, пока кто-нибудь из команды приземления не оказывал им помощь.

...В тот день была ветреная погода с сильными порывами. Случалось, что в такую погоду вообще отменяли прыжки, дабы избежать увечий при приземлении. Нам выдали валенки на резиновой подошве. Снега на площадке приземления почти не было. Земля была мёрзлой, скользкой.

Мы совершали очередной прыжок с высоты метров в 800. Всё, вплоть до приземления, у меня шло, что называется, в штатном режиме. Я приготовился встречать землю. И только ноги мои коснулись земли, проскользнув резиновыми подошвами, как купол парашюта подхватило порывом ветра, да так, что меня дёрнуло вверх за лямки. Я подпрыгнул, сделал сальто и уже вторично встречаю землю... головой. Ноги мои оказываются вверх. До сих пор удивляюсь, как тогда я не свернул себе шею? Зато язык свой прикусил. Появилась кровь, языку было больно. С собой почему-то у меня всегда было небольшое зеркальце. Я вынул его и стал рассматривать: что случилось с моим языком. Слава Богу, всё обошлось, и язык вскоре зажил. Хотя некоторое время было больно принимать пищу.

Ближе к лету у нас стали всё чаще проводиться то полковые, то дивизионные учения. Полковые – на Тарутинском полигоне, дивизионные – на Широколамском полигоне Николаевской области.

В тот раз мы совершали ночные прыжки с «АН-12», поднявшись с Арцизского аэродрома. Летели в сторону Болграда. Этот прыжок запомнился мне хорошо. Я был во втором потоке

десантирования. При команде «Пошёл!», стал продвигаться к хвостовой части самолёта. Но мой карабин почему-то не двигался с места по тросику. Я глянул: карабин зацепился за блок, который предназначен для выброса всякой военной техники. Пока я его освобождал и направлял по тросику, все ребята моего потока уже покинули самолёт. В самолёте оставался лишь комбат Кукшинов, который кричит мне, дескать, что я там копаюсь? Давай быстрее! Я разогнался по опустевшему салону самолёта и сиганул в ночную бездну. После мгновенного раскрытия стабилизирующего парашюта меня стало болтать вокруг: голова – ноги, голова – ноги... Внизу мелькали ночные огни: справа – Болграда, слева – Жовтневого в разных ракурсах и плоскостях. Затем произошёл «провал», это вышли стропы, и я сел на систему.

Немного успокоившись, я стал смотреть вверх, по сторонам и вниз. Зрелище было небывалым! Вверху, надо мной в кромешной темноте – небо, купола парашюта почти не видно. Зато внизу – разливное приближающееся море огней. Я стал прикидывать ориентировку: где наш Болград, а где соседнее Жовтневое...

Как и при десантировании на Крымском полуострове, наш самолёт, летевший со скоростью 300 километров в час, из-за задержки с десантированием, немного пролетел площадку приземления. И мне при встрече с землёю пришлось уже кувырнуться под горку. Там оказался небольшой косогор, на который и угодил я. Погасив купол и собрав его в сумку, подобрав автомат, я поднялся по косогору: по габаритным зелёным огням определить направление пункта сбора.

Пройдя метров 300, обратил внимание на то, что в мою сторону мчит машина скорой медицинской помощи. Я ещё удивился: дескать, куда она и зачем? Присев, чтобы лучше разглядеть против света, я заметил толпу солдат, которые о чём-то оживлённо говорили. Как оказалось, разбился насмерть десантник нашего призыва из соседней сапёрной роты... Мы потом ещё долго обсуждали между собой этот печально-трагический случай. Говорили и о причинах трагедии. Ведь нас убеждали, что парашют Д-5 – это стопроцентная гарантия раскрытия купола парашюта. К тому же, при ночных прыжках устанавливался дополнительный контрольный прибор КАП-3...

Следственно-судебные эксперты установили причину гибели нашего сослуживца: перед отделением от самолёта десантник

прижал правой рукой оперение, соединяющее карабин с камерой стабилизирующего парашютика с конусным замком, что держит выход строп, взявшись за лямку с кольцом. В результате этого при отделении от рывка стабилизации ему резко вывернуло правую руку, и от боли он потерял сознание; к тому же, его развернуло так, что оперение оказалось между ног. Сработали оба прибора КАП-3, но раскрытие основного парашюта не произошло...

...Гроб с его телом был установлен в нашем полковом клубе, мимо которого весь личный состав полка (вместе с офицерами) прошёл, прощаясь с товарищем. У гроба сидели его мать, сестра и брат, прилетевшие из Барнаула...

Печальнее всего то, что, служа государству и Отечеству, у этого самого государства не нашлось даже денег на откуп самолёта, чтобы отправить погибшего солдата домой. И мы все сбрасывались на это: сержанты и рядовые – по 5 рублей, офицеры – по 10...

Попутно замечу, что за каждые последующие прыжки нам выплачивали уже каждому по 4 рубля, которые мы, молодые, чаще всего тратили на посещение солдатской «чайханы», покупая лимонад, конфеты, пряники, сгущёнку. Старослужащие же обычно на эти деньги покупали вино у местного населения – в «строго засекреченных» точках, чаще всего – у гагаузов, которые для крепости подсыпали в него ещё и табак. Такое вино почему-то назвалось у нас «чачей». (Хотя чачей называли и на Кавказе, и у молдаван с болгарями виноградную самогонку). После выпивки такого терпковато-горького вина, наутро изрядно болела голова.

И всё же – в увольнении, у дяди

А настоящего, несуррогатного вина я напробовався за время службы преизрядно – как у дяди Толи, так и у деда Вани (Ивана Афанасьевича Арнаута – двоюродного моего деда – родного младшего дяди нашего отца с дядей Толей).

Ещё при комбате Топорове мне всё же удалось побывать в увольнении в Вулканештах у дяди Толи. Помнится, в том посольстве мне всё те же дембеля – сержант Чухлебов, рядовые Кочергин и Танин, которые наказывали мне, чтобы без вина от дяди я не возвращался. Повторное появление моё у дяди было воспринято моими родственниками радостно-восторженно.

Я получил увольнительную на двое суток, на выходные дни. Как раз в этот день вечером старшая дочь дяди Толи (а моя

двоюродная сестра) Тамара должна была выступать с концертом от районного дома культуры в одном из сёл, находящемся в десяти километрах от Вулканешт в сторону Кишинёва. Вот она и предложила мне поехать вместе с ними, на что я дал согласие. Вечером на автобусе мы выехали из Вулканешт и прибыли в село Чумай. Народу в клубе собралось много. В первом ряду в парадной форме разместился и я. И мне тогда очень понравились выступления тех самодеятельных артистов, с которыми я ехал сюда в одном автобусе. В основном это были гагаузы, молдаван и русских среди них было меньше. Танцы их были зажигательными, яркими, темпераментными и, в основном, молдавскими. Тамара же принимала участие в хоре, исполняя русские песни, а ещё пела дуэтом с одной из девушек.

После концерта собрались в одной из комнат клуба, на столах которой уже стояло угощение из фруктов, разных сладостей и, конечно же, настоящее вино. Надо сказать, что в Молдавии от предлагаемого вина почти никто не отказывается, в том числе, и девушки с женщинами. Пьют все, но в меру. И там практически нельзя увидеть пьяных, как нередко бывает у нас на застольях. Приняли по стаканчику вина и мы. И подались на танцы, которые организовали клубные работники после концерта. Увы, время было уже позднее и потанцевать там вдоволь нам не привелось. Возвращались домой навеселе, с песнями. Пели и русские песни, и молдавские, содержание которых я даже не понимал.

Назад в часть, как мне и наказывали, я вернулся с тремя литрами домашнего вина и сумкой разных фруктов, за что заработал благодарность и благосклонность всё тех же дембелей. И, прежде, чем отметить у дежурного в штабе о своём прибытии из увольнения, я тайком отнёс всё это в казарму...

На уборке фруктов

Служба весной и летом 1972 года была довольно напряжённой: приходилось ходить в наряды, во внутренние и гарнизонные караулы; нередко бывали всевозможные учения с покиданием расположения части в летние лагеря. Разнообразие (и приятное) вносило в нашу армейскую повседневность участие в помощи по уборке урожая. Один раз мы были на уборке чернослива, другой – винограда.

Норма при уборке чернослива была 20 ящиков на солдата. Мы легко справлялись с этой нормой. Тем более, что я с детства был приучен ещё нашей бабушкой к сбору ягод и прочих дикоросов. Здесь же мы подходили к очередному дереву, разворачивались к нему спиной и пяткой сапога ударяли по стволу. С него градом сыпались спелые сливы, которые не составляло труда собрать в ящики.

Тогда, выполнив свою норму, после привезённого нам обеда, мы попросили офицера, которого звали между собой Семёнычем, разрешения прошвырнуться нам, четверым сибирякам, по округе. Он дал на это согласие, и мы сделали большой круг, обойдя близлежащие сады, в которых росли разлапистые яблони. С них мы срывали спелые и сочные яблоки и с удовольствием хрумкали их.

Пройдя ещё немного мы обнаружили, что между рядами яблонь стоят наполненные ящики с этими уже полусгнившими плодами, в которых ползали полчища чёрных мух. Для нас, сибиряков, выглядело это весьма удручающе. Нам вспомнилась своя Сибирь, куда яблоки доходили очень редко, особенно в отдалённые деревни. В нашем недалёком детстве считалось за счастье получить яблоко в кульке из газетной бумаги (с набором дешёвых конфет) к новому году или ноябрьским праздникам. А тут эти яблоки гнили в ящиках едва ли не под каждой яблоней, и никого это не волновало. Выходит, и в советские времена бесхозяйственности и бардака хватало...

От яблоневого ряда мы перешли туда, где росли груши. Они, как и яблони, стояли стройными рядами, и на деревьях уже наливались соком эти плоды, которые мы, сибиряки, видели и ели ещё меньше, чем яблоки. Откусив сочную грушу, не надо было даже жевать. Кусок таял во рту, как повидло.

Настоящие, спелые и сочные плоды – просто чудо и на вкус, и на аромат... Это сейчас к нам привозят неизвестно откуда груши, которые, как деревянные, об них можно и зубы полопать. Вот и приходится нам сейчас в нашей Сибири, покупать эту недозревшую кислятину...

А в конце сентября доводилось нам, десанникам, помогать и в уборке винограда. На наставления офицеров: не есть немый виноград мало кто обращал внимание. Срезая очередную гроздь винограда армейским штык-ножом, практически

невозможно было избежать искуса, чтобы не отправить в рот хотя бы одну спелую и так манящую ягоду. До бочек с водой, специально привезённых для этих целей, было идти далеко, да и ящики с наполненной ягодой тащить тоже было не всегда в ту же сторону, где была вода. В итоге, после такой уборки, какая-то часть сборщиков непременно оказывалась с дизентерией. Таких между собой называли «пулемётчиками» и на уборку винограда их больше уже не отправляли. Со мной, правда, такого не случилось, обошлось. За это и нашим командирам презрительно доставалось от начальства.

Во время сбора винограда, случалось, старослужащие отправляли даже из части какого-нибудь молодого солдата с рюкзаком за спелыми ягодами. «Посыльный» возвращался с полным рюкзаком винограда. Дневальный по казарме ставил на табуретку бачок, наполовину наполненный питьевой водой, туда высыпался виноград, и кто-нибудь, предварительно вымыв руки, запускал в него свои «клешни» и, как весёлкой, начинал гонять его по кругу. Только после этого извлекались из бачка гроздьи и раздавались всем желающим в приготовленные солдатские котелки.

Во Владичени, у деда Вани

О том, что совсем рядом с Болградом, через лиман, в селе Владичени, живёт младший брат нашего деда Фёдора – чичу Ваня, я слышал и знал из разговоров и рассказов ещё отца. Об этом говорил и дядя Толя, ещё при нашей самой первой встрече с ним. Вместе с дедом Ваней жила и его жена (баба Дора), а также сын Михаил с женой Юлей и двумя детьми – Володей и Витой. Приехать же туда по увольнительной мне никак не удавалось.

И вот как-то в начале октября, когда виноград уже у всех был убран и надавлен на вино, при новом комбате лейтенанте Кукушине каким-то чудом выдалась возможность оказаться у них.

О моей службе в соседнем Болграде все они уже были слышаны от дяди Толи. И вот, обрядившись в парадку, со всем комплектом значков и в фуражке с голубым околышем, я автобусом отправился к ним. До Владичени я добрался быстро и, как снег на голову, появился в доме у деда Вани. Моё появление всех обрадовало. Дома не было только тёти Юли, которая в это время вела занятия в школе (работала учительницей химии).

Приняли меня, конечно, хорошо. Много расспрашивали о Сибири, о нашем житье там, о маме, брате Викторе, сёстрах. Чичу Ваня всё смотрел на меня и молчал. В его глазах то и дело появлялись слёзы. Видно, вспоминал своего погибшего племянника (нашего отца), который был у них в последний раз в 1963 году, и на которого я в то время так походил.

Как только я появился у них в доме, баба Дора засуетилась, накрывая на стол и выставляя то, что у них было приготовлено к обеду. А это была – нарезанная ровными кусочками домашняя брынза, болгарский перец, фаршированный фасолью и кручёным мясом, мамалыга, разные свежие фрукты и, конечно же, графин с красным домашним вином сортов каберне.

А перед моим появлением дядя Миша разобрал в ограде свой американский легковой автомобиль «Понтиак», купленный по случаю у одного морского офицера. Вскоре в ограду вошла и тётя Юля с маленьким сыном Вовой, которому шёл четвёртый год. Увидев разобранный автомобиль, он заплакал, спрашивал у отца, повторяя: «Машина шчупин?». Тётя Юля пыталась его успокоить, говоря, что папа скоро машину наладит.

Тётю Юлю я вспоминаю красивой, с доброжелательной улыбкой. Впоследствии и она неоднократно уговаривала меня остаться после армии тут жить, не возвращаясь в Сибирь. Говорила, что она подберёт для меня самую красивую и богатую невесту-болгарку, и нас поженят...

Вскоре дядя Миша ушёл на работу, в то время он был бригадиром механизаторов, а чичу Ваня затеял заняться самогонкой – как раз подоспевала для этого в двухсотлитровой никелированной бочке брага из виноградного жмыха. Я с удовольствием принялся помогать ему в этом деле...

Дом деда Вани вместе с усадьбой занимал довольно приличную территорию, был вытянут с круглыми колоннами вдоль ограды, с многочисленными жилыми комнатами и касамарами (для гостей). В самой ограде росли фруктовые деревья: яблоня, абрикос, вишня, черешня. Кроме того, были и иные постройки – летняя кухня, навесы и сараи для хранения вина в больших дубовых бочках, литров на 400 каждая. Был и подвал с бетонными сходами, где хранились всевозможные запасы и заготовки: соленья, варенья, компоты. Стекланные банки размещались на ярусных полках в строгом порядке...

Разведя костёр под бочкой с брагой, и установив аппарат, мы принялись ждать, когда же потечёт горячительная жидкость. Из-за большого объёма браги в бочке долго не закипало. Наконец появилась и тоненькая струйка прозрачной жидкости. И потекла в трёхлитровую банку. Это был настоящий виноградный первач, какового мне никогда ещё пробовать не приходилось. Чичу Ваня слил накапавшую жидкость из банки в кружку, затем отлив из неё в стакан, сначала сам попробовал, потом предложил и мне. Сделав несколько глотков, я почувствовал, как у меня всё обожгло сначала во рту, а потом и в горле. Я быстро запил это водой и закусил яблоком.

Немного погодя, после вторичной «пробы», меня стало клонить в сон и я попросился где-нибудь прилечь. Тётя Юля проводила меня в касамару и уложила в кровать. Проспал я довольно долго. За это время чичу Ваня уже закончил с самогонкой, получив с бочки десять трёхлитровых банок, аккуратно составив их в ряд на одну из полок в подвале.

Проснувшись, я услышал, как деда Ваня бранит внука за то, что тот в дефицитную большую разделочную чурку понавбивал множество гвоздей, называя их по-болгарски «перони». После этого мне пришлось брать стамеску с плоскогубцами и выковыривать эти самые «перони» из чурки.

После возвращения дяди Миши с работы, он принёс одну из банок с самогонкой, сказав: «Ну, что ж, попробуем, что там у нас дед нагнал...» За ужином от второй налитой рюмки я отказался, поскольку мой желудок уже не принимал спиртное.

После ужина мы с Вовой уединились в одной из комнат, в которой стоял телевизор. По нему показывали цирковое представление с животными. Когда дело дошло до слонов, Вова что-то спросил меня, а я не понял. Затем он повторил это ещё и ещё несколько раз подряд. Я никак не мог врубиться, о чём он спрашивает меня по-болгарски. Тогда он принялся плакать, не переставая твердить то же самое. Тут к нам вошла одиннадцатилетняя Вита. Я ей: «Никак не пойму, что он хочет? Что он спрашивает у меня?» Она мне и отвечает: «Он спрашивает, почему слон ложится?» Так и не получив от нас внятного ответа, малыш успокоился...

Мне так понравилось их гостеприимство, что я уже подумывал о возможностях оказаться у них в гостях в очередной раз. А вскоре такой случай мне представился.

Встреча ещё с одними родственниками

Наша полковая артиллерия каждый год проводила плановые стрельбы в районе Тарутинского полигона. И в это время, пока казарма пустела, занимались обычно её ремонтом. На этот раз старшим по ремонту казармы оказался я – видимо, наше начальство узнало, что я до армии некоторое время занимался строительством. Мне выделили по два человека от каждого подразделения, в общем итоге – восемь солдат.

За то время, пока вся наша артиллерия будет заниматься стрельбами, мы должны были отремонтировать оконные рамы, двери, пол – где того требовалось, побелить стены, потолки и покрасить полы всей казармы. Работа эта выполнялась с опережением графика, за что ответственный за ремонт прапорщик Панов выписал на выходные мне очередную увольнительную. И я, радостный, снова подался во Владичени.

На этот раз мне удалось встретиться и познакомиться ещё с одними родственниками отца, нашего двоюродного деда Виссариона, умершего в 1963 году. Мы с дядей Мишей побывали в гостях у жены деда Виссариона. Мною она, в отличие от семьи чичу Вани, интересовалась мало. В основном она разговаривала с дядей Мишей на болгарском языке и, видимо, о каких-то своих текущих делах. К тому времени я уже стал кое-что понимать, но говорить ещё не мог, хотя стремление выучить молдавский и болгарский языки у меня было. Я уже знал некоторые слова и выражения на молдавском (точнее сказать – румынском) языке.

Из гостей в часть я возвращался с двумя бутылками вина. Иду я по улице Болграда, и уже на подходе к части мне повстречалась группа молодых парней и девушек. Поравнявшись со мной, они окликнули меня и говорят: «Парень, если у тебя есть с собой вино, или что-то из спиртного, то через КПП не ходи. Сейчас там только что патруль задержал одного солдата с вином...»

Я поблагодарил их за предупреждение и, обойдя забор, через пару минут был уже в казарме. Отдал вино своим ребятам, а сам тем же путём вернулся, и, пройдя через КПП, побежал в штаб полка доложить о возврате из увольнения.

Дней через пять вернулись со стрельб наши ребята – уставшие и грязные...

Встреча с мамой

Где-то в конце этого же месяца наша батарея заступила во внутренний караул. Меня определили на пост №1. Это значило: стоять в парадной форме у знамени части в три смены, меняясь через каждые четыре часа.

К вечеру в караульное помещение поступает звонок из нашей казармы: «К Арнаутову приехала мать и ждёт его на КПП». В это время я был в бодрствующей смене, стоя с автоматом, неся службу.

Узнав об этой новости, я сначала ушам своим не поверил: «Да не может такого быть! Откуда взяться маме на КПП!?» Не так давно я получил из дома письмо, и в нём мама ни словом не обмолвилась о том, что собирается приехать сюда из такой дали... Тем не менее, я заскочил в караулку, поставил в пирамиду свой автомат и с разрешения начальника караула лейтенанта Баранова, что было духу понёсся на КПП. Радости моей не было предела.

Оказывается, бригада гуцулов, работавшая у нас в Пудино, после окончания работ, засобиравлась к себе на родину, в Закарпатье. Её бригадиром был Степан Александрович Реш, живший с мамой уже третий год. В Сибири в это время стояла уже глубокая осень, выпадал снежок, и морозы иной ночью доходили до минус десяти градусов. Все огородные работы по дому уже были завершены. Оставалось только топить печь, да варить и кормить двух поросят, что были взяты ещё по весне.

Уже перед самым отъездом гуцулов мама – возьми, да и скажи Степану Александровичу:

– А, может, и мне с вами за компанию до Москвы? А там – через Одессу или Кишинёв – и до Володи доехать?

– А шо, мамо, идея добра, я – тильки «за», – поддержал её он. Правда, возникал вопрос: как быть с Раей? К этому времени Татьяна, окончив школу, уже училась в Томске в фармуцилище. А Рая ещё оставалась школьницей. Вот мама и попробовала поговорить с бывшими соседями по Калининску Руснаками, чтобы те отпустили свою дочь Катю пожить в Пудино вместе с Раей. Родители Катерины, с неохотой, но согласились на такое предложение.

И вот в спешном порядке мама собралась и вместе с гуцулами вылетела самолётом – сначала до Томска, а потом – на Москву. Из Москвы она полетела на Одессу, посчитав, что так будет ближе до Болграда, чем через Кишинёв.

В Одессе, не зная, как добираться дальше, она стала спрашивать пассажиров. Ей подвернулся какой-то таксист, занимавшийся дальними извозами, сказав, что у него есть уже два пассажира, которым надо до Измаила. Где находится Измаил, мама понятия не имела, но согласилась. Дорога оказалась неблизкой. Проехали Затоку, Белгород-Днестровский (*бывший Аккерман, где, кстати, наш дед Фёдор закачивал ещё во время Первой мировой войны офицерское училище*), Арциз, Татарбунары, затем повернули на Юг, на Измаил. Высадив в Измаиле пассажиров, выехали на Болград уже под вечер. Оставшись одна в такси, мама очень беспокоилась и переживала, ехала всю дорогу молча. Мало ли что взбредёт в голову тому же таксисту? К тому же, мама была ещё достаточно молода, всего-то сорок лет.

Видя это, таксист успокоил её:

– Да вы не беспокойтесь, у меня и в мыслях ничего худого нет. А сам я из этих мест, из Вулканешт...

Услыхав знакомое название, она осмелела и стала рассказывать таксисту, откуда она, и что едет повидаться с сыном, который служит здесь в армии. А ещё сказала, что в Вулканештах у неё живёт деверь с семьёй.

– А как у него фамилия? – поинтересовался таксист.

– Арнаутов Анатолий Фёдорович, – ответила мама, – может, знаете такого?

– А то как же! Конечно, знаю...

Тут уж мама и совсем повеселела. Рассказала о депортации молдаван и болгар в наши края ещё в 41-м году, накануне войны, о том, как те жили в Сибири всё это время, пока не вернулись на родину уже в 60-е годы... За такими разговорами мама и не заметила, как въехали в Болград и остановились у гостиницы. Таксист даже помог ей ещё и устроиться в гостиницу.

Переночевав в гостинице и отдохнув с дороги, на другой день мама, расспрашивая у местных, пешочком дошла до ворот нашей части. На КПП она объяснила дежурному сержанту, к кому приехала. Тот, внимательно выслушав, провёл её в комнату ожидания. А в это время через КПП проходил подполковник Зозуля – начальник нашей полковой артиллерии – полноватый, но добродушный и любящий пошутить человек. Завидев маму, он поинтересовался, к кому она приехала и кого ожидает? В ответ она показала ему письмо, с обратным моим адресом, на ко-

тором рядом с номером части стояла ещё и буква Д, что соответствовало нашей батарее ПТУРС. Подполковник тут же позвонил в батарею и дал задание дежурному разыскать меня и сообщить о приезде матери.

И вот я мчался на встречу с мамой, также, как год назад – впервые на встречу с дядей Толей... Вбежав на КПП, я увидел двух мило беседующих людей. То были мама и подполковник Зозуля. Отдав честь подполковнику, я подбежал к маме, мы обнялись и поцеловались. И она, и я были безумно рады этой встрече. Осмотрев меня, она заметила, как я изменился за этот год: подрос, окреп, возмужал. Зная из писем о том, что в армии мне всегда не хватало сладостей, она стала выгружать из своей сумки то, что было припасено для меня. Я смутился (подполковник всё еще находился здесь), но тот с пониманием отнёсся к слабостям солдата:

– Ладно, давай, уплетай, не стесняйся...

И я принялся с жадностью поглощать принесённое, запивая прямо из бутылки лимонадом. Насытившись, я глянул на Зозулю, который продолжал что-то говорить с мамой. Он понял мой намёк:

– Сегодня, похоже, поехать с матерью в увольнение ты уже на сможешь – поздновато. А вот завтра, с утра, до Вулканешт доберёшься и самостоятельно. Я дам распоряжение насчёт твоей увольнительной.

Мы расстались с мамой, и я помчался опять в караулку, поскольку мой караульный наряд никто отменить не мог. Маме же я объяснил, как ей удобнее добраться уже сегодня до Вулканешт и отыскать там дом дяди Толи.

На следующий день автобусом я удачно добрался до Вулканешт, а проходящий на Кагул автобус высадил меня едва ли не у самых ворот дядино дома. Там меня уже поджидали. И, как водится, после коротких объятий, усадили за подготовленный во дворе стол – под виноградными лианами. Виноград к тому времени уже был убран, но отдельные гроздья всё же умудрились спрятаться от глаз сборщиков, и теперь блазнили нас своим сочным сизовато-бурым гляncем. Стол бы накрыт обильно и манил своими вкусностями: в жаровне источали аппетитные запахи тушёные голуби, которых у нас в Сибири, почему-то не признавали

за дичь. Их-то у нас, особенно на зернотоку, было в огромном изобилии. Да и многие из нас (как мой дружок Коля Панфилов) держали голубей у себя дома, на чердаках крыш. Ну, и помимо этого кушанья стол был заставлен свежей выпечкой (тутмаником), фруктами, компотами и, конечно же, вином.

За столом было много разговоров и расспросов. Дядя Толя, изрядно захмелев, попросил примерить на себя мой парадный китель с фуражкой. Примерил, китель оказался для него узковатым. Но он даже немного «пофорсил» в этом наряде, а потом ещё и сфотографировался в нём.

Приехала по этому случаю из Кагула и сестра Тамара, которая училась там в педучилище. Вечером она собиралась на танцы в районный клуб. Тётя Наташа предложила ей взять с собой и меня. Я с удовольствием согласился на это предложение.

В клубе Тамара познакомила меня со своими друзьями и подругами. В основном это были местные гагаузы. Тамара сказала, что я могу спокойно танцевать с любой из этих девушек, никто из местных парней меня за это не тронет. Танцевали в основном танго, не дрыгаясь ни в твисте, ни в входившем в моду шейке. При этом, и национальных танцев (гагаузских, болгарских или молдавских) тоже не было... Натанцевался я презрительно, меняя партнёрш, среди которых были даже две девушки в форме железнодорожников...

Во Владичени. Рассказы о дедe Фёodore

В планы нашего следующего дня входила поездка во Владичени, к чичу Ване. Туда мы подались утром на автобусе. Нашему приезду были рады все родственники – от деда с бабой и до Виты с Вовой.

В застолье после изрядно выпитого вина, по нашей просьбе деда Ваня предался своим воспоминаниям. Много рассказывал о своём старшем брате (старше чичу Вани едва ли не десяток лет): о том, каким наш дед Фёдор был строгим, принципиальным, требовательным и притом – ещё и исполнительным. Видимо, тут сказывалось ещё и его военное прошлое – с той самой поры, когда он учился ещё в Аккерманском военном училище. *(В том самом, которое было создано ещё при генерале Киселёве после Отечественной войны 1812 года для младших командиров, и в*

котором преподавал «самый первый декабрист» майор Владимир Раевский). Будучи офицером, дав присягу на верность царю и Отечеству, поручик Фёдор Арнаутов воевал с немцами в Первую мировую, командуя сначала взводом, а потом и ротой... После революции, оставаясь верным присяге, он, штабс-капитан, побывал сначала в армии Деникина. А после её разгрома перешёл на сторону красных, воюя против белополяков в составе армии Тухачевского, пройдя с боями аж до Варшавы.

После Брест-Литовского мира, Советы, боясь не удержать власть в захваченных территориях, часть территории вернули Польше, и наш дед оказался в плену. Из-за невыносимых условий содержания многие пленные солдаты и офицеры сгинули на чужбине. Согласно договорённости, офицеров из плена можно было иногда и выкупить. Об этом дед Фёдор каким-то образом сообщил домой, своему отцу Афанасию. Имея в своём владении землю с виноградниками, расположенными вдоль лимана (озеро Ялпуг), напротив Болграда, отец деда Фёдора продал два гектара и на вырученные деньги выкупил сына из плена. Таким образом, дед Фёдор оказался в 1921 году дома, в Бессарабии, на территории, отошедшей по Брестскому договору к королевской Румынии. Скуповатыми были при этом рассказы деда Вани о том времени, когда арестовали и осудили по политической статье деда Фёдора, а его жену, нашу бабу Пашу, с сыновьями выслали в Сибирь...

Не менее интересными были рассказы чичу Вани и о годах Великой Отечественной войны, когда на территории Бессарабии были войска фашистской Германии и их союзников-румын.

Предвидя скорый захват Владичени немцами и то, что при этом могут запросто конфисковать не только имущество, но и продовольственные припасы, дед с бабой Дорой в одном из хлевов спрятали, закопав в землю, несколько мешков пшеницы.

Выселив деда с семьёй из своего дома, который занял большой офицерский чин с денщиком, самих хозяев разместили в хлеву вместе со свиньями и прочей скотиной. И сколько они там могли прожить – никому было неизвестно. Однажды свиньи раскопали спрятанное зерно, и денщик заметил это, доложив своему начальнику. Тот, в гневе и ярости, поняв всё: чьих рук это дело, поставил деда Ваню к стенке его же хлева – для расстрела. И расстрелял бы, пожалуй, не заступись тут баба Дора. Уж каким образом её уговоры и мольбы возымели действие,

только тот офицер отменил свой приказ о расстреле... Рассказывать и вспоминать всё это было деду очень тяжело, и он неоднократно принимался плакать...

За день пребывания в гостях нас неоднократно приглашали к столу, непременно с вином и универсальным тостом «На Боже здраве». Даже никак не хотели выпускать из-за стола, когда подоспела нам пора возвращаться назад. А дядя Миша всё предлагал развезти нас на своей машине, успокаивая, что я вовремя попаду в свою часть без происшествий.

Так и случилось. Из Владичени на «Понтиаке» за рулём сидел дядя Миша, рядом – его двоюродный брат Анатолий, а мы втроём располагались сзади. В салоне иномарки было просторно, и мы, навеселе, всю дорогу пели песни, одна из которых была модная тогда «Ромашки спрятались, поникли лютики...» Вечером, когда уже изрядно стемнело, мы ещё долго прощались у ворот КПП нашей части.

А впереди было ещё моё возвращение из увольнения и рапорт начальству. Вот этого-то я и опасался более всего, поскольку накануне пришлось немало принять «на грудь». В штабе полка вернувшихся из увольнения встречал и принимал рапорта дежурный капитан. Мобилизовав свою волю и собрав свои силы, я отрапортовал капитану, как положено о возвращении из увольнения. Тот внимательно посмотрел на меня, оценивая моё состояние, и в ответ на моё «Разрешите идти?», сказал: «Свободен». Я пулей вылетел из штаба, выдохнул из себя воздух и, расслабившись, пошатываясь, подался в казарму. Возможно, капитан и заметил, что я подвыпивши, но не захотел, чтобы считали, что в его дежурство вернулся из увольнения солдат в нетрезвом состоянии. К тому же, надо было чинить разборку по-серьёзному, а меня отправить на гауптвахту. А ему это сильно надо?!

Обязанность посыльного

Во время службы, помимо многого прочего, была у меня и ещё одна обязанность – более года я был «посыльным» – для вызова из дома в экстренных случаях своего взводного лейтенанта Баранова. Так получилось, что лейтенант Баранов окончил не училище ВДВ (которое находилось единственным в Рязани), а артиллерийское, совсем ещё недавно, был молодым

офицером и старше меня всего-то года на четыре. Правда, к этому времени он успел уже жениться здесь на довольно симпатичной болгарке. И проживал он вместе с родителями жены в добротном большом доме с роскошной усадьбой – типичной для этой местности, на которой росло множество фруктовых и плодовых деревьев и кустарников, в том числе, и виноград.

Вызвать его на службу в часть могли экстренно, в любое время суток и даже в выходные дни. Получив предписание из штаба полка, дежурный сообщал мне, а я уже мчался пёхом – сначала за карточкой посыльного, а потом – и в город. Случалось, что в пути следования меня останавливал военный патруль. Я показывал им карточку и после проверки меня отпускали следовать дальше. Нередко приходилось заставить лейтенанта Баранова ночью в постели с женой. Я легко перепрыгивал через невысокое штaketниковое ограждение палисадника и стучал в окошко их спальни. Получив от офицера убедительный ответ «Скоро буду», я уже не спеша отправлялся назад. А по дороге то и дело срывал с деревьев то спелые манящие вишни с черешнями, черносливы, то яблоки или абрикосы с персиками – смотря по сезону – и лакомился ими...

Такие отлучки из расположения части, хотя и отрывали порой от сна, всё же вносили в армейские будни какое-то разнообразие.

Строевой запева

Кто служил в армии, тот наверняка знает, что без задорной строевой песни – и служба не в службу. Не обходится без бодрящих песен на ежедневных вечерних прогулках перед сном, во время следования в столовую, клуб, на разных смотрах, торжественных построениях по различным случаям. С самого появления меня в батарее, после принятия присяги, старослужащие заметили, что я обладаю неплохим голосом. Тогда запеваля в батарее был у нас рядовой Шевцов, призванный годом ранее меня.

*«Твёрже шаг, ребята, –
По земле советской мы идём!
В десанте служим мы крылатом,
А там нельзя не быть орлом!»*

*Нам, парашютистам,
Привольно на небе чистом.
Легки ребята на подъём,
Задирам мы совет даём:
Шутить не следует с огнём!» –*

Эта своеобразная песенная визитная карточка всех воинов-десантников, её знали все, и певали мы её частенько.

И вот из-за своего голоса попал я в первую шеренгу строя рядом с запевалой Шевцовым. И долгое время мы были с ним батарейными запевалами... А после его увольнения в запас я уже оставался безраздельным «соловьём» батареи.

Не только песни, но и работа

В ноябре 1972 года мы проводили в увольнение дембелей призыва, идущего перед нами. От них нам больше всего доставалось зуботычин и затрещин. И наш призыв стал автоматически потенциальными дембелями. Дело в том, что по нашим установленным правилам, дембелями считались и становились старослужащие лишь после того, как подпишет приказ Министр обороны об увольнении в запас и уволят всех из предыдущего призыва.

Наша батарея «птурсистов» считалась элитной в полку, поскольку именно наши реактивно-управляемые противотанковые снаряды имели гриф секретного оружия. Из-за секретности этого оружия у нас в автопарке был специальный класс, где мы проходили теоретическую подготовку. Этот класс не совсем устраивал наше начальство.

Возникла необходимость строительства своего автономного корпуса учебного здания. И строительные работы начались. Корпус здания строился из упоминаемого уже мною природного материала – камня кательца. Нарезанные блоки надо было укладывать и скреплять специальным песчано-цементным раствором. Подходящего для раствора песка поблизости не находилось. Зато сразу через лиман, за селом Владичени, кто-то обнаружил залежи строительного песка.

После отъезда на учёбу в академию в Москву старшего лейтенанта Топорова командиром батареи (комбатом) стал его заместитель – лейтенант Кукшинов. И с ним нам очень повезло. Кукшинов был невероятно красивым и симпатичным здоровя-

ком, с небольшими усиками, крепкого телосложения. Его послужная биография начиналась с обычного рядового солдата. Припоминаю, как им восхищалась тётя Юля – жена дяди Миши (двоюродного брата нашего отца), когда по случаю мы оказались у них в гостях во Владичени.

Командир батареи Кукшинов даёт приказание командиру взвода лейтенанту Баранову: взять пятерых солдат, съездить за песком и привезти его на машине «ГАЗ-66». В число этих пятерых попал и я. Среди нас трое было «молодых», а я и Коля Ваулин – уже старослужащими. Приехав во Владичени на песчаный карьер, мы быстро загрузили машину песком. О том, что здесь проживают мои родственники, знали многие наши, поскольку я уже несколько раз бывал у них в увольнении, привозя оттуда гостинцы, среди которых оказывалось и домашнее вино.

За гостевым столом

Вот я и предложил нашему взводному заехать к ним в гости. Сначала он не давал согласие на моё предложение, но, немного погодя, сдался. Остановив машину, чуточку не доехав до дома чичу Вани, я спрыгнул с кузова и направился к усадьбе. Из дома в ограду вышла баба Дора, которая в это время была там одна. Узнав меня, она стала приглашать войти в дом и что-нибудь покушать. При этом она как-то странно поглядывала на мою одежду. Сейчас на мне была обычная повседневная солдатская хэбэшка и сапоги. А до этого я всегда появлялся у них только в парадке. Я объяснил ей, по какому поводу оказался сейчас здесь.

Через некоторое время появился и чичу Ваня. Как и баба Дора, он не мог сначала понять, каким образом я у них, и в таком одеянии? Может, даже подумал, что я дезертировал из части. Тем не менее, и он стал приглашать меня под навес к столу, принять стаканчик вина. На что я пояснил, что не один, а со мною ещё и наш офицер с четырьмя солдатами.

– Зови их всех сюда. Пусть не стесняются, – отреагировал дед Ваня. Мне было не очень ловко за такой оборот событий. Но я пошёл к своим и сообщил взводному предложение и приглашение моих родственников.

Махнув в качестве согласия рукой мне и Ваулину, Баранов, оставив молодых у машины (дескать, вам рано ещё), подал-

ся за мною в дом дяди Вани. Нас усадили за стол, на котором уже стояли простенькая закуска (брынза, хлеб, разваренная в соусе фасоль, фрукты) и графин вина. Графин вина мы распили в три приёма. Не отказывался составить нам компанию и хозяин дома. Задерживаться за гостеприимным столом мы долго не стали. Поблагодарив за радушие и угощение хозяев, мы подались к машине, где нас ожидали «молодые».

Ещё один «визит» к деду Ване

Только этим «визитом» к моим родственникам наших десантников история не ограничилась. Привезённого нами песка для строительства оказалось мало.

Вернувшись в часть, лейтенант Баранов, доложил комбату о выполненной работе и об импровизированном «визите» к моим родственникам. Комбат решает привезти ещё пару машин песка. И уже сам едет старшим на одной из машин, а на вторую определяет старшим другого нашего взводного – лейтенанта Семёнова. Грузчиками, помимо меня и Ваулина, поехали ещё и Денисов Толя с Никитёнком Мишей из нашего же призыва...

Далее, рассказывая эту историю, я всегда испытываю чувство стыда и неловкости перед своими гостеприимными родственниками... Всё повторилось и на сей раз, с той лишь разницей, что в гости к деду попали теперь уже и сам комбат Кукшинов со взводным Семёновым и четверо солдат.

Дело продвигалось к вечеру. С работы уже вернулся дядя Миша. А потом подошла и тётя Юля, когда мы сидели за столом. Едва ли не на правах хозяина, осмелев и принаглев, я то и дело подходил с опустевшим кувшином к одной из четырёх бочек с вином, открывал чопчик и нацеживал из бочки терпковатое бордовое вино сортов «Каберне». Я же и наполнял всем сидящим за столом опустошённые стаканы. Поднося стакан ко рту и глядя на просвет, комбат неподдельно восхищался:

– М-м-м! Ух, какое вкусное вино! Видать, не зря Володя (он называл меня уже по имени, а не по уставному званию) так часто просится сюда в увольнение...

Надо сказать, что комбат Кукшинов был не только симпатичным внешне. Его выгодно отличало и умение вести себя галантно в компании гражданских людей, тем более – в гостях. Ещё раз замечу, что он очень понравился и нашей тёте Юле. При этом,

она намекала комбату, чтобы тот почаще отпускал меня к ним в увольнение. Говорила она и о своих намерениях оставить меня тут после службы в армии и женить на красивой девушке...

За разговорами и хорошей выпивкой с закуской задержались за столом тогда мы надолго. И лишь после полуночи оказались в расположении части, оставив разгружать машины с песком лишь молодых. Даже на дорожку, «на посошок» выпили. И в нагрузку, в дорогу, дали нам ещё пару бутылок вина. Захмелели тогда мы все преизрядно... А я, попав в казарму, начал нести пьяненькую ахинею, переходя с русского языка то на молдавский, то на болгарский...

Генетическое полиглотство

В отличие от многих моих сослуживцев, не выучивших за время службы и пару молдавских или гагаузских слов и выражений, у меня стала проявляться какая-то патологическая страсть к этим языкам. Давались они мне почему-то очень легко. Я едва ли не с первого раза запоминал многие слова, фразы, выражения и их значения.

Особенно быстро стали продвигаться накопление словарного состава и разговорная практика на молдавском языке после того, как к нам в батарею попал служить молдаван Миша Брынзарей, родом из Килии, что находилась всего в 70-ти километрах от Болграда на реке Дунай.

Болгарский язык я слышал от своих родственниково-этнических придунайских болгар. Понимал уже очень многое, правда, говорить на нём толком не мог. Сказывались дефицит общения и разговорной практики. Поживи там я подольше, общайся с ними, и заговорил бы наравне с ними. И не только на болгарском языке, но и на молдавском (румунском), украинском и даже гагаузском. Видимо, где-то в каких-то генах у меня таилась эта предрасположенность к иностранным языкам, как у настоящих полиглотов.

Забегая немного вперёд, без хвастовства, уволившись в запас и поступив в Томский автодорожный техникум, я частенько покупал в киоске газету «Работническое дело» на болгарском языке, приносил её в общагу и, читая, тут же переводил с болгарского на русский язык. Мои товарищи по общаге тоже пытались читать эту газету и переводить – ничего у них не полу-

чалось, тогда они удивлялись моим познаниям в области этого языка. Там же в Томске, я умудрился отыскать и купить самоучитель «Русско-български език за чужденци». И по нему освоил 46 уроков из 72-х. На остальные уроки у меня тогда просто не хватило времени. К тому же, мне не с кем было общаться на этом языке, и изучение его дальше теряло смысл.

Украинский язык мне доводилось слышать чаще, да и раньше. Ещё до службы, когда общался с гуцулами из бригады Степана Александровича, который со своими говорил преимущественно на украинском. К тому же, в течение двух лет здесь, в Болграде, почти ежедневно по телевидению приходилось слушать передачи из Одессы на украинском языке.

В те, советские ещё времена, когда СССР был поистине многонациональным государством, слышать речь его многонациональных народов было в порядке вещей. На разговоры на родном языке не было никаких запретов – ни официально, ни на бытовом уровне.

Так, только в нашей батарее служили помимо русских: украинцы, белорусы, молдаване, адыгеец, ингуш, литовец. В других подразделениях было полно кавказцев (грузины, армяне, азербайджанцы).

Было и такое: наш казарменный телевизор иногда ловил передачи из Бухареста, естественно, на румынском языке, наши старослужащие, прознав про то, что я кумекаю на этом языке (а молдавский язык – это всего лишь диалектовый румынский), обычно после отбоя, сажали меня перед телевизором и заставляли толмачить румынские передачи. Мои познания в румынском были ещё меньше, чем в молдавском, но я безбожно врал и импровизировал по ходу, пытаюсь хотя бы как-то уловить отдельные понятные для меня слова и выражения...

Увольнения и отпуска

Своё обещание отпускать меня почаще в увольнения, о которых так просила тётя Юлия, комбат не выполнил. Дело в том, что в последние полгода службы у нас в полку нередко проводились то полковые учения с десантированием, то артиллерийские стрельбы на Тарутинском полигоне. Обычно наша батарея птурсистов отстреливалась всегда на «отлично».

Весной 1973 года на смену нашей «Малютке» в батарею поступил ПТУРС «Фагот». Стрелять из него никому из нас, в том числе, и нашим командирам-офицерам, ещё не доводилось. Исключение составлял лишь ефрейтор Брынзарей, отучившийся в Каунасской учебке и попавший к нам в батарею с последним пополнением.

И вот на стрельбах, нашему руководству ничего не оставалось, как доверить первые стрельбы из «Фагота» именно ему, «молодому». И, надо сказать, он не подкачал, поразив мишень «танка», находящегося на расстоянии в 2,5 километра – с первого же выстрела. Происходило это на глазах у всех, в присутствии не только нас, но и птурсистов из соседнего полка. Мало того, эти стрельбы наблюдали и оба командира полков нашей дивизии, с командующими полковыми артиллериями.

После попадания в цель командир нашего полка подполковник Мурычев подозвал ефрейтора Брынзарей к себе и, отдав ему честь, объявил внеочередной отпуск домой на 10 дней, не считая дороги туда и обратно.

Попутно замечу, что, встречаясь на день ВДВ 2 августа с бывшими воинами-десантниками, узнал от них, что тот, новый и секретный в ту пору, ПТУРС «Фагот» уже снят с вооружения как устаревший...

К истечению полуторагодичного срока моей службы в армии все ребята моего призыва успели съездить в отпуск и побывать дома. С просьбой об отпуске домой обратился к комбату и я. На что он отказал мне, заявив: «А ты свой отпуск к дядькам проезди!». А и впрямь, выходило, что за два года службы в увольнении меня отпускали 7 раз на двое-трое суток. В конечном итоге набежало аж 17 суток моего отсутствия на службе...

Насколько я припоминаю, моё последнее увольнение, которое дал мне комбат Кукшинов, выпало на день моего рождения, 22 января. Тогда, приехав в Вулканешты, я в первый раз встретился с другой, младшей двоюродной сестрой Раисой. Она в то время приехала из Москвы на каникулы (училась в институте культуры), и мы очень обрадовались такой встрече. Мы и до сих пор поддерживаем с нею хорошие тёплые родственные отношения. Со старшей сестрой Тamarой было посложнее. В тот раз, на мой день рождения тётя Наташа подарила мне электрическую бритву.

В дембелях

Недаром гласит поговорка: «Солдат спит, а служба идёт». Подошёл и наш черёд, а точнее – долгожданный дембельский 1973 год или, как было принято писать ДМБ-73.

А перед самым его приходом, где-то за неделю, появился на территории части наш бывший командир отделения, теперь уже сержант запаса, Виктор Яковенко. Причиной была – необходимость характеристики с места недавней службы. Таковая ему потребовалась для поступления в школу милиции и органы МВД. Родом он был из Житомирской области, хохол. И его украинский говорок с акцентом даже не изменили два года службы в нашем полку. Его приезду мы были рады, особенно те, кому пришлось служить с ним вместе. У меня даже осталась фотография в «дембельском альбоме», зафиксировавшая тот приезд. Мне уже презрительно надоела моя армейская форма, и я переделался в его нейлоновую куртку и гражданскую шапку. А он, соскучившийся по нашей десантской форме, вырядился в наше, армейское.

Наконец-то настало время, когда мы стали полноправными дембелями, проведив наших мучителей – предыдущего призыва. В основном это были ребята из Подмосковья, и нам презрительно доставалось от них. Не раз дело доходило при выяснении отношений до рукопашной.

Для нас, сибиряков, привыкших к настоящей зиме со снегами и морозами, здешние зимы казались какими-то карикатурными. Даже и снег здесь выпадал редко. Так, в зиму 1971-72 года первый снег выпал только 12 января. А уже через неделю растаял. И для нас было необычным: как это Новый год – и без снега?!

И наш «дембельский» новый 1973 год встречали мы без снега. А накануне прошёл небольшой дождик. К утру немного приморозило. Все деревья стояли обледеневшие, сверкавшие на утреннем солнце хрустальными каплями.

Этот новый год встречали мы в Красном уголке – сладостями и лимонадом в присутствии офицера нашего взвода лейтенанта Баранова. Поздравив нас с Новым годом и пожелав благополучного дембеля, вскоре он ушёл к себе домой. А мы смотрели телевизор, по которому шла передача «Песня-72». Достали припасённое вино, выпили по кружке и потихоньку угомонились.

А накануне Рождества, 5 января, наконец-то выпал снег. И температура резко понизилась до минус 20 градусов! Это было так неожиданно! И на эти морозные дни выпадала нам ещё и караульная служба. Определили меня на пост №3 – склады ПДИ. На пост выдавались шубы и валенки с прорезиненной подошвой. От караулки и до самого поста приходилось идти в шинелях, и за это время успевали изрядно промёрзнуть. Ветер дул со стороны Чёрного моря, при высокой влажности пронизывало насквозь. Шубы и валенки переодевали непосредственно на посту, при смене часового. Кое-кто из наших, сибиряков, восклицал: «Да лучше наши минус сорок, чем эти минус двадцать!»

За два года своей службы я не пропустил ни одного прыжка с парашютом. В общей сложности набралось их у меня 17, и это было больше, чем у кого-либо из моего призыва, плюс три прыжка ещё на гражданке. В итоге – 20 прыжков! Свой последний прыжок с АН-12 я совершил 14 марта 1973 года – как раз в день рождения мамы. В своём письме я написал тогда, что этот прыжок я посвятил ей...

Дембельский аккорд

Весна в этот год пришла рано. Снега давно уже не было. И в апреле всюду цвели все фруктовые деревья. Не даром, видно, на украинском (скорее, старославянском) апрель называют *квітень*. Больше всего мне запомнилось цветение абрикосов. Может, ещё и потому, что зацветают они одними из первых фруктовых деревьев. Цвет у них нежно-розовый, почти такой же, как у цветущей на Дальнем Востоке японской сакуры. И что интересно: если яблони, груши, вишни, черешни цветут практически одновременно с распускившимися листочками, то абрикос начинает цвести ещё до листьев, то есть голые ветки вдруг полностью покрываются розовыми цветами.

Не знаю, где и как это впервые стало практиковаться, но стало уже традицией: перед увольнением в запас, чтобы пораньше других уехать домой, нетерпеливые служаки, берут «дембельский аккорд» – на выполнение какой-либо срочной работы. А строительная или бытовая работа на территории казармы или части всегда находится. Командирами определяются срок и число исполнителей. Разумеется, всё это осуществляется не ранее, чем

выйдет Приказ Министра обороны об увольнении в запас солдат срочной службы и призыве на службу нового пополнения.

Уже немного позднее я понял, что время ожидания дембеля в безделье всегда томительнее, чем занятое каким-либо делом. И пролетает оно в работе практически незаметно.

На такой «дембельский аккорд» подговорил меня земляк из Тегульдетского района Денисов Толя. И я согласился. Нам предстояло заштукатурить сплошной забор, сложенный из кательца, цементным раствором толщиной в 1-1,5 сантиметра. Забор этот тянулся от нашей казармы и до казармы седьмой роты третьего батальона. Его длина составляла порядка 50 метров с высотой в 1,8 метра.

К работе мы приступили 25 апреля, и сдать её должны были не позднее 8 мая. То есть, на выполнение «аккорда» было всего две недели. Нас обеспечили всеми необходимыми материалами: привезли песок, цемент, бочку с водой, корыто для замесов раствора; выдали необходимый инвентарь и инструменты.

За работу мы взялись с энтузиазмом, пахали с утра и до вечера, делая небольшие перерывы на отдых и посещение столовой. Кое-кто из сослуживцев подтрунивал над нами: «Ну, что ребята, вкальваем? А домой всё равно поедем вместе...» В итоге – так и вышло. Свой «дембельский аккорд» мы с Толяном сдали в срок. И уже 8 мая нас должны были демобилизовать. Однако начальник штаба полка майор Дёмин заявил, что до Дня Победы 9 мая – в запас никого не отпускают. И пришлось нам с Толяном облачаться в парадку не на дембель, а идти строем на плац для торжественного построения в честь Дня Победы.

Не выпустили нас с ним из части и на следующий день, 10 мая, так как не оказалось Приказа об увольнении, поскольку нач. штаба, отдыхая, не прибыл в тот день в расположение части. И только 11 мая такой Приказ появился – на увольнение самых первых служащих из рот и батарей нашего полка. Наши воинские билеты были в руках заместителя начальника полковой артиллерии капитана Бычкова.

Ещё до увольнения в запас я принял решение: погостить у своей родни: когда ещё выдастся такой случай? Поэтому я известил об этом и своих командиров. Наш взводный лейтенант Баранов сообщил Бычкову, что я увольняюсь самостоятельно, отдельно от остальных моих сослуживцев.

Помню, как капитан Бычков напутствовал меня, вручая мой военный билет; благодарил за хорошую и добросовестную службу. Получив на руки воинский билет и документы на проезд до дома, отдав честь капитану, я был несказанно счастлив! Мне всё ещё никак не верилось: неужели на этом всё?! И на этом закончилась вся моя служба в армии?!

На дембель кое-кто из наших десантников уезжал в п\ш (полушерстяная форма покроя х\б), поскольку только к ней полагался на голову голубой берет – гордость десантника. Я же решил демобилизоваться в парадке, сфотографировавшись перед этим на память и в п\ш. Ко всему, обычно нарушалась уставная норма: вместо обычных погон и нарукавных шевронов («курицы») с петлицами, пришивались (уже за пределами части) неуставные – «прапорские» (такие, какие были положены прапорщикам) – только с литерами СА. А на тулье фуражки, повыше «краба», крепилась ещё и офицерская «птичка» лётчиков. Смотрелось это, конечно, более ухарски и модно.

На пути к дому

И вот, простившись с ребятами из своей батареи, я поспешил на КПП. Одет я был в парадную форму, с полным комплектом значков: «гвардия», значок парашютиста-отличника с подвесками, «Отличник СА», II разряд ВСК, комсомольский значок и даже медалька «40 лет полка ВВС АН-12», которую я выменял в Арцизе у одного «сородича»-авиатора на запасной значок парашютиста.

Покинув КПП, я направился на автостанцию, что находилась недалеко от церкви города Болград. Дойдя до перекрёстка дороги, ведущей к автостанции, я увидел шедшую навстречу мне «Волгу»-такси. Махнул рукой, чтобы та остановилась. Оказалось, что это такси следует до города Кагул – через Вулканешты. В машине как раз оказалось одно свободное место. Разговорились с таксистом, оказавшимся общительным и добропорядочным парнем. Видя меня в парадке и выяснив, что я еду на дембель, он даже и рубля не взял с меня за проезд, сказав, что сам два года назад вернулся из армии. Довёз он меня до самого проулка, ведущего к дому дяди Толи. Моему появлению в Вулканештах все были очень рады. Кстати, они уже ждали меня, поскольку я сообщил им о своём намерении погостить у них перед возвращением домой.

Конечно же, мне очень хотелось попасть к себе домой, где меня с нетерпением ждали мама и сёстры. Но мне выпадала счастливая возможность побывать ещё несколько дней на родине моего отца, уже «гражданским» человеком. Тем не менее, по-красоваться ещё и в дембельской армейской форме воина-десантника. Поэтому, едва выдалось свободное время, первым делом я срезал уставные погоны, шевроны и петлицы, поменяв их на щёгольские.

Во Владичени

На третий день своей «гражданки» и пребывания у дяди Толи я надумал навестить родню и во Владичени. Как всегда, моему появлению там были очень рады. Планировал я тут погостить, как и у дяди Толи, дня два-три. Однако, здесь не торопились просто так отпускать меня домой. Я уже говорил, что тётя Юлия намередовалась даже женить меня на местной болгарке, тем самым «привязать» меня к бывшей Бессарабии, оторвав от Сибири. Мне обещали работу комбайнёра – самую денежную и престижную здесь, не говоря уже про тракториста... В один из дней я познакомился с племянником бабы Доры Валентином, оказавшимся к тому времени ещё неженатым молодым человеком. В его распоряжении был родительский «Москвич» – в то время для деревни это было едва ли не роскошью. Мы катались с ним по деревне, подсаживая к себе в салон девчонок, разговаривавших между собой только на болгарском языке.

И одна из них, Катя, проявляла ко мне явный интерес. Мы с ней даже стали встречаться, общаясь, конечно же на русском языке. Повстречав кого из своих знакомых или подруг, она тут же переходила на болгарский, говорила быстро, я ничего не мог понять из их разговоров. А она посмеивалась надо мной, заставляя повторять за ней непонятные и незнакомые мне слова.

Однажды дядя Миша предложил мне съездить на его мотоцикле («Ковровце» – таком же, какой был и у нас) в соседнюю деревню Котловину, находящуюся в 10 километрах от Владичени, за хлебом. Почему-то тогда в их магазине не оказалось хлеба. А в мои проводники и попутчицы напросилась Катя. Я гнал мотоцикл по гравийной дороге, ухарски выжимая из него всё, что можно. Иногда даже нарочно я делал виражи, а Катя при-

жималась ко мне сзади, повизгивая от страха. Мы приехали в Котловину, где жили в основном гагаузы, затарились там хлебом и вернулись обратно.

Расставаясь, Катя очень просила меня писать ей письма, подарив мне на память свою фотографию. Уже будучи в Томске студентом я раза три ещё писал ей письма, однако, на том всё и закончилось...

Однажды Валентин предложил мне съездить на озеро (лиман) Ялпуг недалеко от Виноградовки половить раков. Я дал согласие. Только в том месте на дне было много валунов, среди которых прятались раки от палящего солнца и прогретой воды. Почти под каждым валуном Валентин опытным чутьём отыскивал прятавшихся усато-клешнястых раков. Он ловко выбрасывал из воды раков, и лишь однажды его пальцем своей клешнёй больно и цепко завладел крупный рак. Я же, сколь ни пытался извлечь из-под валуна членистоногого, но, не имея опыта в этом деле, мне ничего так и не удавалось. Иногда под теми же камнями попадались небольшие рыбёшки – бычки.

Вместо двух-трёх планируемых дней я пробыл во Владичени более недели. За это время я побывал и посмотрел ещё одно зрелище, коим оказалась дойка овец, из молока которых делалась настоящая брынза. Дело в том, что почти все жители села держали своих личных овец, которых сгоняли в одно большое стадо (отару). Днём их пасли, а вечером загоняли в специальный загон только дойных овец, в котором имелось несколько загоронок-отсеков. Дойкой овец занимались здесь исключительно одни мужчины.

Они садились задом к загородку, у лаза, в который могла протиснуться только одна овца. К таким лазам садились одновременно не менее четырёх мужчин. Протиснувшуюся овцу, хватили за шерсть, ставили её между ног, зажимая коленями, и доили наподобие того, как доят коров. Овцы, привыкшие к таким экзекуциям, стояли смирно. Выдоенная овца отпускалась, а на смену ей попадала следующая, пока не окажутся выдоенными все овцы. Выдоенное молоко сливалось во фляги, стоявшие на прямоугольной телеге-коробе. Когда фляга наполнялась до горлышка, в каждую из них сыпали специальный порошок – для загустения и свёртывания молока. Во время езды от места дойки (около часа), молоко с порошком от тряски по неровной дороге

длиной в семь километров, взбивалось, образуя густую сырообразную массу. (Нечто похожее происходит и со взбиванием масла из сливок коровьего молока).

Количество дней-удоев зависело от количества дойных овец в семье: кто-то мог таким образом подоить три-четыре раза в месяц, а кто-то довольствовался и одним разом. При этом соблюдался строгий график и очерёдность дойки.

В тот раз мы лишь под вечер вернулись с дойки, подъехав к дому родителей тёти Юли. Там из фляг поочередно стали сливать в специальные тазы наподобие больших дуршлагов. Сыворотка протекала сквозь отверстия, а сырная масса оставалась в тазах. Эту массу, посолив, заправляли в большие марлевые тузлы, и подвесив, оставляли для окончательного сцеживания сыворотки. Таким образом, загустевшая сырная масса через некоторое время и превращается в настоящую брынзу. Брынза, как известно, являлась издавна одним из обязательных и важнейших продуктов питания в каждой болгарской или молдавской семье...

В Москве

Как ни уговаривала меня родня, и особенно тётя Юлия, остаться у них, домой тянуло ещё сильнее. В их представлении Сибирь была сплошной дремучей тайгой с дикими и злыми медведями, куда ссылали всех неугодных советской власти.

Два года армии были для меня первой большой разлукой и с мамой, и со своей малой родиной.

Из-за пятичасовой езды до Одессы на автобусе я опоздал на прямой самолёт до Новосибирска. Пришлось брать билет через Москву. Благо, кроме денег, выданных мне на проезд домой в части, по 15-20 рублей выдали мне в дорогу ещё и дядя Толя с дядей Мишей. В Одессе ко мне в попутчики присоединился ещё один дембель-десантник из нашего же полка, которому надо было добираться ещё дальше, до Братска.

Летели до Москвы мы самолётом «Ту-104», были тогда и такие. Помню, как на подъёме, при развороте, пролетали мы над Чёрным морем, в котором стояли на рейде военные корабли в строгом порядке. В иллюминатор я наблюдал за землёй и облаками и не мог налюбоваться зрелищем. А вот знаменитые Брянские леса, сколько ни пытался, разглядеть так и не смог, – это после того, как стюардесса объявила, что мы пролетаем именно над ними.

На подлёте к Москве при снижении у меня стало закладываться уши от перепада давления и болеть голова, будто кто-то запихал нож между швов черепной коробки и стал разламывать её. Сосед, сидевший напротив и достававший в течение полёта своими требованиями стюардессу, тоже почувствовал перепад высоты. Засунул палец в ухо и стал вертеть им. От этого вида меня разобрал смех, и боль в голове стала проходить. Приземлились мы в аэропорту Внуково. А чтобы попасть на новосибирские рейсы, надо было добираться до Домодедово. Нам посоветовали взять такси, что мы и сделали. Таксист наш куда-то запропастился, добирая пассажиров до полного комплекта, пообещав доставить нас быстренько и затребовав «с носа» по пять рублей. Нам показалось это «жирновато». Всё же ждём того таксиста. Озираемся по сторонам. Смотрим, рядом с нами стоит автобус «Икарус» с указанием маршрута «Внуково – Домодедово». Мы, почти не сговариваясь с напарником, выскочили из такси, и к автобусу. Проезд в автобусе составил всего по рублю, а это в те времена была приличная разница. За три рубля, например, можно было доехать на рейсовом автобусе из Новосибирска до Кемерово (а между этими городами расстояние в 250 километров). В Домодедово мы закомпостировали свои билеты, я – до Новосибирска, напарник – до Братска.

В московском аэропорту Домодедово, пока я ожидал свой рейс, неоднократно видел дефилирующие военные патрули. Однако, никто не проявил к моей персоне никакого интереса, хотя я и побаивался их, поскольку на мне были некоторые неуставные атрибуты в военной форме. Видимо, это не очень смущало москвичей, немало повидавших пролётных демобилизованных служащих.

В Новосибирске

Через 4 часа полёта, утром я уже был в новосибирском аэропорту Толмачёво. Там я сел на автобус маршрута и благополучно добрался до городской остановки «Кирзавод», где проживали мои родственники – мамин брат Александр Шадрин с семьёй, недавно получившие новую двухкомнатную квартиру.

Без особого труда я отыскал пятиэтажный панельный дом по адресу Немировича-Данченко, 4/4. Поднялся на четвёртый этаж и встретился с дядей Сашей и тётей Шурой. Двоюродный брат Володя с женой Тамарой были ещё на работе. Племянница Наташа находилась в детском садике.

Моему появлению в военной парадной форме родственники были очень рады. Последовали ряд вопросов: о моей службе, о той родне, у которой я бывал ещё недавно в гостях. К сожалению, дядя Саша на тот момент был парализован, двигаться не мог, хотя речь и память оставались преотличными... Даже помог по случаю перебраться ему (перенёс фактически на руках) с кровати в ванную и помыться в ней. Эту процедуру постоянно проделывал его сын Володя, пока дядя не стал поправляться, и уже смог сам передвигаться по квартире, а позднее – и по двору своей дачи, находящейся на Обском море, в деревне Абрашино.

Повидавшись с новосибирской роднёю (вечером пришли Володя с Тамарой и Наташей), я надумал ещё навестить брата Виктора в Кемерово. К этому времени он уже заканчивал учёбу в институте, был женат, и у них уже была даже пятимесячная дочка Ярославла.

С провожающим братом Володей мы поехали в Толмачёвский аэропорт. Я взял билет на самолёт до Кемерово, и мы уже ожидали посадку на кемеровский рейс.

И вот тут неожиданно ко мне подходит военный патруль «сородичей» (военных летунов) из трёх человек. И первым же вопросом ко мне был: «Почему не по форме одет, не по уставу?» Я пытался как-то отшутиться, называя их (как у себя в полку) «сородичами». Те – требовательнее. «Да вы что, ребята? – стал уже возмущаться. – Я же домой, на дембель еду». Показываю им свой военный билет, в котором стоят штампы об увольнении меня в запас. У них же – одно на устах: «Не по форме одет, не по уставу...» И предлагают уже пройти с ними в военную комендатуру.

Куда деваться? Пришлось идти за ними. Следом за мной шёл понурый и недоумевающий брат Володя. На втором этаже аэропорта мы увидели дверь с надписью «Военная комендатура». Вхожу. За столом сидит старший лейтенант в форме военного лётчика. Сержант (начальник патруля) доложил ему – по какому поводу произвели задержание. Тот ему: «Хорошо. Разберёмся. Свободны». Старлей затребовал мои документы, показал я ему и билет на самолёт до Кемерово. Тот даже сверил мои значки, занесённые в военный билет. Значки «Гвардия», «Отличник-парашютист», ВСК II разряда, знак классности, «Отличник СА» – всё соответствовало. «А это – что за медаль?» – по-

интересовался он. – Её нет в билете... Снимай...» Я начал, было, оправдываться – бесполезно.

Я снял выменную у «сородича» в Арцизе юбилейную медальку. Положил её на стол.

– Та-ак, офицерскую «птичку» с фуражки тоже снимай.

Пришлось отцеплять с фуражки и «птичку». И она легла на стол рядом с медалькой. Однако, только этим ещё не ограничился придирчивый старлей:

– Ну, а почему на тебе погоны прапорщика и петлицы, я спрашиваю? А, рядовой Арнаутов?

– Так это, мне в полку разрешили при увольнении заменить их на уставные, – начал безбожно врать я, в отговорку.

– Ты кому тут заливаешь? А то я не знаю... Разрешили ему, видите ли... Будто я не знаю, какой должна быть по уставу парадная форма солдата!!! Вот заставлю сейчас содрать с тебя всю эту бутафорию, да ещё и значки все поотбираю. И поедешь домой ободренным, как курица, ошипанная...

Немного поразмыслив, он, похоже, сжалился надо мною.

– Где служил?

– В Болграде, – отвечаю. – В Одесском военном округе.

Старлей вернул мне военный билет.

– Ладно, иди, свободен.

Осмелев, я перевёл взгляд на стол, где лежали медалька и «птичка»:

– Разрешите забрать?

– Нет! – последовал категоричный ответ. – Всё. Ступай...

Отдав честь, я развернулся и вышел из комендатуры. Чувства обиды и досады переполняли меня. Я клял Новосибирск и его служак, как мог. Негодуя, я жаловался брату: пол-Европы проехал, в Москве побывал – и никто мне даже слова не сказал и ничего не сделал. А тут – уже почти дома – и обшмонали...

Кстати, накануне днём, гуляя в Новосибирске с тётёй Лидой и её племянницей Лилей, меня дважды останавливали военные – за неотдавание чести. И отпускали, проверив документы, делая лишь наставления-замечания. Однажды таковым оказался даже подполковник. И вот – на тебе...

В Кемерово

И часа не летел самолёт до Кемерово. Автобусом № 101, знакомым мне ещё по институту, без особого труда доехал я до общежития брата, что находилось почти на окраине города по улице Тухачевского. Встреча с братом, его женой Людмилой и маленькой племянницей Ярославой была радостной и приятной. На улице уже и здесь всю хозяйничала весна, приближаясь к лету. Погода была солнечной и тёплой, всюду зеленели деревья и кустарники, зацветала сирень.

Моё настроение, испорченное в Новосибирском аэропорту, обрело мажорные тона и краски. Чтобы восполнить изъятыя у меня армейские атрибуты, поехал по проспекту Ленина в сторону вокзала. Помню, что там находился «Военторг». В нём я без проблем купил офицерскую «птичку» на фуражку. К моему удивлению, там же было множество всяких подвесок к значку парашютиста. Эти подвески даже у нас, в части и военторге Болграда были большим дефицитом. Тут же я купил подвеску с цифрой 20, означавшей истинное количество совершённых мною прыжков, включая и три гражданских.

Как семейным студентам-молодожёнам выделили брату с женой комнату в студенческом общежитии квадратов на 18. Виктор с женой Людмилой готовились к Государственным экзаменам. В это же время приехала к ним и младшая сестра жены Виктора – Надя, на весеннюю сессию. Она тоже училась в этом же институте, только заочно. Вечером мы хорошо посидели, выпили за знакомство и за моё возвращение из Армии и подались пешочком прогуляться в Комсомольский парк. Ярослава попеременно сидела то у брата, то у меня на плечах...

На следующий день по совету брата мы поехали в институт, на Спортивную, 91 – туда, где я учился семестр и где мы жили с ним в комнате на пятом этаже учебного корпуса. Теперь там уже никто из студентов не жил, переселили всех на арендованную площадь общежития коммунально-строительного техникума.

Мы попали на курсовой спектакль «Дамы и гусары», который сдавали студенты третьего курса – мои бывшие сокурсники. Моему неожиданному появлению там в армейской парадной форме десантника были все, конечно, же рады, и сожалели о том, что среди них нет меня. Я мог бы сейчас вместе с ними ис-

полнять какую-то роль в постановочном спектакле. Особенно был рад моему появлению Петя Акимцев – мой бывший дружок по институту, умудрившийся задержаться и не быть отчисленным, как некогда я.

Спектакль я смотрел с большим интересом. И мне он нравился. Я видел прогресс в актёрском мастерстве моих однокурсников, да и в режиссуре тоже. В этом спектакле были задействованы все студенты *нашего* курса – оставшиеся студенты после той безжалостной чистки Фоминым. Спектакль получился красочным, экспрессивным. Мои недавние сокурсники были одеты в яркие костюмы – военных и гражданских лиц первой половины 19 века. Конечно же, некая зависть и обида на то, что вот и я мог бы тут сейчас играть вместе с ними, почти не покидали меня. Но... что случилось, того уже было не вернуть...

Домой, домой, домой...

Прогостив у брата в Кемерово, на третий день я подался в Томск, а из него уже – и к себе, в Пудино. В Томске в это время уже училась в фармуцилище сестра Татьяна. И она тоже хотела повидаться со мной. Однако, близость дома, как магнитом, тянула к себе. К тому же, я немного опасался, что и там, в Томске, как в Новосибирске, могут прицепиться к моей неуставной форме – кто-нибудь из патруля Военного училища связи. А потому, попав в Томск, я почти сразу же взял билет до Парабеля, поскольку именно там надо было отметиться в военкомате и встать на воинский учёт. В военкомате долго решали, к какому ВУС (военно-учётная специальность) отнести меня. Артиллеристы относились к ВУС 035. Специальности ПТУРС у них не было вообще. И меня поставили на учёт по ВУС 034. И случилось это 28 мая 1973 года.

Уже и не припомню, застал ли я в тот раз в Парабели тётю Викторию, или они уже к тому времени все переехали в Черемхово, куда получила распределение Тамара... (К сожалению, связи с ними мы практически давно утратили...)

Прилетев из Парабели, я спешил домой, в Пудино. Миновал забор МТС, спустился с горки, перейдя мосток через речушку Ольга, и быстрым шагом чеканил по деревянному тротуару улицы Горького. Мама уже к этому времени перебралась в дру-

гой дом, который купила у Демешкиных, почти напротив проулка, в котором некоторое время жил в Пудино дядя Толя с семьёй, после переезда из Куликов.

Вижу – навстречу мне бегут две девушки – сестра Рая (будто чувствовала, что я вернулся домой) и её подруга Нина Фадина. Радостные, мы встретились, обнялись, расцеловались...

Видимо, и сердце мамы тоже вещевало, чувствовало моё возвращение. Она даже успела всего понаготовить. Потом говорила: «Смотрю, в окошке кто-то промелькнул, следом Рая с подругой. Ещё подумала: однако, это Володя. И – точно – он!»

Вхожу в избу. Навстречу мне мама, счастливая, возбуждённая. Всплеснула руками, обнялись, расцеловались. «Ну, вот, сынок, наконец-то ты и дома! Дождались, слава Богу!»

Я рассказал им, как добирался из Болграда, где и у кого погостил, с кем повидался: во Владичени, Вулканештах, в Мокске, Новосибирске, Кемерово, Томске, Парабели. «Ты, поди, голодный? – суетится мама. – Давайте-ка за стол...» Разговоры и расспросы продолжались ещё долго. И впервые за два года я наелся домашней еды, как в детстве, приготовленной руками мамы... Наконец-то я оказался дома – на так долгожданной и желанной моей малой родине...

Размышления о дальнейшем...

По законодательству после прохождения действительной службы и увольнения в запас мне полагалось два месяца отпуска. Времени предостаточно для определения своего дальнейшего будущего. Надо было делать выбор: учиться ли поступать, или подыскивать работу. Об этом я думал и раньше, ещё будучи на службе, особенно перед дембелем.

Я стал советоваться со своими сослуживцами. Был у меня в то время сослуживец-земляк из нашего призыва Володя Кривушин – из Томска, который учился до призыва в армию в Томском политехе. Уж за какие провинности (или неуспеваемость) он попал на действительную службу, теперь и не припомню, ведь студентов-очников не призывали до окончания учёбы. К тому же, в политехе имелаась и военная кафедра. И выпускники политеха получали офицерские звания.

Поступать в ВУЗ, тем более технический, как мне советовал сослуживец, я как-то побаивался, всё-таки прошло уже три

года после окончания школы, многое подзабылось. К тому же, с физикой и математикой у меня и в школе не всегда всё ладилось. Вернее всего было мне поступать в техникум в Томске. Тем более, что выбор техникумов в Томске был преизрядный.

Был у нас в батарее ещё один десантник – сержант Бочкарёв, окончивший учебку в Литве, родом из Уфы. До службы в армии он успел закончить в Уфе автодорожный техникум по специальности «Строительство и эксплуатация автомобильных дорог». Вот он и посоветовал поступать на такую же специальность в аналогичный техникум в Томске. Тот же Бочкарёв рассказывал, что кое-кто из окончивших техникум мог попасть сразу даже на должность главного инженера ДРСУ с предоставлением квартиры! И служебного транспорта!

Такая перспектива явно прельщала меня. Я разыскал почтовый адрес Томского автодорожного техникума и послал туда письмо с просьбой об условиях поступления к ним на учёбу. Вскоре я получил ответ, где сообщались не только условия приёма, но и льготы для демобилизованных с действительной службы. Там было лишь одно условие: не завалить вступительные экзамены, а зачисление – вне конкурса. Сдавать там надо было всего два экзамена – сочинение и математику. Будучи в части, я ходил в полковую библиотеку и взял учебник по подготовке к вступительным экзаменам по математике. За сочинение я особо не боялся. К тому же, в батарее, и даже в нашем взводе, служил некто Лебедев, тоже бывший студент, из Рязани. Его-то я и привлёк к натаскиванию меня по математике (я был уже дембелем, а он – ещё только «дуством»). Требовательным и серьёзным оказался мой репетитор. Да и я делал в этом направлении некоторые успехи.

И вот, оказавшись на «гражданке», передо мной опять встал вопрос: поступать ли в техникум, или попытаться сразу в ТИСИ? И если с математикой я немного подтянулся, занимаясь с армейским «репетитором», то в строительный институт надо было ещё сдавать и физику. А её я успел подзабыть не менее математики... Так что выходило: подаваться мне в техникум.

Дома почти в течение полутора месяцев я практически ничем не занимался. Отдыхал, шараялся по клубам с такими же ребятами, вернувшимися со службы. Мы всё ещё, человек пять, появлялись на людях в своих парадках. Да и надеть-то особо

было нечего. К тому же, за два года службы мы изрядно заматерели и выросли из предармейских одежек.

А вскоре в Пудино приехал брат Виктор с женой Людмилой и дочерью после успешного окончания института и получения дипломов. На лацкане пиджака брата красовался новенький ромбик – с раскрытой книжкой по голубому полю...

Снова в абитуре

В двадцатых числах июля я подался в Томск поступать в автодорожный техникум. И не один. Составил мне компанию Миша Булатов – одноклассник сестры Раи, только что окончивший десятый класс. С ним мы жили в одной комнате общежития, вместе готовились к экзаменам.

Экзамены мы сдали, хотя и не на отлично. После окончания экзаменов пришлось целую неделю ждать результатов – зачисления. Однако нам уже не терпелось вернуться домой. В день зачисления мы поехали с ним брать билеты на самолёт в городскую кассу. Там, как обычно, была большая и медленнодвигающаяся очередь. Потолкавшись и потратив немало времени, мы решили, что я поеду в техникум, узнать результаты зачисления, а Миша останется в очереди.

Тут мы допустили с ним непростительную ошибку. Оказывается, при зачислении необходимо было личное присутствие. Я-то успел появиться воочию, и меня зачислили в техникум, а вот Мишу – нет, поскольку его не оказалось на зачислении, хотя и были у него сданы экзамены. Но из-за низкого общего балла, и отсутствия его лично на собеседовании и зачислении, он оказался «лишним». Правда, ему посоветовали взять выписку о сдаче экзаменов и обратиться в приборостроительный техникум. Так он и сделал. И там ему повезло – был зачислен на дневное отделение техникума...

Учёба в техникуме

Учёба в техникуме значительно отличается от институтской, тем более в том, где прежде учился я, на творческой специальности. Здесь теоретические занятия перемежались с практическими и лабораторными. И сам процесс больше походил на обучение в школе, с той лишь разницей, что вместо школьных

предметов здесь были преимущественно специальные. Жили мы в общежитии. Попал я учиться в группу с номером 88. Была и ещё одна группа, 89, аналогичная нашей.

В свободное от учёбы время я частенько ходил с ребятами в кино и на разные концерты, благо, билеты в то время стоили совсем недорого. Не так давно в Томске был открыт большой новый Дворец Спорта. И в нём частенько выступали различные артисты. Мне довелось вживую видеть многие модные в то время вокально-инструментальные ансамбли: «Песняры» – во главе с Владимиром Мулявиным, «Голубые гитары», «Поющие гитары»; выступления певиц Галины Ненашевой и Жанны Бичевской; замечательных танцовщиков – Владимира Шубарина и Лейбель-Никольского.

Весной 1974 года ходил на хоккейные матчи с участием «Спартак», где ещё играл сам знаменитый Вячеслав Старшинов, «Крылья Советов», «Химки»... Хоккей был в то время замечательный, интересный, болели мы азартно... Был я и на молодёжном турнире (до 16 лет) по фигурному катанию, который тоже мне очень понравился.

Летом 1974 года после окончания второго курса, я намеревался поехать в стройотряд со студентами ТИСИ. Однако приехал домой – чтобы подзаработать и приодеться. Дело в том, что в это время уже который год подряд приезжали на строительные работы из Закарпатья гуцулы. Бригадиром у гуцулов был Степан Александрович Реш, с которым мама жила уже лет пять. Вот и приняли они меня в свою бригаду на лето.

Работали мы напряжённо, с 6 часов утра и до 11 вечера, кроме воскресенья. Суббота была тоже немного сокращённое. Мама топила баню, и вся бригада ходила мыться, после бани, как правило, бывало застолье.

Подошёл сентябрь, время начала занятий в техникуме. Но в те годы студентов частенько направляли на месяц, а то и дольше, на сельхозработы, преимущественно, на уборку картофеля. Так вот, на уборку картофеля я не поехал, сославшись на болезнь желудка (справку об этом я предусмотрительно взял в Пудинской больнице). Я ещё на месяц остался работать в строительной бригаде. А расчёт был весьма приличным! За два месяца работы я получил аж 800 рублей – по тем временам деньги очень приличные! Ни в каком стройотряде столько бы я не заработал.

На заработанные деньги я хорошо приоделся: в орсовском магазине Лушникова купил пальто, пиджак, кроличью шапку, зимние ботинки, брюки, рубашки, в общем, всё необходимое.

А осенью наша группа была направлена по туристическим путёвкам в Красноярск. Кто бы мог тогда подумать, что через 34 года я перееду сюда на постоянное место жительства?! А тогда нас возили по всему Красноярску, показывая достопримечательности города. Были мы и в цирке, и в краеведческом музее, в музее Сурикова, даже в музее Ленина на берегу Енисея. Катались на канатно-кресельной дороге в Бобровом логу, ходили даже к отрогам «Столбов»; посетили зоопарк, что находился в Роевом Ручье. Возили нас и в Дивногорск, к самой знаменитой Красноярской ГЭС. И со всех этих мест у меня остались на память фотографии.

Следующим летом (1975 год) бригада ребят, пять человек, из нашей группы была направлена на производственную и преддипломную практику в Шегарку (Мельниково) – районный центр Томской области. Работали мы там в основном на укладке асфальто-бетонных покрытий за асфальтоукладчиком. Там мне приходилось нередко садиться за семи и десяти-тонные катки, поскольку ещё в школе я получил удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля третьего класса.

За два месяца практики мы заработали рублей по 400 на человека – тоже неплохие деньги. Из этих денег я приобрёл себе новенький транзисторный приёмник «SPIDOLA – 230» – за 105 рублей. Правда, мама попеняла: дескать, зачем тебе эта игрушка? Лучше бы купил себе что-нибудь из одежды или хороший новый костюм...

Встреча нового 1975 года

На встречу нового 1975 года мы с мамой договорились съездить в Кемерово, попроведать Людмилу и двухгодовалую Ярославу. Виктор в это время проходил действительную службу на Дальнем Востоке в морской пехоте. Служить ему пришлось после окончания института, но не офицером, а рядовым-годичником.

Списались с Людмилой, и 28 декабря мы вылетели из Томска в Кемерово. Нашему приезду Людмила была рада: какие-никакие, а няньки приехали, хоть на время можно было оставить их с дочерью. Однако, и тут не обошлось без накладки. Как-то Людмиле

понадобилось куда-то отлучиться из дома. Ярославу та оставила на нас с мамой. Вскоре девочка уснула в своей кроватке. А мы с мамой решили оставить её спящей и быстренько сбежать в ближайший магазин, прикупить кое-что из продуктов к Новому году.

Уж сколько времени мы проходили по магазинам – нам казалось, что не очень долго. Только приходим мы в комнату общаги и видим проснувшуюся малышку, стоящую в кроватке, всю зарёванную и уже всхлипывающую... Рассказать об этом мы никак не решались Людмиле, а Ярослава сама ещё не умела пожаловаться на таких нянек.

Вечером я подался в институт на праздничный концерт и там познакомился с друзьями Виктора, с которыми он бывал в стройотряде и даже на Шикотане – Сергеем Фисюком и Виктором Бубенковым (Бубой). Оба они учились на режиссёрском факультете, как некогда и я. Мне они понравились, я быстро сдружился с ними. Буба, помнится, читал на украинском языке два юмористических рассказа, которые позднее выучил и неоднократно рассказывал и я.

В общежитии же, через стенку, по соседству проживал и Юра Ли с семьёй, с которым мы одно время жили даже в одной комнате. Сам Новый год я встречал в разных комнатах общежития – то в той, где жили Буба с Фисюком, то в комнатах у девчат. Между тем, бывали и в комнате Виктора, где оставались мама с Людмилой и Ярославой. Поздравив друг друга и выпив по бокалу вина, я отправился опять к своим новым знакомым, и уже с ними – на новогодний карнавал, что был на улице, вокруг ёлки... Было очень весело и радостно...

Последний семестр в техникуме

Последний семестр на 4 курсе (а зачислен я был сразу на второй курс, как имевший среднее образование) я проучился недолго – с октября по февраль.

В первых числах февраля после сдачи экзаменов по специальности нам предложили темы дипломных проектов по строительству и эксплуатации автомобильных дорог. Я выбрал тему «Эксплуатация автомобильных дорог в Алтайском крае, на участке Рубцовск-Алейск с сетью второстепенных дорог с твёрдым покрытием».

К концу февраля мой проект был готов. И уже 3 марта состоялась защита этого проекта. Защитил я свой проект с оцен-

кой «хорошо». Успешно справились с защитой и другие мои сокурсники. После оглашения результатов защиты нас пригласили в аудиторию. Там нас торжественно поздравили с окончанием техникума, вручили нагрудные знаки об окончании средне-специального технического учебного заведения. После этого мы отправились в фотоателье, где сфотографировались всей группой на память.

Следующий день оказался не менее волнительным и знаменательным. Тогда нам вручили дипломы об окончании техникума. А далее – следовало распределение.

Распределение – от него зависела едва ли не вся последующая личная жизнь и профессиональная карьера. Это теперь молодой специалист никого не волнует и никто его не ждёт. Совсем иное было в то время. Мы были востребованы, нас ждали. И мы были даже обязаны явиться на работу по распределению. Мы уже знали о предварительных местах распределения. Это были четыре областных Автодора: Томская область – 25 специалистов, Читинская – 25, Иркутская – 5 и Алтайский край – 7 специалистов.

Перед входом в помещение с комиссией по распределению на стене висели списки молодых специалистов и указание среднего балла по результатам учёбы.

Предварительно я прикинул, куда мне следует податься. Читинская область отпала сразу – далековато, да и степи кругом. Томскую область я тоже исключил – хватило и детских лет, посмотрелся и накормился комаров по самое не могу, а кроме наших болотистых мест ничего хорошего ожидать не приходилось. Предпочтение отдавал я Алтайскому краю, в Барнауле. К тому же, мой дипломный проект имел привязку к этой местности. К тому же, Барнаул был не так далеко от Кемерово и Новосибирска. Да и до Томска – немногим подальше.

Увы, в нашей и параллельной группах учились девчонки, жившие ранее в этих областях. К тому же, и шли они на распределение прежде меня, у них были выше баллы. У меня же был средний балл, равнявшийся 3,7. Вот они-то и разобрали все алтайские места распределения.

Наконец подошла и моя очередь предстать перед распределительной комиссией, состоящей из трёх человек – двух преподавателей и представителя Томского Автодора. На вопрос, куда бы я хотел поехать работать, не задумываясь ответил, что в

Барнаул. Мне ответили, что все места в Алтайский край уже разобраны. И предлагают остаться в Томском Автодоре. Я отказался от такого предложения. Спрашиваю: «А куда ещё есть незанятые места?» Отвечают, что – в Читинскую и одно место – в Иркутский Автодор. Немного поразмыслив, я назвал Иркутский Автодор, предположив, что может там – куда поближе к Байкалу работу предложат... В целом же своим распределением я остался не очень доволен. Но куда было деваться?

Вечером мы собрались в последний раз со своими однокурсниками за одним столом. Отметили окончание техникума и распределение.

А наутро я улетел к себе домой, в Пудино. Дома, уже, как ни странно, были и гуцулы, которые каждый раз с наступлением зимних холодов уезжали к себе на родину. Узнав о моём распределении, мама была расстроена не менее моего. Всё-таки Иркутская область была далековато от наших мест. Почти весь остаток марта, до моего назначения на работу, был для меня напряжённым. Степан Илавский трактором «ДТ-75» натаскал из леса много длинных хлыстов на дрова. Вот и занимался я в основном распиливанием хлыстов на чурки, а потом и колкой чурок на дрова, перевозом их в ограду и складыванием в поленищу. Вечером, правда, ходил в клуб – в кино и на танцы.

Беспокойная неопределённость

Вот и закончились мои последние каникулы. Пора было собираться на работу. Более всего меня тяготила неопределённость: куда же попаду и куда направят меня в том самом Автодоре? Как раз в то самое время был разгар «стройки века» – БАМ. А БАМ – как раз и находился прежде всего в Иркутской области. Я опасался, что строить дороги или разные подъездные пути придётся мне в глухой тайге, к тому же ещё и с горами. А это – ничуть не лучше нашей глухомани и болот. Так что трудностей там виделось мне выше крыши...

Долетев на самолёте из Пудино до Томска, я в тот же день взял билет далее – до Иркутска. Мой полёт на «АН-24» длился почти четыре часа, с посадкой в Красноярске – ещё на старом городском аэропорту. (Сейчас там всё застроено многоэтажными домами, но место то до сих пор называют по старинке – «Взлёткой»).

В Иркутск прилетели мы уже вечером. Пришлось потемну искать гостиницу. Местные посоветовали мне одну не очень дорогую. Так я и сделал. Переночевав в ней, наутро я подался искать Автодор. А находился он на улице Декабрьских событий, в доме 88. К моему удивлению, никто из моих однокурсников, получивших сюда распределение, в этот день не явился за окончательным назначением на место работы.

Зато приехала целая группа девушек и один парень (всего человек тридцать), окончивших техникум в Соликамске Пермской области. Мы все столпились у дверей отдела кадров и стали ждать приглашение. Вскоре к нам вышел начальник отдела кадров Василий Александрович Шегорин и сообщил, что нас будут приглашать к нему по одному-два человека.

Побывавшие у него девчонки выходили возбуждённо-радостные, сообщая, кого куда направили. Это были – Братск, Тайшет, Нижне-Удинск, Тулун, Усть-Илимск, Усть-Кут.

Я же всё стоял и никак не мог дожидаться, когда наконец пригласят и меня. Не выдержав, я поинтересовался, когда же пригласят меня? «Ты в армии служил? – спрашивают. Отвечаю, что да. «Ну, тогда с тобой будет особый разговор, подожди немного...» Распределив всех девчат, Шегорин пригласил и меня. Он стал мне говорить, что, мол, есть такой районный центр – Куйтун. Там базируется ПДУ-2185 (производственно-дорожный участок). И в нём нет главного инженера. К тому же, и начальник там без специального дорожного образования. И ему требуется в замы специалист-дорожник... «Ну, как тебе такое предложение? Согласен на эту должность?»

Видя моё смущение и нерешительность, он тут же добавил: «Ты только не волнуйся и не переживай. По ходу работы мы тебе поможем со всем разобраться. У нас, в отделе эксплуатации – хорошие инженера. Правда, женщины... Да и начальник отдела по эксплуатации Василий Павлович Ярыгин – поможет тебе, если что...»

Не смотря на такую убедительную агитацию, я всё ещё никак не мог решиться на предлагаемую ответственную должность. Ведь практики-то и у меня было совсем немного.

Тогда он повёл меня к главному инженеру Автодора Шинтяеву Виктору Петровичу. Заходим в кабинет, за длинным сто-

лом сидит симпатичный моложавый человек, лет 35-37, с еле заметной залысиной на голове. Меня представили ему и пояснили суть визита. Тот, глянул на меня оценивающе и спрашивает: «Ну, и что? Ты сомневаешься в своих способностях, как руководителя? Не бойся, все с этого начинают. А потом и в начальники участков ещё выбиваются. И даже управлений. И у тебя всё получится... Только надо быть настойчивым и требовательным – и к себе, и к подчинённым. И тогда всё у тебя получится. Насколько мне известно, там, в Куйтуне, коллектив хороший. И начальник, Мельников Андрей Антонович, если что, тебя поддержит и поможет. Ну, как, договорились?»

После этого разговора мне ничего не оставалось, как дать согласие на предложение. А в мыслях у меня непрестанно вертелось только одно: смогу ли я справиться?

К месту работы, в Куйтун

Когда мы возвращались от главного инженера, у дверей начальника отдела кадров всё ещё толпились несколько девушек. Узнав о том, что я получил назначение на должность главного инженера, две из них не без кокетства стали напрашиваться: «А возьмите тогда и нас с собой, на любую должность...» Что я мог им тогда ответить? Я был в каком-то мальчишеском смущении, и сам ещё до конца не осознавал, что ждёт меня впереди.

Итак, получив в отделе кадров назначение на работу и на должность и разузнав, как и на чём я смогу туда добраться, поехал на железнодорожный вокзал. Ехал на трамвае. И вот тогда мне почему-то вспомнились слова сержанта Бочкарёва о том, что после окончания техникума некоторые выпускники получают даже направления на должность главного инженера. Тогда это было для меня какими-то заоблачными далями и едва ли не сказкой. Сейчас эта сказка начинала превращаться в реальность. Правда, я до конца всё ещё с трудом представлял себе масштабы работы главного инженера, да и самого строительно-эксплуатационного дорожного предприятия, куда получил направление.

На вокзале, выяснив расписание движения поездов на запад, я взял плацкартный билет до станции Куйтун.

Куйтун. Я и не слышал прежде никогда об этой станции, или посёлке районного масштаба. В моём билете значилось

«Иркутск пассажирский – Куйтун». Я и запомнить-то сразу никак не мог это непривычное для меня название. Я постоянно забывал, как называется этот посёлок, или станция. Заглядывал в билет. Вроде запоминал, а через минуту-другую у меня опять всё вылетало из памяти. Тогда я решил применить мнемонику, ассоциативное запоминание. Разделив это слово на два слога «Куй и тун». У меня поначалу получалось что-то вроде «Куй – тут». Слог «Куй» я запоминал посредством двух ударов кулака о кулак, что ассоциативно напоминало мне кузнечную работу. А вот второй слог у меня сбивался постоянно на «тут». И лишь спустя некоторое время я стал правильно произносить и называть эту станцию и посёлок, где довелось мне проработать и прожить тридцать с лишним лет.

Рано утром, **6 апреля 1976 года**, поезд остановился на станции Куйтун. Я вышел из вагона. В руках у меня был портфель, кое с каким бельём и транзисторный приёмник «Спидола – 230» – вот и всё, с чем я прибыл на место своей работы. Возможно ли это было назвать багажом?

От станции автобусом я добрался до центра села, которое было практически всё одноэтажно-деревянным. И лишь в его центре выделялось с пяток кирпичных и даже двухэтажных строений. Порасспросив встречных, пешочком я добрался и до конторы ПДУ-2185. Там ещё было пусто, рабочий день ещё не начинался. На месте оказался лишь ночной сторож, который предложил мне подождать, когда придёт начальник и итээровцы.

Окинув взором ограду и окрестности, я увидел весьма убогое внешнее состояние этого предприятия. Слева, метрах в 20-30 от здания конторы, находился кирпичный, белёный известью, гараж, крытый шифером. Справа, метрах в ста, я обнаружил ещё одно подсобное здание, которое определил, как кузницу или ремонтные мастерские – и тоже в убогом состоянии. Вся прилегающая территория, обнесённая забором, была захламлена техническим металлоломом, какими-то железобетонными плитами, кольцами и свалкой прочего крупного мусора. Всё это представляло собой отнюдь не радостную и живописную картину.

«Боже! Куда я попал?» – сверлили голову мои мысли. Я и представить себе не мог такое убогое техническое состояние дорожно-строительного и эксплуатационного участка. Ведь был же я на практике, в том же Шегарском районе, в ДСУ-3. Но там

всё это было в гораздо пригляднее. Там и техника выглядела намного цивилизованней и современнее. Там уже работали на «МАЗах» – самосвалах, автогрейдерах, погрузчиках, автокранах... Тут же, казалось мне, собрали как будто специально одно старьё. Неровными рядами стояли или были просто брошены у гаража автосамосвалы «ЗИЛ-585» («пятьсот весёлые»). Был и автобус, старенький, на базе «ГАЗ-51». На территории базы стояла грязь. Весенние проталины показывали, что даже асфальтового покрытия – и того не было на земле...

Знакомство с персоналом ПДУ 2185

Одним из первых на территории ПДУ появился начальник – Мельников Андрей Антонович. Это был мужчина – плотный, энергичный, среднего роста, лет под пятьдесят. Я представился, подав ему направление на работу.

Он оживился. Стал расспрашивать меня, интересуясь, откуда я родом, семейный я или холостяк. В общем, завязался лёгкий и даже непринуждённый разговор, необходимый для всякого знакомства.

Через некоторое время к нему в кабинет заглянул главный механик – Джумок Виктор Филиппович, затем прораб по строительству Заусаев Виктор Иннокентьевич. Стали подходить и дорожные мастера.

– Скоро будет планёрка, – сказал мне начальник, – вот на ней я тебя и представлю.

И впрямь, в 8 часов на планёрку у начальника собрались все итээрзовцы хозяйства. Мне было тревожно-волнительно.

– Сегодня к нам прибыл по направлению Иркутского Автодора выпускник Томского автодорожного техникума Арнаутов Владимир Степанович, – сообщил всем Мельников. И обведя всех взглядом, интригуяще добавил, – на должность главного инженера. Прошу любить и жаловать.

Он показал рукой на место возле стола рядом с собой, приглашая меня занять его.

– Ну, а для знакомства, прошу хотя бы вкратце рассказать всем о себе.

Я занял место, встал, как перед судом, и, стесняясь незнакомых мне людей, внимательно смотревших на меня, робко на-

чал вещать о себе. Рассказал, где родился, где вырос, где проходил службу в десантных войсках, где учился и что окончил... После этого были какие-то вопросы ко мне, и я отвечал на них в меру своей компетенции.

– Ну, вот, вкратце и познакомились мы с нашим новым главным инженером, – подвёл итог начальник. – А теперь – бухгалтерия и итээровцы – свободны, а я с мастерами и механиками продолжу нашу планёрку.

Знакомство с округой и обустройство

Я остался на первую в моей жизни планёрку хозяйства, в котором мне предстояло работать. Планёрки эти проводились повседневно. Обычно их проводил сам начальник, распределяя всю ходовую технику по конкретным дорожным участкам и мастерам. И тут же я впервые услышал название деревень, дороги к которым мы строили и обслуживали. Это были непривычные для моего слуха: Харик, Барлук, Уян, Кундуй, Бузулук, Мингатуй, Барук и прочие. Видимо, всё это были топонимы с бурятскими корнями. Поселений с русскими названиями было совсем немного: Андрюшино, Ленинский, Игнино. Кое-что из обозначения бурятских названий населённых пунктов позднее стало мне известно.

Так, село Барлук, было включено в перепись ещё с 1604 года. Куйтун – в переводе на русский с бурятского означал *холодный*; Тулун – *мешок* и проч. Харик был знаменит тем, что в нём был подписан договор молодой советской власти с белочехами ещё в 1918 году.

Хочется отметить, что все работники хозяйства приняли меня в свой коллектив весьма доброжелательно и с пониманием. Им, практикам, было хорошо известно, что у выпускника техникума, попавшего сразу на должность главного инженера, опыта никакого и быть не могло. Но ведь опыт – дело наживное, была бы природная смекалка, да желание работать и вникать в суть дела. И для всех их я стал с этого времени ***Владимиром Степановичем***.

Особое внимание почему-то ко мне располагала бухгалтерия. Там мне сразу же выдали подъёмные, в размере 160 рублей, да ещё и полностью оплатили проезд от самого дома и до Куйтуна. Мало того, мне сразу же было определено и место прожи-

вания. И не просто место в какой-нибудь общаге или гостинице – я получил квартиру по улице Гагарина, 22!

В тот же день со склада в квартиру привезли мне металлическую кровать с панцирной сеткой, стол, три стула, тумбочку, постельное бельё и кое-какую посуду. Я же вошёл практически в пустую квартиру с одним портфелем и транзисторным приёмником. И это – после студенческой-то общаги и армейской казармы! Можно только представить моё эмоциональное состояние...

А вечером я собрал на новоселье будущих моих сослуживцев, набрал вина, закуски, и мы весело посидели, упрочняя наше знакомство. На новоселье, помимо Джумка и Заусаева, были главбух Горлова Евдокия Никифоровна, бухгалтер Пушмина Галина Дмитриевна, кассир Кашкан Лидия Алексеевна, инженер ПТО Сапега Ольга Алексеевна, техник Акимова Тамара и кто-то ещё.

Начало производственной деятельности

А уже на завтра мне предстояло всерьёз приступить к своим обязанностям, полностью окунуться в работу и проблемы дорожного участка, которые возникали каждый день.

Снега в тех местах обычно и зимой бывает мало. И сходит он едва ли не разом, как только начинает почаше зависать солнышко и появляются оттепели. Вот и в тот год, уже в начале апреля дороги стали отходить от промерзания, и на них появлялись участки, по которым проезд был крайне затруднён или даже совсем невозможен. Мне приходилось каждый день выезжать с мастерами по разным направлениям дорог, определять на местах объёмы и виды ремонтных работ. Линейных мастеров было тогда у ПДУ десять человек, и некоторые из них жили в разных населённых пунктах. Пришлось знакомиться и с каждым из них. Так, в Харике мастером был Ступин Николай Николаевич, в Барлуке – Тарасенко Михаил Степанович, в Бродах – Колесов Николай Фёдорович, в Уяне – Чунихин Алексей Яковлевич, в Большом Кашелаке – Иванченко Алексей Александрович. Участки здесь были в большинстве случаев непростыми, грунтово-гравийными, с искусственными сооружениями – мостами, водопропускными трубами через земляное полотно...

А после работы, вечерами, меня ждало одиночество холостяка и полупустая квартира. Видя, и понимая это, прораб За-

усаев, да и механики, нередко предлагали мне задержаться с ними и «пропустить» по «маленькой», на что я соглашался. На все мои отговорки, о том, что мне не совсем прилично по должности выпивать с подчинёнными, они махали рукой: дескать, не обращай внимания, не ты первый... Гуляй, пока молодой... Зато работницы бухгалтерии были иного мнения: дескать, пропадёт молодец без семьи. И они всячески, как некогда тётя Юля во Владичени, пытались подыскать мне вторую половинку.

В холостяках

Большая часть моих сослуживцев уже имела свои семьи и не по одному ребёнку. В подчинении прораба Заусаева, к примеру, был мастер Лазарчук – мужичок много старше меня, высокий и худощавый на вид, хитроватый и себе на уме. Везде и во всём он пытался выискать выгоду для себя. Случалось, подставлял он и своего непосредственного начальника, которому приходилось после этого всячески выкручиваться. Наконец терпение Заусаева кончилось, и он предложил тому уволиться с работы по собственному желанию. Лазарчук уволился и почти сразу же нашёл себе другую работу, устроившись в коммунальное хозяйство, где работала и моя будущая жена Любовь Пантелеевна Кравченко.

И вот, зная о том, что у меня водятся деньжата и можно будет при случае подзанять, пришёл он как-то вечером ко мне домой с бутылкой вина. Мне пришлось, как хозяину, составить ему компанию. Выпив вино, он попросил у меня взаймы 40 рублей, пообещав вернуть долг сразу же после получки. Я занял.

После этого он как-то по-хитрому перевёл свой разговор на иную тему. «Ты, знаешь, у нас в конторе в БТИ работает очень симпатичная девушка, незамужняя, совершенно свободная, к тому же при должности – заведующая БТИ. А приходи-ка к нам завтра к концу работы, я тебя с ней и познакомлю». Я пытался было отнекаться, мотивируя тем, что у неё наверняка есть тут парень, о котором он не знает... Однако, мой тёзка, Владимир Леонтьевич, настаивал на своём. Дескать, придёшь, познакомишься, не понравится – другую найдёшь, какие твои годы... И я сдался.

Вечером, как и договаривались, я появился в кабинете у Лазарчука. Он вышел из своего кабинета, а вернувшись, сообщил, что в БТИ никого нет. Но сказал, что должны вот-вот вернуться, рабочий день ещё не закончился.

Смотрины

А вскоре и впрямь по коридору прошли две девушки, как потом выяснилось, это и была Люба с подругой Валею. Одеты были Люба в голубоватое цветное платье, с высокой причёской на голове. Лазарчук снова вышел, а когда вернулся, сказал, что всё, с ними он договорился, и через некоторое время они согласились пойти знакомиться поближе.

Немного погодя он и впрямь представил меня девушкам и предложил всем вместе податься ко мне домой. Мне ничего не оставалось, как согласиться на это. Проходя мимо магазина «Маяк», мы зашли в него, взяли две бутылки вина «Портвейн» (по 0,7), хлеба, палочку колбасы, две банки консервов. Дома я надеялся ко всему этому пожарить на сковороде ещё и картошки.

Мог ли я тогда полагать, что всё это и явится самым началом нашего с Любой тридцатитрёхлетнего совместного проживания? И что у нас с нею родятся двое детей – Лена и Алёша?! Ведь были же у меня до приезда сюда девушки – и в Томске, и в Пудино, правда, без серьёзных и далеко идущих намерений и последствий... Вот и тогда я думал: «Ну, подумаешь, посидим, выпьем, побалагурим, на том и кончится всё...»

А к этому времени мой начальник переселил меня с временной квартиры на постоянную, трёхкомнатную, в брусковом доме по улице Майская, 39. Стояли тёплые летние деньки середины июня. На новом месте в огороде я уже успел посадить картошку, семенами которой меня снабдили соседи. В огородчике под окнами дома я посадил по грядке лука, чеснока и морковки. Там же, вдоль забора из штакетника у меня была сложена из навоза грядка под огурцы, которые уже начинали пускать плети и желтеть первыми звёздочными цветочками с зародышами.

Попав домой, я тут же приступил к чистке картошки, поставил её жарить в сковороде. Женщинам доверил накрывать стол из того, что мы принесли с собой. Мимоходом дамы обозревали и моё полупустое жилище, а через окно – мой огородчик, что-то тихо говоря между собой.

После нашего скромного застолья и выпитого вина, Лазарчук с Валею решили покинуть моё жилище. А Любу я уговорил ещё задержаться немного, пообещав проводить до дома. Уж о чём мы с ней беседовали наедине, теперь и не припомню. Толь-

ко после всего этого я стал всё чаще и чаще встречаться с нею после работы. Я рассказывал ей о своей семье, о том, где родился и вырос, где довелось служить. Она, в свою очередь, рассказывала о себе и своей родне.

Неожиданное решение мамы

Как только я определился с работой и жильём, тут же написал об этом маме. К тому времени она жила в Пудино со Степаном Александровичем Реш, которого мы, повзрослевшие дети, все уже воспринимали, как нашего отчима. К нам он относился весьма неплохо, был общительным и гостеприимным. Да и с мамой у него, похоже, жизнь складывалась удачно. Правда, у себя на родине, в Закарпатье, у него оставалась неразведённая жена и двое взрослых уже детей – дочь Алла и сын Степан – практически наших ровесников.

В письмах маме я расхваливал посёлок Куйтун, который и впрямь с каждым днём становился мне всё милей и интересней, по крайней мере, в сравнении с нашей малой родиной. Я писал, что Куйтун расположен на железнодорожной магистрали, соединяющей восток и запад нашей страны. Писал о его удивительной природе, более мягком, чем у нас, климате. О том, что здесь нет так ненавистных нам комаров и прочего гнуса... Собирались её обилием грибов-груздей, что растут по берёзовым колкам и рощам, множеством полевой клубники по косогорам, а в таёжных местах – зарослями голубики (синей ягоды). А ещё писал о том, что являюсь полноправным обладателем трёхкомнатной квартиры, которая стоит едва ли не пустой; что имеется и приусадебный участок – с огородом и огородчиком.

Уж что явилось исходным и окончательным посылом в принятии решения, сейчас уже сказать затрудняюсь. И кто из них первый предложил переехать сюда – тоже как-то запамятовалось. Главное – такое решение было принято! Они намерились переехать ко мне, оставив Пудино.

Всё, что можно было продать – продали: дом, дрова (которые я заготавливал весь март, после окончания техникума), мотоцикл, ружьё, все огородные посадки; зарезали борова на мясо, которое пришлось тоже продать...

Оставшийся нужный домашний скарб был погружен в контейнер, а сами они отправились на новое место жительства

сначала самолётом, до Барабинска, потом – поездом до самого Куйтуна. Сейчас, по прошествии многих лет мне только остаётся удивляться такому скорому решению на переезд. Думаю, решились они на такое не от лучшей жизни на прежнем месте.

Уже сейчас припоминается, что в то время будто бы Степан Александрович поссорился со своими двоюродными выросшими и оперившимися братьями Илавскими (Иваном и Степаном) из своей бригады. Они уже успели жениться на местных и обзавестись своими семьями. Кто знает, может и так, по крайней мере, это послужило одним из слагаемых в принятии решения о переезде мамы с отчимом в Куйтун. Мало того, сюда же с собой взяли они и нашу младшую сестру Раису, окончившую к тому времени ПТУ в Томске и всё ещё ходившую «в девках», то есть незамужнюю.

Первая размолвка

Как-то, провожая в очередной раз Любу до дома, я проговорился ей, что ко мне собирается переехать жить мама с отчимом. На моё сообщение Люба недовольно отреагировала:

– А зачем ты их вызвал сюда? Зачем они нам нужны? Зря ты так поторопился... Я не хотела бы с ними жить под одной крышей...

Я был ошарашен такой реакцией моей избранницы, тем более, что мы ещё только намечали пожениться. Полагаю, что если бы мама со Степаном Александровичем узнали об этом, то ни за что не согласились бы на переезд сюда. Но, как говорится, жребий уже был брошен, и отступить назад было поздно.

В середине лета мама с отчимом и сестрой Раей приехали в Куйтун. Мы начали обустраивать мою холостяцкую квартиру уже по-семейному. Мало того, Степан Александрович, будучи хорошим плотником и строителем, принялся за ремонт и пристройки, как внутри квартиры, так и снаружи – веранде, крыльце, в ограде...

После приезда мамы наши отношения с Любой перешли на более серьёзную стадию. Я уже частенько оставался ночевать у её старшей сестры Вали, которая жила с мужем на станции, километрах в пяти от нашего дома. Дошло дело и до свадьбы...

Свадьба

Логическим завершением наших встреч стала свадьба, которую мы наметили на *11 сентября 1976 года*.

На свадьбу к нам приехали из Кемерово – брат Виктор с женой и трёхлетней уже дочкой Ярославой, сестра Татьяна с мужем Леонидом Бояриновым (они поженились в Киселёвске месяц назад); из Томска – друг детства и юности Николай Панфилов с женой Ниной... Было немало родственников Любы, моих и её сослуживцев. Основное свадебное гульбище решили устроить у нас в доме, по улице Майская.

День свадьбы выдался пасмурным и дождливым. Как и везде, невесту «выкупали» из дома родителей. Чтобы поехать туда и потом прокатиться по селу и вернуться к свадебному столу, из нашей организации выделили нам старенький автобус. На нём разъезжали моя родня и гости. А вот мы с Любой катались во все четыре стороны села на белых «Жигулях» – одного из знакомых невесты. В одном месте мы даже застряли, пришлось выбираться из машины и выталкивать её из грязи, изрядно испачкав свои свадебные наряды.

После регистрации в ЗАГСе, дома, уже на входе, нас встретили родители хлебом-солью, с напутствиями и наставлениями счастливой семейной жизни.

А вот как проходило всё потом, что там делалось и как гулялось – память моя будто бы стёрла всё без исключения. Кто что говорил и напутствовал – убей не припомню. Такого со мной ещё никогда не было. Полнейшая амнезия! Будто кто на меня тогда всё время и постоянно воздействовал. И кто бы мог такое сделать?! Уже позднее мне не раз приходилось слышать, дескать, это мать и родичи Любы приворожили меня к ней. Может быть, и так... Мама даже высказывала предположение, что это тёща мне могла подсыпать в вино какое-нибудь зелье или заговорила, что вырубилась моя память... Видимо, тёща опасалась, как бы я не поссорился с Любой уже на самой свадьбе и не отказался от неё... Уж очень тёще хотелось выдать замуж свою дочь за меня...

Правда, отдельные моменты свадьбы всё же запечатлел фотоаппарат брата Виктора. Он тогда много снимал, особенно на улице и в ограде дома, во время бракосочетания. Даже в доме

тёщи и тестя, во время выкупа невесты. Есть и снимки со следующего дня свадьбы. Но и он в моей памяти остался каким-то смутным и не очень ясным...

А, может, и вправду, тёща что-то «сделала», слухи-то про неё ходили такие, дескать, она может и приворожить, и насрать что-либо ещё... Нет уже давно в живых ни заядлого охотника тестя Пантелея Тихоновича, ни тёщи Анастасии Степановны, нет и Любы почти десяток лет – спросить не у кого. Да они бы и не признались, если и было что такое... Как говорится, Бог им судья.

Семейная жизнь

Семейная жизнь у нас складывалась весьма своеобразно.

Большую часть времени я пропадал на работе, входя и постигая все её тонкости и премудрости. Степан Александрович устроился на работу в пожарную часть, на работу вышла и сестра Рая. Мама тоже устроилась техничкой – сначала в райкоме, потом в райвоенкомате. Поработав некоторое время в БТИ, Люба пошла в декретный отпуск.

Неожиданным было появление в Куйтуне одноклассника Раи – Михаила Голева, который после демобилизации вернулся в Пудино и намеревался жениться на нашей сестре. Однако, Раю мама увезла с собой. И вот – он заявился и сообщил о намерении жениться на Рае и увезти её к себе обратно в Пудино. Особых возражений со стороны Раи не было. Вскоре они по приезду в Пудино сыграли свадьбу и отделились от родителей Михаила, заняв избу, в которой некогда находился производственный класс Пудинской школы. Михаил пошёл работать завхозом в школу.

Летом, **2 июня 1977 года** у нас с Любой **родилась дочка Лена**, которую по настоянию мамы новорожденной называли Алёнкой. Для всех нас это было радостным событием. У нашей мамы появилась после Ярославы вторая внучка. По случаю рождения дочери мы много и долго отмечали это событие. Несколько раз приезжали отметить это даже родители Любы со станции. Увидел воочию свою первую внучку и Любин отец.

А вскоре, 14 июня, отец Любы поссорился с кем-то на работе, и ему в отместку устроили пожар, на котором он получил сильнейшие ожоги. И менее чем через месяц, находясь в Иркутской больнице, он скончался.

Я к тому времени находился как раз в Москве (с 1 по 30 июля) на повышении квалификации нужно было выполнить аттестационно-выпускную работу, без которой мне бы не зачли мою учёбу. Поэтому приехать на похороны тестя я не смог.

Но всё ладилось у нас и в отношении мамы со Степаном Александровичем. Люба была изначально против совместного проживания, но приходилось терпеть, пока нужна была нянька для малолетней беспокойной дочки. Вопрос об отделении от мамы назревал с каждым днём всё острее и назойливей. Мне приходилось делать выбор между мамой и женой с дочерью. И делать это было мне – ой как нелегко. И вот, в один из дней мне пришлось сказать об этом маме с отчимом. Те и сами понимали, что вместе нам так долго не прожить. Конечно же, маме было более всех обидно за такой поворот. Но и Люба была настроена крайне решительно. И мне пришлось сдаться в пользу жены.

У мамы со Степаном Александровичем были кое-какие сбережения после продажи дома и хозяйства в Пудино. К тому же они хотя и немного, но получали на работах, на прожиточный минимум хватало. Случалось, и подрабатывали, на противопожарной пропитке зданий и сооружений.

И уже весной они подобрали себе подходящее жилище, купив в другом краю села рядом с аэродромом старинный довольно просторный дом ещё дореволюционной постройки.

Дом этот стоял на Иркутском тракте. В нём даже останавливались белочехи, когда подняли бучу по Транс-Сибирской железной дороге. Бывали тут и каппелевцы, отступавшие к Иркутску. Видел он и красноармейцев...

Конечно, дом этот требовал немалого ремонта и облагораживания. Тут пришлось изрядно потрудиться и маме, и Степану Александровичу, поменяв печь, обшив изнутри все стены оргалитом, перекрыв крышу шифером, перестроить сени и подстроить веранду. В этом даже как-то летом им помогал брат Виктор, приезжавший погостить всей семьёй. И получился даже дом аж на два входа – с прицелом, что скоро сюда переедет своей семьёй и наша средняя сестра Татьяна – из шахтёрского Киселёвска Кемеровской области.

Но самое главное, получилось избежать больших ссор и конфликтов между хозяйками. Мама наша всегда и везде привыкла чувствовать себя единственной хозяйкой в доме. Позднее

отношения между Любой и мамой с отчимом стали постепенно выравниваться. Спокойнее стало и мне самому. Однако, вину свою перед мамой я ещё долго не мог остудить...

В наших семейных альбомах сохранилось много фотографий, на которых зафиксированы моменты почти ежегодных приездов в гости брата Виктора с семьёй, проживания некоторого времени в том доме Татьяны с мужем и двойней – сыном Толей и дочерью Олей. Бывали там и Рая с Михаилом. В общем, о том доме, где мама со Степаном Александровичем прожила почти десять лет, остались самые добрые и ностальгические воспоминания. Из этого дома проводили мы в последний путь Степана Александровича зимой 1987 года...

В Москве, на повышении квалификации

Как я уже отметил, примерно через год после моего назначения на должность главного инженера ПДУ, в июле 1977 года, Иркутский Автодор направил меня на повышение квалификации аж в саму Москву. Помимо меня от Автодора были направлены ещё четыре человека, все главные инженеры – из Зимы, Качуга и Хребтового, что находится под Усть-Кутом. На эти месячные курсы нас тогда собрали практически из всей России, от Владивостока и до Брянска. Занятия проводились в подмосковной Мамонтовке, находящейся между Мытищами и Пушкино по Ярославскому направлению железной дороги, где мы и жили в общежитии.

На выходные нам разрешали самостоятельно покидать пределы нашего временного пристанища. И за это время мне удалось многое посмотреть и побывать в разных интересных местах. Посетили мы парк культуры им. Горького, покатались по Москве-реке на теплоходе «Заря». С пользой для себя были на экскурсии в строящемся аэропорту «Шереметьево-2», посмотрели, как ведётся укладка и поверхностная обработка покрытия Влоколамского шоссе. Дважды довелось побывать на Красной площади, однако в мавзолее Ленина попасть не удалось из-за длинных очередей туда.

Зато посчастливилось в один из выходных дней съездить на электричке в Загорск (ныне Сергиев Посад), побывать в Трицко-Сергиевской лавре и даже увидеть там «вживую» тогдашнего патриарха Всея Руси Пимена.

В то время был тотальный дефицит всех товаров и продуктов по городам и весям России. И лишь в Москве ещё можно было приобрести дефицитные товары и вещи. В письме Люба даже написала мне список того, что нужно было купить, и высылала на это деньги. Что я и сделал всего за полдня до возвращения домой, отъехав от Мамонтовки несколько остановок.

На что у меня не осталось времени, так это на посещение двоюродной сестры Раисы Анатольевны, которая жила в то время в районе Химок. Она была уже замужем за художником Александром Юдинцевым, и у них была маленькая дочка Наташа.

Успешно защитив на экзамене аттестационно-выпускную работу и, получив удостоверение об окончании курсов, я вернулся домой в Куйтун.

В гостях – в Кемерово и Новосибирске

В марте 1980 года мне с Любой и трёхлетней дочкой Леной довелось побывать в гостях – у брата Виктора в Кемерово. Мама согласилась остаться по хозяйству.

Там брат старался обеспечить нас культурно-развлекательной программой. Брал билеты в цирк, в детский кукольный театр, знакомил с городом, который спустя 10 лет после моего проживания в нём стал значительно меняться в лучшую сторону.

Жили они уже в новой двухкомнатной квартире на проспекте Химиков, 22. В это же примерно время к ним приехала из Киселёвска ещё и наша сестра Татьяна с детьми-двойняшками. Так что повидались все вместе.

После Кемерово мы подались в Новосибирск к дяде Саше и двоюродному брату Володе. Там нас тоже хорошо встретили. Я познакомил их всех с женой Любой и дочерью Леной. К тому же мы впервые увидели и сына Володи Алёшу, которому к тому времени было года четыре.

С понижением. Военные сборы

Четыре года прошло с тех пор, как я окончил техникум и получил в Куйтуне должность главного инженера. Однако, как и предсказывал брат Виктор в своих письмах и при встрече, без высшего образования на этой должности могу долго и не удержаться.

жаться. Шёл интенсивный процесс подготовки кадров с высшим образованием по всем направлениям народного хозяйства. И уже специалисты со средне-техническим образованием считались с более низкой квалификацией. И при любом удобном случае при появлении в хозяйстве выпускников института, последним отдавали предпочтение, заменяя ими предыдущих, даже обладающих уже немалым опытом.

Так случилось и со мной. В том же 1980 году к нам в хозяйство прибыл специалист с высшим образованием Миронов Павел Васильевич. И мне пришлось согласиться на должность прораба по строительству дорог. Это было явным понижением меня по служебной лестнице, но к тому времени другой должности в штатном расписании у нас не оказалось. Надо было поступать в институт, о чём мне постоянно твердил брат, сам к тому времени обучавшийся заочно в аспирантуре.

Я занимался строительством дороги «Андрюшино-Хаихта». Наш начальник Мельников по какому-то случаю изрядно поспорил с райвоенкомом. И тот в отместку Мельникову решил в разгар строительства и ремонтов призвать на военную переподготовку многих резервистов в «партизаны» (так тогда негласно называли призванных на переподготовку). И девять человек-запасников из нашего ПДУ попали на сборы.

В то время было строго с военной переподготовкой, не выполнить приказ было никак нельзя. Кстати, меня уже неоднократно призывали на такие сборы, пока я учился ещё в техникуме в Томске. Тогда местом сборов и переподготовки был городок Юрга в Кемеровской области.

А в этот раз 12 июня от райвоенкомата отправилось на сборы сразу шесть заполненных «партизанами» автобусов – со всего района. Отправили нас всех сначала за 180 километров в Нижнеудинск, а оттуда я попал в Атагай, где базировалась артиллерийская кадрированная часть.

Там были уже подготовлены для нас палатки, на 8 человек каждая. Таким образом, в каждой палатке размещались по два артиллерийских расчёта. На сборах нас пытались учить стрелять из пушек и гаубиц, чему категорически противился я, считая себя профессиональным десантником-птурсистом. И при возможности, я из принципа даже не подходил к этим артиллерийским орудиям. Правда, особо на этом никто и не настаивал.

Во время сборов, которые почти как и везде, проводились в основном «для галочки», мы, «партизаны», были предоставлены преимущественно сами себе. Занимались – кто чем мог, слоняясь по территории части. И лишь отдельные недавние демобилизованные в запас пушкари относились к этому со всей серьёзностью. С них и был, что называется, особый спрос, поскольку в конце сборов всё же должны были проводиться настоящие учебные стрельбы с боевыми снарядами, и падать лицом в грязь им было неловко и неприлично.

Я был настроен на поступление заочно уже в этом году в Томский инженерно-строительный институт и поэтому прихватил с собой учебники по математике и физике. И вот вместо повышения своей военной квалификации стал усиленно готовиться к сдаче экзаменов в институт. В основном, делал я это лёжа на боку в своей палатке, штудирюя школьные учебники за 9 и 10 классы.

И снова вступительные экзамены

Вернувшись домой после двухнедельной «партизанщины», я сообщил своему начальству о намерении поступать в институт на заочное обучение. И получил на это «добро», как и со стороны Любы и мамы.

В ТИСИ на автодорожный факультет надо было сдавать четыре экзамена: сочинение, математику (письменно и устно) и физику. И вот подошла пора сдачи экзаменов.

Математику с горем-пополам (где сам, где с помощью таких же, как я) мне удалось сдать без завалов. А вот физики я боялся больше всего – всё-таки после окончания школы прошло уже немало времени – целых десять лет. Помог мне в этом случай. После того, как преподаватель, принимавший экзамен, прошёлся по рядам, отобрав «шпоры» у наиболее ретивых абитуриентов и даже выпроводив двоих, я решился на ответ. А, думал я, будь что будет...

В это время кто-то из абитуриентов уже отвечал по билету. И тут в аудиторию, где мы сдавали, входит ещё один преподаватель, видимо, коллега принимающего. Он был явно нерусской национальности, предложив коллеге помочь поприимать. Принимающий преподаватель взял экзаменационный лист и называет мою фамилию. Я подхожу к столу экзаменатора, а тот пере-

направляет меня к вновь пришедшему. А тот – оказался бурятом. Я начал отвечать, не очень уверенно. Тот, видя, что знания мои не на высоте, прервал мой ответ и поинтересовался, откуда я, где проживаю и где работаю? Я ответил, что родом – из Томской области. А сейчас живу и работаю в Куйтуне Иркутской области. Дескать, есть там такой районный центр. Вижу, мой экзаменатор заулыбался: «Да ты что?» А я – вот родом из Усть-Орды, Эхирит-Булагатского... Может, слышал?» – «Конечно, – отвечаю ему. – Правда, там я не был, а вот в Оёке приходилось бывать на геодезической практике – это километрах в двадцати пяти от Усть-Орды...»

Глянув в мой листок с неверным решением задачи, он тихонько спрашивает меня: «Ну, что, тройки тебе хватит?». В ответ я лишь мотнул головой в знак согласия. А выйдя из аудитории, был непомерно доволен, что и этот предмет удалось проскочить, сдав без завала – благодаря «земляку»-буряту... За сочинение я тоже получил тройчок.

После сдачи всех экзаменов я взял билет на поезд до Куйтуна в надежде, что буду зачислен в институт на первый курс заочного обучения. Об этом меня почти заверили в деканате, сказав, что зачисление будет лишь после того, как закончится сдача вступительных последним потоком. И само зачисление должно состояться специальной экзаменационной комиссией во второй половине сентября.

Я ожидаю известия о зачислении меня в институт, а тут буквально накануне приходит телеграмма, сообщающая о том, что в моём личном деле не хватает характеристики с места работы и приказа о принятии меня на работу и на должность... И ещё приписка: если не предоставлю вовремя недостающих документов, то меня не зачислят в институт. Документы те я подавал вместе со всеми необходимыми. Куда они могли затеряться?

Поставив в известность своё начальство, я тут же выехал снова в Томск – надо разбираться. Приехав, первым делом пошёл в почтовый отдел института, куда поступает и где фиксируется вся документация. Там выяснил: кто и когда получил мои документы. Оказалось, что на меня было заведено аж две папки с делами. Обе были на месте. Нет бы, объединить документы вместе, так не было

бы и проблем. Допустившая эту неразбериху и волокиту, в итоге извинилась и отправила меня в деканат заочного отделения.

Я зашёл к декану и объяснил ему суть проблемы. Оказывается, заседание приёмной комиссии уже закончилось ещё вчера. И меня в списках зачисленных не оказалось. Выслушав внимательно мои чаяния и приняв во внимание, что это вина своих нерадивых сотрудников, меня заверили, что я буду зачислен на основании отдельного приказа. Так и случилось, слава Богу, обошлось. Меня зачислили в студенты ТИСИ заочного отделения.

На двух должностях

Учёба моя затянулась в этом институте аж на восемь лет, с двумя академическими отпусками – с 1980 по 1988 год. Связано это было с рядом обстоятельств как производственных, так и семейных.

В августе 1980 года наш начальник Мельников А.А. уволился в связи с переходом на другую работу. Произошла и у нас структурная перемена. ПДУ получил статус ДРСУ. Вместо Мельникова пришёл Якушкевич. В феврале 1982 года он-то и предложил мне вновь занять должность главного инженера хозяйства (теперь уже ДРСУ – дорожно-ремонтно-строительного управления). А сам в сентябре того же года уволился, оставив вместо себя исполняющим обязанности начальника ДРСУ меня. Так я и оказался фактически одновременно на двух должностях. И целый год проработал таким образом. Было очень трудно и напряжённо.

Своей должности главного инженера я не хотел отдавать никому – как-никак был уже неплохой опыт, ко всему – я уже и учился заочно в институте на третьем курсе. Два раза в год я выезжал в Томск на сессии, отчитываясь посеместрово и за курс учёбы. Вместо себя оставлял опытного и ответственного мастера Филатенко Петра Герасимовича.

Вышестоящие инстанции я просил, чтобы сюда направили работать начальника ДРСУ. Вот и подбирали они подходящую кандидатуру ровно год.

Семейная потеря

А перед очередной моей зимней сессией, 18 января 1983 года, у нас случилось несчастье. Жена Люба была в положении,

мы ждали появления на свет второго ребёнка – примерно через месяц-полтора. Не дожив положенного срока, Люба родила недоношенного, преждевременно. Это была девочка, которую мы назвали Наташей. И всё вроде бы было хорошо. Люба даже успела даже покормить ребёнка утром и в обед. Мы с мамой и отчимом уже было принялись отмечать рождение их очередной внучки. А перед этим я решил посетить роддом. Прихожу, а Люба вся в слезах ходит по коридору и ревет. Наша новорождённая в это время уже была в реанимации, врачи возились с нею, борясь за её жизнь. Выходить не смогли. Умерла наша Наташа. Я был в шоке: как же так?! Всё же, вроде, было уже нормально... И тут такое... Было нам всем непонятно...

Уже месяца через два кто-то из медицинского персонала проболтался втихушку, что будто бы Наташу выронила из рук медсестра, которая разносила новорождённых по палатам для кормления матерям. Наложила та медсестра детишек, как поленья в беремья на одну руку, а Наташа – возьми, да и выскользни из рук, упав на головку...

Одевать нашу доченьку тогда ходили в морг райбольницы тёща с мамой (обе бабушки). Когда одевали её, мама ещё обратила внимание на то, что бочок у неё был и правая сторона головки, как будто синие, ушибленные... Обрядили её в распашонку, ползунки, запеленали во фланелевую пелёночку... Похоронили на Куйтунском кладбище в маленьком гробике. И лежала она такая кроха, остроносенькая, похожая на Любину родню...

Все мы очень переживали эту трагедию, в том числе, и шестилетняя Лена, которой очень хотелось иметь сестричку.

Немного мистики в этой связи. Когда собирали Наташу в последний путь, то от фланелевой пелёнки оставался небольшой лоскуток. Вот мама и положила его, свернув, под головку девочки. Проходит некоторое время, и ей снится сон. Будто бы она пришла на кладбище, ходит и ищет могилку Наташи. И вдруг, будто бы слышит чёткий детский голосок: «Баба, я здесь, иди сюда...» Мама будто бы обернулась и увидела стоящую кроватку, а в ней лежит Наташа. Мама тогда и говорит: «Так вот ты где, миленькая моя. Поди, мокренькая вся лежишь? Поди, перепеленать тебя надо?» А сама ещё и думает: «Так я же оставляла тут ещё чистую и сухую пелёночку». Будто бы достала ма-

ма тот лоскуток, перепеленала её и говорит: «Ну, вот, ладно. Оставайся здесь, а я пойду». А она ей: «Баба, не уходи, останься, побудь ещё со мной...» «Нет, Наташенька, не могу я тут оставаться. Меня же дома ждут...» Этот сон мама почему-то помнит до сих пор и иногда рассказывает его...

Ох, уж эти сессии...

А вскоре после похорон я уехал на сессию в Томск, как раз накануне своего дня рождения. Признаться, пока учился в институте, мне почти не удавалось отметить свой день рождения дома. Бывало это всегда как бы мимоходом. В лучшем случае, удавалось на часок забежать к своему школьному другу Коле Панфилову, который жил в Томске по улице Яковлева, по пути следования от учебного корпуса института и до общежития. Там я выпивал стаканчик-другой его настойки, которая, похоже, у него никогда не переводилась. А компанию мне чаще всего составляла его жена Нина. Сам Николай выпивал редко – шоферил, и всякий раз надо было перед рейсом проходить медосмотр.

Что ещё. Приезжая на сессию, я почти каждый раз тут заболел. Видимо, я уже приезжал с первыми симптомами болезни и простуды. Обычно, уезжая на сессию, мне приходилось в Куйтуне подолгу ожидать рейсового автобуса на железнодорожный вокзал. Тёплых остановок там не было. А в Куйтуне в январе обычно бывает не только холодно, но ещё и очень ветрено. За это время я успевал основательно продрогнуть и проморозить ноги. И, приезжая в Томск, уже на следующий день я чувствовал, что заболела гриппом или ОРВИ. И так тянулось почти всю сессию. Лечиться было некогда. Надо было интенсивно готовить контрольные, курсовые работы и проекты (дома то у себя в Куйтуне на это времени не оставалось). Ходить на лекции, готовиться к текущим семестровым и курсовым экзаменам. Время от времени накапливались у меня «хвосты», не укладываясь в отведённые для экзаменов и зачётов сессии. Однако, меня переводили на очередной курс, с учётом, что я в следующую сессию непременно сдам все задолженности.

«Разбор полётов»

В конце августа 1983 года ко мне в ДРСУ пожаловало «высокое начальство» – в лицах: представитель Иркутского Автодора, Председатель Райисполкома Волощенко, 3-й секретарь Райкома КПСС Кривохижин и иже с ними... И, как теперь принято говорить, устроили они мне «разбор полётов», или настоящую головомойку с разносом!

Видимо, было всё же за что.

Выполнение плана строительных и ремонтных работ из квартала в квартал оставляло желать лучшего. Неудовлетворительно обстояло дело и с отработкой предприятиями района Указа от 7 апреля 1959 года. Согласно этому Указу ВС РСФСР все организации и предприятия района обязаны были отработать на ремонте или строительстве автодорог региона, ежемесячно выделяя на эти цели автотранспорт и иную дорожно-строительную технику. В том числе, обязаны были помогать и строительными материалами. Те же учреждения, которые не имели такой возможности, должны были выделять ежеквартально денежные средства на спецсчёт ДРСУ.

В большинстве случаев этого не делалось, или делалось с большим запозданием и не полностью. Всякий раз, когда на заседании райисполкома слушался этот вопрос, я докладывал о его состоянии, зачитывая в списке руководителей тех организаций и предприятий, которые не выполняли своих обязательств. Среди таковых оказывались руководители колхозов и совхозов, иных организаций района. Отмеченные в «чёрных списках», изворачивались как могли, обещали исправиться... Но на этом обычно всё и заканчивалось до очередного разбирательства. И за всё время не припомню, чтобы кого-то из них наказали или оштрафовали.

Когда же при «разборе полётов» затронули эту тему у нас в ДРСУ, я не сдержался и выложил «высокому начальству» всё, как оно есть на самом деле. Накатывал я и на Председателя Райисполкома Волощенко, дескать, вы-то хоть раз чем-либо помогли нам?! Вы-то хоть чем-то нас поддержали, потребовали от руководителей?! Выходит, теперь, что я один во всём виноват! А то, что я чуть ли не каждый день и звонил по этому вопросу, и писал служебные записки с докладными, ставя вас в известность – это как теперь расценивать?!

Увы, насколько оказалась права басенная мораль дедушки Крылова о волке и ягнёнке: «У сильного всегда бессильный виноват» и «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...» Все просчёты ДРСУ были навешаны на одного меня. И меня сняли с должности начальника ДРСУ, оставив при этом должность главного инженера...

С новым начальником

К нам прислали нового начальника, года на два моложе меня, но окончившего институт. Им оказался своенравный бурятёнок из Еланцев Ольхонского района. И фамилия у него была Фомин... Надо же, как «везёт» мне на Фоминых. Один такой Фомин меня отчислил из студентов института культуры. Теперь нарисовался другой Фомин, работа с которым у меня сразу не заладилась. Всё, что было мною приобретено за год и хранилось на складах, теперь оказалось в полном его подчинении и ведении. И выдавались материалы и оборудование исключительно с его ведома и разрешения. Меня это крайне злило и раздражало. И разговоры, точнее споры с ним, нередко переходили на маты.

Наши взаимоотношения не нравились и новому начальнику. Об этом он стал докладывать в Автодор. И дошло до того, что явно возник вопрос о моём увольнении. Психологическая несовместимость и гонор нового начальника были тому причиной.

Шёл декабрь 1983 года. Сменяющиеся старцы руководства страны начинали понимать, что с нашей экономикой что-то неладно. Надо было искать новые подходы к организации и ведению хозяйства страны в целом – через реорганизацию экономических составляющих конкретных предприятий. Это и послужило толчком для перехода многих организаций на хозрасчёт. Не остался в стороне от этого веяния и наш район.

Переход в новую организацию

На станции было создано новое хозрасчётное предприятие ХДСУ – хозрасчётный дорожно-строительный участок, совершенно не имеющий никаких отношений к нашему ДРСУ. Его начальником был Пахолко Николай Николаевич, который стал частенько заезжать к нам, интересуясь делами.

Инженером в ХДСУ работал Колосовский Николай Николаевич, с которым у меня были неплохие, даже дружеские от-

ношения. Обстановка с моим начальником накалялась день ото дня. Меня уже сильно тяготила работа с ним. Вот я и предложил Колосовскому с Пахолко, дескать, заберите меня к себе, а то ведь с Фоминым мне тут долго не проработать...

Пахолко ухмыльнулся понимающе и отреагировал: «Ладно, я что-нибудь придумаю. Тулун мне обещал должность прораба...»

Эта организация, занимающаяся дорожно-ремонтными работами на подрядах. Подчинялось она непосредственно Тулунской ДПМК.

После нового года в связи с пересмотром штатного расписания в Тулунской ДПМК, ввели должность прораба в ХДСУ, о чём Пахолко тут же проинформировал меня. Недолго думая, я написал заявление об увольнении из ДРСУ – переводом на новую работу и должность прораба.

10 января 1984 года я уволился с прежней работы. Честно говоря, жаль было расставаться с коллективом, с которым я проработал около восьми лет. К тому же, на новой работе не было даже своей конторы, была очень слабой материально-техническая база. Правда, хотя и не было там своих гаражей, зато дорожно-строительной техники было много, и работать там мне было интересно.

А уже с апреля этого года нас отделили от Тулунской ДПМК и наш участок стал самостоятельным. Нам была выделена территория на окраине станции, за переездом, в сторону Лермотнова. Там предстояло строить новую базу – с конторой, гаражами, общежитием, подсобным цехом и котельной. За те двенадцать лет, что я там проработал, всё это было реализовано. Была построена нами даже целая улица Солнечная, в дома которой вселялись только наши дорожники. Квартиры получали наши итээровцы и рабочие, проработавшие в ХДСУ не менее года. Была возможность и мне получить там новую квартиру, однако Люба категорически отказалась от переезда с нажитого места.

Рождение сына. Первый академотпуск

28 декабря 1983 года у нас в семье произошло знаменательное событие – **родился сынок**, которого мы называли **Алёшей**. На выбор имени сказалось желание нашей дочери Лены.

Мы до последнего дня не знали, кто же родится у нас на сей раз, никаких УЗИ тогда ещё не применялось при определении пола вынашиваемого ребёнка.

Таким образом, **родился продолжатель рода Арнаутовых.** У брата Виктора к тому времени были две дочери – Ярослава и Настя, родившаяся летом 1982 года. Наши сёстры Таня с Раей вышли замуж, сменив и фамилии. У нашего дяди Толи тоже в живых были только две дочери, сын его Гена, как я уже писал, умер при переезде их в Молдавию ещё летом 1961 года. Так что наш Алёша явился полноправным и пока единственным продолжателем рода деда Фёдора и нашего отца Степана Арнаутовых.

Мы все были очень рады этому событию! Я написал об этой радостной весте всей родне. А Любе пришлось этот новый год встречать в больнице в родильном отделении. Новый год и рождение сына мы отмечали очень радостно – с мамой, отчимом и дочерью Леной.

На дворе стояли сильные морозы и мне приходилось изрядно кочегарить печь в нашем доме лиственничными дровами, особенно к приезду из больницы Любы с сыном.

Сыночек наш с первых дней рос беспокойным, часто плакал – днём и ночью. А тут подоспело время моей очередной зимней сессии, уже за третий курс. К этому времени мы уже обзавелись своим личным хозяйством: была корова, парочка поросят, куры. И когда я заикнулся, что мне надо ехать на сессию, Люба отреагировала: «Никуда не поедешь! Ни на какую сессию я тебя не отпущу! И как ты представляешь всё это: дом, корова, маленький ребёнок на руках, да и Лену надо проводить и привести из садика?.. Нет, не поедешь!»

Что мне оставалось делать в этом случае? Жили бы с нами вместе мама с отчимом, или хотя бы поближе от нас, а то ведь в другом краю села... Я написал в институт письмо с заявлением о предоставлении мне академического отпуска, изложив все обстоятельства. А вскоре выслали письмом же Приказ о предоставлении мне академического отпуска.

Смерть отчима, гости мамы

В марте 1982 года мы отметили нашей маме 50-летие, и ей, как труженице севера, была уже положена пенсия. На юбилей съехались тогда все её дети, уже со своими мужьями и детьми. Весёлым и многолюдным оказался тот мамин юбилей. Грустным оставался лишь Степан Александрович, завидовавший нашей маме. Мы пытались его утешить, дескать, и на его юбилей приедут его родные дети...

Однако, он как чувствовал, что такому не случиться. Работал он сначала в пожарной части, потом перешёл ночным сторожем в райвоенкомат. А днями в свободное время ещё и подрабатывал. При этом стал Степан Александрович всё чаще прикладываться к хмельному и веселящему напитку, ставя уже и свою брагу и не давая ей как следует выродиться. Начала побаливать его печень от такой нагрузки.

А тут ещё напасть. Надумал он перекрыть высоченные старые сени и, разбирая крышу, неловко оступился и упал с высоты. Был сильный ушиб, если не перелом рёбер. По больницам ходить он не любил, пустил всё на самотёк. Видимо, не прошло это всё ему бесследно. Стала сильно побаливать печень. К тому же, ещё и парез лицевой приключился...

Зимой 1986-87 года он стал всё чаще болеть и жаловаться на свою печень. Дошло дело до стационара в больнице. И, как говаривала мама, печень свою он пропил... В феврале 1987 года его не стало. На похороны съехались все мамыны дети, кроме меня – был на сессии. Сообщали и его родным – не приехали. Видимо, было далековато, да и были они сильно обижены, что он оставил своих и жил уже другой семьёй. С мамой они, правда, так и не были зарегистрированы. Несколько раз заходил разговор об официальном узаконивании их отношений. Но тут, похоже, возымело действие одно обстоятельство. Мы, дети, не были против их регистрации. При этом попросили маму и его, чтобы она после регистрации брака осталась на своей (нашей) фамилии. Степан Александрович обиделся, и зарегистрироваться они так и не решились...

Похоронили Степана Александровича рядышком с нашей новорожденной Наташей. Одной оградкой обнесли. Похоронив Степана Александровича, мама осталась одна в большом доме.

И вот стал он грезиться ей. То какой сон приснится, то будто бы видит и даже чувствует она, что он сидит за столом и курит, или даже ложится к ней рядом...

Как-то рассказывала она про такой сон. Будто бы пришла она на кладбище проведать Степана Александровича и, подойдя к его могиле, спрашивает: «Ну, как ты тут?» И будто бы он ей отвечает: «Так вот кажу мамо: нэма мени тут ни якого покоя, нянчусь с дитятками, плачут они часто. Наташе – хоть соску дам, и она замолчит, а тот – кричит и кричит...» Уже, толкуя тот сон, мы вспомнили, что в гробик Наташе мы и впрямь положили соску-пустышку. А рядышком с нею был похоронен чуть ранее полугодовалый мальчик наших знакомых Шинкевичей...

А летом того же года к маме понаехали гости, целой оравой: Виктор с женой и детьми, Татьяна со своими двойняшками и даже Рая – с детьми и деверем (Голевым Анатолием – младшим братом Михаила). Хлопот и забот тогда доставили нашей маме немало, но она никогда не показывала даже и вида, что это ей в тягость. Всегда была очень приветлива и гостеприимна. На память о том лете у мамы в Куйтуне остались фотографии, где она, счастливая, сидит в окружении всех четверых детей и семерых внуков (не было только одной Ярославы). От той поры, точнее, лета, у всех нас остались самые тёплые и яркие воспоминания.

Ещё одна тяжкая потеря

На тех фотографиях лишь и осталась младшая трёхлетняя дочь Раисы с Михаилом – Валюшка – такая полненькая, сбитая, черноволосая, жизнерадостная... Доставалось от неё нашему худосочному сынку Алёше в их играх и забавах. Кто бы знал тогда, что не пройдёт и года, как её не станет... И та трагедия, потеря дочери, на всю жизнь останется незаживающей раной у Раисы с Михаилом.

В марте месяца 1988 года я уехал в Томск на заключительный этап моего обучения в ТИСИ. Сдавал экзамены за последний, шестой, курс и госэкзамен по научному коммунизму. Оставались написание и защита дипломного проекта.

И перед самой сдачей госэкзамена по научному коммунизму я вдруг узнаю от моих друзей Панфиловых, что наша сестра Раиса лежит в Томске в больнице с младшей дочерью Ва-

люшкой. Мне тогда и в голову не могло прийти, что тут что-то серьёзное. Сдав экзамены, я уехал домой дней на пять, чтобы потом вернуться и засесть вплотную за дипломный проект. А 12 марта узнаю, всё от тех же Панфиловых, что Валюшка Раина умерла. Это был настоящий шок! Сгорела она здоровьем буквально за пару месяцев. Как поставили диагноз, рак головного мозга. И это в четыре-то годика?!

Бросив все дела, уже вечером на перекладных автобусах я добрался до Зонального, где останавливалась Раиса у своего деверя Григория Голева. Туда же, бросив всё, приехал из Кемерово и брат Виктор. То, что всем нам пришлось тогда пережить, трудно передать словами... А у меня как перед глазами всё ещё стояла она в тот летний приезд в Куйтун.

Наша мама в это время находилась на курортном лечении в Усть-Куте Иркутской области. Сообщили телеграммой ей об этой трагедии. С большим трудом и она, не отбыв до конца, добиралась перекладными до нашей глухомани на похороны своей внучки. Едва успела, с самолёта – и прямо на кладбище. А у меня никак не прекращала вертеться в голове песня, которую летом любила напевать Валюшка: «На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу...»

Ехали мы тогда из Томска двумя машинами в ночь, везя нашу любимицу Валюшку уже в обитой красной материей последней «кроватьке». На «УАЗИке» приезжал за ней из Пудино друг нашего детства Толя Красножён, а из Томска на своём ЗИЛке» сопровождал нас мой друг Коля Панфилов.

Вот и осталась она навечно на том «берегу» Останинского бугра, хоть и не совсем одна – под «приглядом» (как и наша Наташа) своего деда Ксенофонта...

На дипломной черте

Вернувшись с похорон нашей племянницы, я основательно засел за дипломный проект. Каждый понедельник у нас был дипломный день, и нам нужно было являться на кафедру автодорог на консультации, где завкафедрой просматривал состояние проделанной над проектом работы, делая замечания и указания на дальнейшее. При этом даже выставлялась процентовка вы-

полнения работы. Я из-за указанных причин приотстал от своих сокурсников, и пришлось догонять их.

И вот к 6 июня дипломный проект был в основном готов, в завершении которого у меня даже были сомнения. Объём работы вылился в 11 чертёжных листов, выполненных на полномасштабных ватманах 24 формата (по-старому). К этому было приложено 160 страниц пояснительной записки! Днём защиты заведующий кафедрой назначил мне 14 июня 1988 года.

До её защиты мне пришлось ждать очереди почти целую неделю. Это было очень томительно и тревожно. Я бездельничал, а мои сокурсники, жившие со мной в одной комнате общаги, подтрунивали: «Сколько ты ещё будешь ждать своей очереди, лёжа на кровати и почёсывая свой живот?»

И вот, наконец-то настал день защиты проекта. И я успешно защитил его, получив оценку «хорошо». Мне никак не верилось, что все мои мытарства с обучением в этом институте (пришлось даже брать ещё один академотпуск) уже позади! Наконец-то я избавился от такого тяжкого морально-психологического груза! Ну, ладно, молодым – ещё куда ни шло... Но мне-то уже к этому времени стукнуло 35 лет...

Мытарства мамы

После похорон Степана Александровича мама осталась, как я уже отмечал, одна в большом доме Куйтуна. Управляться одной ей с этим домом приходилось трудновато. К тому же, одолевало её одиночество. Постоянные думы о своём гражданском муже, с которым она прожила, как и с нашим отцом, целых пятнадцать лет, не давали ей покоя. Вплоть до того, что она стала будто бы чувствовать его постоянное присутствие. Не долго было от этого, как говорится, и свихнуться. Все мы, а в первую очередь Виктор с Татьяной, советовали её продать дом и переехать жить к кому-либо из них.

Не хотела мама сначала решаться на это, а когда уже решилась – никак не получалось с продажей этого самого дома. Вроде бы намечалась сделка по продаже с покупателями, но в самый последний момент – расстраивалась. Как будто кто держал её там. Уж не Степан ли Александрович?

И вот однажды мама пожаловалась на это своей соседке Зое, которая и присоветовала ей сходить на кладбище, посетить могилу Степана Александровича и попросить у него опустить её с миром... Как бы то ни было, она последовала совету, и вскоре нашлись покупатели дома с усадьбой и всеми посадками. Помогла при этом с оформлением продажи и Люба, она как раз ведала этими делами будучи заведующей БТИ. Выправив все документы с куплей-продажей и получив деньги, мама решила переехать в Красноярск к дочери Татьяне с зятем и детьми, которые к тому времени получили четырёхкомнатную квартиру в новом доме по улице Крупской.

Когда я вернулся в Куйтун после защиты диплома и окончания института, мамы там уже не застал. Мне было нелегко на душе от её переезда. Я уже привык, что она была всё время рядом с нами, немало помогая нам в трудные минуты с детьми, по заготовке и консервированию овощей, грибов, ягод... Мы едва ли не ежедневно навещали её, а наши дети чувствовали себя у бабы едва ли не как у себя дома. Обычно ездили мы к ней на мотоцикле с коляской. Десяти минут вполне хватало, чтобы доехать до её дома.

К тому же, как сын, я ощущал вину перед мамой, особенно за то, что пришлось расстаться с ней ещё тогда, в первые годы переезда. Ведь по сути, она из-за меня сюда перебралась из своего Пудино. Да и теперь, после того, как она осталась одна, можно было бы взять её к себе. Но тому всегда противилась Люба, не желая жить вместе...

С дипломом высшего образования

К окончанию института я снова был на должности главного инженера. И, видя моё отношение к работе, и немалый накопленный опыт руководителя, мне предложили в Иркутске должность главного инженера Нижнеудинского завода железобетонных изделий. Я заинтересовался этим предложением. И уже, было, дал согласие. Но, узнав о таком повороте событий, а надо было ещё и поменять местожительства, Люба сказала своё категорическое «Нет!» Тем более, из Куйтуна она никуда переезжать не хотела, несмотря на предлагаемые льготы. Все мои доводы в пользу переезда в Нижнеудинск и смены места рабо-

ты, она отвергала напрочь. Делать она это умела, проявляя всегда и во всём свой характер.

А в это время в стране нашей ко власти пришёл молодой Генсек Горбачёв со своим «новым мышлением» и «перестройкой». Всё чаще и чаще можно было слышать о переходе хозяйств на самоокупаемость и самофинансирование. Стали поговаривать и о переходе к рыночным отношениям. А после того – и к приватизации. До этого времени ни о какой приватизации мы и не слыхали, как и о чубайсовских ваучерах. Даже и слов таких не слыхивали. По существу, всё это означало переход от государственной собственности к частно-капиталистической. По сути дела – возврат лет на шестьдесят обратно в капитализм.

По телевизору показывали бесконечные дискуссионно-спорные выступления наших новоявленных нуворишей и партийных лидеров, не согласных с курсом перестройки. И трудно было даже разобраться в том, кто прав, а кто виноват. Это лишь спустя много лет, когда мы поначалу и не поняли, как произошла смена не только власти, но и всей экономики, стали разбираться, что к чему, и как ловко всех нас одурачили...

Надвигалось «смутное время» и преддверие распада СССР. И на нашем горизонте замаячила приватизация нашего ХДСУ. В стране было состояние тотального дефицита. Была введена талонная система, за что Горбачёв получил несколько народных прозвищ: к «ппрорабу перестройки» добавились «меченый» и «талон колбасный»

1989 год принёс нашей стране и истории начало краха и развала некогда могущественного государства. Толчком к этому послужили забастовки шахтёров Кузбасса, начавшиеся в июле.

А в это самое время брат Виктор решил с женой и младшей дочерью Настей навестить наших родичей в Молдавии и на Украине. О поездке, и о том, как их там принимали, он отзывался в самых восторженных тонах.

Поездка в Молдавию. Дорога

Меня уже давненько доставала мысль: съездить ещё хотя бы разок и навестить своих родичей в Вулканештах и во Владичени, которых я уже не видел 16 лет. Хотя бы глазком глянуть на территорию нашей части, где пришлось служить два года в

ВДВ. Ну, и показать своим детям: как там живётся, как тепло, поесть свежих фруктов прямо с деревьев, покататься в тёплом лимане, попить настоящего домашнего сухого вина – прямо из дубовых бочек, стоящих в подвалах дяди Толи и деда Вани... А тут ещё Виктор, со своими впечатлениями от поездки... Вот мы и надумали съездить туда летом следующего, 1990 года. В двадцатых числах мая мы уже отсадились в огороде и огородчике: 9 соток картошки, высадили огурцы с помидорами, всякую мелочь. Кроме огорода у нас было и хозяйство из животных: дойная корова, свиньи, куры...

А в середине июня наша дочь Лена, окончившая к этому времени уже семь классов (перескочив сразу из пятого в седьмой), с нашего согласия в составе группы школьников отправилась в туристическую поездку по путёвке на поезде «Иркутск – Москва-Ворошиловград». Этой поездкой Лена осталась очень довольна. Ей посчастливилось побывать в Ворошиловграде (ныне Луганск), в Краснодаре – непосредственно на том месте, где были замучены в годы войны молодогвардейцы.

Мы дождались, когда вернётся Лена, а на хозяйство решили вызвать из Красноярска, на время поездки, маму. Помимо скотины надо было ещё ухаживать и за огородными растениями, едва ли не ежедневно поливать грядки с огурцами и помидорами. Дожди в это время обычно в Куйтуне бывают очень редко. Мама приехала с внучкой Олей – дочерью Тани.

Сыну Алёше шёл седьмой год. И вот, даже не поставив в известность наших родичей, 3 июля мы отправились поездом из Куйтуна, в купейном вагоне до Харькова. Семнадцать лет назад я ехал этим же маршрутом (правда, только от Новосибирска) на службу в армию. Четверо суток заняла у нас теперь поездка до Харькова. По местному радио, едва ли не все четверо этих суток, крутили эстрадные песенки в исполнении модной в то время певички Марины Журавлёвой. Уже и наизусть все повыучили её шлягер – «Ах, черёмуха белая, сколько бед ты наделала...»

В пути следования наши соседи по купе, чтобы поддерживать разговор, как-то поинтересовались у Алёши: «Мальчик, а куда ты едешь с мамой и папой?» Тот с гордостью ответил: «В Молдавию! К деду Толе». «А как же ты там будешь разговаривать с ним? Ты молдавский язык-то знаешь? Там ведь надо бу-

дет по-молдавски разговаривать». «Знаю, – отвечает сын. – Меня папа научил». «А ну-ка, скажи нам что-нибудь по-молдавски». И Алёша бойко так начинает им: «Уно, доу, трэй, патру, чинч, шасе, шапте...» «У-у-у, какой молодец! Теперь мы и вправду видим, что ты умеешь говорить по-молдавски... Можешь ехать спокойно...»

В пути следования до Харькова я был постоянно озабочен ещё и тем, как нам добираться из него до дяди? Через Одессу поездом? Не так-то просто может оказаться с билетами – летний сезон отпускников в самом разгаре. И уже на подъезде к Харькову у нас была сделана остановка в Георгиу-Деже. Вот там-то я и увидел, что на соседний путь подошёл поезд «Новосибирск-Одесса». Я тут же смекнул, как хорошо бы сразу сделать в Харькове пересадку на него... И всё выглядывал, не обгонит ли он нас. С нами тогда ехали ещё двое молодых – парень с девушкой, и им тоже надо было в страну Одессы.

На вокзале в Харькове к кассам было столько народу, сколько мне ещё никогда и видеть не доводилось. Потолкавшись у касс, мы поняли, что до Одессы нам в лучшем случае продадут билеты на поезд, идущий дня через два. Это нас никак не устраивало. И мы по совету опытных и бывалых пассажиров решились на авантюру: попробовать договориться с проводниками и сесть без билетов, хотя бы в общий вагон поезда, который я высмотрел заранее.

Потолкавшись на перроне и отыскав общий вагон, мы стали проситься у проводников взять нас без билетов. И, кажется, нам это удалось. Два проводника, мужчина и женщина, пообещали посадить нас перед самым отправлением поезда. И наконец-то мы оказались в поезде в общем вагоне, переполненном пассажирами. Но это было уже не так важно, главное, что мы ехали, а не сидели в ожидании на вокзале. Проводниками оказались хохлы, а они более сговорчивые, чем наши проводники. Взяли вместе с нами и тех двоих наших прежних попутчиков.

Проехав Полтаву и Кременчуг, я попытался отыскать в этом поезде свободные места в плацкартном вагоне. И мне повезло, хотя и не сразу, а пройдя почти половину вагонов поезда. Перебравшись, мы ехали уже в плацкартном вагоне, и с нас даже не взяли лишнего, а оплатили мы только стоимость плацкартных вагонов от Харькова и до Одессы.

Уже утром 8 июля мы были в Одессе и решили заблаговременно позаботиться об обратном пути, взяв предварительно билеты на самолёт где-нибудь в городской авиакассе. К сожалению, нам не удалось погулять по городу, а так хотелось пройти по знаменитым историческим местам: Дерibasовской, Решильевской, Молдаванке, Малой Арнаутской, Пересыпи; подняться и спуститься по знаменитой Потёмкинской лестнице, окунуться в Чёрном море, на пляже Аркадии...

Выйдя на остановке, мы обратили внимание на пятиэтажный дом, в котором на балконе второго этажа рос виноград. Лозы, вьющимися и спадающими лианами, с крупными уже наливающимися гроздьями винограда выглядели очень привлекательно и маняще. Это было небывалым зрелищем для Любы и Алёши. Такое они видели впервые в жизни. Дойдя до авиакасс, мы собирались взять билеты на самолёт до Новосибирска, погостив у дяди недели две. Увы, на эти числа все билеты были раскуплены, и нам предложили свободные уже на 17 июля. Так что выходило у нас совсем мало времени, чтобы погостевать тут основательно и подольше. Деваться было некуда, и мы решили взять билеты на это число. Я заказал два взрослых билета и один детский. А когда получил их на руки и рассчитался за них, Люба и говорит мне: «А чего это ты тут выпендриваешься? Заговорил по-хохлацки?» В ответ я сказал, что так надёжнее, не следует выделяться среди хохлов и молдаван, пусть думают, что мы тут свои – украинцы или модаване...

В тот же день мы перекладными автобусами наконец-то добрались до Болграда, а затем и до Вулканешт. Правда, весь путь от Болграда и до Вулканешт нам с Любой пришлось ехать стоя, а Алёшу взяла себе на колени какая-то женщина-молдаванка. И Алёше было интересно наблюдать, как тут пассажиры разговаривают между собой на молдавском и гагаузском языках.

У дяди Толи в Вулканештах

До дома дяди Толи мы добрались уже после обеда, часам к четырёх пополудни. Все родичи оказались в это время дома. А к моей радости, там оказалась ещё и двоюродная сестра Раиса с дочерью Наташей и сыном Сашей, приехавшая накануне из Москвы. Встретили нас они радостно, совсем не ожидая нашего

приезда. Тётя Наташа стала суетиться, собирая на стол, что Бог послал, а я достал гостинец для них – кедровые сибирские орехи. Пожалуй, для них это было самым дорогим лакомством и напоминанием о Сибири, в которой прожили они столько лет.

А нам в ответ предложили они свои грецкие орехи, которые я с удовольствием колол и угощал ими Любу с Алёшей. После забавы с орехами дядя Толя, как и прежде, пошёл показывать своё хозяйство и усадьбу, которые за это время изрядно изменились. При этом, что-то осталось и на прежнем месте. За домом повывросли новые фруктовые деревья и кустарники. Жаль, что большинство фруктов к этому времени были ещё недостаточно зрелыми. Неурожайным оказался этот год и на вишни с абрикосами, поскольку весной, в пору цветения, их прихватило заморозками.

А к нашему приезду дядя Толя – как чувствовал или знал о нём, заготовил необходимое количество железобетонных столбиков под виноградные шпалеры, надеясь заменить ими старые, деревянные из акации, уже подгнившие от земли. Вот и занимались мы с ним заменой этих столбиков по периметру огорода, регулярно, минут через пятьдесят, спускаясь в подвал, выпивая по стаканчику самодельного вина из дубовых бочек. И так было до самого обеда. После обеда, во время самого солнцепёка, мы уходили в прохладу дома, ложась отдохнуть.

Кстати, пробуривая землю под ямки для столбиков, порядка метра глубиной, я обратил внимание, насколько она абсолютно сухая и твёрдая. И всё удивлялся: откуда тут могла взяться влага, питающая соками виноград и прочие фруктовые деревья?

Женщины в это время занимались своими делами, а ребята бегали по ограде и играли, но тихонько, чтобы не потревожить наш сон. Нередко Алёша срывал с яблони яблоко, кусал его и тут же выплёвывал недозревшую твёрдую и кислую фруктовую плоть. То же самое Алёша с Сашей (Цуриком) проделывали и с виноградом. Спелыми к этому времени оказывались лишь вишни с абрикосами, но их в этом году поблизости почти не было. И самая первая ягода – черешня, уже успела отойти. За это дядя Толя сердился на ребятшек, не разрешая портить ещё незрелые плоды.

И лишь на базарчике, который нередко посещали Рая с Любой, удавалось прикупить и принести домой спелые плоды, которыми охотно лакомились не только ребяташки, но и мы.

В один из дней по моему настоянию мы выехали все вместе во Владичень навестить родню. Раньше телефонов не было, тем более, сотовых. Вот и явились мы туда без предварительного сообщения, как снег на голову. Помимо дяди Толиного «Москвича» подключили по договорённости ещё одну машину, чтобы доставить всех нас во Владичени.

Постаревший чичу Ваня никак сначала не мог понять, кто же приехал к ним, думал даже, что это Виктор, который был там до нашего визита год назад. Дядя Толя стал толмачить ему на болгарском: «Това е по малку-то, по малку-то Вова, – показывая на меня. – Ни е Витя...» Подзабыл меня чичу Ваня: как я гостевал у них во время моей службы в армии, да и после дембеля, а тётя Юля всё оставляла меня, надеясь тут подыскать мне и невесту... А когда пригляделся, да дядя Толя растолмачил ему, что это я служил в их местах и бывал в гостях – замахал руками, как будто признавая, глаза заслезились...

Старенькая баба Дора с тётей Юлей засуетились стол накрывать для гостей. Тут же рядом, смотрю, крутится с маленьким ребёнком на руках молоденькая девушка, незнакомая мне. Оказывается, это была жена Володи, сына дяди Миши, уже отслужившего армию. А его-то самого я видел ещё четырёх-пятилетним пацанчиком, спрашивавшим у меня с Витой, почему это слон ложится? Увы, ни дядю Мишу, ни Володю повидать нам не довелось, уехали они по делам как раз в это время в Одессу – покупать какой-то грузовой автомобиль. Теперь уже нет в живых ни дяди Толи, ни дяди Миши, ни деда с бабой. Одна лишь тётя Юля ещё жива, проживая в одиночестве в опустевшем и некогда таком гостеприимном доме...

А тогда было много разговоров и воспоминаний. Рассказывали и мы про свою жизнь в Сибири, про свою работу и про наших близких родственников. Интересовались они и судьбой нашей мамы...

Побывать во Владичени, да не покупаться в лимане (или озере Ялпуг)? Вот и мы, затарившись фляжкой с вином и закусками, подались пешочком, во главе с дядей Толей. Шли не очень долго до его облюбованного места. Расположились под тенистым деревом. Было очень жарко. Раиса с ребяташками и Любой подались к воде, искупаться и похлопать. Меня особо

в воду не тянуло, но приняв с дядей Толей ещё по стакашку вина, подались к воде и мы с ним. Дно в том месте было илистым, с множеством мелких колющихся обломков ракушечек. От этого было не совсем приятно голым ногам...

Накупавшись, заспешили обратно. Надо было ещё и не опоздать на автобус, который шёл в Вулканешты через Болград. По пути мы ещё раз навестили чичу Ваню, затарившись у него спелыми абрикосами... Простившись с дедом и бабой Дорой, подались на автостанцию, проводить нас до которой собралась лишь тётя Юля.

Мог ли я тогда подумать, что это посещение моих родных и родины предков окажется для меня последним? Что я никого из них больше не увижу? Чичу Ваня ушёл из жизни через три года, в 1993 году, прожив при этом едва ли не 85 лет. Нет в живых и дяди Миши, которого в тот раз так и не удалось повидать. Нет и бабы Доры, которая в годы войны спасла от расстрела своего мужа. Никогда уже не встретиться с дядей Толей и сестрой Тамарой, да и вряд ли уже когда-либо доведётся побывать в том гостеприимном доме в Вулканештах.

В Болграде

Конечно же меня, как магнитом, тянуло и в Болград, где прошли два моих года армейской жизни. На следующий день после визита во Владичень, 15 июля, мы с Алёшей решили съездить в Болград. Мне было интересно, насколько за это время всё там переменялось. Хотелось попасть на территорию части. Увидеть, стоит ли наша казарма? Остался ли кто там служить из наших офицеров?

Приехав утром автобусом в Болград, я первым делом направился к своей бывшей части, которая в моё время обозначалась как в/ч 52432. У КПП, как и положено, дежурили десантники во главе с сержантом. Одеты они были уже в новую камуфляжную форму, для меня непривычную. Подойдя к сержанту, я рассказал ему, что приехали мы из Сибири, что я служил здесь семнадцать лет назад – в то время этот сержант ещё только родился, и испросил его разрешения пройти в расположение части. Сержант отнёсся к этому с должным пониманием и пропустил меня с Алёшей на территорию.

Здание КПШ было тем же самым, что и при мне. Всё там же стояли штаб полка и казарма второго батальона. Всё остальное было уже малоузнаваемым или вообще новым. Появилось новое трёхэтажное здание – полковой артиллерии. Нашей казармы на месте не оказалось, её снесли. И мне стало очень трудно даже ориентироваться здесь.

Мы с сыном приостановились возле одной из трёхэтажных казарм, где столпились несколько десантников. К нам подошёл прапорщик, который проходил здесь ещё действительную службу в 1978-1980 годах и остался на сверхсрочную. Из разговоров с ним я узнал, что из знакомых мне офицеров остался здесь лишь один майор Войленко, служивший в мою бытность командиром батареи 120-миллиметровых миномётов в звании старшего лейтенанта. Прапорщик рассказал мне, что кое-кто из наших даже воевал в Афганистане. Не получилось выяснить мне, тем более, повидаться с моими командирами – взводными Семёновым и Барановым, комбатом Кукшиновым. К настоящему времени в этом полку служило всего полторы тысячи служащих, в то время, как в мою бытность было две с половиной тысячи.

Видя на камуфляжах десантников весьма скудное количество значков, я поинтересовался, почему их так мало? Прапорщик ответил мне, что теперь в хозчасть почти не поступают значки, приходится солдатам самим доставать и приобретать их, особенно к дембелю. Мне захотелось приобрести комплект значков, и я попросил прапорщика продать комплект. Тот, появившись, ответил, что есть у него запасной комплект, но только без значка парашютиста. Отдав прапорщику десять рублей и поблагодарив его за это, я стал обладателем практически полного новенького комплекта армейско-десантских значков.

Кстати, этот комплект значков теперь находится на моём камуфляжном лейтенантском кителе, в котором я всякий год выхожу на встречу десантников в День ВДВ 2 августа в Красноярске, в парке Горького. А недостающий значок парашютиста с подвесками мне подарил зять Павел, тоже бывший десантник, старшина.

А с моей парадной формой, в которой я пришёл домой после службы, вышел казус. При переезде из Пудино в Куйтун, мама в обязательном порядке прибрала и привезла её мне. Она

висела у нас в шифоньере. И раз в году, на день ВДВ, я обряжался в неё. А незадолго до гибели брат Любы Володя выпросил у меня эту парадку, хотя сам незадолго до этого отслужил в автомобильных войсках – покрасоваться перед друзьями. Я долго не соглашался на то, чтобы дать ему свою парадно-дембельскую форму, но всё же дал вместе с фуражкой. Да так больше и не увидел её. «Ушла» моя парадка. Как и сам Володя, который разбился в сентябре 1984 года на «Москвиче», не пропустив на перекрёстке трактор «Беларусь».

В общем, от поездки в Болград и посещения своей части, остались не совсем приятные впечатления. Видать, и вправду говорят, что дважды в одну реку войти невозможно...

Ещё несколько дней у дяди Толи

Припоминается один случай. Не смотря на то, что кормили нас тут всех хорошо, вскоре Алёше, не привыкшему к этой пище, захотелось картошки. Сезон уборки картошки здесь ещё не подошёл, но молодую уже всю подкапывали. Вот и наварили молодой картошки нам по заказу. А когда подали её на стол, Алёша со своей непосредственностью выдал хозяевам, что есть такую картошку он не будет: дескать, у нас такую только свиньям варят... Мы готовы были со стыда провалиться... А всё дело в том, что насколько там благоприятна почва и погода для фруктов с овощами, настолько она не подходит для выращивания картофеля, поэтому картошка рождается там мелкая и невкусная.

Вернувшись из Болграда вечером того же дня, мы вчетвером решили сходить (я, Люба, Рая и Наташа) в кино, в летний клуб. Подойдя к клубу, увидели, что рядом, на танцплощадке, идёт концерт местной художественной самодеятельности. Играл оркестр, в основном – темпераментные зажигательные молдавские мелодии и наигрыши. Образовав два круга, двигаясь навстречу друг другу, в центре площадки плясали парни и девушки в национальных ярко-красочных нарядах. Положив руки на плечи соседей, они так лихо и синхронно выделывали ногами выкрутасы, что зрелище это завораживало до восхищения. В Сибири такого не увидишь. Людей вокруг было так много, что нам не сразу удалось протолкнуться поближе к исполнителям. После этого стали танцевать зажигательный знаменитый парный танец «Сыр-

бу». Нам с Раей было видеть это уже не впервой, а вот Люба была от таких танцев просто под очень сильным впечатлением. Под конец концерта танцоры исполнили не менее зажигательный и популярный в то время латиноамериканский танец «Ламбада». Мы с сожалением покидали концертную площадку, сетуя на то, что не пришли сюда пораньше. Оказывается, в этот день был даже какой-то национальный праздник у молдаван и гагаузов.

Домой

Прогостили мы не долго, как-то уж очень быстро подошло время возвращаться домой. Дядя Толя проводил нас до автовокзала, и оттуда автобусом мы выехали прямо на Одессу.

И опять в Одессе не получилось побродить по городу – надо было спешить на аэропорт, не опоздать бы на самолёт.

Прилетев в Новосибирск, нам хотелось попроведать там родных – дядю Сашу, брата Володю с его семейством. Поколев по Новосибирску, мы не застали дома никого, все они уже были «на летних квартирах» в Абрашино, что находится в паре сотен километров от Новосибирска, на Обском море. Как говорится, не солоно хлебавши, мы вынуждены были на «Москвиче» какого-то частного добираться до железнодорожного вокзала. Там, взяв билеты на ближайший поезд, следовавший на восток и делающий остановку в Куйтуне, мы покатали обратно, домой.

Дома нас уже с нетерпением поджидали с подарками, с рассказами о поездке в Молдавию и встрече с роднёй. Подарки мы привезли, насколько позволяли это сделать авиаперевозчики. В основном это были свежие фрукты. И, конечно же, вино, в трёхлитровой банке. Вино это мы выпили с пришедшими к нам соседями и родственниками Любы – Ротановыми, отметив наше благополучное возвращение.

Время социально-экономического коллапса

Брат Виктор, как в воду глядел, предчувствуя скорые перемены и настаивая на нашей поездке в Молдавию. Так оно и случилось. Наше необъятное и трудноуправляемое государство с амбициозными вождями стремительно покатило в пропасть.

Уже через год в связи с августовскими событиями 1991 года, как будто бы остановились на мгновение у самого края про-

пасти. Но уже в следующем, 1992 году, нас настиг настоящий крах совершенно всего. А главное – того, к чему уже стали так привыкать – к нашему быту, системе ценностей, безоговорочно веря в светлое будущее и торжество, если и не коммунизма, то социализма – точно. А при окончании институтов всё ещё сдавали госэкзамены по этому призрачному «научному коммунизму». Одной из первых в этом отношении сдалась сама партия власти – «ум, честь и совесть нашей эпохи» и её Генеральный секретарь Горбачёв.

Приложил свою поганую руку к уничтожению СССР и политический авантюрист, а по большому счёту – крупный государственный преступник – Ельцин.

Вместо могущественного СССР появилось шитое на живую новую образование СНГ, в котором каждое «независимое» государство стремилось выскользнуть, урвав для себя кусок побольше.

Вот и внутри дееспособных совсем недавно хозяйств и организаций стало повторяться подобие, только в меньших масштабах. Безудержное разбазаривание и беззастенчивое растаскивание всего и вся стало повсеместным явлением, спекулируя на пресловутой приватизации.

С образованием СНГ свободное перемещение обычных граждан по его территории становилось проблематичным, было совсем недалёким то время, когда на въезд в какую-либо из стран СНГ требовалась уже виза и загранпаспорт. Да и в каждой из стран СНГ появились уже свои паспорта, упразднив некогда единый паспорт гражданина СССР. Даже валюта – и та стала в каждой стране своей, девальвируясь внешне, и теряя свой собственный вес от галопирующей инфляции.

Так было и в России, где деньги, наш весьма устойчивый рубль, в одночасье стали превращаться в бумагу. Инфляция набирала обороты невероятными темпами.

Я, работая на должности инженера ПТО дорожного филиала, не успевал каждый квартал пересчитывать сметы. В выполнении работ в каждом месяце применялись всё новые и новые индексы. От увеличения стоимости сокращались стремительными темпами и объёмы работ. Почти повсеместно вводился «бартер»: по принципу «ты мне – я тебе» – как правило де-

фицитом натурального товара (техники, материалов, оборудования, сельхозпродуктами и проч.).

Так, к примеру, наша дорожная организация, выполняя договорную работу по асфальтированию зерноскладов в каком-нибудь колхозе или совхозе за оговоренную сумму, в расчёте получала на эту сумму различные сельхозпродукты: зерно, мясо, молочные продукты и прочее.

Дальше получалось ещё хуже. От сокращения финансирования с каждым годом и отсутствия элементарных денег за выполненную работу, стали буквально разваливаться на глазах даже некогда крепкие хозяйства и организации. Коснулось это не только сельхозпредприятий, но всех остальных. И не только в нашем районе, но и по всей стране, сузившейся теперь до пределов Российской Федерации.

Многие организации совсем прекращали своё существование. Так, например, развалились Харикская ПМК, занимавшаяся мелиорацией, районная Агрохимия, «Сельхоз техника». Не был исключением и наш ХДСУ треста «Иркутскагропромдор». Я уже отмечал, насколько интенсивно в недавнее ещё время там строили свою техническую базу и даже целую улицу для своих рабочих.

Все эти хозяйства имели на балансах огромное количество различной техники, оборудования, цеха, материально-технические базы. Теперь всё это пускалось в буквальный смысле с молотка, как на каком аукционе. Причиной явилась пресловутая приватизация, во главе которой стоял ещё один бандит государственного ранга – рыжий Чубайс, с бесстыже-наглой физиономией и причёской главы Третьего Рейха. Вершиной этого мракобесия явился 1995 год.

А до этого, в 1993 и 1994 годах, наша организация ещё продолжала по инерции как-то работать. Правда, уже тогда наш начальник Н.Н. Колосовский, видя эту вакханалию, неминуемый хаос и полное разорение, стал устраниваться от своих обязанностей. «Править балом сатаны» вызвался тогдашний прораб-«азер» Давяев Рафик Акопович. По его инициативе была создана специальная комиссия, возглавить которую предложили мне, работавшему в ПТО. Совместно с ним и механиками нам предстояло определить перечень всего автотранспорта, подлежащего приватизации. А для начала было решено «протолкнуть» в тресте слу-

жебные автомашины. А для этого уже были намечены и кандидаты на приватизацию этих машин, минуя решение общего собрания, но ссылаясь, якобы, на его решения. Как говорится, там это «порокатило», и Рафик привёз Приказ на приватизацию всех пяти служебных автомашин. В состоянии эйфории все мы радовались такому «успеху», а если быть точным – авантюре. Машины распределились среди итээровцев. И – «гуляй, рванина»...

По предложению ответственных работников самого треста уже наметили и второй этап приватизации. Но, видя, как уплыли за бесценок машины служебного транспорта, стали возмущаться уже рядовые работники нашего ХДСУ. Дескать, а почему это всё досталось только итээровцам? Дескать, и мы тоже имеем право на приватизацию.

Собрали общее собрание. И теперь уже на основании его решения в список приватизационной техники были включены ещё семь единиц техники. А вскоре (лиха беда – начало) Рафик привёз из треста Приказ и на приватизацию этой техники.

Как говорят, аппетит приходит во время еды. Наметили уже и третий этап приватизации: растащить всё оставшееся. Вот тут уже и я не стерпел, до тех пор всё ещё проявляя свою порядочность и стыдливость. Будучи Председателем Приватизационной комиссии, заявил: «Как Председатель Комиссии протоколы подписывать не буду! Уже все итээровцы и даже простые рабочие приватизировали машины и прочую технику. Давай, Федя, (механик Дугин) и мне выделять хоть какую-нибудь, но только ходовую, а не из-под забора... Да вот, хотя бы и самосвал «МАЗ»...

К тому времени ещё многая техника у нас была на ходу, а были и вообще ещё новые, уходившие приватизационно в буквальном смысле за бесценок. Смотрю, вечером подъезжает ко мне домой механик Дугин и говорит: «Ну, что, Степаныч, возмёшь «МАЗ» 34-06? Он у нас пока ещё на ходу». Я ему: «Да мне хоть чёрта с рогами, но чтобы только на ходу был... Беру». А сам ещё и думаю: «Ведь у меня нет категории «С», чтобы на нём ездить. Правда, работать на нём я тоже нигде не собирался. Думаю, обменяю его при случае на что-нибудь, может, на легковушку какую подержанную... Больше всего мне тогда хотелось иметь своего «Жигулёнка».

Таким образом я стал обладателем восьмитонного грузового самосвала «МАЗ», который до этого стоял у нас в гараже без водителя, его водитель накануне уволился из нашей организации. В то время многие разбежались кто куда, подыскивая более стабильную и оплачиваемую работу.

После окончания рабочего дня я с Панкратовым Сергеем пригнал из гаража этот «МАЗ», поставив его дома в ограде, в которой он занял едва ли не больше половины места. Таким образом, в третьем Приказе о приватизации уже значилась и моя фамилия напротив автосамосвала «МАЗ» с номером 34-06. Оплата за приватизацию проводилась через бухгалтерию по остаточной стоимости, которая, конечно же, была в разы занижена. Этот самосвал обошёлся тогда мне в один миллион двадцать пять тысяч инфляционных рублей, что в пересчёте на мой заработок инженера составляло всего полтора месячных оклада... При расчёте на увольнение из этой организации, кстати для сравнения, мне было начислено порядка двух с половиной миллионов рублей.

Снова в ДРСУ

А уволиться из ХДСУ мне пришлось осенью того же, 1995 года. И я снова попал в свой ДРСУ, из которого ушёл двенадцать лет назад. Моего «злого гения» с фамилией Фомин в начальниках там уже не было. Приняли меня туда (опять переводом) на должность начальника ПТО (планово-технического отдела). В ДРСУ кое-кто оставался ещё из мне знакомых людей, с которыми довелось работать прежде. В первую очередь это касалось работников бухгалтерии.

К работе в ПТО я приступил со знанием своего дела. Сказывался и уже достаточно богатый опыт. Практически вся работа (от линейного мастера и до начальника) мною была постигнута уже непонаслышке. Не было лишним и то высшее образование, полученное в ТИСИ, к которому я стремился аж восемь лет...

Автомобильный бартер

Мой приватизированный «МАЗ», стоял в ограде, как памятник. Правда, летом мне удавалось всё же несколько раз выехать на нём из ограды. Один раз я ездил на нём привезти сено, другой раз – за картошкой на поле, три раза – за полевой клуб-

ником. А однажды, когда приезжал в Куйтун в гости Виктор с семьёй, мы ездили покататься на рыбалку в Андриюшино, посадив в кабину едва ли не восемь человек. И ещё два раза мы выезжали на Андриюшинские пруды с соседями Ротановыми – просто погулять и отдохнуть. Ездить, правда, приходилось нелегально – у меня не было прав на вождение этого грузовика. Но мы жили как раз на окраине села, вот я и не светился на нём в центре. Да и ГАИ была в то время у меня в основном из знакомых уже местных милиционеров.

Из средств передвижения долгие годы мне безотказно служил мотоцикл «ИЖ-Юпитер» с коляской. Случалось одно время ездить и на служебном «Урале». И я уже давно вынашивал желание приобрести легковую автомашину. Идеей фикс стало моё намерение обменять приватизированный и стоявший в основном без дела «МАЗ» на легковушку. Однако, обменять его на легковую машину у нас в Куйтуне никак не выходило. Чаще всего меня не устраивали варианты обмена, когда предлагали обменять его на какой-нибудь «Жигуль» семьдесят «лохматого» года выпуска. А то – и на машину, побывавшую в аварии. Или с двигателем после ремонта...

А обменял я всё-таки, уже разуверившись в благоприятном исходе, этот самосвал на «Москвич-412». А было всё так. Подъехал как-то в середине февраля, уже 1996 года, некий знакомый, Усенко, и говорит: «Я слышал, что ты собираешься обменять «МАЗ» на легковую машину... Может, согласишься на мой «Москвич» – салон у него новый, в прошлом году привозил из Братска, поменял...»

Поначалу я даже и отнёсся-то к этому предложению весьма скептически. Вот ещё, ходовой «МАЗ», да на какой-то «Москвичок»? Это – несерьёзно! Тем не менее, пошли посмотреть его автомобиль. Со мною из конторы подались в оценщики ещё трое ребят, в том числе и сам начальник Багмет Анатолий Васильевич. Осмотрели его со всех сторон, заглядывали и внутрь салона, как цыган в зубы лошади, попросили завести двигатель. Мои эксперты пришли к выводу, дескать, автомобиль ещё вполне неплохой. Тут уже мне захотелось сесть за руль самому и проехаться на нём. Гонять на нём, как молодой на мотоцикле, я не собирался. Проехался...

Меняле я пообещал подумать некоторое время, посоветоваться с коллегами, соседями, дома – с женой, даже детьми... И решился в итоге на обмен, или, как говорили в те годы, на бартер. Быстренько оформили все документы. Я наконец избавился от громоздкого «МАЗа», освободив ограду, а вскоре его место занял компактный «Москвич-412».

Уже несколько позднее я понял свою ошибку в поспешности с обменом и принятием решения. Можно было всё же произвести более выгодный для меня обмен. Примерно через месяц мы с Багметом поехали в командировку по работе в Иркутск. А по пути заехали в Усолье-Сибирское. Там мы попали на ряды автомобилей, выставленных на продажу или обмен. Там я обратил внимание на вполне неплохой автомобиль «Жигули», за который просили всего 18 миллионов рублей. И тут я пожалел, что не согласился продать свой «МАЗ» за 15 миллионов, которые мне как-то предлагали покупатели. Всего и надо было бы теперь добавить три миллиона (или поторговаться за меньшую сумму), и я стал бы владельцем так желаемого «жигулёнка». Увы, поезд, как говорится, уже ушёл...

Хотя, честно говоря, на тот красненький «Москвич» мне обижаться сильно не стоит. Достался мне он практически бесплатно, а за четыре года изъездил я на нём немало, можно сказать, не вылезая из него. И при этом, служил он мне весьма исправно. Куда на нём я только не ездил: и по ягоды, и за грибами, и на рыбалку. Иногда приходилось зарюхиваться и в грязь едва ли не по самое брюхо...

Наконец-то на «Жигулях»!

Совершенно новую машину в то время – при тотальном дефиците было приобрести не так-то просто. Случилось это уже при новом моём начальнике – Смирнове. А купили мы эту машину прямо с базы в Иркутске. Это была машина «Жигули» – шестой модели («ВАЗ-2106»).

Наша дочь Лена в это время уже заканчивала учёбу в Красноярске в университете. И будучи в Куйтуне перед госэкзаменами, она посоветовала мне выбрать машину только тёмного цвета. Белая машина ей почему-то никак не нравилась.

Для поездки в Иркутск за покупкой Смирнов выделил мне свою «Волгу». И вот, с водителем Титовец Юрой, в пять часов утра мы выехали из Куйтуна в Иркутск. В пакете с собой я вёз восемьдесят тысяч рублей (к тому времени уже произвели деноминацию рубля) – примерно столько стоила тогда машина «Жигули». На базе «Лада-бронер» мы выбрали новенькую «шестёрку» синезелёного цвета, заплатив за неё семьдесят восемь тысяч рублей.

Пригнав машину домой, я мало кого этим удивил в Куйтуне, и там уже новенькие «Жигули» были далеко не редкостью. Зато самого меня распирала гордость, рады были покупке и мои домочадцы, особенно Алёша и Люба. И теперь у нас уже было две легковых машины. «Жигули» была как парадно-выездная, а в дождь и грязь я продолжал ездить на исправном и безотказном «Москвиче». Свои первые навыки вождения автомобиля получал на «Москвиче» и Алёша. К этому времени (а ему было всего-то шестнадцать лет) он проучился при ДОСААФе и получил права вождения категории «А» – только мотоцикла. На права автомобилиста («В» и «С») он сдал уже в Красноярске, достигнув совершеннолетия и обучаясь там в университете.

Учёба и трудоустройство Лены

После окончания школы в Куйтуне Лена решила поступать в аграрный университет Красноярска на экономический факультет. Выбор места учёбы во многом зависел уже от того, что в Красноярске основательно обжилась наша средняя сестра Татьяна. Вот и приходилось нашей Лене некоторое время проживать на квартире у Татьяны будучи студенткой. В 1999 году она с красным дипломом окончила университет, получив специальность экономиста-бухгалтера.

Летом радостная и весёлая Лена вернулась домой, в Куйтун, с дипломом высококвалифицированного специалиста. Рады были этому событию и все мы. По этому случаю мы пригласили к себе домой всех её друзей и наших соседей. Ведя видеосъёмку камерой, взятой у свояка Александра Матюшенко, я зафиксировал на плёнку эту весёлую, до полуночи, вечеринку. В своих поздравлениях и пожеланиях, почти все высказывались за то, чтобы Лена нашла хорошую и высокооплачиваемую работу. Распределения, как некогда было у нас после окончания инсти-

тутов и даже техникумов, канули в прошлое. Теперь работу нужно было подыскивать самостоятельно.

В Красноярке с трудоустройством ей помог муж нашей Татьяны, Леонид Бояринов, определив её в жилищно-коммунальный трест на должность бухгалтера расчётной группы. Освоив работу на этом месте, а также бухгалтера материальной группы, вскоре она уже стала заместителем главного бухгалтера треста. По всем вопросам она проявила и показала себя грамотным и квалифицированным специалистом, пользующимся должным уважением коллег и начальства.

А приехав домой в свой первый отпуск, Лена попросила меня помочь в приобретении навыков вождения автомобиля. Живя в Красноярке, она решила получить водительские права. Посещала там теоретические занятия. А здесь мы выезжали с ней за пределы Куйтун на моём «Жигулёнке», Лена пересаживалась на место водителя, и мы гоняли по просёлочным дорогам и асфальтовой трассе.

Однако, вернувшись в Красноярск, она с первого раза сдала лишь теоретическую часть, а вот с вождением застопорилось. Не секрет, что принимавшие экзамены ГАИшники всяческими приёмами занимались вымогательством, особенно, если за рулём оказывалась женщина. Однако и это препятствие она преодолела, сдав экзамен по вождению.

На юбилей Пудинской школы

В феврале 2000 года я получил приглашение на 70-летний юбилей, который отмечала наша Пудинская школа. Сюда должны были съехаться многие ученики этой школы, учившиеся в ней в разные годы. Наша мама к этому времени жила уже в Пудино, вернувшись из мытарств по чужим углам, но опять попавшая в чужую избу – к Немцеву Евгению.

Я с удовольствием принял приглашение на торжество, которое должно было состояться 4-5 марта. Из Куйтун я перекладными, поездом и электричкой, добрался до Томска, где уже поджидал меня брат Виктор, приехавший из Кемерово. А до встречи с ним в Томске, у нашего друга детства Николая Ковшарова я решил навестить ещё одного друга детства Николая Панфилова. В то время он проживал в Богашово, а неподалёку, в Лоскутово, жил ещё один

наш земляк и одноклассник Саша Жарков. Вот с Колей мы и надумали навестить и его. Встретились, хорошо посидели и поговорили у него за столом, вспоминая нашу юность и школьные годы, опрокинув не одну рюмочку горячительного и веселящего.

А возвращаясь от него и выходя из автобуса уже в Богашово, я оступился, поскользнувшись упал, и подвернул неловко ногу. Меня резанула боль. С горем пополам я доковылял до дома Коли. И только на следующий день, поскольку боль никак не проходила, мы решились на то, чтобы он отвёз меня в Томск, в пункт травматологии. И не напрасно: оказался классический перелом лодыжки у ступни правой ноги. Сделав рентген, мне наложили гипс. Я был в растерянности: ехать ли дальше в Пудино, или возвращаться домой обратно в Куйтун? Всё же поездка дальше перевесила другой вариант. К тому же, ехать до Пудино мы должны были с Николаем Ковшаровым на его «Волге».

В таком виде я предстал в Томске перед троюродной сестрой Валентиной Красновой. Увидев меня на костылях, она была изумлена и очень неприветлива. На этой встрече настаивал брат Виктор, издавший к тому времени свою первую книжку и намеревавшийся порадовать Валентину, сделав ей такой необычный презент. Но, видя реакцию нашей родственницы, которая в молодости два раза подолгу гостила у нас в Калининске, мы, потолкавшись в прихожке её квартиры, и даже не попив чаю, поспешили удалиться. На этом наши родственные связи с ней и её семейством окончательно утратились.

До Пудино по хорошей накатанной зимней дороге на «Волге» Коли Ковшарова добрались мы быстро, всего часов за пять. Увидев меня, выбирающегося из машины с костылями, мама обомлела и перепугалась. Мы всячески пытались успокоить её, мол, ничего страшного нет, дескать, заживёт всё как на собаке.

На следующий день в спортивном зале Пудинской школы состоялась торжественная часть встречи выпускников и преподавателей. К тому времени были живы ещё некоторые наши школьные учителя. Приехали и многие выпускники из разных концов страны. Некоторых одноклассников было уже не узнать, ведь после окончания школы прошло уже тридцать лет! С некоторыми из них мы за это время ни разу не встречались. А кое-кого уже и не было в живых...

Боже, как же быстро пролетели эти годы!

Настроение у всех было радостное. Многие выпускники выходили к микрофону, рассказывали о себе, поздравляли с этой встречей, благодарили учителей за их огромный и нелёгкий труд. У брата Виктора была в это время уже своя видеокамера, которой мы попеременно снимали происходящее. Он тоже выходил к микрофону. Поздравил всех со встречей. Подарил школе свою первую книжку рассказов и прочитал пару стихотворений, посвященных школе. Эти стихи всем очень понравились, ему долго аплодировали...

С той поры минуло уже девятнадцать лет, а кажется, что всё это было будто бы вчера. После торжественной части продолжились общения уже в неформальной обстановке. Нас распределили по выпускам, отведя для этого школьные классы. Было и не только чаепитие. И уже через час-другой вся школа содрогалась от раскрепощённых великовозрастных выпускников, которые вели себя, как непослушные хулиганистые школяры.

Встреча эта осталась незабываемой. Были потом и ещё юбилейные встречи – на 75, 80 и даже 85 лет. Но того накала и эмоционального заряда уже ни у кого не чувствовалось...

Учёба Алёши

Вот и наш младший сын Алёша незаметно подошёл к окончанию школы. И для нас лето 2001 года оказалось весьма напряжённым. Мало того, нас с женой ожидала не совсем привычная перспектива – остаться наедине вдвоём. Вопрос о поступлении Алёши и дальнейшем обучении был оговорён заранее. И тому немало поспособствовала Лена, уже работавшая после окончания университета и даже получившая в качестве жилья комнату в общежитии.

Поступать было решено в тот же ВУЗ, где училась и который окончила Лена, только на другой факультет – на энергетический. А сдавать на вступительных там надо было ему, помимо прочего, ещё и физику, с которой в школе у него были проблемы. В последний школьный год он изрядно подзапустил её – то ли у него возникли какие проблемы с учителем, то ли вообще было лень ею всерьёз заниматься... Но дошло даже до того, что меня вызвали в учительскую на серьёзный разговор. И завуч

школы недвусмысленно сказала, что если в оставшееся время он не возьмётся серьёзно за этот предмет, то его вообще не допустят даже до сдачи выпускных экзаменов.

Разговор с сыном по этому поводу после посещения завуча состоялся серьёзный. И он пообещал нам с Любой, что сделает всё, как надо. И, надо сказать, слово своё он сдержал. Он подтянулся по этому предмету, его допустили до экзаменов, и даже получил он по физике «четвёрку», пошедшую и в аттестат. Но это было в школе, в своей школе. А тут – чужой город, серьёзный университет...

Проводы Алёшу на учёбу оказались для меня чрезвычайно тяжёлыми и даже драматичными. И вот почему.

Буквально перед тем, как ему отправиться в Красноярск для поступления в университет, у нас в Куйтуне был большой праздник по случаю Дня молодёжи. Мы с Алёшей направились в центр, в парк имени Комсомола. Люба с нами не пошла. К этому времени она всё чаще находила для себя иное пагубное занятие. И это её занятие (а попросту – бытовая пьянка) меня неоднократно выводило из себя. Были дни, когда я уже всерьёз намеревался из-за этого даже развестись с нею.

После торжественной части и концерта, как обычно, в плане были спортивные состязания и соревнования. Народу было много. И я, чтобы удобнее было наблюдать, взобрался на балкон спортивного комплекса. Алёша то и дело с другом поднимался ко мне, затем снова исчезал в толпе. И до того мне сделалось плохо и обидно – в связи с предстоящей разлукой с ним и осознанием того, что придётся остаться вдвоём с Любой, что я не выдержал и разрыдался до слёз. И ещё долго не мог успокоить себя и остановиться. Находящиеся поодаль люди, видя эту мою реакцию, удивлялись и не могли понять: что стряслось со здоровым мужиком? Правда, понимал меня прекрасно один Алёша. Он, как мог, успокаивал меня... Наверное, тогда, я вспомнил и попытался по-настоящему понять нашу маму: как же нелегко было ей проводить из своего гнезда всех нас четверых, выросших, а теперь неприкаянно скитаться по чужим углам...

Наконец-то я успокоился, но чувства тревоги и расстройства ещё долго не покидали меня, и мне было горько смотреть на веселящийся народ. Похоже, мне одному из всех было не до веселья.

По приезду в Красноярск Алёша основательно засел за подготовку к вступительным экзаменам, налегая на физику. Мы едва ли не каждый день звонили туда и разговаривали с ним по телефону. Вопреки нашим опасениям, физику сдал Алёша на «отлично»! Да и остальные экзамены тоже весьма успешно, в результате чего он был зачислен в студенты первого курса Красноярского аграрного университета энергетического факультета. Этому все мы были очень рады.

Конфликты на работе

С отъездом из дома Алексея, у меня обострились конфликты на работе с нашим начальником Смирновым. Работал он у нас в ДРСУ с сентября 1996 года. Поначалу его всё устраивало, в том числе, моя работа на должности начальника ПТО. И меня он не трогал, до поры до времени. Все сметы и прочая документация по работе организации держались на мне.

Вместе с тем своими интригами и придирками за это время он достал уже практически всех итээровцев, не переставая судиться с главным инженером. И таким отношением он вынуждал многих опытных работников увольняться, а кто не хотел это делать по собственному желанию, находил поводы для увольнения.

Добрался он и до меня. Почти каждый день предъявлялись ко мне претензии, нередко и не без помощи его жены Галины, которая работала экономистом в моём отделе. Видя, как складываются в нашей организации взаимоотношения в коллективе с начальником, в Иркутске встал вопрос о ликвидации нашего Куйтунского филиала и передаче его в Тулунский филиал. Таким образом, наш Куйтунский филиал Иркутского Автодора просуществовал как самостоятельный участок (управление) до 31 декабря 2001 года. А уже с 1 января следующего мы стали относиться к Тулуну. Из бывших итээровцев остались на своих местах единицы, а исполнять должность начальника нашего участка был назначен главный энергетик Яковлев Андрей. Я был определён как инженер 1 категории. Помимо меня с такой же должностью оказались механик и трое дорожных мастеров. Бывший бухгалтер стала диспетчером. Надо признаться, что с таким штатным расписанием мы спокойно справлялись с планом строительных и ремонтно-эксплуатационных работ.

Хочется отметить, что коллектив Тулунского филиала Автодора во главе с Сапуновым Николаем Викторовичем и главным инженером Лазуткиным Александром, включая и нас, был весьма сплочённым и дееспособным. В нём имелась вся необходимая и даже мощная материально-техническая база. И в этом коллективе я проработал в составе ПТО ещё восемь лет, практически до самого переезда в Красноярск в июне 2009 года.

Болезни Алёши

Отучившись год в университете и успешно сдав экзамены за первый курс, Алёша приехал домой на каникулы. Его приезду мы были бесконечно рады. А ему после напряжённой сессии хотелось хорошенько отдохнуть. Здесь его встретили хорошие друзья (Андрей Коченок, братья Шупруновы), недавние одноклассники.

В один из жарких дней решили они вечером искупаться в одном из озёр, находящимся между посёлком и станцией. Вода там была ещё довольно прохладной. Однако, особого внимания на это они, разгорячённые, не обращали. Алёша же, выйдя из воды, почувствовал, что основательно продрог.

На следующий день все его друзья чувствовали себя нормально, а вот Алёша заболел. Сначала у него поднялась температура, потом его стало морозить, трясти, как от лихорадки. Видя это, решили отвезти его в больницу. И даже там, когда он шёл на приём к врачу, его никак не оставляла лихорадочная дрожь. После осмотра терапевтом его сразу же отправили в инфекционное отделение больницы и положили на стационарное лечение.

Предварительный диагноз был удручающим – ему ставили менингит. После анализов назначили уколы и капельницы. Мало того, предлагали даже пункцию из спинного мозга. Мы с Любой, наслышанные о возможных последствиях от этой очень болезненной процедуры, категорически возразили, и не согласились на такое.

И слава Богу. Благодаря уколам и лечению дело пошло на поправку. Я едва ли не каждый день навещал сына в больнице. Да и Люба тоже очень беспокоилась и переживала за него. Пролёжав в больнице двенадцать дней и почувствовав себя выздоровевшим, Алёша настоял на досрочной выписке из больницы. А мы категорически запретили ему всякие дальнейшие купания.

Новое увлечение Алёши

Сидеть дома без занятия было не в характере нашего Алёши, он со своим дружкой Андреем Коченком нашёл себе новое увлечение. Время уже клонилось к середине августа, когда выводки птиц стали вполне взрослеющими, поднявшись на крыло. Вот тут то и стали дружки по вечерам выезжать на мотоцикле с ружьями поохотиться на озёрах на уток.

В один из таких вечеров они не вернулись домой. Мы с Любой места себе не находили, теряясь в догадках: что же там могло случиться с ними? Звонили и ходили к родителям Андрея – безрезультатно. Сотовая связь тогда ещё была очень плохая. Дозвониться до них было невозможно, так же, как и им до нас...

И лишь на следующий день они, как ни в чём не бывало, появились дома. Оказывается, они брали с собой палатку, чтобы переночевать на берегу, а утречком раненько поохотиться на зорьке. Три утки тогда стали трофеями наших охотников.

В конце августа Алёша вновь уехал в Красноярск продолжать учёбу. И мы вновь остались вдвоём в Куйтуне.

Юбилей

В мае 2001 года наш старший брат Виктор отметил свой пятидесятилетний юбилей. Мне не удалось побывать на нём, о чём жалею. Ездил к нему тогда сестра Татьяна. На его юбилей было много родных и друзей, приезжавших даже из Томска и Колпашева. Всё это снималось на видеокамеру, осталась память.

А вскоре и к нам, последышам, стали подкрадываться такие же юбилеи. Своё пятидесятилетие мне пришлось отмечать в несколько приёмов. Сначала – для сослуживцев. Я заказал в кафешке столики, и мы там весело и непринуждённо расслабились. Тулунцы в качестве премии презентовали мне пять тысяч рублей, был и подарок от них. По тем временам это были немалые деньги (уже деноминированные, сменившие «лимоны»).

После этого свой юбилей я продублировал уже дома. И вот к этому домашнему торжеству подросли Лена из Красноярска и брат Виктор – из Кемерово. У него к тому времени уже вышло с пяток книг-рассказов. И он уже являлся членом Союза писателей России. К моему юбилею он сочинил в стихах поэму-

сказание, или, как он это озаглавил «Слово о житие Владимировом, сыне Степанове, по фамилии Арнаутов». Слово это было аж в семи главах, в которых излагалась вся моя прожитая жизнь – в его поэтическом видении, конечно. Читал это сказание он по частям, в присутствии всех гостей, собравшихся у нас дома. А когда заканчивал, непременно звучали аплодисменты и похвальная оценка его этого труда. Очень приятно было и мне.

Алёше побывать на моём юбилее тогда не довелось – как раз шла сессия за третий семестр. Помимо моей родни, на вечере были наши соседи Калачёвы, Яценко, Ротановы. Весь вечер мы между заздравными тостами танцевали и пели под мою гармошку. Было очень весело...

А на следующий год (апрель 2004) подоспел такой же юбилей и у нашей сестры Татьяны, проживающей в Красноярске. К ней съехались многие родные и пришли подруги и знакомые. Опять приезжал брат Виктор из Кемерово, сочинивший по этому случаю очередное стихотворное поздравление в виде акростиха. Приезжал из Куйтуна и я. А ещё там была Ольга Шадрина (Катилевская) с сыном Андреем, доводящаяся всем нам (через маминого дядю Кешу) двоюродной тётёй. Здесь же оказалась и подруга Татьяны Ольга со своим мужем Геннадием Сангаджиевым, оказавшимся едва ли не сослуживцем Виктора (служили в одном батальоне морской пехоты в Раздольном на Дальнем Востоке с разницей в полтора года).

На второй день торжества Виктор пригласил в гости своего бывшего студента, ныне писателя Михаила Стрельцова, который через несколько лет возглавил писательскую организацию Красноярска. Там же оказался и сын друзей Татьяны – Ковригиных – Андрей, который хорошо играл на гитаре и исполнял свои и чужие песни... А его отец играл на баяне. И тут тоже было много общих песен. Были и танцы.

Болезни Любы

В Красноярске, на юбилее Татьяны и в гостях у детей (Лены с Алёшей), пробыл я дней пять-шесть. Лена уже имела отдельную квартиру недалеко от квартиры Татьяны. И Алёша, обучаясь в университете, проживал у неё. И вообще, надо отме-

тить, что наши дети, несмотря на разницу в возрасте, очень ладили друг с другом, почти никогда не конфликтуя.

Во время моей отлучки из дома, Люба, почувствовав свободу и отсутствие надзора, увлеклась употреблением спиртного. К тому же, в то время повсюду ходили самопальные подделки, продававшиеся в два-три раза дешевле обычной водки. И когда я вернулся домой, уже на следующий день она почувствовала себя неладно. Появилась какая-то слабость во всём теле, её стало бросать то в жару, то в холод, лихорадило, на лице появилась желтизна. Было и без врачей видно, что она серьёзно заболела. И я отвёз её в больницу. Осмотрев, её сразу же положили в инфекционное отделение – с предварительным диагнозом «Гепатит С». Это было похоже на тот же диагноз болезни, от которой так и не оправился Степан Александрович – цирроз печени.

Около месяца пролежала она тогда в больнице. Ей ставили уколы, системы переливания крови... Через некоторое время дело пошло на поправку. Лицо стало приобретать розоватый цвет, появился аппетит. И категорически было запрещено употребление спиртного.

Однако, избавиться до конца от этого пагубного пристрастия она так и не смогла. Попав вторично в больницу Куйтуна с этим же диагнозом, её отправили в Тулунскую больницу на ВТЭК. И там ей определили третью группу нетрудоспособности.

Вернувшись домой, она ещё неоднократно попадала в больницу на лечение. Вместе с тем, она ещё три года проработала у нас в дорожном в качестве сторожа. Из-за множества невыходов на работу по больничным листкам, да и по иным причинам, ей всё же предложили уволиться. И с июля 2007 года она уже больше нигде не работала, находясь дома.

Начало трудовой деятельности Алёши

Летом 2006 года Алёша закончил обучение в университете. Защитив диплом, он получил специальность инженера-энергетика. Возник вопрос с трудоустройством.

Помогла Лена, устроив его в том же тресте ЖКХ инженером по электроснабжению. Однако, молодость и жизнь холостяка манили его куда-нибудь подальше, к тому же, туда, где можно было ещё и хорошо подзаработать. И Алёша переходит рабо-

тать в Управление «Электросельстрой», офис которого находился на улице Калинина. И от этой организации он решается поехать на север – подзаработать на машину.

И для начала ему предлагают работать сопровождающим спецгруза на автокране своим ходом – через Тулун, Тайшет, Братск, Усть-Кут, Киренск, а далее – до Витима, а от него – по воде (река Лена) – до Пеледуй. До конечного пункта добирался он долго, но в конечном итоге, благополучно. Добравшись до места, он начинает работать инженером ПТО – по составлению исполнительной документации на установку электроопор на железобетонные фундаменты.

А перед выездом в командировку, ему в Управлении пообещали оклад в 50 тысяч рублей в месяц. Проработав на севере около двух месяцев и выполнив порученную работу, он возвращается обратно в Красноярск: сначала вертолётом до Киренска, потом машиной до Усть-Кута и далее поездом...

Вернувшись назад, ему пришлось приложить немало усилий и нервов, чтобы получить обещанные деньги. Тем не менее, через мытарства и тяжбы всё же обещанные 100 тысяч рублей он получил. И, добавив кредитные, Алёша стал обладателем своей первой легковой автомашины «Corolla Camry», приобретая её за 140 тысяч рублей. А мы с Любой были очень рады его первой большой самостоятельной покупке.

Замужество Лены

Время шло, нам уже перевалило и за пятьдесят. А вот внуков у нас до сих пор всё ещё не было. А нам так хотелось уже поддержать в руках этих крох, понынчиться с ними, почувствовать себя настоящими дедушкой и бабушкой. Однако дети наши не тропились с созданием своих семей.

Наконец-то весной 2007 года (когда Лене уже почти исполнилось тридцать лет) Лена наконец-то встретила парня. Это был Паша Пахомов. И уже на первое июня они наметили свадьбу.

А незадолго до этого они побывали у нас в Куйтуне. Мы познакомились с будущим зятем. Нам он понравился. На свадьбу в Красноярск мы отправились вдвоём с Любой. Лена в то время жила в арендованной квартире по улице Крупской, 24.

Как и полагается, были и «выкуп» невесты, и торжественная регистрация в ЗАГСе. Сама же свадьба проходила в кафе «Медвежий угол». Всё было очень здорово, за исключением холодной погоды. Даже в кафе за столиками приходилось сидеть одетыми в лёгкие куртки. Вся церемония бракосочетания осталась у нас на видеозаписях и фотографиях.

Избранник Лены, Пахомов Павел Юрьевич, работал в то время машинистом электропоездов и электричек. Как-то раз я даже съездил с ним в рейс в кабине электровоза от Красноярска до Абакана. Проезжали по километровым тоннелям и железнодорожному мосту шестидесятиметровой высоты, пересекая горы Саяны. Зрелище, да и сама поездка были очень впечатляющими! Павел, как и я некогда, проходил действительную службу в ВДВ, демобилизовался он в звании старшина, так что у нас с ним было что вспомнить и что с чем сравнить...

А вскоре и наш Алёша подыскал себе вторую половинку. И вот, уже в августе 2008 года, Алёша, Лена, Павел и будущая невеста сына – Лена Бобронникова, на легковой машине приезжают к нам в Куйтун, можно сказать, на смотрины невестки. А я в это время лежал в Саянской больнице – с гайморитом. Так вот, они все вместе приезжали даже в Саянск, попроведать меня.

А потом, когда меня выписали, мы все вместе уже не раз ездили на озёра ловить карасей – на удочку и в сети...

Смерть Любы

В начале зимы, а точнее 1 декабря 2008 года нашу семью постигло горе с невосполнимой утратой – не стало Любы. Доканала-таки её болезнь.

Всё это произошло так быстро, что никак не верилось в произошедшее. Ещё два дня назад, 29 ноября, мы истопили баню, помылись. А на следующий день, она будто уже чувствовала, что что-то может произойти, ничего уже не ела и ничего не стала делать. Она лишь лежала безучастно на диване и как будто смотрела телевизор. Я сам себе сварил завтрак и обед, поел. А вечером, после восьми часов, ей стало плохо. Она перебралась на кровать и от невыносимых болей принялась стонать. Я вызвал «скорую». Машина увезла её в больницу, а я тут же сообщил об этом Лене, в Красноярск. Предчувствуя неладное и со-

стояние матери, я вызвал детей. Как я провёл ту ночь, можно только себе представить. Все мысли вертелись вокруг одного. И, признаться, я уже мало надеялся на благополучный исход...

В пять часов утра следующего дня Лена с Алёшей уже приехали поездом в Куйтун. Но Любы к этому времени уже не было в живых. Так что застать мать в живых и проститься с нею у наших детей не получилось...

Похоронили и помянули Любу, как и подобает. Писать об этом тяжело, как и вспоминать такое... Не менее меня, если не более, эту трагедию переживали наши дети. Всё-таки Люба была для них не такой уж и плохой матерью...

Таким образом, в Куйтуне я оставался со смертью Любы один. И в принципе, меня тут уже ничто, кроме работы, особо и не держало. Дети уже прочно обосновались в Красноярске и возвращаться сюда им не было смысла.

Решение о переезде к детям

Уже при отъезде детей в Красноярск неизбежно встал вопрос: как мне быть дальше? Очевиднее всего было перебраться поближе к детям. К тому же, там, в Красноярске, уже давненько проживала и наша сестра Татьяна – с мужем. Её выросшие дети тоже жили там, но своими семьями и в отдельных квартирах. На родине её мужа Леонида, в полусотне километрах от города, в деревне Плоское, у них имелась неплохая дача, где выросло всё – от картошки с луком и до всякой ягоды с огурцами и помидорами.

Оставаться одному в пустой и холодной квартире после отъезда детей, мне было невмоготу. И на Новый год я решил поехать к ним, чтобы хоть как-то отвлечься и быть вместе с детьми. К этому времени Лена уже жила в новой трёхкомнатной квартире в северо-западном районе города. Особая благодарность за это её бывшему директору Василенко Сергею Викторовичу, который помог финансами в покупке этого жилья. В отделке и ремонте, с доведением новой квартиры до приличного вида, немало помогал им и Алёша.

Всё дело шло к свадьбе и у Алёши. На 8 марта я снова решил навестить своих детей. Была тому и ещё одна причина: Алёша намеревался познакомить меня с родителями своей Лены – моими будущими сватами Бобронниковыми. Жили они в Уя-

ре, в 130 километрах от Красноярска. Туда мы и поехали на машине, которую купил сын, заработав на неё командировкой на север. Познакомились, пообщались. Вернулись назад.

Знакомство с Татьяной Васильевной

А перед моим отъездом в Куйтун, наша сестра Татьяна решила познакомить меня со своей приятельницей – Сторожевой Татьяной Васильевной. Явно – с прицелом на наше будущее, поскольку и эта её подруга осталась одна, без мужа. При этом, у неё имелась неподалёку двухкомнатная квартира, в которой она произвела хороший, современный ремонт.

Встреча-знакомство с Татьяной Васильевной (она любила, чтобы именно так мы её называли) состоялась у нас на квартире сестры. При этом была и ещё одна подруга сестры – Ирина, со своим приятелем. Познакомились. И как будто бы даже понравились друг другу.

Вопрос с переездом в Красноярск, поближе к детям, уже как бы отпадал сам собой. В Куйтуне оставалось решить проблему с продажей квартиры, которая была у нас давно уже приватизированная. Правда, и сам деревянный брусовой дом, и квартира в нём за это время изрядно обветшали, и по-хорошему уже требовали основательного ремонта.

Продажа квартиры

Мне всегда казалось, что продать квартиру – это едва ли не плюнуть пару раз. Увы, на деле оказалось это совсем непросто. Покупателей интересовало не только то, когда этот дом был построен, а сдали его в жильё ещё в 1968 году, но и его состояние. Но даже внешне дом выглядел уже не совсем приглядно: нижние ряды деревянных брусьев подгнили, и сам он дал осадку. Внутри квартиры из-за деформации корпуса, прогнулся пол, в стенах появились трещины, которые нам приходилось замазывать при каждой побелке.

Я выставил сумму, в 550 тысяч, за которую намеревался продать свою квартиру. Но этой суммы никто из покупателей давать мне не хотел. Таких денег просто в то время почти ни у кого не было в деревне. А у кого были (коммерсантов) – те старались приобрести себе уже жильё попроще, поновее.

А за бесценок уже и мне продавать её было жалко. Я давал объявления в местной прессе, в телевизионной «бегущей строке», вывешивал во всех рекламных местах и досках. Приезжали покупатели, смотрели, узнавали цену и, обещав подумать и позвонить, уезжали с концами. Шло время, и ничего не менялось. Как-то, уже ближе к посадочно-огородной кампании квартирой заинтересовалась женщина с ребёнком на руках. При этом она попросила меня посадить в огороде картошку и кое-какую мелочь, ссылаясь на временное отсутствие необходимой суммы. Я клюнул на этот посул. Посадил всё: картошку, огурцы, капусту, мелочь огородную и даже огурцы, то есть всё то, что сажал раньше для себя.

И опять: время шло, а покупательница не объявлялась. И я стал подыскивать уже других покупателей. А в это время, середина июня, через дорогу от моего дома умер один из соседей. Вместе с сельчанами подался на похороны и я.

И хоронили его на кладбище совсем недалеко от Любы. Смотрю, а памятника на могиле Любы нет. Осмотрелся по сторонам, вижу: лежит прямо на венках. Мёрзлый грунт подтаял, и памятник упал. После похорон, приехал я туда под вечер, снова установил памятник на могиле Любы.

Мне припомнилась история продажи своего дома мамой: ведь она тоже долгое время никак не могла его тут продать, пока не побывала на могиле Степана Александровича и не попросила его отпустить её... Мне подумалось: может, и меня – так же вот, как маму, Люба не хочет отпустить из Куйтуна?

Прошло несколько дней, и во время работы появилось у меня какое-то нехорошее предчувствие, будто со мной что-то неладное. Даже и не совсем со мной, а будто бы это связано с кладбищем. Не заезжая домой после работы, я на машине напрямиком направился на кладбище. Подхожу к могиле Любы, а памятник опять сильно наклонился, вот-вот завалится совсем. И снова я подправил памятник, сильно утрамбовав землю вокруг него. Вот тут-то я и решился, как некогда мама, попросить Любу отпустить меня и продать квартиру.

На этом история с памятником не закончилась. В очередной мой приезд на кладбище я вновь, уже в третий раз, вынужден был поправлять памятник: сильную осадку давал грунт на могиле. И опять я принялся умолять покойную отпустить меня с миром...

Переезд в Красноярск

О моих мытарствах с продажей квартиры знали мама, все мои родственники и дети. Я уже был согласен значительно сбавить по их советам цену на квартиру. К моей и общей радости наконец-то в середине июля нашлись покупатели. Я быстренько стал оформлять все документы по продаже, вызвал детей: помочь погрузить мебель и прочее имущество. Удалось договориться с попутной машиной-полуприцепом, которая возила груз в Иркутск, а обратно шла порожняком.

Параллельно со мной дети в Красноярске подыскивали мне подходящее жильё. В сам город мне, привыкшему жить в селе, перебираться особо не хотелось. Да и не на что было бы приобрести там нормальное жильё. Цены на городские квартиры в то время сильно скакнули вверх. Мне не хватило бы никаких денег. Искали жильё они уже через интернет, ездили смотреть, приценивались. Варианты, конечно были. Остановились же на пригороде Красноярска: в деревне Дрокино, в десяти километрах от города, продавалась квартира в двухквартирном брусковом доме. Она была чем-то похожа на мою куйтунскую. Только здесь был совсем маленький приусадебный участок.

Утром 17 июля я встретил на вокзале моих помощников – Пашу, Лену и Алёшу. Машина к этому времени уже стояла возле дома. На всю погрузку и загрузку машины у нас ушло полдня. Загрузили лишь самое необходимое, многое из нажитого пришлось оставить здесь или раздать соседям.

И уже 18 июля всё моё нажитое добро мы разгрузили на новом месте. А до этого, после купли этой квартиры, дети навели там порядок, побелив и подкрасив всё, что было нужно.

Жить, однако, в этом доме мне практически не пришлось. Квартира перешла к сыну Алёше. А я сошёлся с Татьяной Васильевной, перебравшись к ней в город.

Обустройство и перестройки

То, как выглядела это моя «новая» дрокинская квартира тогда, и что из себя представляет она спустя девять лет – можно сказать, небо и земля. От прежнего остались разве что стены. Немало пришлось приложить усилий и денег Алёше, да и всем нам, чтобы довести её до ума. Здесь всё изменилось до неузнаваемо-

сти. На территории участка были построены новый забор с хорошими воротами, баня, большой блочный гараж на две автомашины. Был произведён практически капитальный ремонт бывшего помещения, к нему сделана надстройка второго этажа из бруса. Для отопления помещения была построена котельная и многое что ещё... У нашего Алёши оказались просто золотые руки – видимо, доставшиеся по наследству от нашего отца. Он может сделать всё, что захочет, а энергии у него – просто фонтаны!

Помогал по возможности в строительстве и я. И не только сыну, но и Лене с зятем Павлом, когда они надумали строить себе большой двухэтажный дачный дом на новом участке, в двенадцати километрах от города, в районе Молодёжного. Не так давно там были поля Солонцовского совхоза Емельяновского района. Три лета, начиная с 2013 года, я принимал непосредственное и посильное участие в этой стройке. Помогали в этом и Алёша, и сват Александр Бобронников (отец жена Алёши). Досталось больше всего в той стройке зятю Павлу, который помимо работы, заканчивал заочно ещё и железнодорожный институт...

Самые радостные события

Описывая свои нелёгкие мытарства, настало время перейти и к более мажорному в моей жизни. И связано это, прежде всего, с появлением долгожданных внуков, а к настоящему времени их у меня четверо. Жаль, Люба не дождалась ни одного...

После свадьбы Лены и Паши мы стали с нетерпением ожидать появления первого внука или внучки. Но, как говорится, Бог послал им первенца лишь спустя три года после начала их совместной жизни. И наконец, весной 2010 года, УЗИ показало, что у Лены должна родиться девочка.

А отмечая очередной день рождения нашей Лены 2 июня, Алёша решил поднести нам всем ещё один подарок, объявив, что собирается жениться на Лене Бобронниковой. Наметили они уже и свадьбу на 30 июля.

19 июля 2010 года родилась у Лены (теперь уже Пахомовой) девочка, которую решили назвать **Машенькой**. Внучка моя первая оказалась такой слабенькой, что возникла необходимость в её реабилитации, то есть в выхаживании в больничных усло-

виях. Через неделю после родов Лену выписали, а Машу оставили в больнице одну. Каждый день Павел навещал свою дочку, справляясь о здоровье. И, к счастью, дело шло на поправку.

Свадьба Алёши и Лены

Как я уже отметил, о свадьбе Алёша сообщил нам во время празднования дня рождения своей сестры, ещё до появления у неё первой дочки.

Сама эта свадьба была и для меня не менее радостным событием, чем появление на свет первой внучки. Регистрация брака проходила в городе, в ЗАГСе Октябрьского района. А вот все остальные торжества решили провести на родине невесты в Уяре, в здании школы, в которой работала учителем русского языка и литературы мама Лены – Валентина Леонтьевна.

Всё это время (свадебной церемонии) меня не покидали противоречивые чувства. С одной стороны – радости – за то, что после четырёх лет «дружбы» сын наконец-то решился узаконить свои семейные отношения. С другой стороны – чувство жалости и тревоги за внучку Машутку, которая всё ещё оставалась в больнице... То же самое испытывали и переживали тогда Паша с нашей Леной. Вместе с тем, мы не могли не надеяться на благополучный исход. И мы верили в заверения лечащего и курирующего нашу девочку врача – хорошего знакомого Пахомовых.

Сама же свадьба в Уяре прошла просто изумительно! На ней было очень много народа – как приехавшего из города, так и местных. На эту свадьбу приехали даже из Куйтуна друзья Алёши – Андрей Коченок (уже с супругой) и братья Шупруновы – Андрей и Саша (тоже со своей половинкой). Два дня продолжались там веселья. Было много музыки, танцев, песен, пожеланий и поздравлений. На протяжении всей свадьбы велась видеозапись. Много фотографировались...

Прочие семейные радости

Ровно через месяц после рождения, 20 августа, наконец-то Маша оказалась выписанной из больницы, и её привезли домой. За это время она стала набирать вес и выглядела прекрасно. Все мы были очень рады этому семейному событию.

Забирать Машу с Леной из больницы приезжали все родственники – с обеих сторон. Это событие осталось на память на множестве фотографий.

Машенька была у меня первой внучкой, хотя и довольно поздней, ведь мне самому шёл уже 58-й год. И был я от этого безумно рад. Живя с Татьяной Васильевной, с которой мы сошлись вскоре после моего переезда из Куйтуна, я часто приезжал (в перерывах между сменами) к Пахомовым на Ботанический и с удовольствием водился с внучкой. Кстати, никогда не отказывала в помощи с этим и Татьяна Васильевна, воспринимающая Машу едва ли не за свою родную внучку. Так что Машута была к ней очень привязана и с радостью шла к ней.

С работой в Красноярске у меня не совсем заладилась. Устроившись 3 сентября 2009 года в Дорожно-строительную компанию «ИЛАН» работать по специальности, на должность заместителя начальника ПТО с хорошим окладом я не предвидел тех объёмов и масштаба работы и обязанностей, с которыми мне пришлось здесь столкнуться. Мало того, мой новый начальник, не введя толком меня в курс дела, стал часто уезжать в командировки, оставляя меня за себя. Спустя некоторое время, уже 20 октября этого же года, пришлось уволиться, и по совету брата решил я дорабатывать до своей пенсии, подавшись в охранники. Дело это было абсолютно не моё, чуждое мне, но деваться было некуда, сказывались уже годы, да и здоровье тоже оставляло желать лучшего.

В октябре 2010 года в Красноярск приехала погостить и попроведать своих детей, внуков и правнуков наша мама. К этому времени у неё уже было семеро внуков и четыре правнука. Старшей правнучкой была Аня (дочка внука Толи Бояринова, 2005 года рождения). Далее шла Даша (дочь Оли Бояриновой-Денисовой, 2009 года рождения). А третьим был правнук Николка (первый внук брата Виктора и сын Ярославы, в замужестве Захаровой), который опередил с рождением нашу Машуту двумя месяцами, родился 12 мая 2010 года). А чуть позднее, в этом же году обзавелась первой внучкой Варей и наша младшая сестра Раиса Голева.

Нашей Машуте в октябре, к приезду мамы, исполнилось уже три месяца, и мама тогда впервые подержала на руках свою

правнучку. Конечно же, была и она очень рада прибавлению в нашем семействе.

С наступлением весны и приходом тёплых и солнечных дней, я всё чаще стал выбираться на прогулку со своей внучкой, возя её в коляске. Жили они в новом микрорайоне, где улицы-то с переулками носили какие-то светлые названия: Ботаническая, Фруктовая, Клеверный, Васильковый, Ромашковый (ну, прямо, как в песне у Антонова). Особенно тихо и умиротворённо бывало весной во время цветения яблонь и груш на улице Фруктовая. Яблоневого цвет наполнял воздух каким-то неповторимым тонким ароматом. И я вспоминал нечто похожее, когда приходилось служить в Болграде, в далёкой теперь и забугорной Бессарабии...

Алёша продолжал заниматься в Дрокино переоборудованием и обустройством своего гнёздышка. И за три прошедших года там сделано было немало. С детьми они, казалось, не спешили. А мы все, при торжествах и днях рождения, желали им появления наследника и продолжателя рода Арнаутовых – ведь именно один Алёша имел на то полное право, да и возможности. О том, что у Алёши вскоре должен кто-то появиться, узнал я не от него с Леной, а от зятя Павла. И был даже этим изрядно обескуражен: надо же, какие конспираторы!

И однажды, садясь в машину к Алёше, я увидел снимок, который мне показал на мониторе сын. Это был снимок УЗИ, на котором изображён эмбрион девочки. О том, что на нём – именно будущая девочка, моя вторая внучка, я толком и не разобрался. Но событию такому был искренне рад!

А 27 декабря 2012 года у Алёши с Леной родилась вполне здоровенькая дочка Сонечка. Это была уже вторая моя внучка. Не за горами оказалось и рождение третьей внучки – **Настеньки Пахомовой.**

80-летие мамы

В марте 2012 года мама отметила своё 80-летие. Мы, все её дети, да и частично внуки, намеревались съехаться по этому случаю и отметить такое событие. Так и случилось. Виктор приехал из Кемерово. А мы с сестрой Татьяной и Татьяной Васильевой – из Красноярска. На сей раз на нашу малую родину и по случаю юбилея мамы поехали туда и мои дети – Алёша и Ле-

на с Пашей, прихватив с собой ещё и дочь Машу. Паша с Алёшей поехали на своей машине «Subaru», благо, дорога до Кедрового в это время была зимняя и хорошо накатанная большегрузами. Из местных были Рая с мужем Михаилом Голевым, дочерью Натальей с мужем Иваном и внучкой Варей.

Отмечали торжество в мамином доме, благо, к этому времени мы с братом успели немного перестроить, расширив её квартириту изнутри. Народа собралось много, одних нас было более десятка. Собрались и её подруги, которых с каждым маминым юбилеем становилось уже всё меньше.

Было много тостов и поздравлений. Виктор сочинил по этому случаю очередное стихотворное поздравление, начав словами: «Опять мы на твой юбилей все собрались...» А помимо этого были переделаны и несколько популярных песен, которые мы едва ли не хором (все её дети и внуки) исполнили, как умели. Особый всплеск эмоций у всех, а у мамы более прочих, вызвала переделанная песня «Мама, милая мама, как тебя не любить...»

А вечером, потемну, когда все уже были и без того в приподнятом настроении, Паша с Алёшей сделали бабушке ещё один подарок: устроили на улице настоящий фейерверк! Зрелище было небывалое на всю деревню!

На следующий день мы съездили по желанию наших детей в Кедровый, где в цивилизованной просторной трёхкомнатной квартире жила дочь нашей Раисы – Наталья с мужем Иваном и дочерью Варей. Наталья к тому времени, кажется, была ещё в декретном отпуске после рождения Вари. А до этого она работала в школе завучем и даже директором, начав с рядового учителя химии и биологии. Там мы хорошо посидели за столом, а дети, Маша с Варей, наигрались игрушками.

Посетили мы и наш, Богом забытый теперь, Красный Яр. Увы, по накатанной дороге в сторону нефтепромыслов, мы смогли на нашей машине пробраться только до самой окраины бывшего Красного Яра, где некогда стояла колхозная кузница. Дальше было ни пройти, ни проехать – сплошная снежная целина. Ну, хотя бы показали Лене с Алёшей то место, где прошло наше детство. А ещё посмотрели и даже вошли внутрь полураз-

рушенного домика в Калининске, где мы жили и куда переехали после Красного Яра.

По пути в Кедровый посетили кладбище в Останино, с трудом пробравшись по глубоченному снегу до могилки Валушки, которую похоронили здесь как раз в эти дни 25 лет тому назад... Съездили и на Пудинское кладбище, где похоронен наш отец... В общем, намеченную программу выполнили полностью. Да и маме доставили, помимо хлопот, конечно, неописуемую радость.

Рождение внучки Софийки

Перед самым Новым годом, за день до дня рождения Алёши, **27 декабря, родилась** у него с Леной долгожданная первая дочка. И решили родители Лена с Алёшей дать ей имя **София** – не Софья, а именно София – как называли крещёных православных русских женщин ещё с византийских времён.

Маленькую, да и до сих пор мы называем её чаще всего Соня или Сонечка. И лишь я люблю называть её Софийкой. Растёт она умненькой и смышлёной девочкой. Идёт ей к настоящему времени уже седьмой годик и Алёша с Леной, если получится, намерены даже отдать её в сентябре (досрочно) в школу, в первый класс. Так, что если получится, будет она учиться в первом классе одновременно с внучкой Виктора Алёной. А наши старшие внуки – Николка, Маша и Варя – с сентября будут учиться уже все трое в третьем классе. Так что, внуки растут, а мы медленно, но стареем, выйдя уже все на пенсию.

Ещё о юбилеях

Это только в детстве и юности кажется, что года тянутся медленно. А в возрасте – не успеваешь отсчитывать юбилейные даты, и не годами уже, а пятилетками и даже десятилетиями... Мелькают они, как полустанки, при движении скорого поезда. Только вот куда?!

На шестидесятилетие Виктора в Кемерово мы ездили также вместе с Татьяной Васильевной и сестрой Татьяной. Как и десять лет назад, основное торжество было у него дома, с множеством гостей – из друзей и родных. К тому же, собирал он застолье и в своём Доме литераторов. Там сделали для него хо-

рошее адресное поздравление-фотоколлаж. А ещё – специально подарили белую майку-футболку, с его цветной фотографией, держащим в руках большую рыбину. И надпись, с намёком на Хемингуэя: «Я, Томь и мой карась...»

А через неполных два года подросли и мои шестидесятилетние годочки. Отмечали уже, естественно, в Красноярске. Тогда ко мне по этому случаю приехали из Томска дорогие для меня гости: мой давний друг Николай Панфилов с женой Ниной и дочерью Ольгой (и её мужем Сергеем). А вот брата Виктора не было: он с женой Людмилой в это время уехал за границу по турпутёвке, аж в Индию, на Гоа. Правда, и к этому моему юбилею он написал, точнее, дописал ещё одну главу к его поэме «Слово о житие Владимировом...» – за прошедшее десятилетие, выдержав всё в едином стиле. За что ему я, конечно, благодарен.

Во время торжеств по случаю моего юбилея дочь Лена находилась в больнице на сохранении. Поздравляла она меня отсюда по громкой сотовой связи.

Юбилей мой прошёл здорово! Было много шуток и приколов. Алёша даже по этому случаю специально пригласил ведущую и ди-джея. От этого юбилея, как и от юбилеев мамы и Виктора остались видеозаписи. На этот юбилей мне подарили видеокамеру. Только вот просматривать те записи почему-то хочется не очень часто...

Рождение Настеньки

16 июля 2003 года **народилась** у нас (точнее у нашей Лены) ещё одна дочка, **Настенька**. Событие это было не менее значимое, чем наши юбилеи. Уж, по крайней мере, радостнее. Настенька была такой хорошенькой девочкой и очень спокойной, не в пример ранней Машуте. И, глядя на неё, все мы были просто без ума.

А получилось так, что перед её рождением я попал в больницу, где мне сделали операцию на носу, поставив диагноз «вазомоторный ринит». Двое суток я ходил с повязкой на носу, затрудняющей дыхание. Утром 20 числа мне убрали эту повязку с носа. А к полудню меня решили навестить Татьяна Васильевна с Машей. Мы пообщались с ними, и я даже проводил их до остановки.

Не успев войти в здание лор-отделения, раздался по мобильному звонок. Звонила Лена, сообщив, что через час её выписывают из роддома вместе с новорожденной Настей. Она спрашивала, смогу ли я подъехать к её выписке из роддома, и отпустят ли меня из больницы?

Я предупредил медсестру, о том, что мне необходимо на время отлучиться из больницы, вызвал такси и помчался в Академгородок, где находился роддом. Мне удалось даже по пути догнать только что проведавших меня Машу и Татьяну Васильевну. И мы успели к тому моменту, когда выносили из роддома новорожденную.

Лена, как и все мы, была очень счастлива! Муж Лены и отец новорожденной Павел Пахомов был уже там. Он принял новорожденную, вручив жене цветы. Подъехали с цветами для сестры и Алёша с женой Леной и полугодовалой Софийкой. Фото на память, поцелуи, поздравления, пожелания счастья и здоровья... И много-много радости у всех!

Экспромтный кортеж повёз всех с новорожденной домой, а я подался обратно в больницу, из которой выписался через пять дней.

Ремонтные работы

Дом, который с трудом достался нашей маме в Калининске после её долгих мытарств по чужим углам, оказался уже далеко не новым. И кто в нём до этого только не жил... Дом и постройки при нём ветшали и требовали непрямого ремонта. Требовалось переложить печи – в избе и в бане. Мама всё время жаловалась на то, что с потолка постоянно сыпется извёстка, не выдерживающая многолетнего наслоения, вот-вот и штукатурка с него обвалится. Трескались стены, подгнивали нижние ряды бруса, проседал пол, лаги которого, как выяснилось, были положены на обычные деревянные брусья, а не на кирпичные или бетонные стойки. Перекосилась веранда... В общем, работ хватало.

И стало уже своеобразной традицией, что мы с Виктором приезжали к маме по два раза в году: весной, к её дню рождения, и летом, чтобы заняться ремонтными работами, которые намечал нам наш «бригадир» – муж Раи – Михаил Голев. Надо

сказать, что дом Голевых стоял совсем недалеко от мамы. И они тоже постоянно ремонтировались и расширялись, заняв уже и вторую половину двухквартирника с усадьбой.

Весной, в марте, брат с удовольствием предавался своим любимым занятиям – зимней подлёдной рыбалке на омуте Чузика, куда впадала мелководная речушка Николка. Порой и я приходил туда же в хорошую и тёплую солнечную погоду. Благо, от дома мамы и до омута было всего минут пять-семь ходьбы. Там мы ловили в основном не очень крупных окуней и белую рыбёшку: чебаков с ельцами. Иногда попадались ерши с пескарями и даже случайные щучки-щурагайки.

А с утра, когда ещё изрядно примораживало, мы обычно занимались уборкой снега из ограды, сбрасывали его с крыш веранды и бани с предбанником. Складывали в поленницы сырые привезённые из леса берёзовые тяжёлые дрова, или перетаскивали высохшие в глухой дощатый дровник за баней...

Летом основным занятием были ремонтные работы. К этому времени мама (через зятя Михаила) обычно уже пригатавливала для нас ремонтно-строительные материалы. И вот, приехав к ней, уже на второй-третий день мы приступали к ремонту. Первым делом мы разобрали лёгкую, из плах, перегородку в дальнюю маленькую комнату. И соединили её с залом. Получилось весьма просторно, а в самом зале стало светлее. С помощью печника подновили печи в избе и бане, укрепив в подполье фундамент печи. Разобрали и перестелили новыми плахами пол в сдвоенном зале. Поверх него настелили оргалит, покрасив его половой краской.

Следующим летом мы обшили все потолки и стены оргалитом (ДВП). Поверх оргалита на потолок мы наклеили потолочную плитку, а стены оклеили виниловыми обоями.

И уже только от этого мама значительно повеселела!

В следующий приезд мы перестелили пол на веранде, подлив бетоном фундамент и нижние ряды брёвен дома, перебрав и подновив и саму веранду с кладовкой.

В огороде и в огородчике поменяли изгороди и заборы.

Ну и так, по мелочам, в каждый из летних приездов.

А помимо этого в каждый из летних приездов нам удавалось непременно порыбачить – как на нашем Чузике, так и на озёрах (Дудинских или Свинолагерном). Караси в обязательном

порядке становились нашей добычей, как в далёком детстве и юности. А мама очень любила жарить их или варить уху. Несколько раз при этом ездили с зятем Михаилом и в Красный яр, где с огромным трудом угадывалось: что и где было прежде...

В урожайные годы, ближе к осени, нам удавалось съездить по несколько раз в бор, через Чузик, пособирать позднюю чернику или раннюю бруснику. Бывали даже на болоте, собирая ещё незрелую клюкву. И грибы не ускользали от нас, если подгадывали под грибные дожди. Уже сразу за огородом мамы и на нашем бывшем футбольном поле, поросшим густым березняком, мы собирали отличные красноголовики, маслята с моховичками, сыроежки, волнушки, попадались даже и груздочки.

В строительных помощниках

Будучи дома в свободное от смен на дежурстве время мне приходилось немало бывать в качестве няньки, водясь с внучками – сначала с Машутой, а потом и с Софийкой или Настенькой. Внуки любили меня, а я – их.

Своё посильное участие в строительстве принимал я и в Красноярске. Алёша всё ещё достраивал и облагораживал свой дом в Дрокино. А Паша с Леной надумали взять участок земли в пригороде, в ДНТ «Молодёжный», и построить на нём настоящий дом, а не садовый домик «кума Тыквы».

И вот я принялся помогать в этом деле зятю. Особенно трудно пришлось мне летом 2015 года. Первым делом мы с Пашей выложили кирпичом глубокий, в пять метров и в два яруса, погреб. Затем над ним вдоль дома выложили из шлакоблоков стены под гараж.

И вот весь этот нелёгкий труд не прошёл бесследно для моего здоровья. Уже к осени разболелись у меня ноги. Особенно беспокоил тазобедренный сустав правой ноги. И уже следующим летом, когда были выложены стены дома из бруса, я принимал в строительстве лишь посильное участие. В основном занимался летом проконопачиванием стен между брусьями как изнутри, так и снаружи.

С каждым днём нога моя всё чаще давала о себе знать. Сделав рентген, встал насущным вопрос с операцией и эндопротези-

рованием. Но не везде могли мне качественно и с гарантией сделать такую операцию. По крайней мере, у нас, в Красноярске...

Жилищно-семейный зигзаг

Почти сразу после переезда из Куйтуна в Красноярск, как я уже отмечал, сошёлся я по рекомендации нашей сестры с Татьяной Васильевной и перешёл жить в её квартиру. Вроде, поначалу и неплохо у нас получалось. И новая моя «вторая половинка» даже хорошо принимала моих внуков, особенно Машу. Тем не менее, я не переставал себя чувствовать в её квартире как будто квартирантом, несмотря на то, что заработанные деньги я отдавал ей на общее ведение хозяйства.

Не зря, видать, бард и певец Александр Городницкий пел: «дом чужой – не новоселье». И получилось со мной так, что я, продав свой дом в Куйтуне, отдал все деньги на покупку другого жилья в Дрокино сыну Алёше. И вот, фактически, я оказался в положении шекспировского короля Лира (по крайней мере, так об этом мне всегда напоминал брат Виктор, да и наша мама). У меня не было собственного угла. Вместе с Татьяной Васильевной в её квартире мы прожили уже шесть лет. У её дочери подрастал внук, который вскоре мог перебраться в город на учёбу. И я, да и мои родные, предчувствовали, если он захочет перебраться хотя бы на время к своей бабушке, то нам втроем в этой квартире-двушке может оказаться тесно.

И вот настало время, когда и впрямь подросток Татьяны Васильевны, который вместо продолжения учёбы в десятом классе захотел поступать в колледж, пожелав перебраться от матери к бабушке, в её квартиру. До этого он проживал и учился в посёлке Подгорный, в 25-ти километрах от города. И мы стали жить втроем. При этом я чувствовал, что новоявленный внук не намерен видеть во мне ни старшего человека, ни как мужа бабушки. Он попросту запирался от меня в комнате, не давая мне даже поработать с компьютером, чтобы перевести отснятое видеокамерой на диск или флэшку. Ну, и я старался по возможности уехать к дочери или сыну – поводить с внуками после смены. Хотя такие суточно-ночные дежурства требовали и нормального отдыха.

И вот стал я замечать, что всё чаще при моём появлении дома и сама Татьяна Васильевна уже относилась ко мне не так,

как бывало прежде. Мне же оставалось только терпеть и делать вид, что ничего не происходит. Конечно же, такое не могло продолжаться бесконечно. Наконец, поздней осенью я дождался, когда услышал от Татьяны Васильевны: «Нам надо разойтись». Я был ошарашен этим сообщением и поначалу даже не воспринял его всерьёз. По крайней мере – того, что это предстоит сделать немедленно. Я даже попытался, было, отшутиться. Но она настаивала на своём.

Пришлось мне о таком зигзаге судьбы сообщить и своим детям. Надо было куда-то перебираться. К кому-то прибиваться. Утром 29 ноября 2015 года за мною приехали на двух машинах Паша с Алёшей. Сгрузив все мои вещи, я переехал жить к дочери Лене с зятем Павлом и с двумя моими внучками.

Ещё одна попытка семейного устройства

Что говорить: с годами мы приобретаем некий устойчивый жизненный стереотип, как говорится, на одном месте и камень мхом обрастает. Вот и нам уже всё больше хочется покоя и меньше перемен. Да и у молодых тоже складывается уже свой устойчивый образ жизни, не всегда нравящийся нам.

Как бы ни было хорошо у родной дочери, но и у неё я не чувствовал себя абсолютно комфортно: куда захочу – туда и пойду, что захочу – то и сделаю, иными словами, хозяином своего положения. Прожив с ними четыре месяца, я стал замечать, что как будто бы мешаю им своим присутствием.

И мне захотелось ещё разок попробовать отыскать попутчицу жизни. Я стал интересоваться системами знакомств. И вскоре мне повезло. Через службу знакомств «Сваха» мне предложили вариант подруги жизни. Это была женщина, не так давно овдовевшая, моложе меня, по имени Лида.

После работы, 30 марта 2016 года, я подался на встречу и знакомство с кандидатом в спутницы жизни. Встретились, пообщались. И она мне понравилась.

К тому же оказалось, что у нас с ней очень много схожего. Год назад у неё умер муж. И, как выяснилось немного позднее, мы даже были знакомы с её прежним мужем. Жили они совсем недалеко от квартиры Татьяны Васильевны.

Весной 2010 года я остался без работы по специальности. И по совету брата Виктора решил устроиться куда-нибудь в охранный предприятие. А для этого надо было пройти спецподготовку и сдать экзамены на лицензию и разряд охранника. В учебном центре, где готовили охранников, работал и преподавал Колобов Александр Андреевич. За месяц учёбы я познакомился с ним и успешно сдал экзамены на охранника 6-го разряда (то есть с оружием). И потом, при повторной сдаче зачётов (а подтверждать квалификацию надо было ежегодно), он даже помогал мне. И при случайных встречах на улице, где жили мы неподалёку друг от друга, в районе «Строителя», любезно приветствовали и даже общались с ним накоротке. Потом я как-то разом перестал его встречать...

Им-то и оказался бывший муж моей новой знакомой Лиды, который, скончался в январе 2015 года. А ведь он всегда выглядел весьма бодро и был моложе меня лет на семь.

При знакомстве я выяснил, что у Лиды имеются две взрослые дочери, обе замужем. У старшей дочери – Наташи уже двое своих детей, сыновья. К настоящему времени Андрей ходит в первый класс, а младшему Кириюше – пять лет. Младшая дочь Лиды Ольга живёт в Америке, в Чикаго, у которой тоже уже есть своя дочка Даша, которой идёт третий годик.

Почти каждое лето Лида выезжает в США к своей дочери и гостит там, водясь с внучкой. А из Красноярска Лида едва ли не ежедневно общается с дочерью и внучкой по «Скайпу».

В общем, недолго думая, мы сошлись с Лидой, и я, вопреки желанию Лены, перебрался жить к Лиде, у которой неплохая квартира и денежная работа. Я же, поработав до своих 65 лет, решил, что пора и мне на заслуженный отдых. К тому же, всё сильнее и настойчивее стала напоминать о себе моя нога.

А с весны и до самой осени занимаемся мы с ней огородничеством. У Лиды оказалась в двадцати километрах от города, в посёлке Сухая Балка, весьма неплохая дача: трёхкомнатный дом с хорошим участком в 15 соток. Хорошо плодоносят чёрная смородина, черноплодная рябина, сибирская вишня; посадили ещё два куста сливы, которые принялись. Нравится мне и сад, где растут три деревца яблонь-ранеток и несколько яблонь, с крупными плодами, из которых навариваем разных варений,

повидло, компоты... Пять соток огорода занимает картофель. Выращиваем там и всевозможные овощи...

Успели мы с Лидой побывать вместе уже и в Калининске, подгадав под день рождения мамы, и у брата Виктора – в Кемерово, на его 65-летию. И всем моим родственникам она понравилась своим нравом и хозяйственностью...

А когда мама, поздней осенью 2017 года приезжала погостить в Красноярск, мы даже свозили её на эту дачу. Маме там очень понравилось. И она сказала: «Как хорошо тут у вас. Я бы даже, наверное, могла даже здесь жить...» На что Лида отреагировала: «А приезжайте летом, живите...»

Мамин круиз

Пока позволяло маме нашей здоровье, она почти ежегодно, с установлением дороги-зимника выбиралась из своего «медвежьего угла» на «материк». Делала она это в несколько приёмов. Сначала добиралась до Томска. Там она останавливалась на пару дней у своей двоюродной сестры Анны Ивановны Некрасовой, жившей на улице Бела Куна с мужем Анатолием Михайловичем. Потом, если у неё не было путёвки в дом отдыха или в больницу на лечение, направлялась либо к Виктору в Кемерово, либо к брату Александру Аввакумовичу – в Новосибирск. А уже от них – непременно к нам, в Красноярск.

В этот раз кое-что уже поменялось.

В самом конце ноября 2015 года скончался в Новосибирске её старший брат, а наш дядя Александр. А за два месяца до этого мы с Виктором приезжали к нему на 95-летие, и он поражал всех нас и своих гостей умением общаться и своей феноменальной памятью! А незадолго до маминого круиза, поздней осенью 2017 года в Томске скончалась и её двоюродная сестра, мамина ровесница Анна Ивановна.

Зато теперь в Томске у нас объявилась ещё одна дальняя родственница (по линии Шадриных) Галина Максимовна (дочка слепого баяниста, фронтовика-ветерана Максима Панфиловича Ядрышникова). Вот Галина и взяла на себя обязанность встретить маму в Томске и сопроводить её сначала до А.М. Некрасова, а потом и посадить на автобус до Кемерово.

В Новосибирск мама уже не поехала, а подалась из Томска сначала к Виктору, а от него поездом – уже и к нам.

В этот приезд в Красноярск мама побывала у всех своих родственников, повидалась со мной и дочерью Татьяной, зятем Леонидом, со всеми четырьмя внуками, живущими здесь, и даже со своими правнучками.

Побывали мы с ней и у Алёши в Дрокино, и у Лены. Как раз подгадала она и под мой очередной день рождения. Навестила и погостила у Татьяны с её взрослыми детьми Толей и Олей, с внуками Аней и Дашей.

Трижды побывали мы с ней на спектаклях в нашем драматическом театре им. Пушкина. Ездили на городскую ёлку, на остров Татышев, где была отличная и большая экспозиция различных фигур из льда...

В общем, теми визитами, как в Кемерово, так и в Красноярске мама осталась очень довольна. Удастся ли ей ещё хотя бы разок совершить подобное?

Рождение наследника

Одним из самых важных и главных событий ушедшего 2017 года явилось, наконец-то, **рождение долгожданного продолжателя рода Арнаутовых**. Случилось это **5 июля 2017** года. И назвали его в честь нашего рано ушедшего из жизни отца – **Степаном!** Инициатива выбора имени новорожденного исходила от Лены с Алёшей.

Узнали мы о том, что наконец-то будет мальчик задолго до его появления на свет, УЗИ показало. Когда стало известно об этом, радости нашей не было границ. Особенно у меня! Значит, не закончится род Арнаутовых на нашем Алёше! А когда мне сообщили ещё и о том, что решили назвать его Стёпой – это было всё!!!

И когда родился Стёпа, отмечали это явление мы всю ночь, с 5 на 6 июля. Пока не израсходовали все алкогольные запасы, хранящиеся у Алёши в Дрокино. Пели песни так, что на следующий день у меня пропал голос. Я лишь сипел и не мог говорить...

Растёт наш Стёпа крепеньким, здоровым, закалённым и спокойным мальчиком. Ходить стал в 10 месяцев. А поначалу передвигался по полу, ползая на левом боку. Алёша шутил: «Как раненый боец». Потом стал быстро шуровать на четве-

реньках. А к лету 2018 года пошёл. В силу разных обстоятельств навещаю его я реже, чем того хотелось бы мне.

А теперь и вовсе, после операции на тазобедренном суставе правой ноги, мне не разрешают управлять автомобилем и ездить в Дрокино, поводитья со Стёпой и подросткой Софийкой. Тем не менее, когда удаётся вырваться в Дрокино, Стёпа помнит меня, и при моём появлении тут же тянет ко мне свои ручонки. Растёт он быстро, едва ли не на глазах. И всякий раз, появляясь у них, я вижу изменения в нём. Он уже многое понимает и начинает говорить. «Па-па», «ма-ма», Ка-ка». «Какой» он называет кошку и куклу. А ещё, бывая в Дрокино, я обычно по сотовому разговариваю с мамой, передаю телефон Стёпе, чтобы и она послушала его лепет. Мама что-то говорит ему, а он, поднеся телефон к уху, слушает, ходит по комнате и что-то тоже пытается сказать... Забавно очень всё это выглядит. Ну, и снимаю его всякий раз на видеокамеру и фото.

Когда бываю у них я (один или с Лидой), то Лена смело оставляет меня с внуком, а сама может часа на два-три съездить по надобности в город, в садик за Софийкой, или сходить к подруге.

Алёша наконец-то нашёл хорошую, но очень ответственную работу по своей специальности – главным энергетиком при Администрации Красноярского края (предварительно пройдя массу всяческих проверок, вплоть до ФСБ). Каждый день ему приходится теперь ездить в город, возвращаясь лишь к вечеру. Красноярск так расположен, что имеет очень маленькую пропускную способность по основным городским улицам-магистралям. От этого в часы пик бывают очень большие автомобильные пробки. А ему ещё и за город, в Дрокино, нужно ехать.

Операция

Теперь о себе, точнее о том, что мне наконец-то сделали операцию на ноге. О том, что мне надо что-то делать со своей ногой, было ясно уже давненько. И я решился на операцию. Но, чтобы сделать её, довелось мне пройти и не один раз массу всяческих анализов и обследований. Мне не хотелось это делать платно – операция дорогая. К тому же, меня брала какая-то злость и обида на нашу систему и «страховую медицину»! Ведь положены же мне, отслужившему в армии и имеющему более сорока лет

непрерывного стажа работы, а также федеральные льготы реабилитированного, какое-то внимание со стороны государства! И я вынужден был ждать длиннющей очереди на эту операцию – по выделенной квоте. Длилась вся эта канитель почти два года. Сначала почему-то была путаница с документами, которые то ли отослали не туда, то ли вообще не посылали. Потом – решали: куда же меня определить на операцию. По этому профилю болезней в Сибири славились два медицинских центра – в Кургане (знаменит Илизаровской школой травматологии) и в Барнауле. Могли, конечно, сделать это и поближе, в том же Красноярске...

И вот, пройдя в очередной раз все медицинские комиссии и обследования, весной 2018 года, мне предложили операцию у нас в Красноярске. И я был уже готов на это. Если бы не одно «но». Предложили мне делать её в срочном порядке, и не где-нибудь в областной больнице, а в БСМП. Узнав об этом, я категорически отказался: «Что, я вам – подопытный кролик, чтобы на мне проводить опыты и эксперименты?!» И я написал заявление, чтобы меня поставили на очередь в Барнауле, в специализированном операционном центре. Сделали туда запрос, и мне пришёл вызов на операцию на 4 декабря 2018 года. Опять комиссии, анализы и обследования. Но, похоже, уже окончательные.

3 декабря я выехал поездом до Новосибирска, с пересадкой на автобус, следующий в Барнаул. Попав центр при Краевой больнице, меня поразил там порядок и толковая организация операционного процесса. Операции там поставлены на поток! Ежедневно, согласно графику, туда прибывают со всей Сибири множество клиентов. Примерно столько же и выписывается из больницы, уже через неделю-десять дней.

По приезду поместили меня в палату, куда попал ещё один клиент, из Томска, по имени Виктор. Ему предстояла операция на левом колене.

И уже на следующий день мы стали свидетелями операционного конвейера. Мы видели, как из соседних палат – то вывозили, то привозили уже через час-другой обратно прооперированных.

Дошла очередь и до меня. Раздев и накрыв простынёй, меня повезли на каталке по каким-то лабиринтам до самой операционной. Поставили укол в поясничную часть спины. Подождали, пока не онемеют у меня конечности, и через некоторое вре-

мя оказался я на операционном столе. Там действовала чётко и слаженно целая бригада врачей под руководством операционного врача-хирурга.

А месяцем ранее по интернету я уже просмотрел детально весь процесс похожей операции. Так что под местной анестезией сознание моё оставалось ясным, и я уже примерно представлял, что будут делать со мною.

К этому времени свои ноги я уже не чувствовал. Меня повернули на бок, и началось священнодействие. Никакой боли я не ощущал, будучи в полном сознании. Вся операция длилась не более сорока минут. После её окончания меня отвезли в реанимационное отделение, где поставили систему и прокапали. После этого, в этот же день отвезли обратно в свою палату. И я смог уже по сотовому телефону пообщаться со всеми своими родными, беспокоившимися за меня, сообщив им о благополучном исходе.

Таким образом, пятого декабря меня прооперировали, а десятого числа этого же месяца уже выписали после такой сложной операции, к которой меня готовили едва ли не два года.

Параллельно со мной, двумя днями позднее, поступил сюда же в больницу наш земляк ещё по Красному Яру – Саша Сеницын – друг и однокашник брата Виктора. Приехал он сюда на операцию (и не один, а со своей младшей сестрой Катей) из Томска. Ему и сестре Катерине делали операции на коленных суставах. Саша говорил, что это – наследственная болезнь их матери – тётки Тони. Увы, из-за строгости режима, встретиться там нам не разрешили, хотя находились мы с ними всего-то на разных этажах одного и того же корпуса. Зато регулярно общались с ним по телефону.

Обратно доставили меня организованно, отвезя и посадив в Барнауле на поезд. То же самое было и при пересадке в Новосибирске. А дома меня уже встретили на своей машине.

И вот, с той поры минуло уже полтора месяца. Я начинаю передвигаться по квартире Красноярска с помощью тросточки. Нога моя подживает. А главное, я уже не чувствую тех болей, которые постоянно сопровождали меня длительное время. Даст Бог, и заживёт всё, ещё и побегаю... Намереваюсь в ближайшее время уже сам сесть за руль своего автомобиля. Соскучился по внукам, особенно по Стёпе.

Зная о том, что наша младшая сестра Раиса, страдает не менее моего почти от такой же болезни тазо-бедренных суставов обеих ног (сказались вывихи в раннем детстве), мы все пытаемся уговорить её на подобную операцию. Уж хуже-то быть не должно!

Ещё совсем немного о Лиде

Хочу вернуться к своей нынешней второй половинке, с которой скоро будет уже три года, как мы живём вместе в гражданском браке и в её квартире в Красноярске.

Когда мы только-только познакомились и старались узнать друг о друге побольше, я обратил внимание на то, что одевалась она всегда опрятно и даже модно. Мы не торопясь бродили с нею по городу, рассказывая о себе. Я говорил о том, как судьба привела меня в Красноярск. Говорил и о причинах поиска своей спутницы дальнейшей жизни. Найти доброго и хорошего мужчину хотелось и ей. И не на месяц-другой, а на оставшееся отпущенное Богом время. К тому времени и она уже успела отметить свои 55 лет.

Я же, переехав в Красноярск и вынужденный дорабатывать до пенсии простым охранником, всегда смущался и даже стыдился этой своей работы. Мне и Лиде было неловко говорить об этом. Однако, на вопрос её, а где я сейчас работаю, смутившись, ответил: «Да, охранником 6 разряда в одном из ЧОПов». После этого последовал другой вопрос: «А где обучался на охранника?» Отвечаю ей, что в учебном центре «Безопасность-К», что находится по улице Крупской, 34. «А кто преподавал у вас?» – с интригой поинтересовалась она, похоже, заранее предвидя ответ. Я ей: «Кажется, Александр Андреевич... А вот фамилию подзабыл...» «Колобов, – подсказывает она мне... – Это мой бывший муж... Умер он...»

Будем жить!

Вот так и потекли после этого знакомства наши совместные деньки. С Лидой, Лидией Васильевной. Отношения у нас с ней прекрасные, слава Богу! Она хорошая хозяйка, до сих пор ещё работает в одной из частных рекламных фирм, которая называется «Группа 7». Там она хорошо зарабатывает. У неё много стильных вещей, и она до сих пор любит модно одеваться. Ссоримся

мы с ней редко, и то, в основном, по мелочам. Лида – быстро отходчивый человек, и через некоторое время непременно извинится, если почувствует, что была неправа. Лида уже перечитала все книжки брата Виктора, и хвалит его как писателя.

Я её очень люблю, насколько любовь вообще присуща для нашего возраста. Впрочем, и она отвечает мне тем же.

И вот уже два раза на нашей машине мы побывали у неё на родине, в деревне Успенка, у её престарелого отца. Свою маму она похоронила, уже сойдясь для жизни со мной. Увы, мне не удалось приехать тогда и быть вместе с постигшем её горем. Я сам в это время был у нашей мамы, вдали от цивилизации, и выбраться оттуда в одночасье мне не представлялось возможным.

Выросла Лида в многодетной, по нынешним меркам, семье. Их было шестеро: три брата (Вася, Гена и Коля) и три сестры (Лида, Валя и Света). Все живут своими семьями и заботами.

Отцу Лиды уже идёт восемьдесят седьмой год, он ненамного старше нашей мамы, и у него проблемы со зрением. Мы всячески уговариваем его сделать у нас в Красноярске операцию на глазах. Но с очередями, при нашей страховой медицине – хоть помри, а быстрой помощи не дождаться.

В том же селе, что и отец, живёт и младший брат Лиды Геннадий со своей семьёй, навещая и проведая отца каждый день, принося ему свежую еду и помогая занести дрова в дом, почистить снег и прочее. Лида настаивает забрать отца к себе в Красноярск. Однако, он всячески противится этому. Что будет дальше – покажет время.

Ну, а мы надеемся ещё пожить, испытывая семейные радости, рядом со своими детьми и внуками.

И будем надеяться, что Бог отмерит нам ещё не один десяток лет... Будем жить!

июнь 2018 – январь 2019 гг.

Виктор Арнаут
Главы из автобиографического
повествования «НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ...»

Во флотском бушлате, но в армейских сапогах

*Как замёрзнет лёд на речке,
Так приказ подпишет Гречко!*

(Из армейского фольклора)

Почти все здоровые и нормальные ребята моего возраста и поколения считали, что служба в армии – это действительно почётная обязанность всякого гражданина нашей незыблемой Родины – Страны Советов. А поэтому, отлынивать и искать лазейки, чтобы вернуться от службы в армии, было зазорным. И хотя в шутку говаривали: «Лучше б в армии служили мы заочно», не попадали туда разве что комиссованные больные и те, кто оканчивал институты с военными кафедрами.

В нашем институте военной кафедры не было. Поэтому все выпускники вуза мужского пола, годные по здоровью и не служившие до института, оказывались вскоре в рядах СА или ВМФ. Не был исключением и я.

К тому времени те, кто оканчивал вуз без военной кафедры, призывались на службу всего на один год, рядовыми. Меня призывали трижды. Но, получив повестку и уволившись с работы, пройдя все медицинские комиссии, меня сначала оставляли в резерве, а потом и вовсе – до следующего призыва. Таким образом мне дважды пришлось увольняться и вновь возвращаться к своим студентам, но уже со сбритой наголо, как у эков, головой. Тогда ходить с причёской «под Котовского», было не в моде и считалось явным признаком побывавшего за колючим забором.

В третий раз, получив повестку, я не спешил расставаться со своими волосами и увольняться с работы, устраивая «пышные проводы». В последний раз вышел на занятия 29 октября 1974 года, а 2 ноября меня уже увезли из Кемерово электричкой в Анжерку, не дав даже попрощаться на вокзале с женой. Три дня, с такими же призывниками, я прокантовался на полу в ста-

ром деревянном анжерском клубе, что находился рядом с железнодорожным вокзалом. Приезжавшие туда «покупатели» ни в какую не хотели брать меня к себе – из-за краткосрочности службы и моей гражданской специальности. Возвращаться же снова домой и на работу никак не хотелось, уж поскорее бы отслужить своё... Однако мне всё-таки удалось уговорить одного флотского старшину-срочника, и тот взял меня в свою команду.

Пять дней наш эшелон, набитый по 90 человек в каждом вагоне, катил на Дальний Восток. Я ехал тем же маршрутом, что и в начале июля (на Шикотан). А во Владивостоке, на станции Первая Речка, нас выгрузили и отправили всех в так называемый Экипаж. Экипаж – это место, куда привозили со всех уголков Советского Союза призывников для прохождения окончательной медицинской комиссии и распределения по частям Тихоокеанского ВМФ и военным кораблям.

Пять дней я парился на двухъярусных двухсторонних нарах в огромной душной щитовой казарме, вмещавшей в себя до двух тысяч человек. Наконец, во время ночных комплектаций на пронизывающем ветром плаце Экипажа, выкрикнули и мою фамилию, назвав номер команды. А 13 ноября 1974 года рано утром меня вместе с тремя десятками таких же призывников, вывели из ворот Экипажа, строем доставили до вокзала, и электричкой через полтора часа я оказался на станции Раздольное, расположенной на железнодорожной ветке между Владивостоком и Уссурийском.

Нас привели в воинскую часть под номером 40159. Так я стал потенциальным морским пехотинцем, попав в 186-й Отдельный морской инженерный батальон Морской Инженерной службы Краснознамённого Тихоокеанского Флота.

Таким образом, у нас была самостоятельная часть, со своим знаменем, командиром и штабом, подчинявшаяся морской инженерной службе тыла флота. Находилась она между сопками и основной (едва ли не единственной) улицей длиной в 13 километров приморского села и станции Раздольное. Добротные кирпичные двухэтажные казармы были построены ещё после Гражданской, когда тут верховодил сам С.М. Будённый.

Пройдя курс молодого матроса, 20 декабря мы приняли присягу и нас, призывников, распределили по ротам. В нашей

части было четыре роты: Инженерная (ИР), Инженерно-базовая (ИБР), Инженерно-десантная (ИДР) и Рота подвижных средств базирования (РПСБ). Я попал в Инженерно-десантную роту, в сапёрный взвод.

В нашей роте было порядка ста человек рядового и сержантского состава и около десятка офицеров и мичманов.

Командовал нашей частью подполковник Шамрин. Начальником штаба был майор Журавлёв, зам. командира части по тылу – майор Князев, замполит части – старший лейтенант Торопов, парторг – старший лейтенант Макаров, зампотех – капитан Разманов, начальник медсанчасти – капитан Матвеев.

Командовал нашей ротой весьма деликатный, достаточно справедливый человек и грамотный офицер, старший лейтенант Котельников. Был он немногим старше меня, лет двадцати пяти, не более. Замполитом же роты у нас являлся довольно оригинальный человек – лейтенант Матюхин Валерий Павлович – умный, но невероятно поганый и пакостливый по своей натуре. Любил, когда его называли не по званию, а по имени-отчеству. Зато его не любили ни офицеры, ни матросы с сержантами. В нашей роте он сумел наладить фискальную службу из своих же подчинённых-срочников «стукачей» и знал обо всех и вся: кто и где проштрафился и чем занимался незаконным. Как ни странно, не смотря на такое «рвение» по службе, Матюхина постоянно прокатывали на очередное звание. А то и снимали звёздочку.

В нашей роте было четыре взвода: два сапёрных, один водолазный и автовзвод. Водолазным взводом командовал старший лейтенант Карп – тучный здоровяк, пришедший к нам в часть из флота. Нашим, сапёрным взводом командовал лейтенант Михейлис – недавний выпускник военного училища. Надо сказать, далеко не глупый и начитанный человек, но флегматичного темперамента.

Со всего призыва, человек девяносто-сто, в нашей части оказалось восемь ребят с высшим образованием – годичников, большинство из которых попало в РПСБ. Я же был в единственном числе в своей роте из годичников. Поэтому, мне сразу сказали ротные «дедки»: за этот год тебе придётся отпахать как за два, с двоекратной нагрузкой. Гальян – после отбоя – твой, и не дожидайся вызова наряжчиков вне очереди.

Определили меня сначала матросом-стрелком. Потом, вскоре перевели в механики-водители БМП. А потом – в расчёт «узэпистов». Командовал расчётом сержант Сиренко, а с мая, когда мне присвоили старшего матроса – я был у него заместителем отделения и расчёта. С тех пор я уже не ходил в наряды вне очереди, и гальюн ротный перешёл другому салаге.

Что такое наш отдельный инженерный батальон? Это – батальон, обеспечивающий высадку морского десанта с десантных катеров и БДК (Большой десантный корабль). То есть, теоретически мы шли впереди основного десанта! И на каждом из наших флотов было всего по одному такому батальону, который на случай военных действий, в течение четырёх часов за счёт резервистов и запасников разворачивался в полк. Этому, разворачиванию в полк, нас тренировали ежемесячно по тревоге «Огонёк», а дважды за время моей годичной службы мы принимали «партизан» (запасников) в реальных условиях. Время было тревожное, совсем рядом находилась китайская граница, на которой пять лет назад, на Даманском, дело едва не дошло до большой войны.

В задачи нашего расчёта «узэпистов» входило обеспечение прохода (коридора) от десантного корабля до самого берега. Иначе, уничтожение всех минных и механических заграждений в стометровой зоне от берега моря. В этих целях у нас имелся секретный снаряд (УЗП-69 – удлиненный заряд плавающий, образца 1969 года), представляющий собой 26 сборных двухметровых двухсоткилограммовых секций, начинённых взрывчатым веществом, соединяющихся последовательно, друг за другом, со шнуром-детонатором. Этот снаряд собирался на плаву, на десантном катере и с помощью радиоуправляемого катерка-буксира направлялся к берегу. Дойдя до берега, снаряд взрывался и, таким образом, получался разминированный проход-коридор, шириной метров до пятидесяти, по которому шла высадка основного десанта, не без помощи других наших расчётов, обеспечивающих высадку и разминирование уже морского побережья. В этом боевом расчёте я и состоял на самом деле – на всех учениях и тренировках, не смотря на то, что приходилось заниматься не только этим делом.

Зима в Приморье – не лучшее время года. Не смотря на то, что больших морозов там не бывает и выпадает мало снега, –

пронизывают ветра. Пока стоишь на плацу на разводе – ноги в сапогах примерзают к плацу, а руки в тряпичных перчатках – к автомату. Несколько слов о нашей форме. В отличие от армейцев или чисто флотских, у нас была и та, и другая форма. Так, для полевых и повседневных дел у нас имелась форма морских пехотинцев: чёрные х\б или п\ш, (куртки непременно с отложным открытым воротником, из-под которого виднеется от горла к груди треугольник тельняшки). На ногах – укороченные кирзовые или яловые полусапожки. На голове – чёрный берет, лихо заломленный на правое ухо. Эмблема на рукаве: в красном кругу золотой якорь. Зимой – это дополнялось специальной утеплённой чёрной курткой-бушлатом с меховым воротником морского пехотинца. Парадная форма – как у всяких моряков – от «двойки-тройки» и до «четвёрки-шестёрки» («четвёрка» – морской бушлат, «Пятёрка-шестёрка» – шинель, на голове либо бескозырка, либо чёрная шапка-ушанка). Из обуви – ботинки.

И звания у нас смешанные: матрос, старший матрос, младший сержант, сержант, и далее, как у сухопутных. То же и у офицеров, звания, как у сухопутных, только форма, как у морских пехотинцев, а на погонах – красные просветы. Некоторые офицеры, переведённые к нам из флота (как старший лейтенант Карп, или наш ротный старшина мичман Панюков), какое-то время всё ещё носили флотскую форму, и имели флотские звания (мичман, капитан-лейтенант, капитан третьего ранга...).

Не смотря на мою не совсем мужскую гражданскую специальность, она мне очень даже пригодилась и во время действительной службы. Дело в том, что в нашей части был хороший клуб и своя приличная библиотека. И то, и другое находились в ведении начальника клуба – прапорщика Чирцова Александра Тимофеевича, а он подчинялся непосредственно замполиту части Торопову. Ещё до нового года и до присяги меня заметили в штабе: разузнали, что я немного умею печатать на пишущей машинке. Вот и призывали меня на эту работу, когда нужно было срочно что-то напечатать, а гражданская машинистка – то дома, то на больничном, то в отпуске. Печатать приходилось порой и ночью, всё: приказы командира по части, донесения в вышестоящие инстанции, даже представления на очередные офицерские звания и кое-какую информацию секретного отдела. Вот тут уже меня за-

приметили и замполит части с начальником клуба. Стали приобщать меня к клубно-библиотечной работе. Я оказался в помощниках у киномеханика части – старшего матроса Саньки Мокушева, удмурта, имевшего на гражданке специальность киномеханика. С кинопередвижками мне приходилось иметь дело и на гражданке, а тут стояли аппараты КН-15, для показа даже широкоэкранных фильмов. Освоил и их, правда, один фильм почти новый («В бой идут одни старики») запорол, просмотрев, что на одном аппарате заклинило фетровый ролик, попала соринка и процарапала все части фильма этого аппарата. Был скандал...

Большей же частью в первое время я проводил в библиотеке, особенно вечерами, помогал нашему штатному библиотекарю Надежде Васильевне Копытиной – в организации фонда, выдаче книг, книжных выставок, и даже проведению массовых мероприятий. Мне же досталась и батальонная почта. Почти каждый день, взяв большой чемодан, я выходил (после учебных занятий и тренировок) за пределы части и отправлялся в посёлок, на почту, находившуюся от нашего расположения примерно в километре. Туда я нёс письма, а оттуда – целый чемодан писем, газет, журналов и прочую корреспонденцию. Иногда мне доверяли получить чью-либо посылку. Особенно просили это сделать молодые, чтобы посылка не попала в роту, иначе от неё доставалась адресату пачка сигарет, кусок колбасы или какая-нибудь шоколадка. Я припрятывал эту посылку в клубе или библиотеке, а потом честно передавал её содержимое порциями тому, кому положено. Кое-что перепало и мне.

Как правило, перед дембелем, чтобы попасть в число самых первых уволенных в запас, многие стремились заполучить «дембельский аккорд» – то есть, выполнить какую-то значительную работу – по строительству, ремонту и прочему. Был такой «аккорд» и у меня. Замполит части поручил мне к увольнению составить алфавитный каталог на имеющиеся книги, которых в нашей библиотеке насчитывалось около пяти тысяч. Пришлось изрядно потрудиться, просиживая в библиотеке до полуночи и печатая карточки на пишущей машинке. Из-за большого объёма и недостаточного для этого времени его я так и не закончил.

Получив звание старшего матроса, я всё чаще оставался в клубе. Я почти не ходил в суточные наряды: караул, по камбузу, по роте, медсанчасти... А с июня и фактически по сентябрь месяц я оставался за начальника клуба, поскольку прапорщик Чирцов два месяца был на больничном, а потом столько же в отпуске. У меня уже был свой кабинет, я распоряжался нарядчиками, которые занимались уборкой клуба, кинозала (на 400 мест) и библиотеки. Нередко я даже не появлялся в роте на вечерней поверке, отзвонив ротному дежурному, что нахожусь в клубе, а летом несколько раз оставался там и с ночевой, удобно устроившись на диване.

Вот тогда-то я и занялся сочинительством своего незаконченного романа. Об этом у меня написан рассказ «Письмо из Питера». В нём же я описал и тот факт, как меня пытались завербовать в сексоты (стукачи), а я отказался...

Из тех, с кем был в приятелях, следует отметить годичников»: Александр Слащёв – из Алма-Аты (преподаватель физики и математики, был батальонным электриком), Дмитрий Самарский (такая же специальность, комсорг части), Владимир Боярчук (механик из Курска, и.о. зампотеха базовой роты), Вася Коробейников (хлеборез), Боря Чередниченко – красноярец, питерец Владимир Лунин; отчисленный из Кемеровского мединститута Санька Былин (батальонный художник-оформитель, томич), двухгодичники – Серёга Мингалёв (связист), Лёха Малов (матрос из Ангарска)...

Из бывших сослуживцев встречался на гражданке лишь с Санькой Былинным несколько раз – в Томске, Кемерове и даже в Москве. Переписывался одно время с Лёхой Маловым. И дважды встречался случайно с однополчанами, служившими в нашей части либо раньше меня, либо позднее. Так, на 45-летию сестры Татьяны в Красноярске за одним столом я оказался с мрачноватым мужиком, похожим на татарина, Сангаджиевым. Он служил после меня в нашей части полтора годами позднее, а на гражданке был уже ментовским майором (дослужился до полковника). Второй случай: на юбилее В.М. Шукшина в Сростках, в 2004 году, на заключительном банкете я сидел за одним столом с актёром Барнаульского драмтеатра Михаилом Переверзиным – он служил в нашей части пятью годами ранее.

Будучи клубным работником, неплохо освоил игру в бильярд. Играл и со срочниками, и с офицерами, случалось, выигрывал у них. Помню, заместителем начальника штаба был молодой лейтенант Артём Можаяев, – сильно злился, если я у него выигрывал, особенно перед моим уже увольнением в запас. Всё время приговаривал, грозя, в таких случаях: «Ну, ты у меня уедешь на дембель «золотым эшелоном»...».

По традиции, служба последний год, деды-дембеля заводили дембельские календарики, где вычёркивали или выкальвывали иголкой в нём отслужившие дни. При этом делалось это не вечером, в конце дня, а утром, после завтрака, на который полагалось помимо прочего 20 граммов сливочного масла: «Масло съел – день прошёл!» Был такой армейский календарик и у меня. Особо почиталось у тех, кто служил, известие о Приказе министра обороны об увольнении в запас и призыве новичков на воинскую службу. Министром обороны в то время был маршал Гречко. Бытовал афоризм: «Как растает лёд на речке, так приказ подпишет Гречко!» – это для весеннего призыва. У осенников вместо «растает» было «замёрзнет».

А уехал я всё-таки «золотым эшелоном», получив накануне звание младшего сержанта. В моём дембельском чемодане-портфеле лежали помимо прочего пять почётных грамот командира части за хорошую службу. Ночью 12 ноября все отбывающие из нашей роты на увольнение в запас, накрыли последнюю «полянку» – с конфетами, пряниками, сгущенкой и даже с небольшим количеством спиртного. А 13 ноября, рано утром, нас выстроили в последний раз в штабе, осмотрели нашу дембельскую форму, проверили чемоданы – и на электричку, снова во Владивосток, в Экипаж, а оттуда, маршем по городу, в строевых «коробках» по 90 человек – на ж\д вокзал. И наш эшелон, вагонов семнадцать, сплошь из моряков в чёрных бушлатах и бескозырках, покатыл через всю Сибирь и Урал – аж до Киева, высаживая на всех станциях тех, кто проживал недалеко или для пересадки. Таким образом, в части я прослужил ровно один год, день в день! В моём военном билете стоял штамп об увольнении в запас 13 ноября 1975 года по ВУС-100, состав: сержанты, военная специальность – старший линейный надсмотрщик полевых кабельных линий. Уж почему меня туда причислили – я так

и не понял. А уже потом, на гражданке переквалифицировали меня, как запасника: состав – прапорщики, специальность – начальник клуба морской пехоты.

Конечно, было трудно. И не столько физически, сколько морально. Унижений было предостаточно, от старослужащих. Получал несколько раз и зуботычины, и под дых. Приходилось давать и сдачи, а чаще – улаживал дело дипломатически. По своей гражданской подготовке я вполне потянул бы на замполита роты. Мне всегда было непонятно: почему так расточительно в нашей стране обходились со специалистами с высшим образованием, призывая их служить после институтов и университетов рядовыми, наравне с необразованными восемнадцатилетними пацанами. Куда разумнее было бы призывать таких на два года: первые три месяца – краткосрочные офицерские курсы – по освоению воинского устава, строевой, а потом, после присвоения офицерского звания – по частям, в зависимости от гражданской специальности. Так, те, кто оканчивал вузы типа нашего или пединститут (историки, филологи, биологи и т.п.) – вполне могли служить замполитами рот, комсоргами или парторгками батальонов, технари – зампотехами... А семейным была бы возможность получить жилплощадь и вызвать по месту службы жену с ребёнком (если таковые, как у меня, имелись).

Только вот вернувшись на гражданку, никак не покидало чувство какой-то вины и неполноценности: служил-то всего один год. И вот, мне стали сниться сны, что меня всё призывают и призывают дослуживать этот второй год. И попадаю я, как правило, опять в свою родную часть. Только там всё уже по-иному... Снилось мне это лет двадцать, пока я не написал об этом рассказ «Второй год службы». И дослуживать, слава Богу, мне уже не пришлось... Даже на переподготовке не был ни разу, оставаясь до самого снятия с воинского учёта младшим сержантом запаса.

Ох, рано встаёт охрана...

*Если рядом воробей –
Мы зарядим пушку,
Если муха – муху бей,
Взять её на мушку!*

*(Песенка из мультфильма
«Бременские музыканты»)*

Вторая половина девяностых постылых годов прошлого столетия явилась, если и не снегом на голову во время ранней осени, то уж и далеко не бабьим летом для нашей страны. Многие из нас, её рядовых и законопослушных граждан, всё ещё верили, что распад Советского Союза – этого незыблемого Колосса на одной шестой территории земного шара – лишь кошмарный сон, который вот-вот закончится и всё пойдёт по старому. Увы, не пошло и не вернулось.

Повсеместный развал, бессовестное разворовывание и растаскивание всего, что можно было украсть – так цинично провозглашенное новым «всенародным избранником» Борисом Ельциным – делали своё чёрное дело.

Закрывались тысячи предприятий, шахт, заводов, НИИ, лабораторий, строительных организаций. Квалифицированные и опытные специалисты, так необходимые ещё совсем недавно, оказывались не у дел, их просто выставляли за порог. Повсеместный локаут профессиональной рабочей силы и творческой интеллигенции, словно весеннее наводнение, ежечасно полнил растущую армию безработных. Делалось это на фоне беззастенчивого обогащения хапуг и рвачей, как правило, ещё вчерашних идеологов и руководителей советской власти, КПСС и комсомола. Они-то своего не упускали и не хотели упускать.

И уже шёл процесс активного криминального передела нахапанного. Повсеместно наполнились лишь ряды воров и охранников. Всякое мало-мальски выжившее или вновь созданное предприятие, или фирма-однодневка взяли за моду и хороший тон создавать у себя в структурах охранные службы.

Вот и потекли отовсюду бывшие рядовые шахтёры и инженеры, химики-технологи, строители, производственники, от-

ставные военные и изгнанные со службы спившиеся и обнаглевшие милиционеры, преподаватели школ, техникумов и даже доценты вузов в эти самые охранники. Всё-таки там платили, хотя и с большими задержками, но более-менее приличные зарплаты. Многим надо было не только кормить свои семьи и себя, но и где-то и как-то дорабатывать свой пенсионный стаж. Мне к тому времени исполнилось 45 лет, до официальной пенсии оставалось ещё 15 годков.

Кадры охранных структур многих контор, офисов и чудом выживших предприятий оказывались самыми образованными, в них сосредотачивались до 75 процентов людей с высшим образованием, ставших никому ненужными. При этом, низкоквалифицированный труд охранников, по сравнению с профессиональным образованием и прежними должностями, в большинстве случаев приводил к тому, что эти люмпенизированные вчерашние специалисты просто-напросто спивались и деградировали на глазах. Их выгоняли с одной «работы» за пьянство и прогулы, они тут же переходили в другие охранные организации. Текучка кадров доходила до 40-50 процентов в год.

Так было и там, куда попал я, в «Водоканале», преобразованном позднее в ОАО «КемВод».

А случилось всё следующим образом. Один мой приятель, Алексей Подаруев, бывший преподаватель культпросвет училища, устроившийся на работу дворником в наш ЖЭК на ФПК, чтобы получить квартиру дочери, ещё и подрабатывал охранником в «Водоканале»: сутки на охране, трое – свободен. Мало того, он «заболел» и ещё одной «болезнью», которой был безнадежно «болен» и я с раннего детства – рыбалкой.

В мае-июне того года рыбка в нашей Томи ещё водилась немалая. Туда из Оби зашли крупные лещи и даже судаки. Ночные уловы составляли порой по пятнадцать-двадцать килограммов. Рыбку девать было некуда, холодильники были забиты, каждодневное домашнее рыбное меню уже изрядно надоедало. Приходилось, смилив гордыню и стыд, стоять где-нибудь в людном месте и продавать свои уловы, тем самым добывать для семьи ещё и наличные деньги.

Так вот, этот самый Алексей, частенько заплывал с вечера вместе со мной в Берёзово на ночную рыбалку, но утром я его почти никогда не видел, он исчезал. Позднее выяснилось, что он

к утру просто сплавлялся вниз по течению Томи на лодке до «Зелёного острова», где с восьми часов заступал на суточную службу, приняв стакан водки и завалившись спать.

Когда я посетовал на то, что собираюсь уходить из института, он мне тут же предложил поступать к ним на службу охранником, назвав сумму зарплаты, в два раза превышающую мою доцентскую ставку по 13 разряду ЕТС.

Когда я спросил, а как туда попасть, он ответил, чтобы я брал с собой литряк водки и парочку свежих лещей, кило по два. Так я и сделал. На следующий день он привёл меня к начальнику службы охраны Бровкину Юрию Ивановичу, бывшему подполковнику-пограничнику. Смотрины состоялись. Бровкин сказал, что охранники им нужны, чтобы я проходил медицинскую комиссию, писал заявление о приёме на работу и с трудовой книжкой приходил на службу уже 2 июля.

Так я и сделал. Уволившись 1 июля из института, 2 июля 1996 года я уже был на первом суточном дежурстве на, так называемой, Основной базе «Водоканала», располагавшейся по улице Волгоградской, 47 – в сторону совхоза «Суховский».

Первые суточные стажёрские дежурства на проходной и на машинных воротах меня просто шокировали своей примитивной монотонностью и однообразием. Время тянулось потрясающе медленно, я делил прошедшие часы на суточные части: одна восьмая, одна четвёртая, половина, никак не мог дожидаться окончания службы. Ко всему, внутри меня просто червоточила мысль: «Куда ты попал, Виктор Степанович? Чем ты, вчерашний доцент и замдекана, занимаешься?! Да это же – полнейшая деградация!!!»

Видя мою маету и какую-то внешнюю неудобу, Юрий Иванович Бровкин предложил мне примерно через месяц перейти на «Зелёный остров» – новый «посёлок» коттеджного типа, который строил «Водоканал» для своих служащих на бывшем совхозном поле, недалеко от берега Томи. Там было поспокойнее и подальше от множества людских глаз. Гораздо реже туда навевывалось с проверками и наше начальство, особенно в ночное время.

А возглавлял в то время «Водоканал» опытный хозяйственник, но очень жесткий человек, Владимир Андрианович Усольцев. За любой прокол он мог тут же уволить с работы – будь ты охранник, слесарь-аварийщик, машинист насосной

станции или даже классный зуботехник-стоматолог. Его все боялись, как огня. Но при нём был и порядок, при нём зачуханный городской «водоканал» на глазах превращался в технически оснащённое передовое акционерное предприятие. В его штате работали даже порядка 6-7 кандидатов наук. У «Водоканала» имелся свой профилакторий «Водолей» – со стационаром и с отличным стоматологическим кабинетом, где зубы лечили всем работникам, включая и охрану, бесплатно. Вот он и начал строить своим служащим новые трёхуровневые коттеджи (по плану на 20 гектарах земли, около 90 штук) на несколько обособленной территории – силами РСУ, являющимся структурным подразделением «Водоканала». При нём же начали строить и цех розлива чистой воды, и итальянскую линию сладкой газировки под названием «Талинка».

Строящийся «Зелёный остров» охраняли три охранника с собаками и начальником караула. Начкарком там, сначала сменно-общим, был Котовщиков, потом его сменил Иван Михайлович Зайцев, работавший ранее начальником цеха, не то на «Азоте», не то на «Химпроме» или «Коксохиме». Зайцев приезжал к нам по будням на пересменок и появлялся иногда минут на двадцать-тридцать, под окончание смены эрээушников, чтобы с ними же и уехать на служебном автобусе домой. Особо нам он не докучал. В своей смене я числился старшим охранником. И мы, охранники, с наступлением ранней зимней темноты и окончанием работы строителей, обычно заваливались спать в своих сторожевых будках, лишь изредка делая обходы территории и делая пометки в журнале обходов, находящемся на первом посту. Особенно спокойно бывало зимой, когда все подступы к посёлку были замечены глубочайшими снегами, и попасть туда можно было только одной дорогой через первый пост. Беспокойство начиналось с таянием снегов, и особенно летом, куда просто стекались как паломники отдыхающие горожане, стремящиеся к Томи и на её берега. Случались и хищения стройматериалов, порой и не без участия охранников. Ограждения по периметру не было, имелся лишь небольшой ров, который можно было без особого труда преодолеть любому злоумышленнику. Так, уже едва ли не в первое моё дежурство ко мне подкатил мотоциклист с коляской, предлагая продать ему несколько де-

сятков кирпичей. Я, естественно, отказал ему. Бывали и угрозы в наш адрес. А однажды, будучи в будке на третьем посту, по мне стреляли из мелкашки. Слава Богу, мимо...

Свободного времени было завались.

Кое-кто увлекался спиртным. Однажды, после дня рождения нашего приятеля, я пришёл на службу с глубочайшего похмеля, прихватив с собой по пути в киоске ещё трёхсотграммовую баночку водки. Выпив её, я снова оказался пьяным. Завалился прямо днём спать. И едва не попался проверяющему. С тех пор я взял для себя за правило: на службе – ни грамма. И следовал неукоснительно этому правилу все последующие пятнадцать лет! Так что все уже знали, что поймать меня пьяным во время дежурства – невозможно по той причине, что я никогда на службе не выпиваю! Знали это и все рабочие, поначалу неоднократно предлагавшие мне выпить с ними. Я отказывался, называя причину. И те, понимая, вскоре перестали мне предлагать выпить с ними в рабочее время.

Избыток свободного времени и дефицит привычной для меня социосреды привели к тому, что я начал писать. При этом, частенько делал это прямо во время дежурств, находясь на постовых вышках. Вдохновение накатывало как днём, так и ночами. Время за этим занятием пролетало быстро. Мои дежурства уже не казались такими обременительными, как это было вначале...

Отработав на «Зелёном острове» около трёх лет, когда начали уже заселять коттеджи, охранников там стали сокращать и переводить на другие объекты «КемВода». Тогда я оказался на «Зоне А», что располагалась по улице Терешковой и пересечении проспекта Химиков. Там находились резервуары с запасами чистой питьевой воды для города и мощная насосная станция. Там же базировались и аварийщики со своей техникой и складами запчастей и материалов. Почти три года проработал я и здесь. Помимо этих объектов пришлось охранять и основной водозабор, что находился на берегу Томи в районе Металлплощадки, и на цехе розлива – «Талинка», бывать и на других объектах.

А с июня 2003 года меня перевели на Городские очистные сооружения – уже в качестве начальника караула, где я и проработал до самого увольнения 8 лет. В моём карауле числились три охранника (иногда бывало и по четыре) и три сторожевые собаки. Состав караула менялся довольно часто. Но дольше всех

я проработал с Александром Лыковым и Александром Александровым, даже подружившись с ними.

Со всеми остальными охранниками и сменными начальниками караулов отношения были весьма сдержанными, если не сказать натянутыми. Дело в том, что начкарами назначались, как правило, бывшие менты или гуиновцы – народ весьма подленький, придирчивый, мелочный, готовый в любую минуту подставить тебя, выгораживая себя или сваливая на тебя свои проколы и косяки по службе.

После Ю.И. Бровкина некоторое время начальником СБ работал В.И. Чехлатов, отставной армейский подполковник, которого вскоре сменил Сергей Фёдорович Шкрылёв – армейский капитан запаса.

Будучи сам любителем выпить, Шкрылёв стал закручивать гайки в отношении выпивох, и особенно в рабочее время. За малейший прокол и уличение в выпивке, а также сон на посту, как правило, следовало увольнение. В его подчинении находились не только вчерашние рядовые и сержанты со старшинами, но и немалое количество отставных майоров, подполковников и даже полковников. И всех он строил в один ряд! Не давал спуска никому. Беда была тому, кто прокалывался по службе. Его фамилия склонялась ещё с полгода на ежемесячных скучнейших и однообразных обязательных собраниях личного состава. Этот человек попадал под опалу. Так случалось и со мной, пару раз, когда я пытался после подставы показать, что я не из тех, на ком можно срывать свои накопившиеся негативные эмоции. Правда, бывали случаи, когда я получал даже благодарственные грамоты и письма за примерную службу – вплоть до Губернаторских. Не говорю уже про ежемесячные премиальные. И немалые.

Однако, видя, как быстро и стремительно растёт армия охранников по всей России, вскоре опомнились и менты с государственными чиновниками. Ведь с этой армии вчерашних профессиональных военных, и даже бывших коллег-ментов и прочих деклассированных специалистов, подавшихся в охранники, можно было срубать, ничего не делая, очень даже приличные деньги!

Чиновники стали разрабатывать поспешные и не очень продуманные инструкции и статьи законов – об охранной деятельности, о служебном оружии и спецсредствах. И вот тут-то закончилась вольная жизнь охранников.

Теперь уже нужно было проходить обучение на охранника, получать лицензии на охранную деятельность, разрешение на служебное оружие и спецсредства и сдавать ежегодные квалификационные экзамены и зачёты. И всё это делалось обычно за счёт самого охранника, а не предприятия, где он работал. Сначала сдавали экзамены и зачёты в лицензионно-разрешительном отделе УВД устно, и лишь те, кто имел дело на объектах с оружием. Потом обязали сдавать и всех начкаров. А поняв халявную дармовщинку – и всех прочих охранников поголовно. Перешли на тестовую форму сдачи экзаменов и зачётов. Тестовые задания были разработаны так безграмотно и примитивно, что мне, прошедшему в Москве курс по педагогическому тестированию, все эти огрехи были видны очень даже хорошо. Но – мои знания и навыки были никому ненужными и переубедить кого-либо в некачественности (невалидности) тестовых заданий было просто бессмысленно! Мало того, нужно было ещё и сдавать стрельбу из пистолета Макарова – по движущимся и неподвижным мишеням с разного расстояния. И, если я сдавал все тестовые задания, выучив «правильные» ответы, без проблем, то стрельба стала меня огорчать. Раньше я всегда (особенно во время действительной службы) стрелял неплохо, даже с отличием. Тут же, волнуясь, стал мазать. К тому же стали подводить зрение и дрожание руки. Пришлось однажды даже оплачивать стрельбу повторно...

Структура и численность нашей службы безопасности стала резко расти и меняться. Появилась группа оперативного реагирования, которая не столько реагировала на помощь на объектах, сколько занималась проверкой несения службы на постах и особенно в ночное время, разъезжая на специальных машинах. Мало того, оперативных дежурных обязали проверять знание охранниками статей законов наизусть. Особенно это любили делать сам Шкрылёв и особо ретивые опера. И многие охранники, волнуясь, не могли наизусть быстро и без запинок и искажений воспроизвести содержание спрашиваемого материала. Тогда доставалось и самим охранниками, и начкарам – за слабую подготовку своих подчинённых. Вплоть до снятия какой-то части премии.

С переходом на Городские очистные сооружения (ГОСК) и на должность начкара, у меня появилось гораздо больше ответственности и стало меньше времени писать во время службы. Зато я начал приносить на службу целые кипы рукописей, кото-

рые мне давали на чтение и рецензии в редакции нашего журнала «Огни Кузбасса» в Союзе писателей.

Где-то в начале 2008 года нашу службу безопасности вывели из структурного подразделения ОАО «КемВод» и сделали из неё ЧОП (частное охранное предприятие), которое возглавил Тимошкин, а Шкрылёв стал его замом.

Постоянное пребывание «под Дамокловым мечом» со стороны начальства нашего ЧОПа день ото дня делало службу всё тягостнее и невыносимее. На каждом собрании тебе напоминали, что ты ешь чужой и дармовой, неотработанный хлеб. Закручивались гайки всё туже и со стороны системы выдачи лицензий и приёма экзаменов. Нужно было вновь проходить оплачиваемую переподготовку, сдавать экзамены и получать удостоверения нового образца охранника 6-го разряда. Всё это стоило порядка 5-6 тысяч, при месячной зарплате в 12-13 тысяч рублей. К тому же, приближалось время выхода на пенсию, то есть моего 60-летия...

И я принял решение: уйти на пенсию. Уведомил об этом начальство и, переработав лишь две смены после своего юбилея, уволился из ЧОО «СБ СКЭК» 2 июня 2011 года. Что самое обидное, при увольнении и выходе на пенсию, мне никто не сказал даже спасибо за 15 лет службы в охране. Уж кому-кому, а Шкрылёву-то было это очень даже хорошо известно. К тому же, я никогда не числился среди самых плохих начкаров и охранников. Не выдали мне даже хотя бы какую-то бумажку в виде Грамоты или Благодарственного письма, ни рубля вознаграждения сверх положенной отработанной месячной зарплаты начальника караула. Обидевшись, я передумал делать даже отвальную «полянку» с нашим начальством. Правда, мои ребята из караула всё же проводили меня.

Ну, и на том спасибо... Всё, всё, с охраной покончено, как когда-то и с работой вузовского доцента... Уходя, уходи – это я взял за принцип!

Остановленные мгновения

*И остались годы эти
В «Униброме», в «Бромпортрете»,
В фотографиях «На память...»*

(Дмитрий Сухарев)

Пожалуй, вторым моим серьёзным увлечением после рыбалки была фотография. Да и по хронологии – тоже.

Моя память уводит меня в самое начало шестидесятых годов. Я очарован магией фотопечати, когда при тусклом красном свете в тарелке с прозрачной жидкостью на белом листе фотобумаги вдруг начинают проявляться очертания людей, домов, деревьев...

А чуть-чуть до этого я рассматриваю новенький фотоаппарат, пахнущий чем-то особенным и непонятным, фотоаппарат с таким же пока загадочным для меня названием – «Юнкор». Он – собственность моего старшего друга Серёги Димитренко. И стоил он шесть рублей новыми деньгами. Фотоаппарат – широкоплёночный. На плёнку можно было сделать всего, кажется, девять или двенадцать кадров, поэтому что попало снимать Серёга себе не позволял. Снимали, в основном, своих родителей, родню, друзей, одноклассников. На природу и прочее плёнку не переводили.

Потом я с интересом наблюдаю (и даже чем-то помогаю), как Серёга из фанерок, деревянных досочек и брусочков мастерит фотоувеличитель и фонарь для красного света. Вместо фотообъектива в фанерный проекционный ящичек вставляли всё тот же «Юнкор», только без задней крышки. Вместо стекла на фанерный ящичек для красного света крепили пионерский галстук. Помню, Серёга как-то доверил мне самостоятельно сделать отпечаток с кадра, где я с мамой, братом и сестрёнками стоим вместе. Фотку эту я почти запарол, дал слишком много света на фотобумагу, и фотокарточка получилась темноватой (как говаривают фотографы, передержанной). Но это была – уже *моя фотография*, как некогда первый *мой карась*, пойманный мною самим на Боталёвском озере.

А чуть позднее, когда мы жили уже в Калининском, в конце лета 1962 года отец купил мне настоящий фотоаппарат. На-

звался он «Смена», просто «Смена», ещё без цифр, это уже потом пошли «Смена-2» и далее. К нему же он купил и все принадлежности: фотобачок, ванночки, фотоувеличитель, металлический фонарь красного света... Даже и не знаю, как он решился на такое, ведь всё это стоило тогда весьма приличных денег! Сам он фотографией никогда не занимался. Осваивали это дело мы с братом, правда, приоритет был явно за мною.

Фотоаппарат снимал на 35-миллиметровую фотоплёнку, на которую помещалось до 36 кадров. Правда, из-за неопытности и отсутствия знаний, на плёнке пригодными для печати поначалу оказывалось всего-то с десятков кадров, остальные из-за неверной экспозиции (установки выдержки и диафрагмы) были либо совсем тёмными, либо светлыми. А отдельные кадры были не в фокусе, ведь фотообъектив на нём стоял примитивный, и фокусировка (метраж) устанавливалась на глазок.

Сколько плёнки и фотобумаги мы произвели с братом – уму не постижимо. И опять-таки, я удивляюсь, как на это родители давали нам деньги. Фотоплёнка стоила тогда 36 копеек, пачка бумаги (размером 9 на 12) – двадцать копеек, проявитель с закрепителем – копеек по пятнадцать-двадцать...

Мой темперамент не давал мне как следует выдержать все рекомендуемые сроки и параметры обработки плёнки и фотобумаги. Как только я заснимал всю плёнку до конца, мне тут же хотелось её проявить. Проявив плёнку, не давал ей как следует промыться в воде и просохнуть. А следом – уже торопился отпечатать фотографии. И снова – мой нетерпёж не давал качественных снимков: из-за плохой промывки фотоснимков после проявителя или закрепителя, снимки тут же желтели и портились. А если получались сносными, то половина их прилипало к стеклу, на котором мы их сушили. Фотоглянцевателей ещё не было... Помню, с каким нетерпением вскрывал я упаковки фотобумаги со странными и непонятными для меня названиями – «Унибром», «Бром-портрет», «Фотобром», «Йодоконт», с маркировками: №2, №3, №4, №5 и даже №6; «Нормальная», «Контрастная», «Глянцевая», «Матовая»... Ещё загадочнее были надписи на химикатах: «гипосульфит», «сульфит натрия», «метол-гидрохинон»...

На следующую ступеньку фотомастерства я поднялся, когда в сентябре 1967 года мы с братом Володей получили зарплату за летнюю работу в совхозе. Рублей сто с лишком. По тем

временам – деньги немалые. Уж как нам мама разрешила потратить их по нашему усмотрению – диву даюсь, ведь мы тогда нуждались в очень многих необходимых вещах. И, тем не менее, на заработанные деньги мы с братом купили велосипед за 54 рубля и новенький фотоаппарат «Зоркий-6» – за 35 рублей! Новый фотоаппарат был уже более высокого качества, чем предыдущий «Смена». У него уже имелся сменный объектив «Индустар-50» с видоискателем, то есть устройством наводки на резкость. Качество снимаемых объектов значительно повысилось. Да и возраст уже был – не те десять-двенадцать лет.

С этим аппаратом, как со своей первой гитарой я прошёл лет пятнадцать своей жизни. Где он только у меня не побывал за то время: и на рыбалках, на Мирновских озёрах, и на охотах, и во все годы студенчества, и на Шикотане, и даже в Питере. И первые фотки наших обеих дочерей – тоже сделаны этим «Зорким-6». Разве что не тянул со мною вместе мою морпеховскую ляжку.

Фотографий, что я наснимал этим аппаратом – целые чемоданы. И не один семейный фотоальбом украшают его снимки. Разлетелись по разным уголкам нашей необъятной Родины, как и мои родные-знакомые, школьные друзья и собраты по студенчеству и стройотрядам. Верным и безотказным оказался мой этот спутник жизни.

После него у меня перебывало ещё несколько аппаратов. Конечно, «зеркалки» стояли выше обычных фотоаппаратов. И я мечтал о таком. Купил-таки себе «Зенит», который лет через пять украли у жены в Сочи, где она отдыхала вместе с младшей дочерью Настей. Вместо него пришлось приобрести «ФЭД-5» – тоже неплохой аппарат, но не зеркалка. А поработав с аппаратом высшего класса, опускаться ниже уже не очень-то хочется. Тогда я приобрёл себе снова «зеркалку», «Зенит-ЕТ». Это был лучший фотоаппарат из всех моих предыдущих и будущих. Увы, очень скоро время его закончилось вместе с чёрно-белыми плёнками и такими же фотографиями.

Пожалуй, стоит отметить и тот факт, что, приобретая фотоаппараты более высокого уровня, снимки по качеству получались на них не всегда лучше тех, что снимал «Сменой» или «Зорким-6». И вот почему. На заре моей фотобиографии фотоматериалы (как плёнка, так и бумага) содержали гораздо больше

натурального серебра. Поэтому чистота негативов и фотографий были выше, то есть на них было совсем мало зернистости, они были чётче, у них была большая разрешающая способность. Позднее серебро стали заменять всякими химическими суррогатами, от которых страдало качество снимков.

Накопив целые чемоданы фотографий, стало очень трудно найти нужные снимки в нужное время. Тогда я решил хотя бы как-то систематизировать их. А сделать это было можно с помощью толстых фотоальбомов. И я занялся этим: сортировкой фотографий и распределением их по альбомам. Так появились сначала альбомы: мой личный, начиная с раннего детства, потом – армейский, студенческий, совместно-свадебный и досвадебный. Потом пошли альбомы наших дочерей. Наконец я дошёл до хронологических альбомов, то есть, вклеивал в них с помощью клея ПВА текущие фотографии, а на корешках альбомов указывал даты начала и конца помещённых в них снимков. Таким образом у меня получилось 22 альбома, в каждом из которых размещалось порядка 200-250 снимков, с указанием времени снимка. Они хранятся и поныне, правда из некоторых альбомов постепенно бесследно исчезают отдельные фотоснимки.

Появление цветной фотографии перевернуло моё представление о ней и значительно изменило сам фотопроект. Теперь оставалась в арсенале фотографа только съёмка. Проявка плёнки и фотопечать – осуществлялись уже в фотоателье. По первости я продолжал снимать на «зеркалке». Потом приобрёл «мыльницу» «SAMSUNG». Началось это примерно в самом конце прошлого тысячелетия. И я потерял тот прежний азарт фотолюбителя, мне стало просто неинтересно заниматься только одной съёмкой. Хотя и новые, уже цветные, фотографии я продолжал вклеивать в текущие хронологические альбомы.

А где-то году в 1995-96-м моя двоюродная племянница Наталья Шадрина привезла из Новосибирска во время своей заочной учёбы у нас в институте видеокамеру. Я попробовал снимать ею и – заболел, теперь уже видеосъёмкой. И, как у маньяка, возникла навязчивая идея: приобрести свою видеокамеру. Перейдя работать из института в охранники, появилась возможность подзаработать побольше и скопить необходимую сумму на видеокамеру. Таким образом где-то в начале 1997 года я смог

осуществить эту свою мечту, приобретя за 3,1 миллиона (теми ещё «лимонными» рублями) новую 8-миллиметровую видеокамеру «Samsung».

И начались видеосъёмки, которые я потом переписывал с помощью видеоманитофона на 16-миллиметровые трёхчасовые видеокассеты VHS. Года через три-четыре я понял, что качество видеозаписей на 8-миллиметровой плёнке получается похуже, чем с 16-миллиметровой аналоговой камеры. Тогда я приобрёл новую видеокамеру, продав прежнюю брату Сергею Некрасову. И опять – тот же процесс: съёмка, перезапись на кассеты. И снова мой видеоблок, как некогда из фотографий, стал расти снежным комом. Пришлось и эти кассеты идентифицировать, то есть наклеивать на корешки ярлычки-наклейки с указанием фрагментов видеозаписей (где и когда). Потом дело опять дошло до тематической группировки. Так появились кассеты семейные, застольные, юбилейные, рыбацкие.

А с конца прошлого столетия – и писательские. Несколько первых кассет я записал, ещё не будучи принятым в СПР. А с момента приёма меня в СПР (с 2001 года) я стал практически видеохроникёром нашей писательской организации. Записал на видео многие мероприятия, выездные фестивали, конкурсы, юбилеи, заседания, в том числе и «полянки». Особо ценными записями считаю видеозаписи поездки на Шукшинские праздники в Барнаул, Бийск и Сростки в июле 2004 года. Там на мои плёнки попали весьма замечательные люди: киноартисты – Валерий Золотухин, Александр Михайлов, Александр Панкратов-Чёрный, Людмила Зайцева, Ольга Остроумова, кинооператор Заболоцкий, снимавший все картины Василия Шукшина; скульптор Клыков – изваявший скульптуры Шукшина; писатели: Валерий Ганичев, Валентин Распутин, Станислав Вторушин, Виталий Зеленский, Владимир Берязев, Анатолий Байбородин, Александр Казанцев, Владимир Башунов, Анатолий Личутин, Анатолий Кирилин, Александр Родионов; бард Олег Митяев, Александр Заволокин со своим коллективом, тогдашний губернатор Алтая Михаил Евдокимов, депутат Госдумы Харитонов. Здесь же – три поколения Шолоховых (сын писателя – Александр, внук – Михаил Александрович и правнук). Не говорю уже про наших писателей – делегацию кузбассовцев: Борис

Бурмистров, Иосиф Куралов, Виталий Крёков, Александр Раевский, Виктор Коврижных, Сергей Павлов и я...

Все видеозаписи я дублировал: для себя и для СПК. Но те видеокассеты, что я передавал Борису Бурмистрову в СПК бесследно исчезали. Так же, как и «замыллил» одну мою личную кассету ижморец Михаил Шеховцов, которому я давал её для мероприятия по поводу Первых Матвеевских чтений.

Параллельно видеосъёмкам, я продолжал делать и фотоснимки, сначала «мыльницей», а потом и цифровиком. И снова пошли фотоальбомы, преимущественно семейные, рыбацкие и писательские. Из писательских альбомов набралось уже три штуки (тома), начиная с 1999 года и по сею пору. В каждом из них по 100 уникальных фотографий, с надписями: кто, где и когда... Со многими из изображённых на них, уже никогда не свидеться в этом мире.

С переходом на цифровую видеосъёмку, перебрав две видеокамеры, у меня почему-то пропал интерес к видеосъёмке. И я уже почти три года ничего не снимаю. Полностью перешёл снова на фотокамеру, уже цифровую. Из цифровиков у меня теперь три аппарата: «PANASONIC LUMIX», «FUJI FILM» и «CANON». И всеми тремя я не очень доволен: не всегда устраивает качество снимков.

Что касается фотоархивов, то теперь эти цифровые снимки я сортирую по темам в отдельные компьютерные папки, храня их как в памяти своего компьютера, так и дублирую на отдельных (тематических) флэшках. Особое место теперь занимают папки с фотографиями внуков – Николки и Алёны.

Среди писателей

*У поэтов всё не слава Богу.
Не давая сердцу отдохнуть, –
Рано собираются в дорогу,
Первыми заканчивают путь.*

(Валентин Махалов)

О том, как я начал писать, повторяться не буду.

А вот с писателями, которых считал небожителями, «живьём» пришлось свидеться, будучи студентом института, едва ли не на первом курсе. Тогда было в порядке вещей приглашать местных писателей в студенческие аудитории и устраивать с ними встречи.

Так вот, уже в самом начале семидесятых годов я увидел и слушал стихи таких наших кузбасских поэтов, как Валентин Махалов, Виктор Баянов, Евгений Буравлёв, Михаил Небогатов, Геннадий Годенов, Геннадий Юров, Игорь Киселёв, Николай Колмогоров, Виталий Крёков. Встречался с прозаиками Зинаидой Чигарёвой, Владимиром Мазаевым, Любовью Скорик.

Колмогоров и Крёков были ещё достаточно молодыми. Оказалось, что Николай Колмогоров – всего только студент музыкального училища, что находилось напротив корпуса нашего института. А Крёков – вообще обычный работяга, одолевающий вечернюю среднюю школу. Кстати, Крёков стал частенько захаживать к нам в ребячью комнату, когда мы жили на втором курсе в учебном корпусе на пятом этаже. Несколько раз он даже оставался ночевать в нашей общаге на свободной койке. Он и явился для меня первым писателем, с которым можно было просто общаться.

Громом среди ясного неба стало для меня в самом начале девяностых годов увиденное в газетном ларьке: там среди прочей продукции стояла книжка в красном переплёте с названием «Голос», на которой значилась фамилия Есенин. Что-то я не припоминал, чтобы у Сергея Есенина было что-либо подобное. Из любопытства я взял её в руки и обнаружил, что автор её – тот самый Володя Есенин, с которым мы вместе учились в институте и даже жили целый год в одной комнате общаги! Вовка Есе-

нин – и писатель?! Я не верил своим глазам. Но это было так. В книге находились рассказы и повести. Читал с упоением, ещё не замечая огрехов и авторских просчётов...

А когда я и сам написал в середине девяностых годов несколько своих первых рыбацких рассказов, нужно было их кому-то показать. Сначала всё написанное было от руки. И я решился переступить порог той двери на Советском проспекте в центре города, что вела к писателям, а точнее в журнал «Огни Кузбасса». С огромным волнением я зашёл туда. Поздоровался. За одним из столов я увидел мужчину (теперь уже и не могу даже сказать, кто это был). Сказал, что принёс почитать написанное. «Что у вас? – поинтересовался мужчина. – Стихи, проза?» Я ответил, что рассказы. Протянул ему тоненькую картонную папку с листками, исписанными вручную. Он взял у меня папочку, небрежно раскрыл и, обнаружив ручную писанину, даже не удосужившись глянуть, что там написано, тут же вернул мне. «Мы не принимаем материалы, написанные от руки», – таков был безжалостный вердикт. Униженный и оскорблённый я покидал обитель писателей.

Года два после этого я не предпринимал никаких попыток показать кому-либо написанное мною. Я ещё по несколько раз переписывал и правил свои первые рассказы. Потом приобрёл в каком-то комиссионном магазине бэушную пишущую машинку «Москва». Перепечатал эти рассказы и решился наконец-то показать их своему бывшему сокурснику, а к тому времени уже и коллеге по институту Володе Ерёменко. Это были рассказы «Песнь моя колыбельная», «Меченые караси», «В ожидании праздника», «На Чузике зимнем». И каково же было моё удивление, когда ироничный и педантичный в литературе Ерёменко (с режиссёрского отделения) проявил неподдельный восторг от прочитанного! Мы пообщались с ним, и он сказал, что передаст эти рассказы Сергею Донбаю.

А незадолго до этого я, будучи Председателем профкома института, посодействовал Володе Ерёменко в получении новой квартиры, большего метража, чем у него была. Так вот, при переезде в 1994 году, у него в помощниках оказались и некоторые писатели. Я таскал в паре с Александром Ибрагимовым на девятый этаж тяжелые контейнеры с картинами Володиной мамы – само-

деятельной художницы-примитивистки Ирины Ерёменко. Там же был и Донбай. Уже тогда мы шапочно познакомились с ними. А немного погодя, Донбай появился у нас в институте на какой-то творческой встрече, и я купил у него небольшой коллективный сборничек стихов, получив при этом писательский автограф (после автографов Виталия Крёкова и Володи Есенина).

Примерно через месяц, после нашей встречи с Ерёменко по телефону позвонил тот самый Донбай, что являлся руководителем литературной студии «Притомье» (и одновременно – ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса»). Он представился и сказал, что прочитал мои рассказы и приглашает меня на студию «Притомье». Занятия (или заседания) студии проводились дважды в месяц, по четвергам, с шести часов вечера.

В то самое первое для меня занятие я познакомился с некоторыми студийцами, среди которых были, в основном, поэты: Виктор Кальсин, Антонина Шматкова, Альбина Радченко, Володя Дылевский, Светлана Куралова, Андрей Правда, кто-то ещё, всего человек пятнадцать. Сначала читали свои новые стихи они. Я сидел, как на иголках, пока не дошла очередь и до меня. Сергей Лаврентьевич Донбай представил меня. И я начал со своего первого рассказа «Меченые караси». Слушали меня внимательно и доброжелательно. Сделали несколько замечаний. Потом предложили прочитать ещё. Осмелев, я прочёл рассказ «На Чузике зимнем». Получил одобрение студийцев. После занятия была «полянка», я расслабился и осмелел ещё больше.

С тех пор (где-то с декабря 1998 года) я стал постоянным участником занятий студии «Притомье». Читал свои рассказы и даже некоторые стихи, обсуждал чужие. Выступал оппонентом прозы. В общем, вливался в среду будущих писателей. Через «Притомье» я познакомился с Андреем Пятаком, Сергеем Самойленко, Александром Зарубиным, Сергеем Павловым, Ветой Боргес, Анатолием Кулаковым (Валентиновым), Ниной Глушковой, Ниной Суровой, Дмитрием и Натальей Мурзиными, Константином Акатновым, Алексеем Патшиным (Белогвардейцем) и многими другими начинающими авторами. Временами сюда заглядывали по «старой памяти» и недавние студийцы, среди которых оказались и мои бывшие студенты – Юлия Лавряшина и Михаил Стрельцов. Иногда навещался и Володя Ерёменко.

Появлялись со своими новыми книжками и стихами именитые поэты: Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Семён Печеник, Борис Бурмистров, Александр Ибрагимов, Виктор Баянов, Иосиф Куралов. Захаживали и некоторые художники: Николай Бурцев, Василий Кравчук, Валерий Громов, Николай Вертков, Владимир Сотников, братья Корягины; почти всегда являлся народный художник Виктор Сергеевич Зевакин. Нередко появление кого-либо из художников или писателей сопровождалось непременно последующими посиделками в «предбаннике» со спиртным. Подключался к ним и я, скромно выставляя в качестве лепты пиво и вяленую рыбу своего улова.

Постепенно эти «вливания» стали перерастать и в сферу уже признанных и опытных поэтов и прозаиков. Я стал захаживать в Дом литераторов не только на «Притомье», но и так, по случаю. Там я познакомился с Владимиром Мазаевым, Александром Катковым, Анатолием Кругляковым, Геннадием Естамоновым, Анатолием Иленко, Валерием Козловым, Владимиром Шумиловым, Александром Брюховецким, Анатолием Козловым, Владимиром Ширяевым, Валерием Зубаревым. Приезжали и иногородние, с области: Александр Раевский, Виктор Боков, Сергей Побокин и Сергей Подгорнов, Валерий Ковшов, Любовь Никонова, Тамара Рубцова, Тамара Страхова, Алексей Бельмасов и Галина Золотаина...

Частенько в ДЛК устраивались шахматные баталии и даже турниры. Неплохо играли в шахматы Валентин Махалов, Виктор Баянов, Анатолий Иленко, Анатолий Кругляков. Призы же и первые места чаще всего доставались художавому поэту и прозаику из Старобачат моему ровеснику Виктору Коврижных.

Где-то году в девяносто девятом я познакомился с поэтом и прозаиком Владимиром Ивановым. А получилось так, что мы оказались с ним в одной организации – «КемВоде», только я работал там охранником, а он редактором малотиражки «Вода и люди». Мы обменялись с ним книжками, я подарил ему свою первую книгу рассказов «Вокруг рыбалки», он – один из последних сборников стихов «На Родину еду» и книжку прозы «Вот такая история».

Та откровенность и чистота, что я обнаружил в стихах и прозе Володи Иванова, сразу настроили меня на расположение к

нему. Взаимные симпатии (и общий приятель, если не друг, Володя Есенин) нас тут же толкнули друг к дружке. С тех пор мы с ним настоящие друзья! Он же инициировал и приём меня в Союз писателей России (СПР). Если бы не эта его настойчивость, ходить бы мне в писательских подмастерьях ещё лет пять. (Кстати, многие из студийцев «Притомья», с кем я начинал, издав уже по несколько книжек, так и не приняты до сих пор в Союз).

А случилось всё следующим образом. В 2000 году в Новосибирске у меня вышла вторая книжка «Кольцом едины». На подходе была третья «От Ленинграда до Курил». Мои рассказы «Виталья Трёхрублёвый» и «Второй год службы» были уже напечатаны в альманахе «Огни Кузбасса». Писалось и дальше. Встречаясь с Володей, мы часто говорили с ним на темы литературы, наших творений, читали друг другу новое. И вот, где-то в середине ноября 2001 года он говорит мне: «Пиши заявление о приёме тебя в Союз писателей России, дней через десять будет общее собрание. А то будут тебя волынить ещё несколько лет, у нас это любят делать...». И я написал заявление о приёме меня в СПР. Пошли с ним в ДЛК. Я взял литр водки, пива, прихватил с собой вяленых лещей. Посидели там, пообщались. Я сказал Бурмистрову, что хочу вступить в СПР, передал ему своё заявление. Потребовались срочно рекомендации. Одна была уже – от Иванова. Другую обещал дать Сергей Донбай. Тут же согласился дать мне рекомендацию и Валентин Васильевич Махалов. И ещё я заручился одной рекомендацией – от Володи Есенина (оказывается, его приняли в СПР уже лет пять назад).

Таким образом, в срочном порядке я попал в кандидаты на приём в СПР на ближайшем общем собрании, которое состоялось 29 ноября 2001 года. Вместе со мной принимали ещё троих поэтов: Андрея Правду, Алексея Бельмасова и Елену Быкову. На тайном голосовании я прошёл без единого «чёрного шара», в то время, как остальным таковых бросили по три-четыре штуки.

На этом же собрании я познакомился с замечательным поэтом и человеком, рыбаком и охотником – Леонидом Михайловичем Гержидовичем, и его женой Ниной Красовой, тоже пишущей стихи и прозу. С тех пор у нас с ними настоящие дружеские отношения, не смотря на то, что живут они в пятидесяти километрах от Кемерова, в таёжном селе Юго-Александровка и

видеться с ними приходится не так часто. Тогда же познакомился и с поэтом Олегом Максимовым – из Таштагола, который протезировал в Союз молодую поэтессу Елену Быкову – с прицелом на литинститут.

Всё, путь в большую литературу мне был открыт, правда, как напутствовали рекомендующие – пока ещё только авансом.

19 июня 2002 года мои документы и книги (высылал туда уже три книги) рассмотрели на Приёмной комиссии в Москве. И там мне тоже не бросили ни одного шара «против», зато Лену Быкову прокатили вообще. Мне выписали членский билет Союза писателей России за номером 6127, который я получил в августе этого же года. По этому случаю, естественно, была «полянка» в ДЛК со всеми моими писателями-доброжелателями. Тогда наш юморист и остряк Владимир Фёдорович Матвеев, произнося тост в мой адрес сказал: «Ну вот, в нашем Союзе стало ещё одним членоносцем больше». А прозаик Анатолий Иванович Кругляков пригвоздил меня ещё крепче, сказав, что Арнаутов въехал в Союз писателей верхом на карасе!

Мой писательский билет, который торжественно вручил мне Борис Бурмистров, обмывали в самом конце декабря 2002 года на предновогоднем празднике.

Несколько слов скажу о том, что к тому времени, когда я попал в среду кемеровских писателей, Союз писателей Кузбасса был расколот на два крыла. Одну его часть возглавлял Валерий Зубарев, другую – Борис Бурмистров. Произошёл раскол Союза писателей с развалом Союза ССР, где-то в середине 90-х годов. Половинки эти были примерно равными по количеству членов в них, человек по 25. Как-то я поинтересовался у Володи Есенина: а чем же отличаются они друг от друга? Тот не без юмора ответил, что в одном союзе – пьющие, в другом – непьющие. Сам он к тому времени с выпивкой завязал основательно, но подвергся иной пагубной страсти – азартным играм в автоматах. Так вот, Есенин был в «крыле» «непьющих», у Зубарева. Там же к тому времени состояли писатели Иосиф Куралов, Владимир Куропатов, Зинаида Чигарёва, Любовь Скорик, Владимир Мазаев, шорцы-новокузнецчане, кто-то ещё. Но со временем оттуда стали объявляться перебежчики. И где-то году в 2003 оба крыла вновь объединились под Председательством Бориса Бурмистрова. А

матёрые члены упразднённого крыла вошли в состав Правления и редколлегии журнала «Огни Кузбасса». При этом, Куралову отдали секцию поэзии, а Мазаеву – прозы.

Что касается журнала «Огни Кузбасса». До 2006 года он числился альманахом, выходя по 2-4 номера в год, иногда вообще сдвоенными номерами. На переломе тысячелетий, в самые трудные для него годы, лет шесть возглавлял его Виктор Михайлович Баянов, а ответственным секретарём журнала был Сергей Донбай. Впервые я увидел Баянова в ДЛК ещё довольно молодым и пышущим здоровьем. Но на моих же глазах он стал резко и стремительно сдавать, даже внешне. Уже в моём присутствии он несколько раз просил Бурмистрова освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья. Но Баянова просили оставаться хотя бы, как знамя и лицо журнала, поскольку его поэтический авторитет был очень высоким.

А в конце 2003 года состоялось расширенное заседание редколлегии журнала и Правления уже объединённого СПК. Каким-то образом на него попали и мы с Сергеем Павловым, только что принятым в СПР. На должность главного редактора претендовали Сергей Донбай и Иосиф Куралов. Ситуация складывалась очень неустойчивой в пользу обоих претендентов. Уж каким боком дали нам с Павловым высказаться, но мы были категорически за Донбая – нашего недавнего шефа по «Притомью». Главным редактором избрали Сергея Донбая. Виктора Михайловича Баянова оставили пока в составе редколлегии в качестве консультанта. А уже с начала нового, 2004 года, Донбай предложил мне сотрудничество с журналом (альманахом), и вскоре, со второго номера этого года, моя фамилия уже значилась в составе редколлегии, хотя и шла после фамилии В.М. Баянова. Было одно время даже предложение от Донбая возглавить в журнале секцию прозы, но я заскромничал. И тогда секцию прозы он отдал В.М. Мазаеву. В состав редколлегии вошёл и Валерий Зубарев. Кроме указанных членов, в редколлегии журнала были: Валентин Махалов, Владимир Иванов, Александр Катков, Борис Бурмистров, Любовь Никонова, Юлия Лавряшина и Василий Попок (отдел публицистики). А с третьего номера 2006 года и до сих пор моя фамилия стоит первой в списке членов редколлегии журнала. Таким образом, в этом году (2014-м) я отметил своё десятилетие работы в составе редколлегии журнала «Огни

Кузбасса», который уже восемь лет выходит шестью номерами в год, являясь с 2010 года журналом писателей России.

Некоторое время, пока не стал ответственным секретарём журнала Дима Мурзин, я вёл в нём рубрику «Литературная жизнь». В каждом номере давалась на полторы-две странички информация о том, что делалось в течение прошедших двух месяцев в нашем Союзе (журнал стал регулярно выходить один раз в два месяца). Нередко помещались там и мои фотографии. Работа трудоёмкая и ответственная, за которую доплачивали копейки. Потом, с выводом из редколлегии Васи Попка, я стал делать обзоры литературных журналов, таких, как «Сибирские Огни», «Начало века», «Алтай», «Барнаул», «Бийский вестник», «Родная Ладога», «Литературный меридиан», «День и ночь», «Всерусский Собор».

Начиная с 2000 года, времени публикации моего первого рассказа в журнале и до сих пор, мои рассказы, эссе, очерки и публицистические материалы были напечатаны в 24-х номерах «Огней Кузбасса», не говоря уже о рубриках «Литературная жизнь» и «Литературные обзоры».

В 2011 году за опубликованный в нём журнальный вариант моего романа «Велимир» («Предприниматель») я стал лауреатом Премии журнала «Огни Кузбасса».

В прошлом, 2013 году, главный редактор журнала Сергей Донбай предложил мне, как профессиональному библиографу, составить библиографический указатель содержания журнала – к 65-летию юбилею этого литературного издания. Такой указатель за первые 25 лет (с 1949 и по 1974) был уже составлен Областной научной библиотекой. Когда я прикинул объёмы работы, то понял, что это займёт очень много моего времени и труда. Тогда я предложил ограничиться последними годами, начиная с 2000 и по конец 2013 года, написав при этом и большую обзорную статью о 65-летней истории журнала «Огни Кузбасса». Работу эту я выполнил за три месяца упорного и кропотливого труда, хотя и с некоторыми нарушениями правил библиографирования. Несколько раз пришлось переделывать в угоду Донбаю. Но до сих пор мой Указатель пока ещё не увидел свет. Жаль, но надеюсь, что он всё же выйдет отдельным изданием.

Уходит время, уходит в прошлое и многие писатели, стоявшие у истоков начала кузбасской литературы. О них как-то

постепенно начинают забывать. А жаль. Этот факт побудил меня на написание очерков об этих писателях. А первым, о ком я написал, был очерк о поэте и прозаике Косте Акатнове, моём приятеле, нелепо погибшем в 2003 году. Потом я написал литературно-биографические очерки о наших корифеях: Виталии Степановиче Рехлове, Михаиле Александровиче Небогатове, Геннадии Модестовиче Молостнове, Владимире Фёдоровиче Матвееве, Валентине Васильевиче Махалове. Эти очерки печатались параллельно – в нашем журнале «Огни Кузбасса» и в альманахе «Красная Горка», который возглавлял поэт Геннадий Юров, и у которого я печатался подряд лет семь-восемь в каждом номере. (Кстати, в это время у меня сложились неплохие отношения ещё с одним корифеем кузбасской литературы – Геннадием Евлампиевичем Юровым). Изменённый вариант очерка о Г.М. Молостнове был напечатан в 2012 году и в красноярском альманахе «Енисей».

Помимо очерков и своих рассказов, я стал писать отзывы с рецензиями и на книги моих коллег, в основном, начинающих. А первым, о ком я написал, был поэт Валерий Козлов, ставший моим приятелем. Написал о его поэтическом сборнике «Сазонов ключ». Отзыв был напечатан в газете «Кузнецкий край» у Жени Богданова ещё в марте 2001 года.

Потом пошли отзывы и рецензии на книги Леонида Кирчика (Юрга), Владимира Неунывахина (Новокузнецк), Геннадия Неунывахина (Мыски), Михаила Кривошеина (Мыски); Геннадия Дырина, Владимира Иванова, Сергея Павлова, Александра Ярощука, Александра Хохлова, Игоря Петрова, Геннадия Дорогова, Валерия Баранова, Вольдемара Горха – все Кемерово; Анатолия Грохова (Прокопьевск), Валерия Берсенёва (Междуреченск), Виктора Коняева (Новокузнецк), Станислава Вторушина и Анатолия Кирилина (Барнаул), Андрея Калугина (Белово-Хиросима), Вольдемара Франка (Германия), Михаила Спивака (Виннипег, Канада) и других авторов.

Возможность оперативно напечатать в газете «Кузбасс» подобные рецензии и отзывы появилась с началом ежемесячного приложения рубрики-вкладыша «Круг чтения», которую пробыл в 2005 году и курировал известный журналист, недавно принятый и в СПР, Василий Попок. За три года в этом приложении к газете «Кузбасс», где платили ещё и неплохие гонорары, я

опубликовал более десятка своих, довольно объёмных для газеты, статей и рецензий.

Большинство рецензий и отзывов были доброжелательными, отчего авторы рецензируемых произведений и книг вскоре становились, если и не друзьями, то моими приятелями. К концу 2012 года поднакопилось материалов подобного рода уже на целый приличный сборник (295 страниц), который я издал в 2013 году под названием «Как слово наше отзовётся». За него я стал лауреатом областной литературной премии «Энергия творчества» в номинации «Публицистика» (уже во второй раз, в первый раз – в 2009 году за повесть «Мелодия текущего тока» – в номинации «Проза»). В третий раз получил я диплом победителя конкурса в 2014 году – за «Указатель содержания журнала «Огни Кузбасса» (2000-2013 годы).

Что касается литературных премий иного ранга, то я трижды номинировался на литературную областную премию им. А.Н. Волошина (в первый раз за книгу «Где Чузик мой коричнево змеится» ещё в 2004 году), и меня трижды прокатывали. Полагаю – чисто из конъюнктурных соображений, а не из-за слабости моих номинируемых книг.

То же касается областных наград и премий. За всё время я удосужился получить лишь благодарственное письмо и одну денежную премию Администрации области, в то время, как почти все члены нашего Союза имеют по две-три медали областного значения. Обо мне даже забыли, когда журнал отмечал своё 60-летие (2009 год). Тогда все члены редколлегии и его редакторы (бывшие и настоящий), кроме меня, получили Почётные грамоты Администрации КО с денежными вознаграждениями.

В моём гео-издательском арсенале имеются следующие периодические издания и города: «Огни Кузбасса», «Красная Горка», «Университет культуры» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Тюмень литературная», «Врата Сибири» (Тюмень), «Южная звезда» (Ставрополь), «Охотничьи просторы» (Москва), «Новый Енисейский литератор», «Енисей» (Красноярск), «Начало века» (Томск), «Образы жизни» (Сан-Франциско, США), «Новое время» (Виннипег, Канада). Это – журналы и альманахи. Пообещали напечатать мой рассказ, из ранних, и в альманахе АСПУРа «Чаша круговая» (Екатеринбург).

Кроме того, печатался в газетах нашей области: «Кузбасс», «Край», «Площадь Пушкина», «Земляки», «Культура Кузбасса», «ЛиК», а также в региональной газете «Охотник и рыболлов Сибири».

Написанные рецензии и отзывы на книги моих коллег, нередко служили поводом для возникновения дружеских взаимоотношений. И это перерастало, как правило в то, что уже я инициировал приём в СПР наиболее талантливых, с моей точки зрения, писателей. Так, не без моего усилия и помощи, в Союз писателей России были приняты прозаики: Владимир Максимович Неунывахин, Александр Михайлович Ярошук, Игорь Фёдорович Петров, Александр Андреевич Хохлов, Михаил Александрович Кривошеин, Валерий Викторович Берсенёв, Виктор Фёдорович Коняев, Нина Сурова, Сергей Васильевич Чернопяттов.

Давал я свои рекомендации в СПР Леониду Кирчику – из Юрги, Антонине Шматковой.

В последние годы жизни нашего маститого поэта и прозаика Валентина Васильевича Махалова мы были довольно близки дружески. Нередко общались с ним на «полянках», ездили вместе на рыбалку на Томь, в Змеинку, бывали на выездных чтениях (Мариинск, Марьевка). Не забывал его я и тогда, когда он был уже неизлечимо болен, навещая его дома, до самой смерти. Бываю и на его могиле...

Завязались очень тёплые и настоящие дружеские отношения с писателями Владимиром Неунывахиным, Леонидом Гержидовичем, Владимиром Шумиловым, не говорю уже про Володю Иванова. И уже более полутора десятков лет продолжается наша настоящая дружба с Сергеем Павловым и Александром Ярошуком. Дружим уже семьями, регулярно встречаюсь как в Союзе, в ДЛК, так и в дачно-домашних условиях, с баньками, вечерними застольями, с пением под гитару и ночевками. Частенько в программы таких встреч входит и чтение вслух своих произведений, с последующими замечаниями и обсуждениями... Как-то на одной из «полянок» Сергей Донбай обозвал нашу троицу за оппозиционность и строптивость «Детьми лейтенанта Шмидта». С тех пор так и повелось... Дай-то Бог, чтобы эти наши отношения продлились как можно дольше.

Хотя бы перечислю ещё некоторых доселе не упомянутых писателей-кузбассовцев, с которыми приходится общаться на

различных встречах и мероприятиях: поэт и прозаик, маг-волшебник, заслуженный артист России Владимир Андреевич Переводчиков, поэты-кемеровчане – Василий Феданов, Вячеслав Лопушной, Владимир Соколов, Людмила Чидилян; полковник запаса КГБ прозаик-кемеровчанин Михаил Петрович Гоголев, геолог-прозаик Сергей Чиняев, писательница-универсалка, кандидат наук Вера Лаврина, критик-публицист Валерий Плющев; березовчане – Анатолий Горепякин и Юрий Михайлов, новокузнецчане – Николай Ничик, Эдуард Гольцман, Геннадий Косточаков, Михаил Анохин, Александр Паршуков, поэт-мысковчанин Виктор Жаданов, гурьевчанин поэт Дмитрий Клёстов. Из «молодой» поросли: Юрий Дубатов, Сергей Чернопятов, Виктор Киселёв, Ирина Тюнина, Алексей Петров, Марина Брюзгина; шорцы: Таяна Тудегешева, Любовь Чульжанова, Любовь Арбачакова, Вениамин Борискин и другие.

В бытность начала моего внедрения в писательскую среду довелось несколько раз пообщаться с Представителем Президента по Кемеровской области, писателем, отставным полковником Валерием Казаковым и его женой, поэтессой Элеонорой Акоповой.

Членство в СПР и в СПК дало мне возможность бывать на различных литературных мероприятиях за пределами и нашего города, и области. А это – потрясающие возможности расширить свои личные знакомства с писателями других регионов!

Так, на одном из юбилеев нашего Союза писателей Кузбасса, ещё в 2002 году, довелось познакомиться с интересными писателями Горного Алтая – Аржаном Адаровым и Бронтоем Бедюровым. Тогда же на праздник приезжали к нам в Кемерово и наш бывший земляк Гарий Леонтьевич Немченко, и главный редактор «Нашего современника» москвич Станислав Юрьевич Куняев.

На Чивилихинских чтениях в 2004 году в Мариинске познакомился и с замом гл. редактора «Н.С.» публицистом Александром Казинцевым. На Фёдоровские чтения неоднократно приезжали к нам писатели из Томска, Новосибирска, Барнаула.

Из томичей хорошо знаком с поэтом и бардом Николаем Хоничевым, моим земляком-пудинцем Владимиром Крюковым и поэтом Геннадием Скарлыгиным (оба – председатели Томских отделений СПР и СРП и соредакторы журнала «Начало века»). Знаком с поэтом и неплохим бардом, окончившим некогда наш институт, Сергеем Максимовым. Был знаком и с Александром

Казанцевым. Несколько раз встречался в Томске и общался с патриархом от литературы Борисом Николаевичем Климычевым. Сначала заочно (обменялись книгами и письмами), а недавно и воочию познакомился ещё с одним мэтром томской литературы – Вадимом Николаевичем Макшеевым.

Шукшинские чтения в 2004 году расширили мои знакомства со многими писателями Алтая. Это – Станислав Вторушин, Валерий Тихонов, Сергей Филатов, Анатолий Кирилин, Александр Родионов, Владимир Башунов, Людмила Гаркавая, Валерий Казаков.

Там же посчастливилось видеть и немного даже пообщаться с классиком нашей современной русской литературы Валентином Григорьевичем Распутиным. Очень скромный и несколько даже замкнутый человек. Здесь же присутствовал и Председатель нашего СПР москвич-профессор Валерий Ганичев.

Из новосибирцев был знаком с гл. редактором «Сиб. огней» Виталием Зеленским; его преемником Владимиром Берязевым и нынешним Председателем Правления новосибирцев Анатолием Шалиным.

Дважды, если уже не трижды, встречались с очень интересным иркутским прозаиком и учёным-литературоведом Анатолием Байбородиним.

Красноярцы – ещё одни наши ближние соседи. Пожалуй, самый близкий и знакомый для меня писатель – это мой бывший студент, ныне Председатель Правления Красноярского отделения СПР Михаил Стрельцов, сменивший Романа Солнцева на этом посту. Как писатель, он весьма своеобразен, разнообразен и современен. Ещё в самом начале моей писательской деятельности я задумал сделать коллективный сборник стихов и прозы писателей-выпускников Библиотечного факультета нашего института. В этом сборнике «След от полёта», изданном в 2004 году, в авторах оказались я, Володя Есенин, Юлия Лавряшина и Миша Стрельцов (тогда – ещё кемеровчанин). Он же, Стрельцов, посодействовал и тому, что два моих рассказа были напечатаны в Сан-Франциско (США), в русскоязычном альманахе «Образы жизни».

Заочно был давним поклонником рыбацкой прозы красноярца Бориса Петрова. То же самое касается и Сергея Кузнечихина – рыбака и оригинального, с юморинкой, прозаика и поэта.

С обоими довелось лично познакомиться в декабре 2011 года, на 60-летнем юбилее Красноярской писательской организации. Там же познакомился с писателем Сергеем Кузичкиным, главным редактором «Нового Енисейского литератора», у которого был напечатан ещё в 2008 году мой рассказ «Нашёл – не радуйся и потерял – не горюй!». Встречался с писателями Александром Щербаковым, Алексеем Мещеряковым, Анатолием Зябревым и Александром Астраханцевым. Готовя очерк о Г.М. Молостнове, немало нового почерпнул при общении с этими писателями. Особо же помог с новыми материалами о Молостнове ещё один красноярский писатель-краевед – Владимир Яковлевич Шанин. С ним мы обменивались несколькими письмами. Он же помог напечатать этот обновлённый очерк о Г.М. Молостнове и в красноярском альманахе «Енисей» (2012 год).

На семинаре редакторов сибирских литературных журналов в Кемерове, встречался с красноярцами Мариной Саввиных и молодым поэтом Иваном Клиновым.

Очень много в плане расширения внешнего знакомства с писателями иных регионов дали мне **участия в ежегодных конференциях Ассоциации писателей Урала и Западной Сибири (АСПУР)**. Трижды я побывал на таких конференциях – представителем от писателей Кузбасса: в Челябинске (ноябрь 2006 года) и в Оренбурге (ноябрь 2012 года). Эти участия подарили незабываемые встречи и дали возможность познакомиться с замечательным талантливым организатором и очень плодотворным писателем, Главным Координатором АСПУРа – Александром Борисовичем Керданом! Общались с ним и у нас, в Кемерове. В Челябинске, по соседству с моим, в гостиничном номере шикарной гостиницы «Малахит» жили тюменцы-хантымансийцы Николай Денисов и Андрей Тарханов.

Конференция в Челябинске позволила более тесно познакомиться с Николаем Васильевичем Денисовым – поэтом, прозаиком, публицистом и издателем «Тюмени литературной», где он напечатал в 2007 году мой очерк «А что у нас?». Ещё один тюмонец-издатель журнала «Врата Сибири» прозаик-краевед, исследователь поры декабристов и их пребывания в Сибири, Анатолий Васильев, напечатал в этом журнале в 2007 году мой рассказ «В ожидании праздника».

Здесь же, в Челябинске, познакомился (и даже принимал участие в творческих встречах в библиотеках города) с писателями Андреем Расторгуевым, Сергеем Аксёненко, Вадимом Осиповым и Арсеном Титовым – все из Екатеринбурга, поэтом Николаем Шамсутдиновым (Тюмень), прозаиком Сергеем Луцким (Нижневартовск), Ириной Аргутиной (Челябинск). Запомнились умница Нина Ягодинцева – доцент Челябинской академии культуры, поэтесса и литературовед, а также – замечательный краевед, поэт Кирилл Шишов. Шапочно, но знаком с писателем-генералом из Кургана В.А. Усмановым, Галиной Четвериковой и Валентиной Ерофеевой-Тверской – из Омска, Татьяной Козловой – из Сыктывкара), Вячеславом Моисеевым и Петром Красновым – из Оренбурга.

Блистательно выступал, покоря аудиторию своими глубокими знаниями и остроумием, и бывал душой застольных межсубойчиков профессор-литературовед и поэт-импровизатор из Екатеринбурга Леонид Петрович Быков (Рыжий Лёня)! В этом я убедился окончательно и через шесть лет, на конференции в Оренбурге.

Конференция в Оренбурге, в ноябре 2012 года, была ещё маститее – по количеству учёных-писателей. Так, одних только докторов наук там оказалось аж четыре человека, это – Кердан Александр Борисович, Быков Леонид Петрович, Быковский Василий Алексеевич (г. Муравленко Ямало-Ненецкого нац. округа) и Фатыхов Салим Галимович (Челябинск).

Василий Быковский – доктор-экономист, организатор-управленец, бывший глава Администрации города Муравленко, мой ровесник и даже «близнец», (у нас с ним 2-3 дня разницы, как и с екатеринбуржцем Сергеем Аксёненко). Обменялись с Василием книгами и автографами.

Доктор наук, профессор Салим Фатыхов стал лауреатом премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка – за солиднейший и фундаментальнейший труд «Мировая история женщины». Человек он поистине интеллигентнейший, очень образованный, ко всему ещё и хороший поэт. С ним у меня сложились доверительные отношения, я подарил ему одну из своих книг, а он мне потом прислал аж две своих книги, каждая только весом более чем по 2 килограмма! Ещё одним лауреатом премии стал Владимир Мазин – кандидат наук, поэт, кажется, из Нижневартовска.

Выступал с докладом на этой конференции и я, так же, как и на творческом совместном вечере со сцены в прекрасном татарском национальном театре. Не очень удачно. Доклад мой попал не совсем в струю темы конференции, а на вечере, начав читать своё стихотворение «Как маняще давно я на родине не был», на второй строфе споткнулся, растушевался и забыл слова... Правда, второе стихотворение прочёл нормально, под аплодисменты зала.

На этой конференции упрочил своё знакомство с писателями из Оренбурга Петром Красновым (кстати, в Челябинске мне и Арсену Титову доверили вручать ему премию им. Д.Н. Мамина-Сибиряка) и Славой Моисеевым. Тут же познакомился ещё с тремя интересными оренбуржцами – Сергеем Хомутовым, Виталием Молчановым и Иваном Юлаевым.

Приезжал из Москвы и мой бывший земляк-томич, секретарь Правления СПР Василий Дворцов. Кроме того, что он неплохой поэт, он ещё и художник.

Туда и обратно, в одном купе поездов (от Кургана и до Кургана) ехал с Председателем правления курганцев Владимиром Филимоновым. Здесь же познакомился с дамами-поэтессами: Анной Самойловой (Барнаул) и Ольгой Даниловой-Пушкарь (Тюмень). Из Уфы приезжал Айдар Хусаинов, которому я подарил один из номеров нашего журнала.

Получилось так, что на сей раз моим постоянным соседом по месту в экскурсионном автобусе и на мероприятиях конференции (в том числе и банкетах) оказался Павел Черкашин – из Ханты-Мансийска, очень душевный человек лет сорока, поэт, отставной майор, прошедший уже войны и ранения в Чечне.

В третий раз на конференцию АСПУРа я ездил осенью 2017 года в Нижний Тагил. Встречался там со многими писателями Урала и Сибири – уже как с давними и хорошими знакомыми.

А накануне к нам в Кемерово, с целью знакомства кузбасовцев с писателями Алтая приезжали Анатолий Кирилин и Александр Карпов. Кирилин подарил тогда мне книгу-роман «Семена для попугайчиков». Я написал отзыв на неё и послал Кирилину. Он хорошо отозвался о моём отзыве, и уже на Тагильской конференции мы с ним были едва ли не друзьями. Кстати, сейчас он возглавляет писателей Алтая.

Нижний Тагил добавил в мою копилку знакомств Сергея Трахимёнка (Председатель Правления Союза писателей Беларуси), пародиста Сергея Солдаева (Оренбург), Олега Павлова и Владимира Курбатова (Челябинск), Василия Овсепьяна (Нижний Тагил), Наталью Паэгле (нынешняя жена Вадима Осипова и автор замечательной книги из серии «ЖЗУ» «Дмитрий Мамин-Сибиряк» – за неё она стала лауреатом Премии им. Д.Н. Мамин-Сибиряка), Геннадия Викторовича Иванова (Москва, Отв. Секретарь Правления СПР).

Незабываемой осталась и поездка на родину Мамина-Сибиряка в Висим. Там мы побывали в доме-музее, у памятника этому писателю, выступали в местной школе и клубе. Об этой поездке я написал очерк «На родине писателя Мамина-Сибиряка», отдав его в наш журнал.

Чем ещё интересны такие мероприятия, кроме общепознавательных в географическом плане, так это межсобойчиками. В Оренбурге, например, трижды собирались после всех официальных мероприятий; два раза в фойе на нашем этаже, образуя товарищеский круг (со спиртным, естественно), где и на самом деле по кругу читаются стихи. И один раз, уже под завязку – в Доме литераторов Оренбуржья. Потом продолжили в купе поезда, едва ли не до самого Челябинска... Тут люди раскрепощаются и очень быстро знакомятся, и становятся родственными душами...

На 100-летие со дня рождения В.Д. Фёдорова, в июле 2018 года, к нам приезжал из Воронежа известный литературный критик Вячеслав Лютый, подарил и ему по этому поводу свои «Этюды».

На юбилей Кемеровской областной писательской организации (55 лет), в июне 2017 года приезжали Александр Борисович Кердан, Николай Иванович Дорошенко (гл. редактор газеты «Российский писатель»), Владимир Скиф (глава писателей Иркутской области, свояк Валентина Распутина), Анатолий Шалин (глава писателей Новосибирска), Геннадий Скарлыгин, Сергей Максимов (Томск), Юрий Перминов (Омск).

К этой дате мною был подготовлен библиографический каталог «Писатели Кузбасса», в котором отражено порядка 170 персоналий, начиная с наших «могикан»-первопроходцев, всех ныне здравствующих, уехавших в другие регионы и, увы, умерших. Каталог получился объёмом в 360 страниц – это наиболее полное справочное издание о наших писателях и их основных публикациях. Большую помощь в его подготовке, правке, редак-

тировании и дополнениях мне оказали: доцент КГУ (к.ф.н.) Галина Ивановна Карпова, моя бывшая однокурсница Татьяна Киреева (Новокузнецк), моя бывшая студентка В.И. Лаврушкина (Краеведческий отдел ОНБ) и дочь М.А. Небогатова – Нина Михайловна Инякина. Огромное им всем спасибо!

До сих пор немного жалею, что в своё время не оценил, не уделил достаточного внимания и не познакомился лично с корифеем нашей поэзии Михаилом Александровичем Небогатовым, зато после опубликования очерка о нём, у меня завязались неплохие отношения с его дочерью от первого брака Ниной Михайловной Инякиной.

То же касается и ещё одного корифея от русской литературы советского периода, кузбассовца, выходца из деревни Марьевка – Василия Дмитриевича Фёдорова. Уже в первый год после открытия в Марьевке (в 1985 году) дома-музея поэта и памятника ему в этой усадьбе, я с другом и коллегой Юрой Ли оказался там со студентами на полтора месяца на осенних сельхозработах. И лет десять уже являюсь обладателем уникального акварельного портрета Фёдорова, который висит в моей комнате, выполненного художником Черепановым.

Будучи преподавателем института, видел и слушал на одном из творческих вечеров в нашем актовом зале Роберта Рождественского. Из ныне именитых и популярных столичных писателей бывал на творческой встрече Сергея Алексева (ноябрь 2009 года), от которого получил автограф на книге «Возвращение Каина», кстати, почти моего ровесника и уроженца Зырянки Томской области. В марте 2011 года встречался и общался даже в неформальной обстановке с прозаиком Алексеем Варламовым. В моих фотоархивах имеются и фотографии с ними вместе.

Так что круг моих знакомств с писателями России расширяется.

Правда, за время моего официального членства в СПР наш Союз писателей Кузбасса понёс и невосполнимые утраты. Среди тех, кого я знал: Максим Сибирцев (Александр Голунчиков), Анатолий Козлов, Зинаида Чигарёва, Виктор Баянов, Геннадий Естамонов, Тамара Рубцова, Тамара Страхова, Евгений Левшов, Валерий Ковшов, Владимир Куропатов, Константин Акатнов, Анатолий Кругляков, Владимир Ширяев, Александр Курицын, Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Любовь Никонова, Семён Печеник, Любовь Скорик, Валерий Зубарев, Алексей Бельмасов, Леонид Гержидович, Геннадий Юров, Владимир Мазаев,

Анна Дронова, Михаил Гоголев, Мэри Кушникова, Вячеслав Тогулев, Виталий Крёков, Владимир Ерёмченко, Эдуард Гольцман, Иван Полуниин, Валерий Плющев.

Через два дня после знакомства с моим рыбацким кумиром – писателем Борисом Михайловичем Петровым, он скончался в середине декабря 2011 года в Красноярске. Не стало и томича Бориса Николаевича Климычева...

Над могилами некоторых из наших писателей я взял добровольное шефство: Владимира Матвеева, Кости Акатнова, Семёна Печеника, Валентина Махалова. Захаживаю поклониться и помолчать и на могилы других писателей, что похоронены на 4-м и 5-м кладбищах города Кемерово.

Мир их прахам и вечная память... А память останется, прежде всего, в их созданных и опубликованных творениях: стихах, поэмах, рассказах, повестях, романах, публицистике.

К настоящему времени у меня издано уже 20 авторских книг. Одной из последних является книга моих повестей «Этюды на предлагаемые обстоятельства» (2017 год). 6 книг вышло из цикла «Записки кемеровского туриста» – о загранпоездках в Таиланд, Китай, Индию, Вьетнам. А в 2018 году я решился-таки издать свои дневниковые записи под общим названием «Литературная хроника». Вышло уже три тома, по 400 страниц каждый (том первый – 2001-2005 годы, том второй – 2006-2009 годы и том третий – 2010-2014 годы). Пока о них только положительные (до восторженных) отзывы (В. Шумилов, В. Иванов, С. Павлов, Н.М. Инякина, Г.И. Карпова, В.М. Неунывахин).

... Ну, а пока – живу я сам. Живу по-разному. Вот уж, воистину, как любила говаривать наша баба Настасья: **жизнь прожить – не поле перейти.**

И надеюсь пожить ещё недожитыми годами моего отца Степана, рано погибшего в сталинских лагерях деда Фёдора, павшего на войне маминого приёмного отца Якова Андреевича, убитого на Даманском пограничника одноклассника Ивана Ветрича, моих преждевременно оставивших этот мир друзей – Миши Сеницына, Сашки Собакина, Юры Ли, Сани Дмитриева...

Пожить ещё, чтобы сделать что-то несделанное и недоделанное мною, оставив после себя и память, и свой след...

Кемерово, 16 июня – 15 сент. 2014 г. – окт. 2018 г.

НА КАГУЛЕ, В СТЕПЯХ БУДЖАКА

(Рассказ)

-1-

Мне двадцать пять. Позади институт, армия и год работы старшим лаборантом в ВУЗе. Теперь вот – легендарный песенный Ленинград.

Я сижу, как на иголках, и томлюсь в прихожке кафедральных апартаментов, ожидая назначенный мне экзамен по специальности. Собственно, даже не экзамен – собеседование для потенциального стажёра из сибирской провинции, učinённое по своему усмотрению профессурой северной столицы.

Целую неделю, как приехал, не вылезал из библиотеки – готовился, некогда было и красотами Ленинграда полюбоваться. Час, другой ожидания тянулись медленно, занудно, как пассажирский поезд на подходе к конечному пункту.

В голове – каша, изнутри – озноб, снаружи – кислятина.

Пригласили наконец-то прямо на кафедру, после приёма каких-то зарубежных гостей – то ли шведов, то ли финнов, то ли немцев. На столе шефа ещё чашки кофейные не убраны, пустые пузатенькие фужеры, опорожненные винные бутылки, ополовиненная коробка шоколадных конфет, пара разрезанных яблок, да пепельница хрустальная с окурками. Лаборантка, ряжено-крашенная, в годах уже, маленькая, горбатенькая суетливо поспешно составляет всё это на расписной поднос, смахивая крошки комком бумажных салфеток.

И началось: кто, мол? Откуда? У кого учился, где работаю? Где служил? Издалека подходить стали, деликатно так, ненавязчиво, интеллигентно. Ну и я им – с провинциальным снобизмом: дескать, Школу Стаса окончил... «А, что, разве есть такая Школа? – переглянулись, улыбочиво. – Надо же, а мы и не знали, не слышали никогда... А *Кемерево*, это где? В Прибалтике, что ли?»

Шуршит мой язык, в горле пересохло, будто в июльский зной на озеро Мирное на рыбалку пешком по болоту идём. Отвечаю, однако. Пытаюсь, по крайней мере. От «Школы Стаса» – к своей перекинулись, питерской, Соколовской... Перекрёстный огонь по мне открыли. Всё на проблемы, тенденции напирают. Особенно усердствовала дама лет пятидесяти с умными холод-

ными глазами и морщинками презрения в уголках крашенных помадой губ, с безупречной причёской и в одеянии старой девы, надеющейся всё ещё хотя бы кому-либо понравиться.

Куда мне деваться? Проявляю свою эрудицию и начитанность. Сыплю в ответ их же сухими фразами, схемами, формулами, пытаюсь перетолмачить их же концепции из их же монографий, диссертаций, методичек и учебников. Слава Богу, память моя мобилизовалась, спружинилась, цепляется, как рогачустики-поле своими усиками – то за одно, то за другое, извлекая на поверхность. Только на поверхности уже скукоживается косноязычием, родней слабоумия прикидывается...

Минут тридцать надо мною изгалялись. Натешились, кажется. Выпроводили в прихожку. Лаборантка, что прибиралась, подошла ко мне, узловатые пальцы свои положила мне на плечи, по-матерински сжала, похлопала, подбодрила, слегка картавя: дескать, всё будет нормально, не переживай. Через пару минут меня вновь пригласили.

– Мы тут посоветовались, – выносит вердикт седовласый стройный, в красивых дорогих роговых очках профессор, мягким, даже приятным голосом, – считаем, что вам стажировка у нас полезной будет. За собеседование ставим вам «хорошо». Ожидайте зачисления...

– А когда? – шуршит мой язык.

– Мы полагаем, что, как и для всех аспирантов, после седьмого ноября...

«Ёлы-палы, лес густой! Это ж – почти три недели в полном моём распоряжении! Чего ж тогда такую рань меня из дома вызвали? Или они и в самом деле считают, что *Кемерево* – это и впрямь в соседней Прибалтике? А ведь Сибирь – не Москва, не Прибалтика... Домой возвращаться? Туда и обратно – только на одну дорогу не хватит моей месячной зарплаты... И потом, возвращаться – худая примета...»

Выбрался наконец-то из затенённых лабиринтов узких коридорчиков и переходов, спустился по широкой мраморной лестнице с пустующими нишами по бокам, дверь входную, массивную за собою притворил... И – вот она, через десятиметровую Дворцовую набережную – сама Нева!

В лицо ударил тугой влажный невский ветерок, в глазах аж потемнело от избытка света. И влево, и вправо Нева распласта-

лась, втиснутая в гранитные одёжки, как в тесный павловский мундир или фрак. Кировский (бывший Троицкий) разводной мост большим пологим коромыслом берега соединяет. Сразу за ним, слева – Петропавловка с недокрашенной стеной, высоченными куполами да шпилем собора; почти напротив, как в музейном зале – онемевшим экспонатом крейсер «Аврора» красуется. Справа, за Лебяжьей канавкой и чугунной оградой – Летний сад шумит вековухами, обряженный осенью, под стать золотым куполам церквей и храмов...

И осень всюю! Совсем не нашеньская, сибирская – с серо-слякотными днями и промозгло-занудная, тёмно-кусачая – ночами. Эта осень – словно сбежала с полотен Левитана или выпрыгнула строфами четверостиший из поэм Пушкина! И как только я не замечал её здесь до сих пор!/? И настроение у меня сейчас – в тональность этой осени. Свалилась с плеч такая забота, такая тревога, такая гора... «Четвёрка» – оно, конечно не «пятерка», а всё – не завал, да ещё и при целевом месте. Есть, есть надежда на зачисление! А от стажировки – уже и прямая тропинка в аспирантуру замаячила...

Побродив по Набережной, зашёл в гастроном, что на Халтурина. Бутылку «Алазанской долины» – красного полусладкого купил. А ещё попросил, чтобы нарезали мне пластиками сыра и колбаски докторской, что взял, граммов по двести – на закуску. И килограмм яблок в овощном отделе прикупил. В общагу, на Чёрную речку, подался. Друг там меня дожидается, однокашник ещё студенческий Артём – аспирант здесь уже.

– Что? Как там? Сдал? Рассказывай!

Бутылку вина выставил молча – условный знак: раз не коньяк, стало быть, не «отлично», что пророчил Артём. Тот всё понял.

– Да не переживай ты! У тебя ж – целевое место на годичную стажировку министерством выделенное. По большому счёту, они тебе и экзамен-то устраивать не должны были... Ты ж не в аспирантуру поступаешь, а пока лишь стажироваться приехал, хотя и как преподаватель... Да, к тому же, у тебя ведь и пара кандидатских экзаменов уже сданы... Зачислят! Ну, что медлишь? Наливай!

Я разливаю ароматное вино вишнёвого цвета по тонкостенным стаканам. Выпили за очередной мой шажок «в люди». А вино-то вино, какой аромат, какое послевкусие... Это вам не

студенческий портвешок, вроде привычного «Агдама», тем более, не «Дэляр» и не «Солнцедар» – теми только стену Петропавловки докрашивать...

– Чем же до зачисления мне заниматься? Не привык бездельничать, – жалуясь Артёму.

– Старик, такая возможность выпала! Радуйся. Походим по музеям, выставкам, театрам. После аттестации и у меня посвободнее будет...

– А давай завтра в Петропавловскую крепость сходим? – предлагаю я. – А то только смотрю на неё каждый день...

– Можно и в Петропавловку, – соглашается Артём.

– Ты знаешь, у меня до сих пор какая-то эйфория. Чую от осознания того, что нахожусь в Питере... А в Летнем саду – так и вовсе голова кружится, будто в сосновом бору нахожусь после городских запахов...

Улыбается Артём, поглаживая аккуратную бородку.

– Я и сам первое время, вроде тебя, у каждого здания останавливался, всё восхищался. А теперь за два года попривык уже. Невский, Кировский – для меня такие же будничные, как и для коренных питерцев. Ходишь в толчее людской, ничего и никого не замечаешь...

– А знаешь, что я надумал? – интригую его.

– Что?

– В Молдавию махнуть! – огорошиваю Артёма своим неожиданным сообщением. – Я ведь тебе рассказывал, что отец мой с бабушкой и братом из Бессарабии были высланы в сорок первом, как раз накануне войны... Дядька-то, отцов брат родной, вернулся туда ещё в шестьдесят первом. Пятнадцать лет прошло, как не виделись с ним. А отец – всё только собирался уехать туда... Не пришлось. Когда ещё у меня выдастся такая возможность?

Артём пожимает плечами, несколько недоумённо, не совсем одобрительно. Остатки вина по стаканам разлили.

– А с Ленинградом... Никуда он от меня не убежит, успеем ещё и вместе побродить, – завожусь я, слегка хмелея. – Да и деньги пока ещё не истратил тут все. На дорогу хватит...

Сказано – сделано! Самолётом до Одессы напрямик из Ленинграда, и всего-то за 28 рр. Вполне приемлемо. Да и лёту – всего-то пару часов.

И брат Володя мне ещё дома толковал: дескать, если в Одессу попасть, то до дяди можно поездом или автобусом доехать. Артём своим белым плащом да кожаной кепкой меня снабдил – я-то из своей Сибири уже в зимней шапке-ушанке и демисезонном пальто прилетел. Там снег уже всюду лежал, и холода ночами до минус десяти градусов доходили...

-2-

Одессы, можно сказать, и не увидел. Так себе: провезли автобусом от аэропорта до железнодорожного вокзала. А там – в кассу, в очередях простоял. Вот – и вся Одесса для меня – жемчужина у моря. И море не приметил...

Из поезда замызганно-засиженного, с кислыми запахами и спёртым воздухом выйти пришлось ночью на станции невдалеке от загадочного для меня Болграда. На улице промозгло и сыро. Неужто, и впрямь в Бессарабию угодил, а не в каком-нибудь осеннем Мариинске оказался? И я уже начинаю сомневаться в словах отца, бабушки, брата Володи о хвалёной благодатной Бессарабии, сухой Буджакской степи – рае земном. Тоже мне – рай... Не для меня, видать, создан. Впрочем, ночь ведь, что тут увидишь? А ведь именно отсюда, из этого самого Болграда высылали отца-подростка с братом и матерью. По семейным преданиям – и дом прадеда Павла Манолова, каменный, двухэтажный до сих пор ещё стоит. Где, интересно?

А ночи-то здесь тёмные, вроде наших августовских. И звёзды поблескивают, как сквозь кисею. Половинка луны матово проглядывает. И зябко мне тут в плаще артёмовом.

Храм высокий виднеется, подсвеченный уличными фонарями. Вся верхушка его с маковками, куполами, крестами во тьме купается. И перекликается этот храм своею красотой и величием с питерским Спасом-на-крови.

Меня полонят мысли и думы: «А ведь и отец мой здесь не один раз бывал, и дядька, и дед с бабушкой, прадед и даже брат – пока служил действительную. Теперь вот и я дотянулся до него отцовым эхом, отзвуками деда, зазывами бабушки. Не зря ведь отец повторять любил: дескать, и родился-то он при царе Горохе, и учился в церковно-приходской школе. Похоже, наговаривал на себя... Дядя Толя, брат его, вот вернулся же сюда, с семьёю и матерью...

Вернуться-то вернулся, да только отголоском незаслуженной репрессии и депортации – чиновничьи указания: «Не велено пущать! Ну и что с того, что реабилитированы? Есть распоряжение властей – и баста! Селитесь, где хотите, только не там, откуда были высланы!»

И ладно бы ещё, если такое творилось в сталинские годы. Шестидесятые – времена оттепели уже стояли. Не позволили и в соседнем (совсем уж родном) селе Владичени поселиться, где вся родня по деду Фёдору ещё проживала. Да и дом ещё стоял...

В молдавском селе Вулканешты только и пришлось притулиться, в восемнадцати верстах от Болграда родимого, в степях Буджака, разрезанных речкой Кагул и границей законной. Болград-то с Владичениями к Украине отошли, а соседние Вулканешты – уже Молдавии принадлежали, самой южной её части, где проживало больше гагаузов, чем, собственно, молдаван.

Вот тебе и Бессарабия, Буджак... По нашим сибирским меркам – поменьше всего Пудинского округа будет. И делят ведь, переделивают! И кого тут только не было, не надо далеко и в историю удаляться: и ногайцы, и ордынцы, и армяне, и румыны, турки, болгары, русские, молдаване, гагаузы, украинцы...

И что самое смешное и парадоксальное: мой младший брат Володя отсюда три года назад демобилизовался! Два года прослужил в Болграде в десантном полку. Это ли не ирония судьбы?! Отца нашего отсюда в Сибирь за пять тысяч километров уконтрапупили, как социально-опасного элемента, осуждённого в четырнадцать лет Одесской опертройкой. А сына его через тридцать лет из того самого спецпоселенческого Пудино на службу сюда определили...

Меня не отпускают мысли и о дядьке, тётке Наташе, двоюродных моих сестрах – Раисе и Тамаре... И опять ирония. Мы с сестрой Раей коллегами профессиональными оказались, окончив одну специальность института культуры. Только я учился в Кемеровском, а она – в Московском.

«Каким, интересно, стал дядя Толя? По фотографиям – на отца нашего чем-то смахивает отдельными чертами, трудно и уловимыми. За минувшие десять лет уже и отцовские черты стали стираться в памяти моей, что уж про дядьку говорить... Тут уж и во все – пятнадцать лет прошло, как они уехали из Сибири, и мы не

виделись с ним...» И всё думы, думы, думы... А ещё: «Как-то встретит он меня здесь, появившегося неожиданно-негаданно, без предупреждения и весточки? Не зря ли ехал сюда в такую даль?»

Ночное время в утро переползать стало. Медленно-медленно, словно каждую минутку проталкивали сквозь узкую щёлочку. Я раза три уже вокруг храма обошёл, заглядывая внутрь двора сквозь запертые железные ворота.

Вокзальчик автостанции замусорен шелухой семечек, косточками слив и абрикосов, догнивающими крупными огрызками яблок и груш. У нас-то, в сибирском детстве, огрызков таких никогда не бывало – всё до самых семечек, сердцевинки выгрызалось и обгрызалось. Ещё бы... Свежее яблоко лишь по большим праздникам в кульке газетном оказывалось...

Сквозь редующую тьму я пытаюсь высмотреть всё те же яблоки и груши, но уже на деревьях, спрятанных за высокими заборами привокзальных домов. И порой мне кажется, что я вижу темнеющие пятна этих плодов, проступающие сквозь сетки ветвей и неопавшей листвы. «Груши, или яблоки? – задаюсь вопросом. И тут же возражаю себе, – Да какие могут быть груши с яблоками в последней декаде октября?» Я всё ещё никак не могу пересилить своё представление-стереотип об осени в это время. Ведь у нас уже всю снегу с морозами...

И для нас, родившихся в сибирских снегах и просторах, разговоры родителей о фруктах казались такими же абстрактными, должно быть, как разговоры о кедровых шишках и орехах – для каких-нибудь австралийцев. «Езжайте, езжайте в свою Молдавию! Кружайте кружты, – с обидой высказывалась наша другая бабушка – коренная чалдонка. – Много там без картошки-то накрухаете? Да штабы я вашу мамалыгу када в рот взяла? Ещё чего выдумали?!»

Потолкавшись у открывшегося окошка автокабсы, взял билет на автобус до Вулканешт. И ехали недолго, всего-то минут двадцать пять. Пару раз нырнули под горку, взбежали на холмы, катили равниной по гладкой неширокой асфальтовой дороге, идущей почти вровень с обочинными полями с длинными ровными рядами виноградников и межполевыми лесонасаждениями.

«Где степи-то знаменитые Буджакские, воспетые ещё самим Пушкиным?» – пытался я высмотреть всё в окна автобуса.

Свет пробиваться начал всё сильнее, делая очертания всё ярче и контрастнее. Мимо проехали какой-то памятник большой, что в поле стоит – высокий, в виде толстого гвоздя с массивной шляпкой наверху. В горку поднялись. Село распласталось. Вулканешты. Остановились на автостанции. Вышли со мною человек пять, автобус дальше покатил.

Поинтересовался у попутчиков: где мне найти улицу Танкистов? Меня сначала к центру села направили. Дескать, там спрашиваешь у кого-нибудь. Укажут. А у кого спрашивать? Пусто кругом, даже и в самом центре. Людей не видать. А дома тут добротные, не чета нашим халупкам-временкам.

Вскоре я оказался возле большого кирпичного здания. На нём, вверху, флаг развивается. А перед ним – площадь, цветущая ещё, вся в розах, аллейки голубых пихт и бронзовый Ленин в натуральную величину с рукой, указующей в светлое будущее.

Магазины, ларьки миновал с закрытыми ставнями и зарешёченными окнами. Какая-то контора сбоку «Доской Почёта» красуется. Возле неё два дворника листву сметают в кучи. Поинтересовался у них, не знают ли, где находится улица Танкистов? «Нет, не слыхали» – в ответ. Спрашиваю: «Может дядю моего знаете?» И фамилию называю. Мне на «Доску Почёта» кивают. Смотрю, а там – половина Доски – сплошные Арнауты! Поди ж ты! А я-то у себя, в Сибири, в уникальности своей фамилии не усомнился ни разу. Задачака...

Куда деваться, надо двигаться куда-нибудь, искать эту самую улицу или переулок. В горку подниматься начал извилистой улочкой, забирая всё вправо. По обеим сторонам улицы за заборами в зелени да красных яблоках прячутся дома-хаты просторные, крытые шифером, а чаще – ярко-оранжевой черепицей. Бока, стены домов ядрёные, в штукатурке с лепниной, не чета нашим бревенчатым; двух одинаковых рядом не увидеть. Большинство окошек ещё ставнями зажмурены.

У колодца женщину с мужчиной встретил. Спрашиваю. Мужик в одну сторону показывает, женщина – в другую. Гыгыркают меж собой на своём, непонятном мне языке. С полчаса бродил, всё вокруг да около, пока не догадался конверт достать с адресом дяди. Наконец-то вышел в какой-то переулок. И название его и номер дома – всё, как на конверте.

Ткнулся в тесовую глухую калитку – заперто изнутри. Стукнул в неё пару раз кольцом, предназначенным вроде звонка и ручки. Изнутри собака залаяла. Загремели двери где-то внутри двора, засов звякнул, щеколда щёлкнула, скрипнула, открываясь, калитка. Человек появился лет пятидесяти высокий, с обозначенным уже брюшком, седовласый, в полосатой пижаме и сандалиях на босу ногу. Меланхолично глянул на меня, зевнул.

– Вам кого?

Растерялся я в нерешительности от волнения:

– Гостей не ждали?

– Да, вроде, нет...

Смотрит на меня внимательно, заинтересованно, изучающе, оценивающе. Заулыбался. И у меня на лице ответная улыбка обозначилась. Встретились! Узнает ли?!

– Что, так ни на кого и не похож? – интригую всё ещё дядю. – За родню не признаёте?

– Мэй! Вовка? Что ли ты? – удивляется дядя.

– Неужто на Вовку похож? Что, так изменился за три года? Не Вовка, Виктор я...

Обнялись, расцеловались. В ограду вошли. Прищипнул дядя на кобеля, что с цепи рвался. Тётка в двери показалась, за нею – сестра двоюродная, моя ровесница. Удивляются все: вот так гость! Без вести, без приглашения. «Откуда? Из самой Сибири?» – «Нет, из Ленинграда...» И пошли расспросы: что, где, когда, как? Тётка с сестрою в хату подались, парить-жарить заторопились, гостя угощать, да и самим позавтракать. Да на работу собираться. Дяде проще, он в отпуске оказался.

Накинул дядя на себя кептарь, закурил. Ведёт меня, как гид, хозяйством своим хвалится. Дескать, сам всё нажил, начиная с нуля. Как тут не похвалиться племяннику из Сибири?! Когда приехали-то оттуда, к родне не пустили. Пришлось мыкаться по углам чужим. Лето целое прожили постояльцами в пристройках и сараюшках, не в касамарах, ясно дело. Скарб какой нажитый и привезённый с собой – так в сидорах и пролежал нераспакованным. Благо, летом дело было, не в Сибири – с полчищами комарья и гнуса. Самих двое, трое ребятишек, малмала, да мать ещё – табор целый...

Пацанчик средненький, Гена, десяти годочков ещё не было, всё назад, к лёле Степе просился. Как чувствовал. Накупался по

жаре в лимане, да просквозило где-то, видно. Простыл, воспаление лёгких заработал. А лечение какое? Кому тут нужны были какие-то там приезжие из Сибири? Не смог болезнь пересилить. На десятом годочке свезли на кладбище местное. И в доме-то своём не полежал. Вот горя было!!! А каким смышлёным рос! Рисовал уже масляными красками, копии картин делал. На баяне отцовском играл самоучкой – голова вровень с инструментом. Мастерить что принимался – глядеть любо-дорого... Только, видать, и Богу такие умельцы там понадобились...

В подвал спустились, бетонный, глубокий, по лесенке крутой. Две дубовые пузатые бочки лежат на подставках, по 350 литров каждая. На полках, на полу в углах – всё банки, банки, банки – с соленьями, вареньями, компотами, маринадами.

Чопчик – кругленькую палочку-затычку – выдернул дядя из одной из бочек. Нацедил тонкой струйкой в гранёный стакан тёмной жидкости. Поднёс к глазам – мутноватая ещё, не выбродила, не отстоялась: не так давно и давили ещё виноград после уборки, месяц прошёл ли с поры той?

– На здраве Боже, – произносит дядя и выпивает молодое вино. И снова тоненькая струйка пенится в тот же стакан. Мне подаёт.

– За встречу, – говорю я и цежу сквозь зубы кисловато-сладкую жидкость.

– Ну, как тебе моё винце? – спрашивает дядя.

– Терпковато, – отвечаю.

– Молодое ещё. Ладно, попробуем сейчас из другой ёмкости. Вовка, брат твой, разобрался немного в вине, научили... А ты как?

– Много ума не надо. Было бы с чем сравнивать...

– Ничего у меня осталось ещё литров пятьдесят прошлогоднего. Сейчас попробуем и его. Посмотрим, какой из тебя эксперт...

Мы выбираемся из холодного подвала. В руках у дяди графин с вином. Передаёт мне пару банок – с компотом-ассорти и соленьями. Наверху немного теплее, чем в подвале. Меня почему-то бросает в мелкую дрожь.

– Студёно? – спрашивает меня дядька. – Сейчас в дом пойдём. Однако, мы не всё ещё осмотрели и снаружи. Дядя подводит меня к разлапистой груше, та вся усыпана крупными плодами. Легко отделяет одну от гнущейся ветки.

– Поздняя, осенняя, – поясняет он. – Угощайся.

Я беру грушу у дяди, откусываю, и она прямо тает у меня во рту. Вот они – «крухты», как говаривала наша другая бабушка Настасья, – ешь – не хочу! Таких сочных, сладких и ароматных груш мне есть ещё не доводилось. Идём в сад-огород. Там – соток пятнадцать земли, и ни метра без пользы. Всё окультурено. Умеют тут ценить и распоряжаться земелькой, умеют! Не то, что у нас: все межи позаросли крапивой и высоченными сорняками. Рядками ровными жухлые виноградные лозы разбегаются, прикрепленные на проволочные шпалеры к бетонным белёным столбикам. Среди них я пытаюсь отыскать спрятавшийся виноград. И мне удаётся обнаружить несколько затерянных зелёных гроздей. Виноград, как и груша, сочен и сладок.

– Это – столовый сорт, на еду, – поясняет дядя. – У меня его мало. Вино давим из красного, каберне... Это – яблоня ранняя, тут – слива у нас, а здесь – персики растут. А там – орехи грецкие. В ограде, – видел? Вишнёвое дерево. Ведер по пятнадцать снимаем с неё...

– Неужели можно с одного дерева так много снять? – изумляюсь я.

– Бывает, в урожайные годы, и поболее... Эх, жалко, Степан не дожил... У него бы не меньше моего было, он же хозяйственный мужик был. И руки на месте росли... Простодырый, правда, раздавал всё налево и направо. Не в меня пошёл. Не в меня... Но уж и фарисеем никогда не был...

– Это уж точно, – поддерживаю я его. И вспоминаю, рассказывая дальше. – Когда плотничал – топор в его руках, как игрушка гулял. Так ловко тесать бревно мог, или плахи кромить – будто рубанком ровнёхонько... А пазы выбирал – залобуешься. Смотришь на него и думаешь: ведь как это легко и ловко получается. А сам попробуешь – куда там... Косить, бывало, принимался – не поверишь, что это уже после основной работы, будто и усталости никогда его не касались. Сам даже сапоги шил нам, пока мы маленькими были, а как валенки умел подшивать...

Дядя Толя смахивает с глаз непрошенную слезу:

– Баба Паша-то, мать наша – как узнала, что Степана не стало, парализовало её. Инсульт. Так и не поднялась больше... Говорил ведь ему, и не раз, ещё тогда: давай, будем уезжать вместе. Вместе, рядом бы и отстроились тут, в крайнем случае... Дом-то

наш, видел, какой! Сами всё делали, своими руками. Помогали, правда, нам кое в чём. Платил за помощь, а как же? Саман делали для стен. Укладывали. Потом штукатурили. Доводили до ума уже сами, как нам самим хотелось... Кур вот держим, кроликов. Да я на одних кроликах машину, «Москвича» сделал! Жить только с умом надо! А на «Иже» по полям езжу, собираю по убранному – где свёклу, где подсолнухи, кукурузу. Винограда вторую бочку – тоже из собранного надавили. Сколько там всего остаётся на полях... Добра пропадает! Тут же – турки в основном живут, гагаузы! Работать не хотят даже на себя. Пьют... Фарисеи...

– А что, хозяйева колхозные за такую «помощь» не гоняют? – спрашиваю я.

– Какие хозяйева?! Кто? Эти турки, фарисеи? – зациклило дядю.

Ворчлив, ворчлив стал дядюшка. Вроде, прежде я такого за ним не замечал, а, может, не обращал внимания. «Турки» да «фарисеи» – похоже, у него теперь самые ходовые ругательства и бранные слова.

– Ты надолго к нам?

– Дней десять думаю погостить, – отвечаю.

– Вот это хорошо! Ты, случаем, не рыбачишь?

– Как это не рыбачу? – изумляюсь я и тому вопросу, и догадке, что и сам дядя стал рыбаком...

– На лиман тогда съездим. Или на пруд, в Фалешты. Карасей с карпами половим...

– Да разве не поздно уже карасей с карпами лавить?

– Нет, – отвечает дядя. – Вовсю ещё клюют. Правда, холдноватое стало... – и спрашивает снова, констатируя, не совсем привычно для меня, – Студёно?! Ну, тогда идём в избу. А то заморозим сибиряка в Молдавии.

...А рыбу в тот раз я видел лишь на Болградском рынке-приводе. Живую, крупную, в изобилии, и, по нашим меркам, совсем дёшево. На рыбалку у нас времени не оставалось. По родне ездили. Ну, а где родня, там и винце непременно. Какая уж рыбалка после этого? Да и погода никак не баловала, выше десяти градусов тепла не поднималась температура.

И дома у дяди без дела тоже не сидели. Что-то пилили, строгали, жгли; вручную шелушили твёрдые початки кукурузы – так что ногти обламывались и болели подушечки пальцев. Ездили по

убранным полям на мотоцикле с коляской – бывшему засушливому Буджаку. Памятник Кагульской битве смотрели, что была с турками две сотни лет назад, ещё при Румянцеве – екатерининском фаворите. Его-то я и заметил, когда въезжали в Вулканешты.

А между тем, у дяди, словно кто внутри хронометр установил, точнее – будильничек: каждые сорок пять минут звенел. Будто школьный звонок, на переменку. И каждый раз спускались мы по крутым ступенькам в подвал, выпивали по очереди из одного стакана – «на Боже здраве». И каждый день, к вечеру успевали изрядно нагрузиться вином. Набравшись, дядя ругал всех подряд турками и фарисеями; вспоминал свою загубленную в Сибири молодость; принимался плакать, жалея своего брата и себя самого... Пару раз при этом, съездили на кладбище, где рядом похоронены мой двоюродный брат Гена и наша баба Паша. Поминали их прямо там и дома...

Выдохся я окончательно от такого непривычного для меня режима уже через неделю. Забастовал мой нетренированный организм. Стала мучить изжога. И сбежал я – с чемоданом спелых осенних груш и трёхлитровой банкой самодельного дядино-го винца «Каберне». Гостинцы сии, бессарабские, уже с Артёмом, в Питере, по достоинству оценили.

-3-

Мне уже тридцать. Позади годичная стажировка и заочная аспирантура. У нас, в Кемерово, новая двухкомнатная квартира «улучшенной планировки». У жены Людмилы и у меня – любимые работы, и дочь Ярослава. Дочь, между прочим, второй класс закончить уже успела. Июль. Отпуск. Каникулы.

Мы с женой уже давненько вынашивали мечты – махнуть куда-нибудь за границу. Хотя бы и в Болгарию, для начала. Даже адреса моих дальних родственников разузнали. Все комиссии с собеседованиями прошли, характеристики получили, паспорта, визы выхлопотали. Деньжат, естественно, подкопили. А примерно за неделю до отъезда нас вдруг известили, что наша поездка переносится на полтора-два месяца. И объяснить даже не потрудились, почему. Ясное дело: нужно было по благу кого-то срочно отправить в ту же Болгарию, вот мы крайними и оказались...

А, пропади она пропадом – и заграница такая! Точнее, наша совковая система турсервиса. Совет семейный учинили. Не

за границу, так к родне! Украина, Молдавия – пока ещё туда хотя бы наш путь не заказан.

На Украине погостили неделю, в Краматорске Донецкой области, у сестёр жены. Накупались в Славянске, грязями целебными подлечились, позагорали. Я умудрился там, на грязесоляных озёрах подлечить даже свой застарелый ревматизм. Лепота! Дождались свежей черешни.

Дочь решили на попечение сестёр жены оставить, а сами – махнуть в Молдавию. От Ясиноватой до Одессы поездом, а там – автобусом. И моря, Одессы опять посмотреть некогда было. Всю дорогу автобусом, до самого Болграда в грозы – то в одну, то в другую попадали, как под артобстрелы или авиабомбёжки. Хорошо, хоть под прикрытием автобуса были, как в бомбоубежище. Светлым днём – что ночью темно становилось. Машины встречные – всё с фарами включенными попадались. И ливень стеною, таких у нас в Сибири не бывает.

На остановках зато, под навесами, всё фрукты предлагают. И не штуками, не килограммами, не мисками – ведрами! Яблоки, груши, абрикосы, персики – и всё по одной цене – трёшка ведро. Глаза разбегаются. Да у нас и ведро картошки дороже стоит, а тут – фрукты...

Встретили-приняли нас – радушнее не бывает. Дядя Толя постарел, но крепок ещё. Ревизором работает: «Меня никто не проведёт! Я этих фарисеев насквозь вижу! Лейча мэти!» Тётя Наташа на пенсию уже вышла, из раймага проводили. Спасибо им, помогали маме нашей: такие вещи присылали в пору нашего детства и юности без отца – не у каждого с достатком дети так одевались, как у нашей мамы. Сестра Тамара жалуется: «Надоело мне с этими турками в детском садике водиться! Нервов уже не хватает... Хотела в паспортный стол устроиться – не разрешили: отец сосланным был!» Вот это отрывка! И когда?!

Тётя суетится, не знает, чем и угостить. Тутманик – пирог с брынзой печёт, тушит острый соус болгарский – жирный, пахучий. Заваривает мамалыгу, наполовину с брынзой и маслом сливочным. А уж фруктов...

Тут и наш скромный сибирский гостинец в дело пошёл. Догадались ведь в Молдавию колбу солёную и маринованную привезти, в баночках стеклянных. Дядин чимергес – приправую

к колбе: чеснок толчёный, перец острый и уксус! Смесь гремучая его чимергес! Уплетает дядя угощение наше, нахваливая: колбой не баловался уже с самой Сибири...

А для меня опять многое тут в диковинку, и прежде всего – всё те же «крухты». Наконец-то я увидел прямо на деревьях наливающиеся абрикосы, персики, созревшие вишни. Не говорю уже про ранние яблоки. Вишню застали ещё, хоть и запоздалую, переспевшую, набившую уже всем местным оскомину. Только не нам!

Вишнёвое дерево стоит прямо в ограде, едва ли не посредине. Красуется спелыми ягодами на верхних ветках. С нижних – уже давно всё снимали. Переспевшие ягоды падают, устилая бетонированный пол. Трескаясь, они источают бордовую жидкость, размазываются под ногами. А ягоды всё падают и падают сверху, как заблудившиеся ружейные пули двенадцатого калибра. Хоть каждый час подметай ограду...

Я взбираюсь с трёхлитровым бидончиком на дерево и быстро наполняю его истекающей соком вкусятины.

Яблоки хрумкие, ранние, что сразу за сараем в огороде, глухо ударяются оземь или падают на пологую крышу навеса. И они уже не могут удержаться на своих, гнутых от тяжести, ветках. Хоть каждое утро по целому ведру собирай! Только вот – куда их девать? Некоторые раскалываются, трескаются от избытка крахмала и сахара, источая неповторимый яблоневый аромат. Хоть заешься!

Шелковицы ветвистые, как наши жёлтые акации, вдоль улиц и тротуаров сплошными рядами тянутся. Стоят, усыпанные тёмными приторно-сладкими ягодами, никому ненужными, вроде наших ранеток-дичек – разве что ребятам на забаву. Испещрены шелковицы ягодами, словно серёжками ольховыми, только крупнее гораздо. И ягодами этими, как и вишнями в ограде дяди, словно овечьими катышами, усыпаны все тротуары и обочины дорог...

Ну, и вино, конечно! Чтобы в Молдавии, да без вина?! Всё равно, что в какой-нибудь сибирской Тюмени – без нефти, или в Кузбассе – без каменного угля. Здесь вино везде: в магазинах, ларьках, лавках, бочках – в основном на розлив. И у частников, почти в любом доме, купить можно, если даром не угостят. Вино почти повсюду – исключительно сухое и красное.

В подвал, естественно, с дядей спускаемся. Как и в прошлый раз, там всё те же две дубовых бочки, только с другим уже содержимым. И стакан на них, как и прежде, гранёный, стоит один. Зато вино в бочках – не то (молодое ещё и мутное) – выбродившее, отстоявшееся, тёмно-вишнёвое, прозрачное. Без мути и осадков. В одной, правда, немного уксусом отдаёт, что-то не доглядел дядя. Зато в другой!

Июльский день в вечер прицелился. Не так уже парко стало. И тучи грозовые где-то там остались, на Украине, за Болградом.

Ужин на улице, точнее, в ограде собрали, под вишнею, на выносном столике. Вся ограда дядина, как шатром, сверху виноградными лозами переплетена. Молодые зелёные гроздья крупными горошинами пробиваются сквозь широкие узорчатые листья лоз.

И вино в кувшине. Здесь пили мы уже каждый из своего бокала, а не из общего стакана, как в подвале. Правда, раза два уже дядя спускался в подвал, нацеживая из бочки полный графин. Захмелели все, захорoshели.

На песни настроились. Дядя баян вынес, бережно и аккуратно вынул его из футляра. Баян тот из Сибири ещё привезён, как показатель достатка, – с чёрным деревянным глянцевым корпусом. И очень добрым звуком! Сестра Тамара гитару мне принесла семиструнную. Подстроились под баян. И понеслась! Сперва не очень ладно и уверенно, потом всё краше выходить стало. Боже, как пели! При такой-то вечерне-буджакской акустике – грех было худо голосить... Хотелось показать, что и сибирякам не всем медведь ухо отдавил. Все соседи заслушивались.

«На кры-леч-ке тво-ём каж-ды-й ве-чер в-дво-ём...» – выводил дядя, рублено выделяя каждый слог песни. Мы вчетвером подпеваем ему, стараясь выводить свои партии. Давно уж забытую мной «Черимэ» почему-то вспомнили, и тоже подпевали дяде. А уж про «Байкал», «Бродягу» да «Ой, мороз, мороз...» – какой сибиряк не споёт?! Угомонились совсем поздно, когда тёмно-синее небо всё покрылось золотыми блёстками...

...Утром на рыбалку засобирались. Вот теперь – самая пора порыбачить, не то, что в тот приезд, когда колотун стоял не хуже питерского. Откуда-то из-под навеса дядя вытащил целую охапку заплыённых, связанных, почерневших кривых палок. Глянул я на его снасти – на смех поднял этого педанта. Даже усомнился: да

разве можно этими кривулинами что-либо поймать? Не удилица – кривулины частокольные, которыми только и можно, что плетень городить. Ну, дядя! Ну, рыбак! Леска на них – ноль пять, крючки – восьмёрка-десятка, кованые, поплавки – пробки от шампанского, вместо грузил – чуть ли не гайки привязаны. Четыре уродца собрал дядя по два-три коленца. А коленца-то вовсе даже и не трубочные, а какими-то бечёвками да тесёмками внакладку связывает. Будто удочки эти сохранились ещё с тех времён, когда он с отцом моим ещё пацанами были и рыбачили на лимане. Да рыбак ли он? И когда в последний раз на рыбалке бывал, или только всё собирался, как в прошлый мой приезд?

– Что, не нравится? – усмехается дядя, видя мою реакцию на его удилица.

– Не ожидал я от тебя такого. Куры – и те засмеют...

– Ладно. Это – мои снасти. Тебе я сейчас другое дам.

Он выносит мне новенькое желтое телескопическое удилице, пятиметровку, ещё в чехольчике, неоснащённое.

– Зять подарил. Из Москвы привёз. Сам-то сумеешь оснастить? На вот, выбирай...

Я нахожу в его арсенале, как ни странно, немецкую леску, сечением 0,25 мм., крючки-пятёрку. Очищаю под поплавок толстое гусиное перо. Делаю из медной проволоки крючочки – мотовильца для лески, креплю их синей изолентой на комель удилица. Огрузку поплавок пробую в огромной бочке-цистерне, что вбетонирована прямо в ограде, возле стены дома. Вот, теперь и мне можно на рыбалку.

Мы садимся на мотоцикл и отправляемся за червями. Спускаемся проулком вниз, в какой-то лог. Там бежит по самой низине ручей, вроде нашей мелководной калининской Николки. На омутках, правда, метров пяти достигает.

– Кагул, – указывая на него, поясняет дядя.

– Это – Кагул? – недоумеваю я, переспрашивая, – Река Кагул?

– Она, она. Кагул... – утвердительно отвечает он.

– Это на ней была та самая знаменитая Кагульская битва при Румянцеве?

– С турецким пашою, – уточняет дядя. – Тогда она полноводно была.

– Куда же подевалась теперь?

– На полив разобрали. А тогда – тут ведь ещё степи Буджака были... Совсем мало кто занимался земледелием...

Многое здесь не так, как у нас, в Сибири. Черви – и те не такие: какие-то длинные, блёклые, тощие. Правда, упругие, должны хорошо держаться на крючке. Встречаются и вовсе – аж какие-то буро-зелёные...

...Назавтра утром рыбачить выехали всё на том же мотоцикле. В коляске лодочка складная лежит да пучок частокола-удилищ топорщится. Небольшой туманчик ласкается по низине, вдоль которой мы едем. Километра три от села отъехали. Пруд заблестел. Дамбу миновали, в другой конец пруда проурчали, добавляя туману сизоватую мотоциклетную марь. А пруд-то – и впрямь ничего! Позднее прочитал я о нём даже в рыбацкой литературе, каком-то справочнике: площадь его – 100 гектаров. И название официальное – Комсомольский.

Наш берег пологий и почти совсем голый. Зато противоположная сторона вся поросла диким терновником, алычой и какими-то кустарниками. И вдоль того берега в воде сочной зеленью высятся камыши с рогозом.

Мы спешно разгружаемся. Дядя шустро, озираясь по сторонам, собирает свою лодчонку, раскрепив её борта распорками и седушкой. Берёт всю охাপку своих удилищ, самодельный подсачек, весло и, сбросив сандалии и закатав брюки по колено, усаживается в своё угловое судёнышко и спешно гребёт к тому берегу с камышами, скрываясь в них из виду.

Я делаю промеры глубины на расстоянии забросов с берега: мелкоовато оказывается, всего-то сантиметров сорок. Отыскиваю на берегу чьи-то рогульки, откатываю голенища болотников и забредаю в парную воду. Почти вся её поверхность, как живыми кубышечками, усеяна лягушачьими перископами. И такой грай идёт, будто стрекот кузнечиков на августовском лугу, только октавою пониже. Столько лягушек разом и в одном месте ни видеть, ни слышать мне ещё не доводилось.

Я делаю забросы наобум – тут нет ни заводёшки, ни кустиков, ни зарослей какой-либо озёрной травки. Зато здесь уже около метра глубины. Рыбачить можно, должна тут рыба водиться. Ветерок начал беспокоить водицу. Покачивает мой белый гусиный поплавок с высокой антенкой. Он клонится бы-

линкой от дуновения. Притопило, вроде. Поклёвка? Выжидаю. Медленно-медленно он начинает смещаться, заваливаясь на бочок. Делаю подсечку и вытаскиваю настрой из воды. На крючке пусто, лишь червяк ошипан по самое жало. Проходит минут пять. И снова поклёвка. При подсечке почувствовал уже что-то на крючке, да сход в полводы. Что это за рыба такая? – недоумеваю я. Четвёртая, пятая поклёвки, и всё без результатов. Ну, никак подсечь не удаётся, будто кто заговорил. Может, выждать подольше надо, не спешить с подсечкой?

А лягушки наяривают! словно в порожистом ручье стою, сплошная журкотня! Которые – так и вовсе обнаглели. К самому поплавку подбираются. Уж не они ли там и червей моих обсасывают?

Положило поплавок, повело. Уверенно, с претензиями на найденную насадку на крючке. Пора! Затрепетала леска, закивала вершинка – хлыстик на удилице новенького телескопа. Однако, и сейчас сход уже на самой поверхности получился. Да что же это за наваждение? Ничего понять не могу. Какая хоть рыба-то здесь? И у дяди – сколько ни пытал, лишь посмеивается в ответ. Дескать: коли ты рыбак, как хвалишься, так и сам узнаешь, когда поймаешь. Не опозориться бы перед дядей: снасти-то его как критиковал, намекая на свою опытность и бывалость.

И лишь при очередной поклёвке, сделав резкую подсечку, вижу, как из воды выскользнуло что-то розово-белёсое. На бережок, подальше от воды аж перебросил. Сам, взбаламутив воду, спешу на берег. А дно-то твёрдое здесь, ила и в помине нету, сплошной утрамбованный песок. Карась на берегу оказался на моём крючке, всего-то навсего. Даже немного разочаровал меня. Правда, граммов на сто пятьдесят по весу, не пятак. С трудом отцепляю его с крючка, даже пробую просунуть ему в рот свой мизинец. А губы-то у него и нёбо – твёрдые, как у налима. «Так вот почему столько пустых поклёвок, – доходит о меня. – Ведь это просто крючок не может проткнуть эту твердость. Вот он и не засекается. Надо бы порезче делать подсечку». Карась, пойманный – не только своим твёрдым зевом с нашими разнится. Сам – весь почти круглый, плоский – вроде подлещика-ладошки, и с каким-то розовым отливом чешуи, плавников и хвоста. Может быть, это альбиносы?

И пошло дело! Поклёвка – короткая и упругая подсечка, и карась уже в ладони, а из неё в садок отправляется. А вода-то мутная

здесь оказывается, словно в чай молока плеснули, потому и дно не просматривается даже под ногами. Потому – и караси белёдые.

Замолчит порой минут на десять. Внимательно присмотришься: поплавок, притапливая, медленно пошёл в сторону. Подсекаешь – пусто. Ветерком, что ли его тянет? Или цепляется под водой за какие неровности? Только разгадать сей секрет удалось мне лишь в следующую рыбалку.

Десятка четыре карасей надёргал уже, не менее пяти килограммов в садке плещется. Честно говоря, стала даже поднадодать такая механическая рыбалка. Искупался уже разок, промеряя глубину. Есть, есть тут глубокие места, стало быть, и рыбка должна водиться покрупнее моих карасей. К обеду время побегало. Дядя из засады своей выбрался наконец. И опять быстро, по-воровски как-то, стал пруд пересекать, приближаясь ко мне.

– Ну, как у тебя дела, рыбак? – спрашивает меня.

Я приподымаю из воды свой булькающий садок.

– Молодец! – хвалит он меня. – Умеешь ловить! А то с зятем приезжали как-то сюда, так он всего с пяток карасишек всего и выловил за всю рыбалку... Ну, и я немножко поймал. Что-то неважно сегодня клевало. Может, ветер – северо-восточный? Подтяни-ка мою лодку. О-о-ой, спина занемела...

Я берусь за нос его лодчонки и поражаюсь увиденным. Всё её днище вразброс усеяно рыбой: штук семь только карпов одних, да карасей без счёту, таких же розоватых, как и мои.

– Вот это да! – восхищаюсь я. – Такую рыбу – и такими жердями?! Нонсенс какой-то!

– Мэ-эй! – смеётся дядя. – А ты ещё издевался над моими снастями. Сам убедился, что твой дядя умеет и рыбку ловить, а не только винце кушать. Да упустил ещё несколько штук. А на одном удилище даже и леску кто-то оборвал. Похоже, толстолобик брал...

– Кто, кто? Толстолобик? А я читал, что он на червя не ловится...

– Так я ж в камышах сидел. Рогоз ему ошкуренный и насаживал. А карпов на катыши из мамалыги с макухой ловил.

– А почему мне про эту насадку не сказал? – пеняю ему.

– А чтобы не смеялся над дядей. И потом, ты леску какую привязал?

– Ноль двадцать пять, немецкую...

– То-то – ноль двадцать пять... Тут ноль пять рвут, как нитку... А у него – ноль двадцать пять...

Я скидываю в общий садок рыбу дяди. Сначала карпов. Три из них – зеркальные. Любуюсь ими. Никогда ещё живых карпов не держал в руках. Глажу пальцем голое тело, провожу по бороздке слюдянистых копеечек. Карпы, правда, не очень и крупные, так граммов по триста-четыреста, похоже сеголетки. Но один и под килограммчик потянет. Такого приятно и вываживать, не то, что карасишек. Всю рыбу едва в садок уторкал.

– Меня с собой возьмёшь в следующий раз?

– Нет, – отвечает дядя, – вдвоём в этой лодчонке делать нечего, потонем ещё. С берега рыбачь, у тебя же получается...

Озираясь по сторонам, дядя прячет садок с рыбой в самый дальний угол коляски, прикрывает его какой-то тряпкой.

– Никого не видел тут? Не подходили к тебе?

– А что? Рыбаки какие-то подходили, червей спрашивали...

– Поди, давал?

– Всех отдал, какие оставались.

– Вот простодырый, – сердится дядя, – весь в отца своего...

– А что в том плохого? – недоумеваю я.

– Турки! Лодыри! Скорноу мэти, – ругается он. – Самим лень даже червей накопать. А больше тут никого не видел? Рыбинспекция не подъезжала?

Так вот, оказывается, в чём дело! Вот почему дядя в камышах скрывался – рыбинспекции опасался.

– Не знаю, мне никто не представлялся. А что, разве тут запрещено ловить?

– Толстолобика с амуром запустили сюда лет пять назад. Вот и гоняют теперь из-за них. Особенно тех, кто рыбачит в камышах и с лодок...

-4-

Мне ещё сорок. У меня уже должности доцента кафедры и заместителя декана факультета. У нас новая трёхкомнатная квартира и две дочери. Старшая Ярослава – на три сезона в спортивном лагере Олимпийского резерва. Младшая Настя – этой осенью в первый класс пойдёт. Мы с женой так и не выбрались за границу, хотя и собирались опять.

Снова знойный июль разверзся. И мы втроём, с женой и младшей дочерью, опять в Молдавии. Кроме нас там гостят москвичи – дети младшей дочери дяди Раисы – внуки, стало быть: нимфетка Натуля да трёхлетний Саша, которого дед завет Цуриком. В просторном доме дяди места хватает всем, ещё и лишнее имеется.

И дядя, и тётка уже давно на пенсии. Дядя огруз, ссутулился, походка его стала шаркающей. Почаще к винцу стал прикладываться, всё реже балагурить и больше костерить всякую власть и начальство. Соседям – и тем перепадает от дяди. Разве что с любимым Цуриком цацкается, хотя и по-своему. Наигранно строжится, «приказывая» ему маршировать по-солдатски по ограде, отвечать на вопросы чётко и ясно, не разрешая хныкать и жаловаться. А вот тётя по-прежнему участлива, приветлива и суетлива. Только видеть стала худо – прищуривается да глядится подольше. А так – всё ещё добродушно похохатывает...

Этим летом, в конце июля, докатилось до нас – гостеванов, – эхо социального взрыва, бунта народного – из Сибири, Кузбасса нашего горняцкого: первыми шахтёры Междуреченска забастовали! К ним и остальные горняки подключились, восстал весь Кузбасс. В Кемерово родимом всю площадь Советов заполнили. Не помешал им в этом и Дом – «всевидящее око», что справа высился. Вспучилось весенней горделивой Томью – волнение народное – словно после затяжных дождей и горных вод.

Ай, да шахтёры! Ай, да земляки! Ай, да герои!

Знать бы нам тогда, чем всё это обернётся...

А между тем те, за кого они, якобы, радели и печалились – спины свои грели в какой-нибудь Молдавии или на Украине. Мы преспокойно хаживали на проточный пруд Комсомольский всем гамбузом, купались там и загорали, остужая свою жажду прекрасным прохладным и терпковатым домашним вином.

Съездили на дядином «Москвиче» и на лиман, или как его официально называли ещё при первом русском наместнике генерале Инзове – озеро Ялпуг. Посетили и Владичени, точнее деда Ваню с его семейством. Восьмидесятилетний деда Ваня, Арнаут младший, ссохся, книзу подался, пацанчиком-подростком смотрится последыш рода. Лысина и морщины выдают его возраст. И глуховат стал преизрядно. Меня он не узнал. С помощью дяди Толи долго объясняли: кто мы такие, какой роднёю приходимся и

откуда взялись. Дядя с дедом на болгарском разговаривали, мы лишь отдельные слова да общий смысл улавливали. Осознав, чичу Ваня заплакал по-стариковски. Обнимает меня, целует, всё норовит меня по головке погладить, как мальчонку-сиротинушку. А на голове-то моей – уже почти как у деда Вани волос осталось – широкая борозда от самого лба и до самой макушки прокорчёвана...

Как был чичу Ваня босым да в рабочей одежде, с заскорузлыми невымытыми пальцами, похожими на землистые корни виноградных лоз, так и за стол с нами уселся. Стол, как и у дяди, в ограде, под лозовыми навесом, в тенёчке стоит. Кувшин большой поставил с вином, пахучую брынзу, засиженную мухами, да фрукты всякие свежайшие. Стаканы, правда, каждому из гостей выставил: из одного, как у бочки, что по кругу солнечному гуляет от хозяина к гостям, посчитал здесь неуместным.

А перед застольем (как же без этого?) домом своим похвалился. Дом у чичу Вани большой, саманный, штукатуренный, под желтоватым колером, в пять комнат. Купили этот дом ему с прицелом на внука младшего Володю, который пока ещё служит в армии, а после неё – жениться собрался. Уже и невесту Вове подобрали (как когда-то моему брату его мать – тётя Юля предлагала – богатую да красивую). Только живут в доме этом пока вдвоём: чичу Ваня, да почти совсем обезножившая баба Дора. Сын Михаил в прежнем, родовом, доме остался. Живут дед с бабой всего в одной комнатёнке, им и хватает. Остальные четыре комнаты – касамарами считаются, все дорогими коврами устелены, окна наглухо ставнями в них запечатаны.

Три стакана, полных винца самодельного, выпил с нами чичу Ваня, ни на грамм от нас не отставая и не пропуская. И это – в 80-то лет?! Каков гусар!

– Кабы не пил вино, – говорит приглушенно, с заметным акцентом, деда Ваня, – думаю, столько бы не прожил...

И все мы почему-то верим его словам.

Встали сфотографироваться вместе с дедом. Мне он – по грудь. Потом в сад-огород повёл нас, как на экскурсию. А как же! Восемьдесят соток (гектар без малого) у него. Как и годочков. А там – и соринки не сыскать: зеленеет всё строгими ровными рядами. Особо выделяются виноградник, да высоченная, в два роста деда, тёмно-зелёная кукуруза.

Вокруг дома фруктовыми деревьями всё позасажено, плодами порасцвечено. Сливы, в детский кулачок, синеют. Оранжевые персики крупными новогодними шарами висят. Абрикосы осыпаться начинают, словно курицы несутся под ними пасхальными яйцами.

А винце у чичу Вани! Такого и у дядюшки не получается. Знает, видать, деда Ваня свои фамильные секреты винодела, да не торопится пока делиться ими даже и с родным племянником. Нацедил нам пятилитровую канистрочку с собою, приглашал заехать на обратном пути.

Мы – за калитку, а чичу Ваня, с мокрыми глазами, за мотыгу взялся, в огород поковылял. Отдыхать некогда вечному труженику деду Ване. Находит ли время поболеть? Скорее, и больным всё топчется на ногах...

На лиман повёз нас дядя Толя длинной улицей бессарабского села Владичени. На бывшие родовые виноградники направился. По моей просьбе. Километра четыре, должно быть, от села отъехали. На берегу лимана остановились, подрулив к широкой воде. Вдали, за лиманом, постройки Болграда виднеются. А сразу напротив – белые коробки санаторных корпусов – явно для начальства, большого и не очень.

– Вот тут... Видите, тополя пирамидальные, – показывает мне с женой дядя, – наши виноградники были.

– И много? – интересуется моя жена.

– Да нет, не очень. Несколько гектаров. Может, с десятков...

Мы выгружаемся из машины. Визгливо-ребячий табор под присмотром моей жены бросился в лиман. Разувшись, мы с дядей осторожно бредём по колючему берегу, поднимаемся наверх – поля раскинулись.

– Вон там, у того кустика, – показывает дядя, – у нас избушка летняя стояла. Ночевать останавливались в ней, сторожили, хранили инвентарь. Рыбачили тут в лимане с твоим отцом... Бабушка-то, мать наша, в Болграде чаще бывала, преподавала там в гимназии. А мы – здесь, с дедом вашим... Строгий он был, что ты... Военный человек в нём всю жизнь оставался. Он ведь кадетское училище заканчивал, в Аккермане...

– Где это? – интересуюсь.

– Раньше так Белгород-Днестровский называли. Да ведь вы должны были его проезжать, когда из Одессы сюда ехали автобусом.

– Помню такой, – отзываюсь я.

– А после Гражданской и плена, уже при румынах, он осел здесь, на своей земле. Доставалось нам с твоим отцом от него. Особенно отцу твоему, хулиганистым был, учился с неохотой. Я-то постарше его, похитрее. Вот мы при отце нашем почти всё лето и пропадали здесь, если у него не было регулярных сборов военных.

– Что за сборы? – спрашиваю.

– Так ведь его почти каждый год, как кадрового военного, румыны призывали на переподготовку. На военной службе у них он числился, вроде резервистов. Уже в чине подполковника. Приедем домой, карточку покажу в форме военного румынского офицера. Не видел? За то и пострадал, похоже... Арестовали его, не соврать бы, 12 июня сорок первого года. В Тирасполь увезли. Мать вызнала, где он. Нас со Степаном – в охалку, и к нему, попроведать, порасспросить, за что и как? Съездили, называется... огорчённо говорит дядя и добавляет ругательство, – Скорноу мэти!

– Что, так и не повидались?

– Его-то всё равно не отпустили. Фарисеи. Зато нас отдельно, с матерью и Степаном в Сибирь уконтрапунили... И всех по одной статье, решением Одесской опертройки, – как социально-опасных элементов... А какие мы со Степаном были социально-опасные? Мне – шестнадцать, ему четырнадцать лет. Пацаны ещё... Зато там, в Сибири, впряглись, как взрослые ломовые лошади... Добро наше всё тут порастащили. Поля наши, виноградники – в колхоз передали, да ненадолго – война вскоре пришла и сюда. И сторожку нашу сожгли – она-то чем им мешала? Так-то, вот, племяш...

Не зря, похоже, зноем исходила природа, влагу вымаливала. Тучи солнышко застить стали со стороны Болграда. Да всё чаще и чернее. Пока мы в мелководном и травянистом лимане купались, дядя в тенёчке, под осокорем отдыхал, видать, винце чичу Вани сморило.

Я рыбачить попытался в заросшем лимане. Прихватил с собой и удочку и даже лодку надувную, резиновую. Нет бы, сразу с лодки и порыбачить, так отдал её сначала ребягине на забаву. Сам в забродку, по пояс зашёл в тёплую воду. В сторонке от купающихся. Едва удочку к камышам бросить успел, да обернулся ин-

стинктивно, и увидел плывущий прямо на меня извивающийся жгутик, одна головка над водою. Змея! Замахнулся удилищем, шлёпнул пару раз им по воде. Скрылась плывущая гадина по направлению ко мне. Я – из воды пулей! Говорила ведь Натуля мне про змей в этих местах, да я всё не верил ей. Теперь поверил. Какая рыбалка после этого?! И поклёвочки ни одной не дождался...

Засверкало вдали, у Болграда, загремело. Всё ближе и ближе к нам приближается канонада. Растормошили дядю, спешно побросали в машину всё наше снаряжение, и сами в неё набились. И едва выбраться успели на асфальтовую дорогу. Разом такой ливень налетел, как десять лет назад.

– Покажи дедов дом, – прошу дядю, въезжая во Владичени.

– Зачем тебе? – неохотно отвечает он. – Поди, претензии на наследство имеешь?

– И в мыслях не было, – отговариваюсь.

– В другом краю стоит. Некогда теперь. Как-нибудь в другой раз...

Я прекрасно понимаю, что другому разу уже не бывать никогда. Торопясь назад и спасаясь от ливня, даже к деду Ване не заехали, попрощаться не завернули...

Отпалив своё, гроза с ливнями, минуя Вулканешты, двинулась куда-то в сторону Прута.

Оранжевые кроны жердел широкими полосами межевали ровные виноградные поля, блазили нас, сибиряков, своей доступностью. Я прошу дядю остановить машину. Съехав на обочину и заглушив мотор, мы выбираемся из машины, и все направляемся по влажной после дождя траве к ближайшему дереву. Под ним полно падалики – оранжевых, с голубиное яйцо, дикорастущих жердел-абрикосов. Пробуем на вкус. Вполне съедобны, сочные и ароматные. Дядя находит палку и стучит ею по стволу и веткам. На нас градом падают спелые жерделы, которыми мы быстро наполняем пластмассовое ведёрко, литров семи, – на свежий компот.

– Надо будет как-нибудь специально съездить за ними, – предлагает дядя. – Посушить. Увезёте себе домой.

– На рыбалку бы выбраться, – говорю ему отвлечённо.

– И рыбалка не убежит. Теперь ведь у меня две лодки. Зять прошлым летом надувную подарил, польскую, одноместную.

...Накопав червей и приготовив прикорм из жмыха и сборной крупянки, я никак не могу дожидаться следующего утра. Через каждые полчаса просыпаюсь и смотрю не часы. Пятый пошёл – пора. Я тихонько встаю, одеваюсь в приготовленное с вечера, крадучись минуя дядю, что спит на верандочке, даже не разбудив его; беру телескопические удочки, садок, резиновую лодку в мешке и осторожно, чтобы не гавкнула собака, выхожу на улицу.

Ещё совсем темно. Я почти наугад бреду по улице, ориентируясь по редким желтеющим окнам саманных изб. На небе ещё и намёка нет на рассвет. Минут сорок добираюсь до дамбы, недалеко от неё и рыбачить надумал. Ну его, тот край – километр с лихвой до него. Пока накачивался и искал камни на якоря, как-то уж очень стремительно светать стало. А на воде – тихо-тихо. Даже лягушки на сей раз почему-то молчат, видать, сезон концертный для них отошёл.

Лёгкая пелена тумана над водой струится. Кружок на поверхности расплзается, другой, третий – рыба начинает предутреннюю игру. Заплыв всего метров двадцать от берега, заякорился. Одну удочку забросил с червём на крючке, другую катышком наживил. Прикорм под самые поплавки покидал. Ну, и где вы, кагульские незнакомцы? Помалкивают мои поплавки пока. Ага, притопило один, едва заметно. Повело в сторону, как в прошлую рыбалку. Уже зная, что подсекать тут надо резко, дёргаю удилишко. И уже на самой поверхности всё же сход рыбы с крючка. А выходило-то тяжеловато. Почему же сошла опять?

Ищу глазами другой поплавок – нету нигде. Хватаю удочку, делаю резкою подсечку. Есть! Вот теперь есть, не упустить бы только. Гнёт рыба кончик удилища, ведёт в стороны рывочками. Дорожку прополоскал от самого поплавочного места и до борта лодки. Выскочил из воды карпик. Зеркальный, как у дяди в прошлый раз. Правда, невелик, всего граммов на двести пятьдесят. Воспрянул я надеждой на удачу. Минут через десять на ту же удочку снова поклёвка, на потоп поплавка. И точно такой же карпик опять в моих руках оказывается. Разглядываю его, любуюсь, перед тем как в садок опустить. Десятки рожц моих довольных отражаются в его чешуйках-копейках.

Караси подошли. С пяток выловил. По-прежнему – розовато-блёклые, с проволочными губами и жестким ртом.

А вот и опять – знакомое по прежним рыбалкам, какое-то улиточное передвижение поплавка. Жду. Вот над водою осталась лишь мизерная маковка антеннки. Пора. Ну, зараза, достал! Я с каким-то даже остервенением делаю подсечку. Ага, зацепилось на крючке! Вывожу – пучком каких-то корней по поверхности воды шмякает. Ба! Да это же рак! Вот она – и разгадка таких поклёвок... И в тот раз, оказывается, так медленно поплавок притапливали раки. К нам-то, в Сибирь, эти членистоногие не добрались пока. И ловить на удочку мне нигде их ещё не доводилось. Шевелит клешнями выловленный рак, глазищи-дробинки на коротеньких пеньках на меня выпучил. Изворачивается весь. Куда мне его, обратно в воду? А, ладно, в садок к карасям с карпами отпущу. Дома хоть попробую, сварив, каков на вкус? Сколько я крабов переел на Курилах, Шикотане! А вот раков – ещё не приходилось. За что же браться? Как снимать его с крючка? Зажал щепотью левой руки одну клешню, другую... Ущипни теперь попробуй! Отцепил с крючка, острое жало в клешню впилося. В садок общий опустил. Пусть теперь там шороху наведёт.

Пока с клешнями рака возился, стукнуло о бортик лодки вторым удилищем. Дёрнулась леска. Вершинка удилица к самой воде кивает. Настойчиво, требовательно! И рывки эти сильнее, чем у тех карпиков. Пружинит упругий телескоп, режет леска кагульскую мутноватую воду. Приятно, ой, как приятно ощущать такое сопротивление рыбы на леске! Вот рыба уже на поверхности, веретёшком из воды выскользнула. Вращается на леске. Пасть на щучью смахивает, полосы окуневые, тело прогонистое, бледно-дымчатое. Опять сюрпризец, уже третий за одну рыбалку! Судачок! Небольшой правда, всего граммов на четыреста. Но ведь – судак! В озере, да на червя ещё, судак впервые потешил меня! Эх, амура бы, толстолобика выловить, о которых говорил дядя... Ну, и вовсе размечтался...

Расклёвываться стало. За следующий час взял ещё одного судачка, двух карпиков, рака и семь карасей. Вот это рыбалка! Какая-то Кагульская баталия получается...

– Земляк, – доносится до меня. – Помогите резинку завести.

Вот те на. Это что же получается, придётся с якоря сниматься? С насиженного места... Потом на это же прикормленное место, без тычек, ни в жизнь не угодить... Я делаю вид, что меня это не касается, и просьба относится не ко мне. С берега опять

просьба, понастойчивее. Как будто с обидой даже. «Что, им – самим в воду залезть лень? – размышляю, раздражённо, – вот турки...» Хочешь – нет, а реагировать надо. Не у себя дома, не пошлешь подальше... Минут двадцать потерял рыбацкого клёвого времени, дважды заводить пришлось ту злополучную «резинку». Прежнего места уже не нашёл. Ветерок поднялся. Мотать меня в лодке начало из одной стороны в другую на голом месте. И спрятаться-то куда в затишок негде. Ну, и удилица – тоже. Какая тут рыбалка после этого? Хана рыбалке. Ну, и за то спасибо!

– Земляк, клюёт? – окликают меня мои новые знакомые с берега. – Плыви сюда, вина выпьем!

Пришлось выплывать. Отрыбачил на сегодня. Вина стакан предложенный выпил. Алычой закусил, что росла прямо тут же, над головой, косточку выплюнул. Алыча сладкая уже, спелая. Только ветки на деревце колючие, как на наших яблоньках-дичках. Зато плоды... Её я и не видел никогда прежде. Эта алыча – какая-то мутновато-салатового цвета, мясистая, и размером почти с жерделы. Только вкусом – сливовым. Пакет целый полиэтиленовый нарвал, взобравшись на деревце. Килограмма три, не меньше – дочке да Цурику гостинец.

...Ездили я дядей и за жерделами в тот приезд. Младшая наша, Настюша, и та ведёрко семилитровое полнёхонькое насобирала. Ну, и мы по парочке ведер, на каждого взрослого. Понасушили, почти мешок всяких сухофруктов получится. Были и на рыбалке ещё. С дядей ходили-ездили. Карасей с карпами ловили. Толстолобика с амуром так и не поймали...

-5-

Мне пятьдесят. Выросли дети. Уже и младшая наша на втором курсе академии учится. И старшая – устроила после окончания института себя по своему желанию. Уже и у неё престижная работа, сумела и квартиру себе, двушку, купить. Детей, правда, только нет пока.

И всё за это время изменилось до неузнаваемости.

Вернулись времена собственников, магнатов и олигархов, сросшихся с мафиозными группировками. Кто бы мог подумать!?! Ко всему прошлому, и ко мне в том числе, удачнее всего подходит приставка «экс». Разве что страсть моя к рыбалке осталась прежней.

Наши бессарабские родственники оказались – кто в ближнем, а кто уже и в дальнем зарубежье. По непонятным причинам, Молдова теперь приравнивается к дальнему зарубежью.

Дядя Толя уже почти три года, как покоится рядышком с сыном и матерью на кладбище города Вулканешты. И узнали-то мы об этом почти лишь через год. Какой там съездить, проводить в последний путь...

Я редко-редко получаю письма от незамужней сестры Тамары: из их мизерных пенсий на конверт зарубежный не сразу выкроишь денег из нищенского семейного бюджета. Стержень ручки шариковой купить – стало проблемой. В последнем письме сестра пишет, что надавили с матерью (тётей Наташей) 500 литров вина, только вот пить его стало уже некому. И продать – не так-то просто: у всех своего навалом, а чужаков там, вроде нас, сибиряков, поди – сыщи теперь! Про фрукты – уж и говорить нечего...

А мы-то с женою, выходит, побывали всё же за границей – в самостийной Украине и Молдове. Не за горами, глядишь, время, когда и Курилы, по крайней мере Шикотан, станет японским...

январь, 2001 г.

-6-

P. S.

Мне уже – под семьдесят...

Мы стали привыкать ко многому. Смирились с распадом СССР, с властью олигархов в нашей, богатейшей ресурсами, стране, которые достались исключительно им. «ГазПром», судя по рекламе, стал нашим «национальным достоянием», только литр бензина от него – у нас теперь стоит уже почти доллар, дороже, чем во многих странах, куда мы наше «национальное достояние» транжирно продаём. Всё, исключительно всё, у нас теперь – продаётся и покупается.

На Украине – уже пятый год, как власть к майдановским горлопанам перешла – от законно-избранного президента. Оголтелая толпа, подогреваемая националистами «Правого сектора», скача, как стадо быдла, скандирует: «Москаляку – на гиляку!» и «Кто не скачет – той москаль!» Степан Бандера – садист, убийца и военный преступник, – теперь там национальный герой. Как и националист Шухевич.

Сестра Тамара умерла и похоронена рядом с братиком, отцом и бабушкой. Младшей сестре нашей двоюродной, Раисе Анатольевне, с огромным трудом удалось продать в Вулканештах дом за абсолютный бесценник и перевезти мать в Москву. А в сентябре 2018 года тётке Наташе отметили уже 100 лет! Жива ещё, хотя со здоровьем – большие уже проблемы... Живут в Москве все вместе – с дочерью Натулей, у которой уже своя дочка Софийка в школу ходит, да взрослым сыном Александром, которого деда Толя звал Цуриком.

Наши дочери выросли. Настюша после окончания ВУЗа (поступала в институт, училась в академии, а диплом получала об окончании университета – всё того же, что и мы с женой – культуры) живёт в Питере, уже более десятка лет, снимая квартиру, но имея хорошую легковую автомашину-иномарку.

Старшая Ярослава вышла замуж. И у нас, наконец-то, появились любимые внуки – Николка и Алёна. Николка во втором классе учится, Алёна-артистка пойдёт в первый осенью. Живут в престижном посёлке-спутнике Лесная Поляна.

Мы с женой давно уже на заслуженной пенсии. Остались вдвоём в трёхкомнатной квартире. А с моим выходом на пенсию, стали ездить почти ежегодно за границу – исключительно зимой – в тропические страны Юго-восточной Азии – Таиланд, Вьетнам, китайский остров Хайнань и индийскую землю Гоа. Уже шесть раз побывали. Есть что с чем сравнить, и далеко не всегда в нашу пользу. Можно сказать, подсели на заграницу, копя деньжата из своей пенсии на ежегодную очередную поездку. Теперь съездить по турпутёвке туда стало для нас гораздо выгоднее и дешевле, чем в ту же Молдавию или на Украину. К тому же, на Украину – вообще, похоже, надолго нам путь заказан, после того, как Крым отошёл к России, а в Донбассе и Луганской области идут военные действия за самостоятельность и отделение от Украины... Краматорск и Славянск – в них мы с женой побывали дважды, когда ещё жили там её сёстры Раиса и Валя, – националисты заняли. А Вале не разрешили даже въезд на Украину, чтобы похоронить в Краматорске единственного сына Игоря...

И что из всего этого получится – пока неизвестно.

И все мы постоянно живём теперь в состоянии какого-то тревожного ожидания...

Я – уже восемнадцать лет, как являюсь членом Союза писателей России. У меня вышло более двух десятков книг, печатался в полудюжине коллективных сборников и хрестоматиях. Мои рассказы и очерки опубликованы в десяти толстых литературных журналах, в том числе – двух зарубежных (в Сан-Франциско и в Виннипеге).

Что осталось неизменным до сих пор, так это – страсть моя к рыбалке. Я и писать-то начал с рассказов о рыбалке. И, надеюсь, возможность рыбалки не исчезнет, пока не подведёт меня здоровье или не сделают все водоёмы платными и запретными. И такое вполне может случиться в нашей «демократической стране» – с заботливыми думскими «народными избранниками» и правительством, радеющем исключительно о «благе народном»...

Теперь уж я бы и не возражал дяде, когда он называл тупо-продажных рвачей, хапуг, мздоимцев и лицемерных чиновников по-библейски – исключительно фарисеями...

Кемерово, январь 2019 г.

К МАМЕ (Рассказ)

Лет шесть тому назад я возвращался в Кемерово из своей малой Родины – Пудино. Ездил на 80-летний юбилей нашей мамы, которая так и осталась, помыкавшись по городам и весям России, там, где и появилась на свет. Досталось нашей маме хлебнуть и испить в жизни – ой как немало, и чаще всего – напитков горьких да солёных. Четверых, считай, одна подняла на ноги, выучила и в люди вывела. Только поразлетелись мы все по разным местам, там и гнёзда свои посвивали, детей, её внуков, нарожали...

Видно, Бог за все мытарства и самопожертвования наградил её долголетием. Здоровьишко, правда, никудышное. Зато оптимизма и жизнелюбия – хватит на многих, в том числе и всех её детей, семерых внуков и (теперь уже) десятерых правнуков.

Непоседа наша мама, лишнего часа не полежит, нежась в постели. Поднимается едва ли не с солнышком. Встаёт обычно с головокружением: давление, что ни день, сюрпризы преподносит – то скаканёт за 170, то упадёт ниже 80. Приняв кучу таблеток, тяжело ступая больными ногами по скрипящим деревянным половицам, мама принимается за неотложные дела: прежде всего – непременно умыться и обиходить себя. Потом печь протопить сухими жаркими берёзовыми дровами, сварить кофейку (в зависимости от давления), завтрак горячий сгоношить, марафет навести в избе, отзвониться младшей дочери, живущей через два дома от неё. К обеду мама основательно оживает, а вечером – уже и до песен с топотушками дойти может, коли гости подвернутся. Для гостей у мамы завсегда двери не заперты.

А уж коли в клуб Пудинский пригласят (что в четырёх километрах от её родной деревни) – тут уж мама и вовсе, что prima в театре! Без её частушек и заводных песен ни одно мероприятие не обходится. Может под настроение и рюмочку-другую крепенького пропустить. Ещё и говаривает, дескать, если в клубе побывала на празднике, да домой вернулась без выигранного приза в каком конкурсе – зря и приходила туда. Любят и уважают её там за это...

Ни одну компанию не испортит своим присутствием наша мама, ни одно мероприятие. Случалось, и в профессорской среде за одним столом ей сиживать, и среди офицеров чинов немалых, и даже писателей...

После завтрака – смотря по сезону. Зимой – со снегом, если навалит, справиться. Боже упаси, если останется неубранным в ограде и не подметённым начисто с деревянных дорожек-тротуаров. В магазин деревенский прогуляться, к дочери с зятем наведаться. По субботам – непременно баньку истопить, что стоит в ограде, в пяти метрах от крашеного крыльечка. И тут пока сама себя ещё обслуживает, да и веничек ещё запарит свеженький – берёзовый с душицей. Вечером или в непогоду – телевизор, как теперь без него? Или книжки читает с журналами, что, обычно я ей привожу – свои и моих друзей-писателей. Знает и любит она стихи моих друзей: Лёни Гержидовича, Володи Иванова, Володи Ерёменко, Бориса Бурмистрова. По несколько раз уже принималась и за мою прозу, роман-сагу Сергея Павлова, повести и рассказы Любы Скорик, Александра Ярошука, Владимира Неуныва-хина, Миши Кривошеина, Владимира Переводчикова...

Про лето и говорить не стоит, работы всегда предостаточно. В огороде – соток пять картошки, в огородчике – зелень всякая. Лук с чесноком, едва ли не в кулак на грядках вырастают, ветки помидор ломаются от налившихся пурпурных и оранжевых плодов. Палисадник её дома с ранней весны и до белых мух яркими цветами изукрашен, как и все избяные подоконники. А про ягоды – и подавно: клубника-виктория, малина, смородина, ирга, облепиха, даже калина с рябиной... Мало того, ещё и в бор, через речку Чузик на лодке, если попутчики подвернутся, по чернику в сезон раза два-три выберется. А осенью – на болото, клюквы ведёрко-другое нашиньгать... Потом морсы, компоты с киселями варит; раздаёт эти ягоды с вареньями, самой-то куда ей столько?

Ну, и мы, дети, её не забываем. Младшая дочь Раиса с зятем Михаилом – каждый день по несколько раз навещают. Едва ли не по месяцу гостит, помогая с генеральной уборкой в квартире, обычно весной, другая дочь Татьяна, приезжая из Красноярска. И мы с братом Володиёй приезжаем, подправить-подлатать домишко – то изнутри, то снаружи...

Вот и на этот раз съехались все гамузом – на её юбилей. Даже трое внуков приезжали и две правнучки. Подарков, живых цветов посреди зимы надарили – только живи на радость нам.

Застолье в мамином доме из одних только самых близких родных – за один стол не усадить. Да человек десять друзей-подружек, которых год от года становится, к сожалению, всё меньше и меньше. Я, как обычно, на правах старшего, за тамаду.

Брат – снимает на видео и фото, пока до гармошки дело не дойдёт, он и тут мастак.

А маме и присесть особо некогда: то телефоны – звонки за звонками отовсюду: местные поздравляют, томичи, кемеровчане, новосибирцы, с Кубани и даже из Москвы и Питера; то на кухне суетится – как же без её указаний? То же и с сервировкой стола, да так, чтобы на нём и местечка свободного не оставалось...

К столу мама непременно принарядится в красивое и модное платье, лёгкий яркий шарфик на шею, наденет бусы из крупного натурального жемчуга, серьги; подрумянится, распушит в причёске свои редеющие, крашенные в каштановый цвет, волосы, пшикнет на себя дорогими духами...

Тосты-поздравления в адрес мамы сыплются, как в телевизионных передачах для юбиляров. Я непременно прочитаю свои новые вирши в её адрес, получив одобрительные аплодисменты, вроде этой:

*В год голодный, в сибирской России
Родилась ты весенней порой.
Нарекли тебя в честь Евдокии –
Старомодно, но всё же святой.
Дети с внуками, правнуки – стая,
Вереницею вслед за тобой.
Ты для всех нас – такая святая,
Что и в мыслях не держим другой!
Вот и восемьдесят подкатали!
Набежали, как в море волна.
Прочь печали! Про хвори забыли!
Ты – всегда оптимизма полна!*

Ну, и так далее, в этом же духе, с поздравлениями и пожеланиями...

А родилась мама и впрямь, на святую великомученицу Евдокию, 14 марта, уже здесь, в месте ссылки спецпереселенцев, в голодном 1932 году, двойней, с сестрёнкой Валею. И так-то хорошего было мало – привезли и высадили родителей, считай, на голу кочку. А тут и вовсе, через три года от цинги её мать умерла. Сестрёнку Валю и старшего брата Сашу оставили с отцом, а малолетнюю Дусю отдали в приёмьши, к дальним родственникам...

Говорим и об этом. Мама не может сдержать своих слёз, особенно когда я предлагаю помянуть её сестричку-близняшку, у той

ведь тоже в этот день – день рождения. Да, только видно, её Ангел-хранитель оказался не таким усердным, как у нашей мамы...

А далее – и мы, её дети, уже со своими детьми, споём что-нибудь хором из нами же переделанного, под гармошку брата, вроде этого:

*Редко, но навещаем
Уголок небольшой –
Где живёт наша мама,
Молодая душой.*

*Нежной, ласковой самой
Никогда не забыть:
Мама, милая мама,
Как тебя не любить!*

Ну, и далее, куплетов на шесть-семь...

День-два проскакивают почти незаметно в гомонливом окружении слетевшихся гостей (внуки аж из Красноярска, на своей машине приезжали). Мама всё это время, хотя и уставшая, но счастливая и радостная... Так и светится вся...

Первыми уезжают на своей машине по накатанной ещё зимней дороге красноярцы, мамины внуки – Алёша, Лена с Пашей и с правнучкой Машуткой.

Торопится и сестра Татьяна, боясь скорой распутицы. К тому же, она и приезжала сюда первая. А я с братом Володей, с утра по морозцу, часа по три занимаемся, то уборкой снега – с крыш и из палисадника, то переносим сухие дрова из одного дровника в другой, то складываем в высокие берёзовые поленницы – тяжеленные, сырые, из только что привезённых из лесу дров – на сушку...

А к обеду и после него – скорее на Чузик! К любимому с детства занятию – рыбалке! До нашего заповедного омута, куда впадает речушка Николка, от маминого дома всего-то минут семь ходьбы. Клёв на сей раз отменный! Клюют окушки, хотя и не очень крупные, но резво. Попадаются и ельцы с чебаками, про ершей уж и не говорю.

Только и Володе уже пора возвращаться на работу в Красноярск – дорабатывает в службе безопасности (после инженерных должностей, и немалых) до своей пенсии.

А я – тяну до последнего, до самого конца марта и начала распутицы. И не приведи Господи – попасть под неё. Дороги-то у нас – аховые! Точнее, стокилометровый участок – от Пудино и до самой Кёнги. Бывает, так размят его большегрузы, идущие на буровые и нефтегазовые месторождения, что окружили со всех сторон нашу малую Родину, без тягачей и не обойтись.

Дорогу эту строили ещё при Советах, когда только-только начали осваивать углеводородные месторождения в Томской области. Тогда же и новый вахтовый городок Кедровый рос, будто на опаре. Хватало денег и на то, и на другое. Два новых микрорайона из панельных пятиэтажек, на пять тысяч населения, отстроили в красивом месте – в сосновом бору с брусничником, в полутора десятках километров от Пудино, поближе к Томску.

На завершение строительства дороги до Кедрового, (а до него от Томска почти пятьсот вёрст), не хватило каких-то двух-трёх лет существования советской власти. И место – самое гиблое, рямно-болотистое. Вот и мыкаются теперь люди и машины с весны и по осень, застревая, порой в дороге суток по двое-трое. Деньги-то на косметический ремонт дороги из области выделяют исправно, ежегодно, по несколько миллионов. Да только уплывают они, как подлатанные гати в бездонное болото, неизвестно куда. Правда, в народе поговаривают, что на материке у сменяющихся едва ли не через два-три года мэров Кедрового, появляются новые благоустроенные квартиры, коттеджи и даже собственные клиники...

Сколько помню себя, сюда летали из областного Томска и районного центра Парабель (и до него – двести вёрст) самолёты, в основном – вечный труженик-тихоход Ан-2. Сюда и было-то, как в песне: «Только самолётом можно долететь». Потом недалеко от Кедрового построили новый аэропорт, с бетонным взлётно-посадочным полем, принимавший не только «кукурузники», но и самолёты посерьёзнее: Л-410, Ан-24 и Як-40. Однако с крушением Советов и с началом «строительства» «царства капитала», рухнула и малая авиация. Новый аэропорт сгорел (а, скорее, сожгли умышленно). Из-за отсутствия дороги рейсы автобусов из Томска сюда не положены.

На смену самолётам пришли «маршрутки» частников. В основном, вездеходы-уазики-таблетки, вмещающие в себя семь-восемь пассажиров. Только им и под силу одолевать непроходи-

мую нашу васюганско-нарымскую грязюку, особенно в распутицу. Вместо двух часов самолётного времени теперь до Томска по семь-восемь часов (в лучшем случае) добираться приходится.

... Дотянул я в этот раз с отъездом до последнего. Ещё день-два, и маршрутки вообще не пойдут на Томск. Тогда – хочешь-нет, а кукуй до середины мая, пока не просохнет дорога, если, правда, не повезёт договориться с вахтовым вертолётном.

Днями наша снежная деревенская дорога превращалась в водянистое месиво-тюрю, а на самой трассе большегрузы уже всю нарезали глубоченные глинистые колеи, под самые карданы. И лишь за ночь, к утру, ещё ненадолго примораживало. Вот и торопились проскочить по подмороженному маршрутки-уазики те самые сто километров гиблого болотистого отрезка пути.

Крайней точкой маршруток, уходящих на Томск (и даже Новосибирск, расстояние – примерно одинаковое) была наша Калиновка. Моя родня снарядила мне в дорогу тяжеленный баул-сумку, затарив домашними гостинцами. Оказавшись из Калиновки единственным пассажиром, я занял место рядом с водителем – самое удобное для моих саднящих в коленях ног. И очень радовался тому, что отъехали мы раненько, ещё около восьми часов утра.

Как мог, утешил маму, пустившую слезу расставания: что летом, дескать, непременно приедем с братом – перестроить покосившуюся веранду.

Километра через полтора, в Лушникове, в уазик подсели ещё парочка пассажиров, да столько же в Пудино. Наше северное солнце уже преизрядно оторвалось от мохнатого таёжно-лесистого горизонта. Его золотистые лучи бросались в атаку на осевшие черымыстые, но всё ещё ослепительно белые, остатки зимнего снега. Под колёсами маршрутки похрустывали замёрзшие за ночь ледяные комки, хрустальными брызгами разлетаясь в стороны. До Кедрового доехали минут за тридцать. И уже было видно, как местами вытяявшая за прежние солнечные дни и примороженная ночью, почерневшая земля, начинала покрываться смолянистой влажной коркой.

Мы тормознулись у конечной остановки в Кедровом. Курящие вышли подымить. Выбрался и я из кабины, дохнуть свежего воздуха и размять ноги, успевшие всё же слегка затечь. Солнце

золотило оранжевые стволы стройных сосен, плотно обнимавших панельные пятиэтажки второго микрорайона Кедрового.

Мои уши уловили ясные и отчётливые птичьи посвисты, переходящие с пощёлкиваний на короткие трели. «Неужто уже скворцы прилетели?» – удивился я. И, как доказательство, на одной из берёзок, затесавшейся между сосен, я увидел вестников весны – парочку скворцов. Их тёмные суетливые силуэты отливали сине-зелёным перламутром. От их беспечного поведения и посвистов мне стало как-то даже радостнее. И тут же почему-то я отчётливо представил маму – нет, не печально провожавшую, а всякий раз радостно-встречающую нас, с уже протопленной банькой и приготовленным столом, а на нём – и рюмашки для самодельной – с устатку и за проезд!

Стоянка наша затягивалась, кто-то из пассажиров, как обычно, не торопился. А без них, записавшихся на рейс предварительно, ехать было нельзя. Я нервно поглядывал на часы. Время убегало неумолимо быстро, а мы всё ещё никак не могли отъехать из Кедрового. Мне было куда торопиться: успеть бы на последний междугородний автобус, уходящий из Томска на Кемерово. К тому же, с каждой лишней минутой тот самый гиблый участок дороги становился для нас всё более труднопроходимым.

Подшли ещё двое опаздывающих. В салоне маршрутки оставалось всего одно незанятое место. Узик этот был явно неприспособлен для дальних перевозок людей. Откидные сидушки располагались в основном по бокам. Весь задний кузовной отсек был до отказа забит багажом. Посредине салона неудобно лежало запылённое (явно ещё с лета) запасное колесо, мешая пассажирам. Но куда было деваться и кому жаловаться?

К нашей машине резво подъехал «ментовский» узик, лихо крутанувшись и едва ли не зацепив маршрутку. Из него спешно выскочили двое полицейских – с лейтенантскими и сержантскими погонами. За ними последовала женщина, лет тридцати, о которых говорят – «не первой свежести».

Её малиновая куртка была нараспашку, бесстыже показывая грязно-засаленную бледно-дымчатую подкладку. Тёмного цвета брюки на коленках носили слабые следы известковых пятен. На непокрытой голове вразнобой топорщились пряди свалившихся волос. Лицо её было озабоченным, с явными признаками похмелья и бурно проведённой ночи. На губах местами ещё алела стёршаяся

помада. Обутые на скорую руку сапоги с облупившимися носками, не были даже до конца застёгнуты на молнии.

Оба полицейских и за ними женщина спешно подбежали к дверце маршрутки, отворили её на всю ширину. Заглянув внутрь, принялись сначала бегло, потом внимательнее осматривать пассажиров, вглядываясь в их лица. Этой же процедуре подвергся и я. Стало как-то не совсем уютно.

– Кого ищите? – недоуменно интересовались пассажиры.

– Кого надо, того и ищем, – хамовато отреагировал полицейский сержант.

– Нет, его здесь нету, – оценивающе, бросила полицейским женщина. – Он был в шапке... Ну, такой, норковой...

По салону среди пассажиров поползли слухи о том, что какой-то очередной хахаль из заезжих вахтовых буровиков-нефтяников, или командировочный украл у неё деньги и смылся.

– Да какие там деньги? – возражал пожилой мужчина, видимо, знавший дамочку. – Когда они у неё водились? И откуда им взяться?

– И пили-то, поди, на его же деньги...

– Шалава! – презрительно пригвоздила в определении дамочку женщина-пассажирка.

Побщавшись с полицейскими, водитель нашей маршрутки, что-то записал в свой блокнотик.

Так же быстро, как и подъехали, полицейские с женщиной уселись в машину, и полицейский уазик, прозванный в народе «мельтонкой», рыкнув, в вираже, рванулся дальше.

В нетерпении нервничать уже начинали и другие пассажиры: когда же отправимся, ну, сколько ещё можно ждать?

– Может, поедем уже? – настаивала пожилая женщина.

– А, может, тот, кого ждём, уже уехал с кем-нибудь, – высказывал предположение другой.

К машине спешно подбежал сухощавый мужчина, лет тридцати пяти.

– Ну, наконец-то... – едва ли не разом отреагировали пассажиры, рассевшиеся по местам.

Мужчина был одет в тёмно-синюю куртку на синтепоне и уже изрядно потрёпанную тёмно-коричневую норковую шапку. Весь его вид был явно чем-то озабоченным. Он сразу же направился к водителю, который в сторонке докуривал сигарету.

– Вы на Томск? – без лишних слов и приветствий обратился он к водителю.

– Да, на Томск? Как Ваша фамилия, – несколько замаявшись водитель глянул в свою бумажку-блокнотик, и запинаясь, не очень уверенно добавил: – Си-разит-кулов?

– Нет, – уклонился от прямого ответа мужчина. – Командировочный я. Нужно срочно уехать...

– Нет мест, – ответил водитель. – У нас все пассажиры по предварительной записи.

– Мне бы с вами...

– Уедите двенадцатичасовым, – отговаривался водитель. – На него обычно бывают свободные места.

– Нет, мне сейчас надо, – наседали на водителя мужчина.

– Да берите вы его, и поехали уже, – настаивала женщина. – Какая вам разница, кого везти и с кого брать деньги за проезд...

– Маму в больницу положили срочно на операцию... – жаловался водителю мужчина. – Возьмите, – канючил он.

Водитель, похоже, уже и впрямь готов был взять на рейс этого подвернувшегося пассажира, вместо того, с нерусской и труднопроизносимой фамилией Сиразиткулов. Он отщёлкнул в сторону окурков сигареты и собрался было уже садиться в водительское кресло.

И тут, запыхавшись, с тяжеленным рюкзаком за спиной, подбежал мужик, с явными признаками лица «кавказской национальности».

– Вы на Томск? Ждёте не меня? Я – Сиразиткулов...

– Где вас носило столько времени? – проявил своё недовольство водитель. – Все пассажиры уже давно на месте... Опаздываем уже с отъездом на полчаса лишних, а дорога – сами знаете... Всё, поехали...

– Ну, возьмите ещё и меня, – едва ли не хныча, умолял водителя мужчина в норковой шапке... К маме еду... В больнице она...

– Куда я вас возьму, на колесо, что ли? – отнекивался водитель.

– Да я и на колесе согласен, только бы к маме успеть, до операции...

– А, может, и вправду, пусть уж на колесо садится, потеснимся, – начали высказываться сердобольные пассажиры.

– К матери человек, в больницу...

– Ага, сейчас, возьму его на колесо, – ироничноотреагировал водила. И тут же начал набирать на своём мобильном номер, кому-то звоня.

– Может, диспетчеру? – высказал кто-то из пассажиров своё предположение. – Разрешение просит.

– Ну, да – диспетчеру. Как же... – возражали. – Ему томские гаишники такого диспетчера пропишут – мало не покажется... И какой это – командировочный? У него даже нет никакой сумки...

– Ну, когда поедет-то? – настаивали пассажиры. – Все уже на своих местах...

– Сейчас, сейчас. Одну минутку ещё... – отговаривался водила маршрутки.

В это время к нам снова подкатил ментовский уазик. Видно, им-то и звонил водитель нашей маршрутки. «Командировочный», просившийся в Томск, занервничал, даже сделал попытку убежать. Выскочившие из уазика полицейские догнали его, подвели к женщине, выглядывающей из дверцы «мельтонки».

– Этот?

– Он, он самый! – завопила женщина. – Это он украл мои деньги, да ещё и часики мои свистнул...

А мужчина в норковой шапке уже и не сопротивлялся, переходя в наступление, деланно удивляясь:

– Какие деньги? Какие часики? А на какие шиши мы гуляли с тобой?!

– Ладно, пошли, – прервали препирательства полицейские, – там разберёмся.

Задержанного посадили в «уазик». И мы наконец-то двинулись по направлению Томска.

– Ишь ты, надо же: придумал то чё... – сокрушалась женщина. – К маме, говорит, в больницу надо...

– Ага, говорит ещё: до операции успеть бы...

– Да, измелчал народец, – поддакивали, вынося безжалостный вердикт. – Ничего святого не осталось... Даже мать...

Мне было чем возразить.

Но я промолчал...

А к маме нашей мы так и продолжаем собираться ежегодно, то вместе, то поочередно. Иногда и по два раза в году. Вот и нынче были, отметили ей уже 86 лет...

Кемерово, 1-2 апреля 2018 г.

Красный Яр, 1959 г. Евдокия с детьми

Калининск, 1963 г.

Владимир и Степан Арнаутовы

Кемерово, 7 ноября 1970 г.

Кемерово, 1970 г.

Кемерово, 1970 г. В роли немецкого офицера

Вулканешты, июль 1971 г.

Болград, ВДВ, декабрь 1972 г.

Пудино, июль 1973 г.

Свадьба, сентябрь 1976 г.

Владичень. В гостях у деда Вани.

Вулканешты. За сбором жердел.

Куйтун, 1987 год. Евдокия с детьми и внуками

Вулканешты, июль 1990 г.

**Красный Яр, 1949 г. Арнаутова Прасковья Павловна
с сыновьями Анатолием и Степаном**

Калининский, 14 марта 2002 г.

**На 70-лети Е.А. Арнаутовой. С детьми, зятем Михаилом (слева)
и внучкой Натальей Голевыми**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	3
Виктор Арнаут . Мир тесен, или парадоксы совпадений.....	5
Владимир Арнаут . По жизненным ступеням (Воспоминания).....	77
Виктор Арнаут . Главы из автобиографического повествования « Не поле перейти... ».....	272
Во флотском бушлате, но в армейских сапогах.....	272
Ох, рано встаёт охрана... ..	281
Остановленные мгновения.....	289
Среди писателей.....	295
На Кагуле, в степях Буджака (Рассказ).....	314
К маме (Рассказ).....	346

**ББК 63.214(2Р=Рус)
А 84**

Литературно-художественное издание

**АРНАУТОВ ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ
АРНАУТОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ**

ПАРАЛЛЕЛИ
(Воспоминания, эссе, рассказы)

*Подписано в печать 12.02.2019 г.
Бумага офсетная 80 г/м²,
Печать цифровая.
Тираж 200 экз.*

**Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс».
650001, г. Кемерово, ул. Черемховская, 1^В**